МИРОВАЯ ВОЙНА 1914–18 И ГРЯДУЩИЕ ВОЙНЫ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ВВ 226
П 124

ВВ22б
П1242

М. ПАВЛОВИЧ

МИРОВАЯ ВОЙНА 1914 – 1918 И ГРЯДУЩИЕ ВОЙНЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД – 1925

ЛЕНГИЗ ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
ЛЕНИНГРАД, ДОМ КНИГИ, Проспект 25 Октября, 28. Тел. 132-44, 570-14.
МОСКВА, Тверская, 51. Тел. 3-92-07, 4-90-35.

М. ПАВЛОВИЧ (М. Вельтман)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ИМПЕРИАЛИЗМ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

Том I. Империализм.
Том II. Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего.
Том III. Борьба за Азию и Африку.
Том IV. Англо-Бурская война 1899—1901 г. Русско-Японская война. Война за Триполи. Борьба держав на Балканах. 1-я и 2-я Балканские войны. Румыния в мировой войне. Болгария в мировой войне. Сербия в мировой войне.
Том V. Мировая война 1914—1918 г.г. и грядущие войны.
Том VI. Итоги мировой войны. Брестский мир и условия экономического возрождения России.
Том VII. Франция накануне мировой войны. Смерть Жореса. Французский империализм.
Том VIII. С. С. С. Р. и великие державы (С. С. С. Р. и Франция, Англия, Америка, Япония).
Том IX. Восток. (Революционная Турция. Персия. Китай. Индия.)
Том X. Ленин, Зиновьев, Бухарин, Радек, Сталин, Троцкий об империализме в мировой политике.
Том XI. Различные статьи.
Том XII. Различные статьи.

М. ПАВЛОВИЧ (М. Вельтман)

МИРОВАЯ ВОЙНА 1914—1918 Г.Г.

И

ГРЯДУЩИЕ ВОЙНЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1925

К.
П
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008
ВВ226
П124г
Р
Институт В. И. Ленина
№ 740
Библиотека
33060
150929
150929
Государственное Издательство
типография
Печатный Двор
Ленинград
Гостинодворская 46
БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ
Спец. фонд
СФ
45553

Гиз № 10922. Ленинградский Гублит № 6468. 21½ л. Отп. 4.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемая вниманию читателя книга составилась из двух работ автора — «Интернационал смерти и разрушения» [1]) и «Милитаризм, маринизм и война 1914—1918 г.г.» [2]),—вышедших в 1918 г. и давно разошедшихся. Автор присоединил к этой основной части предлагаемого труда, посвященной вопросам, касающимся минувшей войны, специальную главу, характеризующую современные взаимоотношения между капиталистическими державами, угрожающие человечеству новой мировой войной, и затем обстоятельную статью, посвященную химической войне.

В других наших работах — «Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего» [3]), «Борьба за Азию и Африку» [4]), «Империализм» [5]) — мы остановились достаточно обстоятельно на основных факторах, вызвавших мировую войну.

В данном труде мы останавливаемся на военной индустрии, ее состоянии и роли до и в период мировой войны, равно как на росте милитаризма и маринизма за этот же период. В переживаемый нами момент, когда рост вооружений всех великих и малых империалистических держав далеко превосходит все, что мы видели в этой области накануне мировой войны, когда военная индустрия в странах большой и малой Антанты работает с такой интенсивностью, какой не знала довоенная эпоха «вооруженного мира», в высшей степени поучительно ознакомиться, как развивалась и какую роль играла в обострении международных отношений военная индустрия в период до 1914 — 1918 г.г., каким мощным фактором в ускорении вооруженного конфликта между соперничающими державами явился рост милитаризма и маринизма.

Само собой разумеется, что безумная гонка из-за новых и новых вооружений, которую мы наблюдали накануне мировой войны, являлась

---

[1]) М. П. Павлович (М. Вельтман), «Интернационал смерти и разрушения» (Военная индустрия в Англии, Франции и Германии). Книгоизд. «Коммунист». Москва, 1918 г., стр. 138.

[2]) М. П. Павлович (М. Вельтман), «Милитаризм, маринизм и война 1914 — 1918 г.г.» (Военные бюджеты и военные силы европейских государств накануне войны). Москва, 1917 г., стр. 124.

[3]) См Мих. Павлович, Сочинения, т. II.

[4]) Тоже, т. III.

[5]) Тоже, т. I.

симптомом и следствием нараставшего обострения отношений между империалистическими державами, но вместе с тем это следствие постепенно превращалось в могучий фактор, ускорявший взрыв войны. Рост милитаризма и маринизма, безумная гонка из-за вооружений имеет свою страшную логику и совсем непохожа на гонку жокеев на скачках. На этих скачках, когда всадник, мчащийся впереди, замечает, что позади идущий начинает его обгонять, он напрягает свои последние силы и старается сохранить дистанцию между своей лошадью и лошадью соперника, чтобы прибыть раньше к цели. В случае неудачи приходится подчиниться судьбе и потерять первый приз. В гонке вооружений дело всегда кончается роковым финалом: или идущий впереди оборачивается и стреляет в нагоняющего его соперника, или—наоборот—настигающий берет на себя инициативу к неожиданным нападениям, сбрасывает с лошади и калечит идущего впереди всадника и таким образом первым приходит к намеченной цели. Так, в войне 1914 года Германия, опередившая по организации и вооружению, быстроте мобилизации и т. д. своей армии Россию и Францию, которые начинают уже нагонять ее, первая бросается на своих соперников и, таким образом, своим нападением начинает мировую войну 1914 — 1918 г.г. Так, в начале 1904 г. Япония, которая, после захвата и укрепления царской Россией Порт-Артура и Далянвана, овладения Манчжурией, подступами к Корее и сосредоточения на Дальнем Востоке многочисленной и прекрасно вооруженной русской эскадры, начинает отставать от России по военной мощи на азиатском континенте, без всякого формального объявления открывает военные действия против России, неожиданным нападением выводит из строя три самых сильных судна русской Тихоокеанской эскадры — броненосцы «Цесаревич» и «Ретвизан» и крейсер «Палладу» — и, достигнув таким образом решительного превосходства на море, высаживает свои войска на материке.

Та не останавливающаяся гонка вооружений, которую мы наблюдаем с момента окончания мировой войны, являясь симптомом и следствием крайнего обострения отношений между капиталистическими державами, одновременно является грозным фактором приближающегося момента взрыва мировой войны.

Первая часть нашего труда посвящена мало разработанному в европейской литературе вопросу, именно военной индустрии, при чем автор ограничивает свое исследование тремя странами: Англией, Германией и Францией; Англией, создавшей первоклассную военную индустрию в области морского дела, сооружающую самые мощные военные суда, дредноты и супер-дредноты; Германией, создавшей крупнейшую военную индустрию, главным образом в области фабрикации артиллерии тяжелого и среднего калибра, и, наконец, Францией, старейшей страной по развитию военной индустрии, знаменитые заводы которой играли крупную роль в военной истории Франции уже в эпоху Великой Революции, затем в Крымскую кампанию и т. д., — страной, специализировавшейся накануне войны в области оружейной промышленности и преимуще-

ственно в фабрикации орудий полевой артиллерии (знаменитая пушка 75 *мм.*).

В своей речи в Совете республики 17 сентября 1917 г. — речи, явившейся первым официальным изложением точки зрения Временного Правительства по вопросам внешней политики,—бывший министр иностранных дел Терещенко подчеркнул, между прочим, «что Германия из всех воюющих стран одна имела промышленность, приспособленную к военным целям, и широко развитую гражданскую промышленность». Трудно понять, что хотел сказать этим утверждением бывший министр. Во всяком случае. Франция накануне войны имела очень развитую военную индустрию, конкурировавшую во многих отраслях, например, в фабрикации легкой полевой артиллерии, взрывчатых веществ, аэропланов и т. д., с германской промышленностью. Равным образом, английская военная индустрия занимала видное место в мирное время на поприще борьбы за мировой рынок в деле снабжения армий и флотов различных государств всеми разрушительными орудиями, Англия успешно конкурировала с Германией не только в производстве дреднотов, супер-дреднотов и других морских чудовищ, в каковой отрасли английская военная индустрия занимала первое место, но и в производстве некоторых родов тяжелой артиллерии (из хромо-никелевой стали), легкой (пушки Максима), револьверов, ружей и т. д. Одним словом, не только немецкая военная индустрия, но также английская и французская представляли накануне войны мощные хозяйственные организмы, которые, благодаря колоссальным капиталам, находившимся в их распоряжении, характеру своей организации (высшая степень трестирования и синдицирования) и т. д., играли доминирующую роль как во внутренней, так и во внешней политике своей страны.

Интересующихся вопросом о русской военной индустрии отсылаем, кроме капитального труда Н. И. Дмитриева и В. В. Колпычева (см. ниже), к прекрасной работе А. А. Маниковского, «Боевое снабжение русской армии в войну 1914 — 1918 г.г.» (часть I, стр. 123, Москва, 1920; часть II, стр. 181, Москва, 1922; издание Высш. Военн. Рев. Совета).

Вторая часть нашей книги посвящена развитию милитаризма и маринизма и росту бюджетов на военно-сухопутные и морские вооружения европейских государств накануне мировой войны.

Вопрос о политике вооруженного мира накануне войны, о всеобщей милитаризации бюджетов и росте налогового бремени, падавшего на народные массы, настолько важен, что ни один серьезный исследователь, поставивший своей задачей изучение причин мировой войны и условий, благоприятствовавших катастрофе, разразившейся над Европой в 1914 г., не сумеет его обойти.

В течение последних десятилетий минувшего века, а в особенности с наступлением XX столетия, военные расходы во всех европейских госу-

дарствах растут со сказочной быстротой. Все государства одно за другим втягиваются в какой-то заколдованный круг, в котором одно звено связано с другим и где расходы одного государства немедленно же вызывают соответствующее финансовое напряжение в целом ряде других государств. Страшная работа бесконечного винта не останавливается ни на одну минуту, с демонической, непоборимой силой вовлекая всю Европу, затем Америку, Австралию, Японию, в бешеную гонку из-за новых сухопутных и морских сооружений. Этот безумный танец миллиардов начинает порой казаться наблюдателю игрой его собственного разгоряченного воображения. Однако, эта сарабанда—не плод больной фантазии: цифры, иронические, жестокие, беспощадные, стоят перед глазами и говорят о той страшной работе бесконечного винта, который фатально вовлекал одно государство за другим в пропасть разорения и, в конечном счете, привел их к страшной войне 1914 — 1918 г.г.

Третья часть нашей книги, касающаяся современных событий, посвящена вопросу о грядущих войнах, выяснению тех основных факторов, которые толкают весь капиталистический мир к новым империалистическим и национальным войнам.

Четвертая часть нашей книги касается вопроса о химической войне и химической промышленности. В этой части автор останавливается не столько на описании форм и характера будущей химической войны,—вопросе, с достаточной обстоятельностью освещенном в нашей литературе,—сколько на установлении связи между военной и мирной химической промышленностью и на характеристике новых проявлений империализма и борьбы за мировую гегемонию, нашедших свое выражение хотя бы в неудавшихся попытках Англии, Франции, отчасти Америки, захватить первенство, монополию в химической промышленности в свои руки. Борьба за «химическую» гегемонию тесно связана с борьбой за уголь, железо, нефть, и вот почему вопрос о химической промышленности и химической войне приобретает громадное значение для уяснения тенденций империализма в переживаемую нами эпоху. И именно для борьбы с империализмом капиталистических держав, для отражения всякого рода возможных попыток со стороны международных хищников взорвать Советскую власть и превратить С.С.С.Р. в колонию, нам необходимо развить собственную химическую промышленность и оказать всевозможное содействие «Доброхиму» в его задачах усилить в военном и экономическом отношении С.С.С.Р. Рабоче-крестьянская республика является страной, которая в силу своих природных условий и естественных богатств поставлена в особенно благоприятные условия для создания мощной химической промышленности.

Мих. Павлович.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИНТЕРНАЦИОНАЛ СМЕРТИ И РАЗРУШЕНИЯ

(Военная промышленность в Англии, Франции и Германии до и во время войны)

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Военная индустрия в Англии.

1. Частная, казенная и военная индустрия. Роль военной индустрии во внешней политике современных государств.

Вопрос о развитии военной индустрии в важнейших европейских странах, характере ее организации, о борьбе этой индустрии за внутренний и внешний рынки, — крайне важен для понимания и внешней, и внутренней политики современных государств. К сожалению, этот вопрос до последнего времени совершенно не изучался. Пересмотрите наиболее серьезные и капитальные произведения по внешней и внутренней политике современных государств, появившиеся до последнего времени, откройте даже специальные труды, посвященные промышленности данной страны, — вы найдете в этих работах интересные страницы и порой целые главы о мануфактурных фабриках, о химических заводах, о сельском хозяйстве, вы увидите многочисленные таблицы о потреблении и вывозе шелка, сахара, земледельческих орудий, вина, хлеба, но тщетны будут ваши попытки найти во всех этих, иногда очень объемистых трудах какие-либо интересные сведения о развитии и значении в экономике данной страны специально военной индустрии. Так, известный французский писатель Левассер посвятил военной индустрии всего одну страницу из 968 страниц своего капитального труда: «Questions ouvrières et industrielles en France sous la troisième république» [1]). Другие экономисты, — английские, французские, немецкие, — и этого не делают. О наших русских ученых говорить тем более не приходится. Нужны были сенсационные разоблачения Либкнехта в германском рейхстаге (апрель 1913 г.) и крупповские процессы (июль, октябрь того же года), затем русский скандал Крезо (Шнейдер)-Виккерс из-за Путиловских и Царицынских заводов (январь, февраль 1914 г.), чтобы общественное мнение и публицисты заинтересовались вопросом о военной индустрии. Однако, всего двенадцать лет перед тем процесс Томпсона, о котором мы скажем несколько слов ниже, прошел совершенно незамеченным и буквально не обратил на себя никакого внимания, между тем как накануне войны подобный процесс вызвал бы сенсацию во всем мире.

Несомненно, недалеко время, когда международная литература обогатится многими обстоятельными работами о военной индустрии, ее роли

[1]) «Рабочий и промышленный вопросы во Франции при Третьей Республике».

в народном хозяйстве данной страны, во внешнем товарообороте и внешней политике. Пока же тому, кто желает найти какие-либо сведения об этой индустрии, приходится знакомиться со многими томами парламентских отчетов, с бюджетными докладами об армии и флоте, и отыскивать, пересматривая эти документы, разбросанные здесь и там отрывочные данные о состоянии этой индустрии в той или другой стране. Некоторые из этих докладов,—как, например, доклад известного французского депутата Пенлеве о морском бюджете на 1912 г., отчеты английских «бюджетных комиссий» за последние годы — содержат уже много любопытных сведений по интересующему нас вопросу, и можно быть уверенным, что некоторые парламентские деятели, располагая наиболее обстоятельными и порой совершенно недоступными частным лицам документами, соберут скоро обширный материал, который значительно облегчит дело изучения рассматриваемого нами вопроса. Накануне войны данный вопрос с особым усердием изучался именно в Англии, где движение против милитаризма росло с особой силой. Правда, пока и здесь нет еще специальных и обстоятельных работ, посвященных военной индустрии, но имелись уже серии прекрасных, основанных на изучении строго проверенного материала, газетных и журнальных статей и отдельных монографий, которые дают возможность составить себе представление о степени развития английской военной индустрии, об ее эволюции в течение последних двух десятилетий, наконец, о ее характере и основных чертах [1]).

Между тем, вопрос о формах развития, тенденциях и роли военной индустрии в современном национальном хозяйстве, во внешней политике первоклассных государств — крайне важен уже потому, что с военной

[1]) Так, в Англии в 1913 году издающаяся одновременно в Манчестере и Лондоне газета «Дейли Ньюс энд Лидер» (май 20—29) опубликовала серию статей за подписью P. W. W. о военной индустрии, обративших на себя внимание в Англии. Английская пресса отнеслась с вниманием и к статьям Уолтон Ньюбольда, печатавшимся в газете «Лэбор Лидер» под заглавием «Разоблаченный трест вооружений» и вышедшим затем отдельным изданием. Тот же вопрос обстоятельно толкуется в докладе, прочитанном Гербертом Перрисом на Национальном пацифистском конгрессе в Лидсе 11 июня 1913 г. Этот доклад вышел также отдельным изданием: «Военные фабриканты» (The War Traders, an Exposure by George Herbert Perris). См. еще парламентские отчеты, военные и морские ежегодники, статьи в финансовом отделе «Тан», в журнале «Экономист» («Философия войны», «Философия вооружений») и, наконец, малоизвестный но капитальный труд русских инженеров Н. Н. Дмитриева и В. В. Колпычева: «Судостроительные заводы и судостроение в России и заграницей» (с 343 чертежами и снимками. СПБ. Типография Морского Министерства. 1909, стр. 1030). Последняя книга, представляющая плод четырехлетнего кабинетного труда и личных посещений одним из авторов большей части описываемых им верфей и заводов, прошла совершенно незамеченной в России. Только «Новое Время», правда, несколько поздно, именно в 1911 г. (11 — VII), посвятило статью этой монументальной работе. Между тем, книга эта, хотя и очень специальная по содержанию, представляет собой пока уникум в русской литературе и едва ли имеет что-нибудь соответствующее в западноевропейской. Книги этой уже давно нет в продаже. Она была почти вся скуплена морским министерством.

индустрией теснейшим образом связаны милитаризм и маринизм. Не подлежит никакому сомнению, что без подстрекательств со стороны металлургических и пушечных королей и находившейся у них на откупу, в их услужении, желтой прессы, безумная лихорадка вооружений, истощившая все экономические и финансовые силы государств накануне катастрофы 1914 — 1918 г.г. и крайне обострявшая международные отношения, не приняла бы тех острых и опасных форм, в какие «политика вооруженного мира» облеклась в годы, предшествовавшие катаклизму, о котором какой-то английский священник сказал: «После потопа я не знаю другого всемирно-исторического события, столь же грандиозного по своим размерам и чреватого последствиями, как нынешняя война».

Милитаризм самым фактом своего существования и непрерывного роста становился одной из важнейших причин обострения международных отношений. Это явление так резко бросается в глаза всем тем, кто более или менее внимательно следит за международными отношениями, что не только социалисты и буржуазные пацифисты, но и многие консервативные государственные деятели в публичных речах и в своих литературных произведениях подчеркивают опасность, которой грозит Европе безостановочный рост вооружений. Вот что говорил о значении милитаризма такой компетентный государственный деятель старого режима, как бывший глава русского правительства гр. С. Ю. Витте:

«Заставляя государство постоянно готовиться к войне, искусственно создавать и увеличивать класс людей, в ней заинтересованных, милитаризм усиливает вероятность и возможность войны» [1]).

Само собой разумеется, что эта, крайне опасная с точки зрения сохранения мира, сторона милитаризма, которую подчеркивал гр. Витте в 1902 г., крайне обострилась с течением времени и уже сама по себе предвещала накануне последней войны вероятность кровавого конфликта между европейскими государствами в самом близком времени.

Насколько военные фирмы боялись торжества пацифистских идей и улучшения международных отношений, видно из поразительно откровенной речи, которую однажды произнес лорд Рибльсдаль, один из четырех руководителей английского треста вооружений [2]). Вот что говорил этот крупный политический деятель и важнейший акционер нобелевского динамитного синдиката в мае 1913 г.:

«Круг нашей деятельности постоянно разрастается, и это потому, что военная опасность предъявляет нам все бóльшие и бóльшие требования. Недавние события на юго-востоке Европы дают нам основание думать, что нам нечего опасаться в ближайшем будущем наступления всеобщего разоружения» [3]).

[1]) С. Ю. Витте. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900 — 1902 г.г.

[2]) Политическими руководителями английского треста вооружений являлись накануне мировой войны четыре барона: лорд Эберконвей, лорд Кленконнер (Clenconner), лорд Пирри, лорд Рибльсдаль (Ribblesdale).

[3]) «Таймс», март 31, 1913.

Военная индустрия сделалась фактором огромной важности во внутренней и внешней жизни современных государств. Милитаризм из орудия осуществления определенных классовых задач буржуазии превратился постепенно в самоцель. В течение последнего двадцатипятилетия металлургическая и военная индустрия с каждым днем все более и более подчиняли своим интересам интересы других важнейших отраслей национальной промышленности и все решительнее и успешнее диктовали свою волю правительствам. «Первоклассные правительства, вступая в переговоры с теми или другими странами по вопросу о финансовой или дипломатической поддержке, — писали мы накануне войны, — прежде всего требуют в качестве вознаграждения за свои услуги предоставления им тех или других железнодорожных концессий и передачи им заказов на броненосцы, крейсера, миноноски, пушки, пулеметы и другие «фабрикаты» военной индустрии».

И мы видели накануне войны поразительные факты, как, например, правительство республиканской Франции в интересах кучки пушечных и судостроительных заводчиков не только старалось вооружить с ног до головы какую-нибудь Турцию, находившуюся под явным влиянием Германии, в сфере гегемонии последней, но и доставляло все нужные средства Оттоманской империи для покупки орудий или снарядов у французских же фабрикантов.

В вознаграждение за получение заказов на доставку шести контрминоносцев и громадного количества снарядов к орудиям 75 и 125 миллиметров, и, главным образом, за предоставление Франции концессий на сооружение железных дорог в турецкой Армении, — дорог, которые, по отзывам французских же специалистов, никакого значения для Франции в торгово-промышленном отношении не представляют и важны лишь потому, что дают возможность французской металлургической индустрии сбыть тысячи пудов рельсов, — Франция в апреле 1914 года подписывает договор с оттоманским правительством о реализации в Париже оттоманского займа в 800 миллионов франков, соглашается на увеличение таможенных пошлин Турцией на 4%, а также на введение налогов или монополий на сахар, спирт, гильзы, керосин, игральные карты и пр. Кроме того, Франция не возражает против упразднения иностранных и в том числе французских почт в Турции.

Ясно, что для целого ряда важнейших отраслей французской промышленности означенный договор оказывается крайне невыгодным; зато, как восторженно писала «Л'Ази Франсез» в августе 1913 г., «получение концессий на сооружение железных дорог в турецкой Армении явится крайне выгодным делом для наших металлургических заводов, которые получат новые заказы, и вообще для наших строителей железных дорог. Ведь тут речь идет о рельсовых путях, которые будут стоить крайне дорого, ибо их придется прокладывать в горной местности, где в некоторых пунктах прокладка одного километра обойдется в 800.000 франков».

В данном случае мы присутствуем при зрелище, как милитаризм в своем развитии доходит до абсурда. Снабжается не только оружием, но и крупными денежными средствами страна, которая завтра же сделается врагом Франции и которая, в конце концов, начинает войну с последней, — страна, о полном подчинении которой германскому влиянию трубит вся французская пресса в течение нескольких лет под ряд накануне войны.

История турецкого займа, реализованного в Париже в апреле 1914 г., т.-е. за три месяца до великой европейской войны, крайне характерна и в том отношении, что этот заем пошел на пользу немецким банкам. Дело в том, что перед реализацией этого займа во Франции турецкий министр финансов Джавид-бей получил в расчете на этот заем 75 милл. франков авансом от берлинских банкиров. Эта сумма — и это условие было выговорено в договоре о займе — была немедленно уплачена немцам из миллионов, полученных во Франции [1]). Таким образом, турецкий заем, заключенный на Парижской бирже в апреле 1914 г., не только усилил военную мощь Оттоманской империи, будущего врага Франции, но и доставил германским банкам новые средства для финансовой мобилизации, так успешно проведенной в Германии в начале войны.

Но не только Франция действовала таким образом по отношению к своим будущим врагам. Вот что автор в другой статье писал за два месяца до войны об английской фирме Хенри Уайтхед (Torpedo Makers):

«Австро-Венгрия является вторым союзником Германии, и притом союзником более верным духу и букве оборонительно-наступательного союза, соединяющего эти три страны, чем Италия. И что же оказывается? Упомянутая выше английская фирма Хенри Уайтхед, изготовляющая лучшие в мире самодвижущиеся мины и находящаяся фактически в руках Армстронга и Виккерса, имеет всего два завода. Один из них, что вполне естественно, находится в Англии, в Веймуте, а другой — в австро-венгерском Фиуме. Если мы прибавим к этому, что миноноски и миноносцы для австрийского флота сооружаются английской фирмой Варрой с ограниченной ответственностью, мы увидим, с каким усердием английская военная индустрия стремится создать на Средиземном море враждебную силу, которая, в случае конфликта, поставит своей задачей пустить ко дну чудовищные английские супер-дредноты, и если достигнет этой цели, то будет обязана своим успехом разрушительной силе английских же самодвижущихся мин» [2]).

Эти строки, написанные в мае 1914 г., подтвердились событиями войны, начавшейся через несколько месяцев после этих предсказаний, хотя сам автор этих строк, принимая свои желания за действительность, отгонял от себя самое мысль о возможности всеевропейской войны со всеми неизбежно связанными с ней ужасами.

---

[1]) Georges Lachapelle, «Nos finances pendant la guerre», стр. 87. Париж, 1915 (Жорж Ляшапель, Наши финансы во время войны).

[2]) См. мою статью: «Интернациональные провокаторы милитаризма». «Северные Записки», май 1914 г., стр. 126 — 127.

Фиуме, укрепленный в значительной мере с помощью английских военных заводов, сыграл роль неприступного опорного пункта для австро-венгерского флота в борьбе с английскими же эскадрами и свел в этих водах к нулю значение всех английских супер-дреднотов, боявшихся подойти близко к австрийским берегам из страха перед неприятельскими подводными лодками, вооруженными прекрасными самодвижущимися минами английской фирмы Хенри Уайтхед. Более того, австрийские подводные лодки сами отправлялись на охоту за английскими, французскими, итальянскими военными судами и транспортами и, как хорошо известно, потопили с помощью самодвижущихся мин той же английской фирмы не мало судов, в том числе прекрасный французский броненосный крейсер «Леон Гамбетта» в 12.000 тонн с экипажем в 600 человек, два итальянских бронированных крейсера «Амалфи» и «Джузеппе Гарибальди» с экипажем на обоих судах в 900 человек, пошедших ко дну. и т. д. [1]).

Долгое время в Англии, как и в других странах, военная индустрия находилась в руках государства и сосредоточивалась на казенных заводах, в арсеналах и в адмиралтействах. Но по мере развития капитализма частная индустрия начала постепенно захватывать в свои руки священное и прибыльное дело вооружения нации. Этот процесс захвата дела национальной обороны частными военно-судостроительными и орудийными заводами начал развиваться с поразительной быстротой в течение последних двадцати лет. Можно сказать без преувеличения, что частная военная индустрия представляет собой хозяйственное новообразование, возникшее на «наших глазах», и тем не менее эта частная индустрия начинает постепенно отодвигать на задний план казенные заводы и монополизировать в своих руках дело военной обороны государства, так что в некоторых странах на ее долю уже теперь приходится 70 — 80% всех военных заказов, получаемых от правительства. Даже в сравнительно отсталой и бедной капиталами России создаются накануне мировой войны грандиозные судостроительные заводы частных обществ на Черноморском и Балтийском побережьях, основывается при помощи Виккерса огромный артиллерийский завод в Царицыне, преобразуется при помощи Шнейдера Путиловский завод в Ленинграде.

Капиталы, вложенные в английскую частную военную индустрию, определялись накануне войны в 71 миллион фунтов стерл., т.-е. приблизительно 700.000.000 рублей. В одном 1913 г. частная английская индустрия получила заказов на сооружение новых военных судов для английского флота более чем на 12 милл. фунтов стерл. (около 120 милл. руб.). Кроме того, были получены громадные заказы из-за границы. Военная индустрия приносила большие барыши ее организаторам и вообще акционерам. Так, дивиденды знаменитой фирмы Армстронга равнялись

[1]) Помимо военных судов, австрийские подводные лодки потопили с помощью английских самодвижущихся мин не малое количество английских, французских и преимущественно итальянских торговых судов, как, например, «Литимаро» и т. д.

в 1912 г. 12½% на капитал; начиная с 1900 г., т.-е. приблизительно с того момента, как в Англии начала утверждаться мысль о неизбежности, неустранимости англо-германской войны, дивиденды фирмы Армстронга никогда не падали ниже 10%. Пять или шесть раз дивиденды поднимались до 15%. Средние дивиденды за последние десять лет накануне войны равнялись около 14,5%; в 1904 г. дивиденд поднялся до 22%, в 1907 г. — до 17%. Одним словом, финансовое положение заводов Армстронга было более чем блестяще. Равным образом из отчетов фирмы Виккерса за 1913 г. явствует, что средние дивиденды этой компании за последние пять лет равнялись 10%. Фирма Каммель, Лэрд и К° распределяла в течение последних 9 лет в среднем дивиденды немногим более 12%.

Борьба с частной индустрией становилась уже во всей Европе и Америке не под-силу казенным заводам. Даже в Англии, где имеется десять богато оборудованных адмиралтейств, около ⅚ морских сооружений было произведено в 1913 г. частными фирмами.

Казенные заводы вынуждены порой расширять свою программу, браться за новые работы только для того, чтобы постоянные мастеровые не остались без работы.

Частные английские заводы были оборудованы с громадной затратой капитала, по последнему слову техники, с применением в широких размерах всевозможных кранов, электродвигателей и пневматики. Ручная работа, например: клепка, рубка, чеканка, сохранившаяся до сих пор во многих казенных предприятиях, на большинстве первоклассных частных заводов уже не применялась. Понятно, что техническое оборудование и организация таких заводов по последнему слову науки сделались возможными только благодаря содействию со стороны банков и тысяч отдельных акционеров, увидевших в приложении своих капиталов к сооружению дреднотов, супер-дреднотов, крейсеров и т. д. крайне выгодное дело. Акционерный капитал общества, работающего под фирмой Виккерс сын и Максим, равнявшийся в 1863 г. 1.550.000 рублей, возрос в 1907 г. до 62.000.000 рублей, а через пять лет, в 1912 г., поднялся до колоссальной суммы 85.000.000 рублей. Акционерный капитал фирмы Армстронг, Витворт и К°, равнявшийся в 1907 г. 70.000.000 рублей, поднялся в 1912 до 95.000.000 рублей. Накануне войны в Англии числилось семь важнейших военных фирм, располагающих каждая капиталом более чем в миллион фунтов стерлингов. Фирмы эти следующие:

1)	Армстронг, Витворт и К°, Нью Кастель	95.000.000 р.
2)	Виккерс, Максим и К°	85.000.000 »
3)	Каммэль, Лэрд и К°	40.700.000 »
4)	Виллиам Бирдмор, Дальмуир	37.000.000 »
5)	Джон Броун, Клайдбанк	35.000.000 »
6)	Динамитный трест Нобеля	32.850.000 »
7)	Артиллерийские заводы в Ковентри	14.000.000 »
		339.550.000 р.

Таким образом, акционерный капитал семи важнейших английских военных фирм равнялся 339.550.000 рублей. Стало быть, эти семь фирм номинально концентрировали в своих руках около 49% всего акционерного капитала, вложенного во все частные заводы Англии. В действительности же, как увидим дальше, их доля участия в военной индустрии была значительно выше.

Переход военной индустрии в руки частных акционерных обществ имел громадное значение в эволюции милитаризма. Эта трансформация дала сильнейший толчок развитию военной техники, вызвала непрерывные перевооружения, — ибо казенные заводы были малоподвижны по части изобретательности, да и не заинтересованы, особенно в новых усовершенствованиях, — и, в конечном счете, сыграла не малую роль в той милитаризации бюджетов, которая составляет основную черту нынешнего периода вооруженного мира и величайшее зло современного социального порядка. За частными заводами должны были волей-неволей потянуться и казенные, и таким образом последним пришлось периодически затрачивать громадные капиталы на новое и новое оборудование своих мастерских и на реорганизацию дела. Но само собой разумеется, что казенным заводам, даже в Англии, где имеется столько блестящих инженеров, образцово знающих свое дело рабочих, не было возможности угнаться за заводами частными. Так, когда в 1907 г. английское правительство объявило конкурс на постройку броненосцев типа Сэнт Винсент (19.250 тонн), казенное адмиралтейство в Портсмуте запросило за постройку броненосца полностью, но без брони и артиллерийского вооружения, 7.240.000 рублей, между тем как фирма Виккерса взялась выполнить тот же заказ за 6.280.000 р., т.-е. почти на 1.000.000 рублей дешевле казенного конкурента. Помимо того, что казенные заводы берут дороже частных, первые работают медленнее вторых. Как рассказывает инженер Дмитриев в своей упомянутой книге (см. стр. 746), в 1907 г. оба казенные адмиралтейства, в Портсмуте и Девонпорте, зная, что им предстоит заказ на постройку броненосцев, сделали все возможное, чтобы побить рекорд скорости постройки, заготовили множество полуобработанного материала и рабочие чертежи, и, хотя они действительно получили заказ на 4 месяца раньше, чем Виккерс, последний успел догнать адмиралтейскую постройку. Судно простояло 10 месяцев на стапеле у Виккерса и 14 — 15 месяцев — на казенном заводе.

Таким образом, неудивительно, если накануне войны многие начинают официально признавать, что государственная военная индустрия имеет смысл лишь в той степени, в какой она удачно выполняет свою новую роль, навязанную ей развитием военной техники и всем характером современной экономической эволюции, именно—роль регулятора цен, устанавливаемых частной индустрией. Если бы не существовало к а з е н н ы х военных заводов, — говорят их защитники, — консорциумы и тресты военных фабрик могли бы диктовать свои условия правительствам и брать баснословные цены за свои броненосцы и супер-

дредноты. Французские депутаты Люсьен Юбер, Жорж Кошери, сенатор Ваддингтон и многие другие в своих докладах по военному бюджету именно с этой точки зрения оправдывают необходимость новых заводов [1]). Мы знаем, например, что английская фирма Армстронга долгое время брала за некоторые свои специальности, например, гидравлические башенные установки для орудий большого калибра, цены, совершенно не соответствующие стоимости производства, ибо она не имела конкурентов в этой области.

2. Проект монополизации военной индустрии в руках государства.

Мы остановили свое внимание на противопоставлении частной и казенной военной индустрии, ибо накануне мировой войны некоторые пацифисты, в качестве решительного средства борьбы с милитаризацией бюджета, гигантским ростом военных расходов, под бременем которых стонут народные массы во всех странах, как наиболее передовых, так и наиболее отсталых, выдвигали проект устранения частных фирм от всех военных заказов и передачи дела организации обороны страны исключительно в руки казенных заводов. Сокращение вооружений, — говорили сторонники этого мнения, — сделается возможным лишь в том случае, когда постройка броненосцев и пушек и производство военного оружия и пороха перестанет быть делом частной наживы и работой колоссальных трестов, а сделается исключительной монополией государства. С таким проектом выступил, например, профессор Луйо Брентано в пасхальном номере «Нейе Фрейе Прессе» за 1914 г. Брентано доказывал, что при нынешнем положении вещей, когда милитаризм создал громадную промышленность, последняя заинтересована в ухудшении международных отношений. Виккерсы, Шнейдеры, Армстронги и другие орудийные и судостроительные заводы нуждаются в заказчиках. С злоупотреблениями корыстных и эгоистических заводчиков, — говорит Брентано, — можно бороться лишь одним путем: передачей вооружений государству, которое не может быть заинтересовано в провоцировании конфликтов. Если Германия,—говорил Брентано, — уже теперь запрещает вывоз за границу цеппелинов, то почему этот запрет не распространяется на пушки и броненосные плиты? Монополизация вооружений, по мнению Брентано, явилась бы серьезным фактором пацифизма. Осуществление этого проекта сблизило бы народы более, чем все конгрессы мира и банкеты.

Однако, ясно, что указанный проект утопичен. Невозможно повернуть колесо истории, невозможно сохранить капиталистический строй и в то же время одним росчерком пера уничтожить частную индустрию, в которую вложены миллиарды рублей и которая является хозяйствен-

[1]) См., между прочим, Rapport, fait au nom de la commission du budget général de l'exercice 1912, Ministère de la guerre, par Lucien Hubert, député. Annexe—1242 bis (Доклад бюджетной комиссии по военным делам). См. также доклад сенатора Ваддингтона о военном бюджете на 1911 г.

ным новообразованием, органически связанным со всей эволюцией последних десятилетий, со всем современным государственным и социальным порядком. Самые могучие финансовые учреждения современной эпохи, целые отрасли промышленности, как, например, металлургическая, которая играет доминирующую роль в экономике многих стран, кровными узами связаны с частной военной индустрией, и ясно, что ни у одного буржуазного правительства не хватит сил наложить свою руку на частную индустрию вооружений и монополизировать в руках государства его военную оборону. Уже в 1893 г. Жорж Кошери в своем докладе французской палате депутатов констатировал тот факт, что в условиях непрерывного развития современной военной техники оборудование военных заводов по последнему слову науки становится все более непосильным для государства. Тем более это справедливо для нынешней эпохи, когда для создания какого-нибудь крупного артиллерийского завода требуется предварительно создать акционерное общество и привлечь в число пайщиков капиталистов чуть ли не всех стран. Частные заводы все более захватывают в свои руки дело национальной обороны. В 1900 г. частная индустрия Англии выполнила 69,1% всех заказов, переданных, согласно морскому бюджету, национальной частной и казенной индустрии, в 1903 г. — 76,4%, в 1906 г. — 87%, в 1912 г. заводы получили уже 89,5% всех заказов. Очевидно, что в рамках капитализма казенные заводы не в состоянии бороться с конкуренцией частной индустрии [1]).

Между тем, ясно, что частные предприниматели прежде всего заинтересованы в получении крупного дивиденда по своим акциям. Стало быть, в интересах частной военной индустрии — обострение международных конфликтов, распространение алармистских слухов и подталкивание государств к той пропасти войны и ужасов, в которую Европа, наконец, обрушилась в 1914 г.

3. Разоблачения Сноудена о военной индустрии в Англии.

Всем памятны нашумевшие на весь мир разоблачения Либкнехта, доказавшего в апреле 1913 г. в немецком рейхстаге, что «Дейче Мунишон- унд Ваффен-фабрик» (военная фабрика) обратилась к своему представителю в Париже с поручением опубликовать в какой-нибудь газете, лучше всего — в «Фигаро», читаемом влиятельными кругами, статью, в которой сообщалось бы, будто французское правительство предполагает снабдить все военные части пулеметами и притом в двойном количестве по сравнению с прежними сметными предположениями. Этим преследовалась цель вызвать беспокойство в германских военных кру-

[1]) Как мы увидим ниже, во время мировой войны частная индустрия получила решительный перевес над казенной. Последняя в одних странах оказалась способной выполнить не более $^1/_{10}$, в других — не более $^1/_{20}$ или даже $^1/_{30}$ всех заказов на снаряды, которые потребовались для воюющей армии. Таким образом, монополизация заказов в руках «казенных» заводов повела бы к прекращению войны за недостатком боевого материала на 2-й или 3-й месяц кампании.

гах и побудить германское правительство поторопиться с прежними сметными предположениями.

С еще более интересными разоблачениями, характеризующими методы частной военной индустрии в целях получения новых заказов, выступил член английской рабочей партии, депутат от г. Блекбёрна Сноуден (Snowden) в своем ответе (29 марта 1914 г.) на объяснения Черчилля относительно морского бюджета. Сноуден разоблачил деятельность треста вооружений и скандальную связь его с адмиралтейством и парламентом. Он показал, как под маской патриотизма английские судостроительные фирмы изменяют стране, передавая другим, часто враждебным государствам секреты всех новых изобретений британского флота. Он рассказал, как трест организует панику, и предупредил, что теперь подготовляется новая паника, в предвидении которой судостроительные фирмы увеличивают свои капиталы и обещают своим акционерам значительное повышение дивиденда. Между прочим, Сноуден показал, какое влияние на дивиденды треста оказала паника 1909 г. Дивиденды фирмы Виккерса поднялись с 4.750.000 рублей до 8.750.000 рублей, т.-е. на 84%; дивиденды Армстронга — с 1.250.000 руб. до 7.750.000 руб., т.-е. на 82%. Судостроительные фирмы особенно охотно приглашают к себе, по словам Сноудена, директорами бывших адмиралов. Такие директора-моряки, сохранившие связи с своими товарищами по адмиралтейству, легко добиваются заказов и снисходительного приема поставок. Мало того, высшие чины адмиралтейства, оставаясь на коронной службе, получают также жалование от фирм треста. Несколько членов правительства, например, министр колоний Гаркурт, министр почт Хобгуз, государственный контролер сэр Муррей (Murray) — крупные акционеры треста. «Среди членов палаты общин, — заявил Сноуден, — также имеется очень много акционеров. Что касается тори, то если бросить камень в правую сторону этого зала, он непременно попадет в акционеров треста». В заключение своей речи Сноуден прочитал длинный список членов палаты общин, являющихся акционерами военных фирм и требующих обычно усиления вооружений, и назвал также несколько влиятельных лиц, состоящих в парламентской унионистской группе и владеющих громадным количеством акций всякого рода пушечных, оружейных заводов, судостроительных верфей и т. д. Особенно много таких акционеров находится, по словам Сноудена, среди высшего духовенства и лиц, прикосновенных к церкви. Так, председатель совета свободных церквей одного из церковных округов Иоркшира, сэр Комптон Риккет, является владельцем 3.200 акций фирмы Джона Брауна и К° и 2.100 акций фирмы Каммэль, Лэрд и К°. Один из важнейших членов церковного совета г. Шеффильда является директором последней фирмы.

По словам «Таймс'а», когда Сноуден кончил свою речь, большинство палаты устроило ему овацию, и даже публика, сидевшая на хорах, нарушив парламентский регламент, приняла участие в бурных аплодисмен-

тах рабочему депутату. Очевидно, что провокационная деятельность треста вооружений в разжигании международных конфликтов перестала быть секретом даже для многих людей умеренного образа мыслей. Очевидно, что с точки зрения миллионов людей военный трест представлял собой вредную организацию, которая ради своих коммерческих интересов стремится создать в стране панику и развращает печать и парламент. Во всей Англии речь Сноудена произвела огромную сенсацию и вызвала переполох среди акционеров военных заводов [1]).

В течение 1913 и 1914 г.г. английская печать опубликовала несколько раз к сведению нации имена видных представителей бюрократии, палаты общин и лордов, духовенства, являющихся акционерами тех или других крупных военных фирм. Так, оказывается, что в списке акционеров фирмы Армстронга числилось 60 представителей высшей знати, 15 баронетов, 20 кавалеров различных орденов, пожалованных им королем, 20 морских и сухопутных офицеров, 8 членов парламента, 8 журналистов. Как было доказано сопоставлением этого списка со списком членов пресловутой «Морской лиги», разжигавшей конфликт с Германией и требовавшей непрерывного усиления английского флота, все эти журналисты, члены парламента, офицеры, находившиеся в списке акционеров Армстронга, являлись одновременно самыми активными членами шайки алармистов, распространителями тревожных слухов и творцами паники («The War Traders» by Georges Herbert Perris. — Джорж Герберт Перрис, Военные фабриканты, стр. 6).

4. Дело Томпсона. Акционеры военных фирм.

Само собой понятно, какую роль в разжигании международных конфликтов может играть видный журналист, заинтересованный в повышении дивидендов военных фирм. Наиболее влиятельные буржуазные газеты сами владеют акциями треста вооружений и имеют среди членов редакции не только простых акционеров той или другой военной фирмы, но иногда прямых агентов того или другого судостроительного, пушечного завода, агентов как в самом обыкновенном коммерческом понятии этого слова, так и в более широком его значении. Английская печать писала в 1914 году о прошедшем в свое время совершенно незамеченным процессе некоего Роберта Томпсона, специального корреспондента «Таймса», этой самой влиятельной буржуазной газеты в мире, предъявившего в 1904 г. иск к фирме Армстронга в недоплате ему означенной фирмой значительной части выговоренных комиссионных сумм. Как утверждал этот «специальный корреспондент» всемирно известной газеты, фирма Армстронг, Витворт и ее предшественники, — Армстронг,

[1]) Следует оговориться, что в России и других странах речь Сноудена прошла незамеченной. Кажется, у нас только «Русское Слово» в номере от 7 марта 1914 г. в подробной телеграмме изложило эту речь. Между тем, и у нас можно было указать на многих лиц, причастных к решению вопросов о национальной обороне и являвшихся крупными акционерами, а иногда и директорами правлений военно-морских заводов.

Мичель и К°, — остались ему должны большую сумму денег за содействие в получении заказов в Чили, Японии и Китае. После того как заявления одной из сторон были заслушаны и суд ознакомился с сущностью претензий истца, изложенных в обстоятельной речи его адвоката Данкверста, Руфус Исаак, представитель фирмы Армстронга, неожиданно заявил, что он имеет счастье довести до сведения трибунала о том, что дело улажено и что обе стороны пришли к компромиссу. Обе стороны согласились также, что нет необходимости публично излагать сущность этого компромисса. Очевидно, что излишняя откровенность не была ни в интересах специального корреспондента «Таймс'а», ни. тем более, в интересах фирмы Армстронга. Если бы подобный процесс разыгрался после разоблачений Либкнехта, он вызвал бы необычайную сенсацию, и много темных сторон деятельности желтой прессы и треста вооружений было бы обнаружено перед глазами миллионов малосознательных людей, до сих пор поддерживающих милитаризм и маринизм. К сожалению, в 1904 г. даже рабочая печать Англии прошла мимо этого процесса. До того в эту эпоху подпольная провокационная деятельность военных фирм была скрыта даже от наиболее прозорливых противников милитаризма, и мало кто из социалистов подозревал роль, какую тресты вооружений играют в обострении международных осложнений, в милитаризации бюджета и т. д.

Однако, уже в докладе, прочитанном на суде в 1904 г., прекрасно освещена роль специального представителя «Таймс'а» в качестве агента фирмы Армстронга.

«Очевидно, — говорится в этом докладе, — что истец в силу своего положения был в курсе событий, разыгрывающихся во всех частях мира, и что он имел личные связи с очень многими официальными лицами, занимающими самые высокие посты в иностранных государствах. Его контракт с фирмой Армстронга не мог поэтому иметь ничего общего с контрактами, заключаемыми означенной фирмой с рядовыми комиссионерами. Его роль заключалась в том, чтобы узнавать все, что делается в различных частях света, сообщать своим шефам о нуждах различных правительств и, вообще подготовлять почву для заказов на военные суда и военные материалы [1]). Его положение в действительности было несколько аналогично положению дипломатического агента или частного посланника».

Известно, какую роль играют журналисты, представители влиятельных газет, в странах, куда их посылают. Бловиц в Париже, Моррисон в Пекине играли более важную роль в качестве представителей своего правительства, чем официальные посланники. Bourchier, специальный корреспондент «Принтинг Хаус Скуэр», был одним из инициаторов балканского союза. Тардье, редактор «Тан», отправившись в Буха-

[1]) «The War Traders», by G. H. Perris, стр. 17. (Перрис, Военные фабриканты.)

рест под предлогом прочтения там нескольких лекций в интересах культурного сближения между Румынией и Францией, взял на себя в 1914 г. миссию подготовить почву для окончательного расторжения Румынии с тройственным союзом и включения ее в орбиту двойственного союза.

Таким образом, мы видим, что журналисты могут играть порой в качестве «дипломатов» более важную роль, чем официальные посланники. Удивительно ли, что военные фирмы так охотно выбирают их в качестве своих представителей. Адвокат Томпсона указывал, что роль последнего заключалась в подготовке за границей, главным образом, в Чили, Китае и Японии, почвы для заказов на военные суда и военные материалы. Само собой разумеется, что адвокат не нашел нужным объяснить, какими методами агент фирмы Армстронга расчищал почву для таких заказов. Разыгравшийся в январе 1914 г. морской скандал в Японии, возникший в связи с разоблачениями Рихтера, служащего отделения немецкой фирмы Сименса в Токио, о поставках японскому флоту, показал, какими приемами военные фирмы добиваются заказов на новые вооружения. За получение заказов на 28.000.000 иен для японского флота фирма Виккерса уплатила 1.400.000 иен, т.-е. 5%, в качестве комиссионного вознаграждения членам японского министерства. Как сообщала газета «Асахи» (март 1914), из уплаченных за постройку броненосного крейсера «Хондо» 27 миллионов иен — 1.300.000 иен были распределены среди причастных к заказу и постройке лиц.

Пример Томпсона показывает, какова порой роль журналистов, являющихся агентами военных фирм и главными сотрудниками алармистских органов. Они не только у себя на родине являются активными членами всякого рода «морских» и «военных лиг», агитирующих в пользу сооружения новых супер-дредноутов и создания новых дивизий и корпусов, они не только в своей собственной стране разжигают шовинизм и поддерживают требования новых кредитов на армию и флоты. Более энергичные из славной стаи этих разбойников пера отправляются, подобно Томпсону, в другие страны — в качестве посланников Армстронга, Виккерса, Круппа, Крезо, — и здесь устраивают делишки, которые не в состоянии были бы довести до желанного конца в интересах отечественной военной индустрии иные патентованные дипломаты [1]).

Помимо нескольких десятков видных журналистов, главными акционерами английского треста вооружений являются сотни влиятельных графов, лордов, среди которых такие известные общественные и государственные деятели, как Керзон, как Эбэрконвей, Грэм, ряд членов палаты общин и даже ее спикер, члены прошлых и нынешнего министерств, многие адмиралы (как, например, лорд Бересдорф), контр-адмиралы, полковники и генералы английской армии и т. д. Сотрудник

[1]) Нельзя не вспомнить тех телеграмм и заметок об огромных турецких морских заказах, которые перед мировой войной появились в русских газетах в период разработки нашей морской программы Черного моря, в осуществлении которой принимали участие Виккерс и Джон Броун.

«Лэбор Лидер», Уолтон Ньюболд в своих статьях, вышедших отдельным изданием («The War trust exposed — Разоблаченный трест вооружений) [1]), дает список видных государственных деятелей, министров, депутатов и т. д., состоящих акционерами Виккерса, Армстронга, Нобеля и т. д. Да что палата общин и палата лордов! Даже английская церковь — и та очень и очень заинтересована в благополучии и процветании пушечных заводов, ружейных фабрик, динамитных фирм и т. д. Уолтон Ньюболд называет по именам шесть епископов и шесть архидиаконов, являющихся акционерами Виккерса. О более мелких церковных представителях и говорить нечего.

Итак, мы видим, что трест вооружений представлял собой накануне войны могучую и широко разветвленную организацию, которая внутри Англии имела своих представителей на всяких видных постах как оборонительных, так и наступательных. С высоты парламентской трибуны, в палате общин или лордов, на тайных заседаниях кабинета министров, на секретных заседаниях генералов или адмиралов по поводу тех или других вопросов национальной обороны, наконец ежедневно и чуть ли не ежечасно на страницах патриотической прессы — агенты треста, всегда и повсюду остаются верными одному и тому же девизу: работать, не покладая рук, для увеличения дивидендов военных заводов, и в этих целях они раздувают панику по всякому поводу, растлевают народное сознание, разжигают страсти, возбуждают ненависть к соседним странам.

5. Организация военной индустрии. Ее интернациональный характер. Тайна Стального синдиката Гарвея.

Говоря об английских военных фирмах, мы неизменно писали «трест вооружений». Выражение это не наше. Его ввели в обиход с 1913 года английские газеты. Открыто, так сказать, как бы официально, в трест вооружений входят только пять фирм: Виккерс, Армстронг, Джон Броун, Каммель-Лэрд и Нобель, но фактически каждая из этих фирм связана со множеством более мелких компаний. Так, фирма Виккерса владеет половиной акций известной военной фирмы Вильям Бирдмор и, кроме того, одной половиной акций фирмы Хенри Уайтхед и К° (фабриканты самодвижущихся мин), а фирма Армстронга — другой половиной акций той же минной компании. Кроме того, фирмы Виккерса, Армстронга и т. д. имеют своих директоров на многих военных заводах, номинально не зависящих от треста. Фирма Джона Броуна владеет половиной акций известных артиллерийских заводов в Ковентри; фирма же Каммель-Лэрд владеет $^3/_8$ акций тех же заводов. Таким образом, многочисленные судостроительные верфи, оружейные, пороховые и другие частные военные фабрики Англии, номинально независи-

[1]) Книга Ньюболда: «Как Европа вооружалась к войне (1871 — 1914)» вышла в русском переводе в издании Высшего Воен. Рев. Совета. Москва. 1923.

мые по имени и бывшие когда-то действительно независимыми, в настоящее время фактически подчинены упомянутым пяти компаниям и составляют один военный трест. Каждая из фирм, входя в состав этого треста, имеет акции в другой, а директора одной фирмы входят отчасти в состав правления других фирм. Трест распределяет заказы между отдельными фирмами и сообща устанавливает цены.

Но то обстоятельство, что все военные английские фирмы, даже те из них, которые кажутся совершенно самостоятельными, связаны между собой и общей дирекцией, и общим совладением одними и теми же акциями, составляет лишь одну из сторон вопроса, на которой остановила свое внимание английская печать. Все эти фирмы не только входят так или иначе в один и тот же национальный военный трест, но прямым или косвенным образом английские военные заводы все более связывались с немецкими, австрийскими, итальянскими, русскими пушечными заводами и входили в созидавшийся на наших глазах и все более крепнущий международный военный трест — «хозяйственное новообразование, грозящее, — как я писал накануне войны в 1914 г. [1]), — неисчислимыми опасностями делу мира».

Как доказал Уолтон Ньюболд, хотя все эти фирмы Армстронга, Виккерса и т. д. по имени и месту регистрации — чисто английские фирмы, но по характеру деятельности они — международные. Если бы английский империализм действительно был тем, чем он себя представляет, — говорит Перрис, — то уже один факт сооружения иностранных военных судов на английских верфях явился бы вопиющей аномалией. Но что сказать о судостроительных верфях, устраиваемых английскими фирмами на континенте, в портах «враждебных» Великобритании государств. Сколько писалось в джингоистской английской прессе о грозной силе австро-германского флота и в частности о Средиземном море, где Англия должна-де содержать могущественные эскадры, дабы Австрия при поддержке Германии не могла загородить дорогу на великом морском пути, идущем от Гибралтара к Суэцу, английским торговым судам. И что же! Как мы указали выше, именно английская фирма Хенри Уайтхед, изготовляющая лучшие в мире самодвижущие мины, выстроила военный завод в австро-венгерском Фиумэ и дала возможность австрийским подводным лодкам потопить не малое количество английских, итальянских и французских торговых и военных судов.

Что военные фирмы различных государств, внешним образом совершенно независимые и порой даже как будто враждебные, связаны какими-то узами и составляют один интернациональный трест — это доказывалось в английской социалистической печати следующим образом. В течение последнего десятилетия в Англии существовал синдикат «Гарвей Юнайтед Стил К°», учрежденный в 1901 г. (16 июля) для эксплоатации патента Гарвея на производство цементированной стали.

[1]) «Северные Записки», май 1914 г., стр. 125. М. П. Павлович, **Интернациональные провокаторы милитаризма».**

Хотя этот синдикат процветал в финансовом отношении и дал в 1910 году дивиденд в $7^1/_2$%, а в 1911 г. даже 15%, он был распущен в 1912 году после двух экстраординарных собраний 15 и 31 июля. Причины ликвидации этого синдиката неизвестны. В высшей степени любопытен список тех фирм, которые входили в этот синдикат и владели его акциями. В этом списке поименованы пять английских военных фирм, в том числе, конечно, фирмы Виккерса (2.697 акций), Джона Броуна (7.438), Армстронга и т. д., две французские военные фирмы, в числе их: Шнейдер-Крезо (9.862 акции), две итальянские военные фирмы, из которых одна в Терни владела 8.000 акций упомянутого синдиката, наконец, две немецкие военные фирмы: акционерное общество заводов Диллингера (2.731) и знаменитая фирма Круппа (4.731 акция).

Если мы прибавим, что Крупп был связан с заводами Шкода в Австрии, Шнейдер (Крезо) — с Путиловским и другими военными заводами в России, Диллингер — с военными фабриками в Бельгии, перед нами в лице синдиката «Гарвей Юнайтед Стил К°» выступает интернационал военных заводчиков, где накануне войны патриотическая немецкая фирма Круппа работает рука об руку и обделывает делишки в компании с истинно-французской фирмой Шнейдера. Многие английские публицисты, как, например, Перрис, останавливая в 1914 г. свое внимание на этом синдикате, разоблаченном впервые Уолтоном Ньюболдом, высказывали сомнение в фактической ликвидации этого капиталистического интернационала. Синдикат «Гарвей Юнайтед Стил К°», вероятно, не умер окончательно. Он, может быть, воскрес накануне войны где-нибудь в другом месте, под другим именем, в несколько иной комбинации.

Я упомянул, что Шнейдер (Крезо) был связан с нашим Путиловским заводом. В 1912 г. Поль Думер вошел в сношения с Путиловским заводом для образования франко-русского машиностроительного и металлургического треста, который должен был охватить гигантские предприятия французского «стального короля» Шнейдера, предприятия Путиловского завода, Николаевское судостроительное общество, при чем для закругления границ этой новой организации Путиловский завод поторопился приобрести акции Невского судостроительного общества, устранив этим с дороги довольно влиятельного конкурента. Таким образом, и наш отечественный пушечный и металлургический завод через посредство Шнейдера (Крезо) был связан накануне войны теми или другими нитями с интернациональной Гарвейской стальной компанией.

Открытой космополитичной фирмой является Нобелевский динамитный трест. Он связан с динамитной фабрикой в Дрездене, с акционерным динамитным обществом в Гамбурге, с австрийскими фабриками и имеет 14 директоров, в том числе шесть немцев, одного француза и т. д.

«Ныне (май 1914) Либкнехт выступил в рейхстаге с новыми сенсационными разоблачениями. Он доказал, что и немецкая военная индустрия носит интернациональный характер, что заводы

Крупна связаны с заводами Путилова, что немецкая фирма Лорэ имеет фабрики в Герстале (Бельгия) и Париже, в Брешии (Италия), что она связана с австрийской мануфактурой Штейера, с русским обществом «Пара Беллюм» (Para Bellum) в Петербурге, что щупальцы этой военной фирмы протянулись не только во все страны Европы, но и в отдаленную Японию.

«Правда, отдельные военные фирмы продолжают вести борьбу друг с другом из-за той или иной добычи. Так, немец Крупп порой вступает в конфликт с французским Шнейдером, как это произошло в инциденте с миссией генерала Сандерса, или английская фирма Армстронга — с английской же фирмой Виккерса, как это проявилось в вопросе о концессии на сооружение артиллерийского завода в Царицыне (см. журнал Совета русских министров от 8 апреля и 13 мая 1913 г.) Однако, тот рискует ничего не понять в современной международной политике, кто вообразит, будто в этих дипломатических сражениях идет бой между стоящими друг против друга отдельными независимыми фирмами, между конкурентами, не имеющими ничего общего между собой и желающими якобы уничтожить друг друга. Нет. Дело идет лишь о борьбе между к о м п а н ь о н а м и, участниками одного и того же международного треста, о числе акций или облигаций, приходящихся на долю той или иной группы...

Существование и укрепление интернационального «треста вооружений», усиление его влияния во внешней и внутренней жизни современных государств грозит опасностями не только делу международного мира, но и делу демократии. Если английская демократия не убьет эту гидру, — говорит Перрис о тресте вооружений, — она уничтожит британскую демократию.

Но подпольная деятельность пушечных баронов и стальных королей, разжигающих международные конфликты исключительно в целях увеличения дивидендов, — всех этих скрепленных столь братскими узами заводов Круппа в Германии, Шнейдера во Франции, Армстронга и Виккерса в Англии, Шкода в Австрии, Путилова в России и многих других интернациональных провокаторов милитаризма,—не может продолжаться долго. Разоблачения начинают итти со всех сторон. И социал-демократия победит эту гидру».

Вышеприведенные строки были написаны нами за несколько месяцев до войны. Многие социалисты видели во-очию всю опасность, какою международный трест вооружений грозит делу международного мира, но почти все интернационалисты преувеличивали силы пролетариата и переоценивали роль и значение тех братских уз, тех чувств солидарности, которые, казалось, так прочно объединяли накануне войны трудящиеся массы всех европейских государств и враждующих коалиций. Увы, горькая действительность разбила эти иллюзии, которыми жили тысячи социалистов, и доказала, что III Интернационалу предстоит долгая и самая напряженная работа, прежде чем удастся восстановить разорванные связи и тем более устранить возможность новых страшных войн в будущем.

6. О капиталистическом интернационале во время войны. Дело Болo. Тайна Бриейского бассейна. Дело карбидов.

Интернациональный трест вооружений, вероятно, сократил свою согласованную деятельность во время войны. Ныне Армстронги, Шнейдеры и другие англо-французские пушечные короли решительно заявляют, что они поставили своей целью взорвать на воздух, стереть с лица земли заводы Круппа, Тиссена и других германских разбойников, орудия которых разрушили Реймс, Лувен и т. д. Однако, нет никакого сомнения, что международный трест вооружений возродится к жизни под той или другой маской, и в этом новом интернациональном синдикате Круппы, Армстронги, Шнейдеры будут снова работать в трогательном содружестве, для того, чтобы снова в недалеком будущем вызвать новый всемирный пожар.

В будущем интернациональном синдикате вооружений английская военная индустрия, игравшая накануне войны первую роль в области маринизма и развившая за время войны в необычайной степени свои силы и в области милитаризма, то-есть специально вооружения сухопутных армий, займет, может быть, первое место, ибо она имеет ныне серьезные шансы опередить германскую пушечную и оружейную промышленность. Ее единственным серьезным конкурентом является ныне французская военная индустрия, которая имеет шансы обогнать английскую военную промышленность. Во всяком случае, патриотическая работа на армию оказалась и в Англии настолько выгодной, что в Манчестере, например, многие хлопчатобумажные фабриканты во время войны частью совершенно преобразовали свои старые заводы исключительно на предмет вооружений, частью создали совершенно новые мастерские для той же цели. Само собой разумеется, что капитал, вложенный в новую отрасль промышленности, будет и после войны стремиться к удержанию своих новых позиций, и что процесс отлива к прежним приложениям труда и капитала не совершится так легко, как это полагают многие оптимисты. И вот почему многие из тех, кто раньше боролся против установления всеобщей воинской повинности в Англии, сочувствуют превращению этой «временной» меры в постоянную и увеличению регулярной армии. В том же направлении будет действовать факт колоссальных, порой сказочных доходов, полученных многими капиталистами за период войны и благодаря войне. Несомненно, что многие элементы буржуазии, боявшиеся до 1914 г. войны, как чумы, из страха революции, банкротств, всеобщего краха и т. д. и неожиданно разбогатевшие именно благодаря войне, увеличившие за два-три года войны в пять, десять раз свои наследственные и благоприобретенные капиталы, будут с иным чувством, чем прежде, относиться к перспективе новой войны и будут поддерживать политику дальнейших вооружений и внешних авантюр.

Чтобы увидеть те перспективы, к которым сложившееся положение вещей толкает Англию, достаточно изучить те преобразования, которым подверглась английская военная индустрия за время войны, и озна-

комиться более или менее с доходами, полученными английскими капиталистами благодаря войне.

До войны интернациональный характер многих промышленных предприятий, участники которых, работая на процветание общего дела, в то же время вели междоусобную войну из-за числа акций или облигаций, приходящихся на долю той или другой национальной группы, представителями которой они являлись, составлял лишь секрет полишинеля. Как я подчеркивал в моей книге «Великие железнодорожные и морские пути будущего», в Центральном Совете Багдадской дороги, сыгравшей такую серьезную роль в происхождении нынешней войны, в главном правлении этого немецкого предприятия числилось накануне войны 11 немцев, 8 французов, 1 швейцарец. Не менее интересен состав правления компании Суэцкого канала, овладению которым немецкий генеральный штаб придавал во время войны такое колоссальное значение. Вся немецкая пресса трубила, что захват этого канала турецкими войсками, производившими беспрестанные атаки против канала под руководством немецких офицеров, нанесет смертельный удар Англии и всему Согласию и заставит противников центральных держав запросить мира. Кто бы догадался при чтении этих статей, что накануне войны одним из наиболее видных и уважаемых членов Правления Суэцкого канала являлся не кто иной как господин Ф. Гейнекен из Бремена, директор знаменитой немецкой мореходной компании «Nord-Deutscher Lloyd» [1]), владевший ста акциями Суэцкого канала и заинтересованный в процветании этого предприятия. Более того, как уверяла «антигерманская лига» (la ligue anti-allemande) и как об этом писало социалистическое «Л'Юманитэ», на последнем общем собрании акционеров Суэцкой компании, состоявшемся во время войны, г. Гейнекен был снова выбран членом правления общества, при чем за него голосовали три горячих французских патриота: известный сторонник энергичной французской колониальной политики Жоннар, далее Андре Лебон, ведший в Швейцарии по поручению французского правительства антигерманскую пропаганду, и, наконец, бывший парижский префект Лепин, владелец многих акций Суэцкого канала. Само собой разумеется, что 100 акций, принадлежавших г. Гейнекену, не были секвестрованы, зато имущества всех менее влиятельных немецких подданных подверглись, конечно, секвестрации. Более того, 31 мая 1916 г., в разгар Верденской битвы, в Париже на Лондонской улице (rue de Londres), состоялось общее собрание акционеров Французской Компании автоматических распределителей (Compagnie française des distributeurs automatiques). Были перевыбраны в члены Правления: г-н Бернардье Пурталес, швейцарец, близкий родственник Бетман-Гольвега, и Гастон Дельбрюк, натурализованный немец, племянник министра Дельбрюка, благодаря которому был вотирован в германском рейхстаге пресловутый закон о натурализации [2]), оставлявший за немцами их германское поддан-

[1]) «Северо-Германский Ллойд».
[2]) См. «Л'Юманитэ», 9 августа, 1916.

ство даже при переходе в подданство другой страны, иначе говоря, закон, санкционировавший двойное подданство.

Война воочию подчеркнула космополитические тенденции, интернациональный дух капитала. Как справедливо замечает Финн-Енотаевский в своей статье «Мировая война и судьбы капитализма», «различные кредитные сделки и взаимные обязательства между воюющими странами считаются лишь отсроченными, но отнюдь не уничтоженными. Интернациональный характер денежного капитала выразился и в поддержке некоторых сношений между банками воюющих держав через посредство банков нейтральных стран: между кредитными учреждениями, состоялось как бы молчаливое соглашение сохранять нейтралитет и отнюдь не воинственный (курсив мой. *М. П.*). Будущий историк этой войны не сможет не остановиться на этом любопытном явлении». («Современный Мир», 1916, № 2, стр. 120.)

Наряду с этим «желтым» капиталистическим интернационалом во время войны проявил свое существование и интернационал черный. Известно, что под председательством папы Бенуа XV состоялся во время войны международный конгресс кардиналов католической церкви, где представители французского католицизма заседали мирно рядом с немецкими кардиналами, епископами и архиепископами вроде фон-Гартмана.

Интернациональный характер пушечной индустрии, который мы подчеркивали в наших работах накануне войны, проявился ярко и во время самой войны, несмотря на то, что многие международные синдикаты вооружений вынуждены были прекратить свое существование.

Как разоблачили социал-демократ Штюклен в феврале 1912 г. и Либкнехт незадолго до войны, крупповские заводы пытались подкупить некоторые французские газеты для напечатания в них ложного известия об удвоении числа митральез во всех французских полках с целью вызвать соответствующее увеличение в германской пехоте. Поразительные аналогии со всей этой сенсационной историей, разыгравшейся с 1912 — 1913 г. и произведшей глубокое впечатление на народные массы в Европе, представляет дело французского миллионера Боло, арестованного в разгар войны, именно в сентябре 1917 г., по обвинению в попытке скупить на германские миллионы ряд французских газет. В этой интриге тайной германской дипломатии участвовали: германский агент Ленуар, бывший турецкий посол в Париже Мунир-паша, германский посол Бернсдорф, канцлер фон Бетман-Гольвег и другие высокопоставленные лица. Самой крупной операцией Боло в этом направлении была покупка акций газеты «Журналь» на сумму $5^1/_2$ миллионов франков. В общем, немецкая дипломатия истратила на покупку этой газеты до 20 миллионов франков, полученных агентами этой дипломатии Боло, Ленуаром и Дезунгом от швейцарского банка Шеллера в Цюрихе. Спрашивается, с какой целью были затрачены на покупку одной только газеты такие большие суммы? Дело в том, что главный редактор «Журналь» сенатор Эмбер, которому немецкие агенты помогли германскими миллионами откупиться от

Летелье и других собственников «Журналь», с поразительным успехом вел в стране пресловутую кампанию: «Des canons, des munitions» (пушек, снарядов), печатая ежедневно обстоятельные передовые статьи о необходимости для Франции — в качестве единственного средства разгромить Германию — сооружения все новых и новых сотен легких и тяжелых орудий и изготовления новых и новых миллионов снарядов. Очевидно, немецкие пушечные фабриканты — Круппы, Тиссены, Эргарты — были заинтересованы в том, чтобы Франция затягивала войну, улучшая свое вооружение и проявляя воочию свою несломленную мощь, и потому находили кампанию Эмбера очень выгодной для Германии.

Тот же Боло приобрел на 150.000 фр. акций ультра-патриотического журнала «Раппель», настаивавшего на аннексии левого берега Рейна. Редакция «Раппел'я» заявила, что Боло никогда не пытался воздействовать ни на редакционные, ни на финансовые дела газеты. Но, как правильно подчеркнул парижский корреспондент «Биржевых Ведомостей» в телеграмме от 20 сентября 1917 г., «цель Боло заключалась в том, чтобы дать Германии основание утверждать, что Франция ведет завоевательную политику». Клемансо с своей стороны заявил, что он располагает данными о предпринимавшихся в свое время Боло попытках скупить акции «Фигаро». Аналогичные намерения тот же Боло имел относительно органа Клемансо «L'Homme Enchainé» («Скованный человек»). Одним словом, немецкий агент Боло старался во время войны скупить «истинно-патриотические» французские газеты с очевидной целью подогреть еще более воинственный пыл этих газет и тем сыграть на-руку германским аннексионистам. Не ограничиваясь поддержкой уже существующих патриотических органов, Боло на полученные им из Берлина миллионы пытался создать во Франции новые газеты.

Другим любопытным примером «интернациональной» деятельности пушечных и динамитных королей является состоявшаяся в августе 1915 г., то-есть через год после начала войны, совместная конференция английских и германских капиталистов, созванная для «ликвидации» упомянутого нами выше динамитного треста Нобеля. Пространные разоблачения относительно ликвидации этого англо-германского треста были напечатаны в сентябре 1917 г. в Форвертс'е». Расторжение треста было объявлено в ноябре 1914 г., то-есть почти через полгода после объявления войны, но ликвидация затянулась-де «вследствие сложности финансовых расчетов» еще почти на год. Есть основание предполагать, что самая «ликвидация» треста, ради которой динамитные магнаты Англии и Германии собрались в разгар войны на совместную конференцию, явилась пустой формальностью. Как бы то ни было, эта конференция лишний раз удостоверила существование тесных интернациональных связей между капиталистами различных стран и разоблачила принадлежность к динамитному тресту во время самой войны

многих видных представителей германского и английского империализма. Это не мешало англо-германским капиталистам посылать пролетариев обеих стран на бойню во имя высших интересов родины.

Ряд фактов свидетельствует о существовании металлургического интернационала и во время войны. Известно, что с первых дней войны немцы захватили французский железный бассейн Брией, где до войны интернациональный и главным образом франко-германский металлургический синдикат создал ряд чугуноплавильных и сталелитейных заводов. Захватив в свои руки бассейн Брией, немцы стали эксплоатировать все эти заводы и изготовлять с их помощью миллионы снарядов, которыми они убивали русских, французских, английских и т. п. солдат. Казалось бы, что французы должны были с первого дня войны бомбардировать рудники в Брией, чтобы отнять у немцев возможность эксплоатировать этот бассейн для действий против французской и союзных армий. Но что же оказалось? Когда французский публицист Гюстав Тери заговорил об этом вопросе, его вызвали—как он об этом впоследствии рассказал в своей газете — в военное министерство и строжайше запретили касаться вопроса о бассейне Брией. Должно было пройти более $2^1/_2$ лет с начала войны, прежде чем французские аэропланы появились впервые над бассейном Брией и подвергли бомбардировке рудники, в которые французские металлургические короли Шнейдер (Крезо) и Вендель, и немецкие Крупп и Тиссен совместно вложили свои капиталы. Однако, понадобилась самая серьезная кампания со стороны прессы, чтобы, наконец, военное министерство, во главе которого стал новый министр, бывший генерал-губернатор Марокко Ляотей, решило начать военные действия против бассейна, в котором был так заинтересован металлургический интернационал. Однако, эти военные действия продолжались недолго...

* * *

Едва успело улечься во Франции впечатление, произведенное полемикой между некоторыми органами прессы по поводу «тайны бриейского бассейна», как неожиданно в палате депутатов вспыхнуло «дело металлических карбидов».

«Дело металлических карбидов» — какое прекрасное название для кинематографического романа! В тот день, когда это «дело» было поставлено в Бурбонском дворце, в палату депутатов нахлынула публика, как в «большие дни». И, действительно, любители сильных ощущений не были разочарованы.

В чем заключается сущность «дела карбидов», по поводу которого депутаты Морис Бохановский и Поль Менье внесли 9 февраля 1917 г. свои обстоятельно мотивированные интерпелляции во французскую палату депутатов?

Хорошо известно, что в течение последних пятнадцати лет, предшествовавших войне, вместе с могучим развитием всей вообще французской индустрии, на юге Франции, у подножья Альпийских гор, от депар-

тамента Савойи до Дофине, выросла и развивалась не по дням, а по часам электро-химическая индустрия. Поблизости рек и водопадов возникли фабрики и заводы, неразрывно связанные с «белым углем» и приготовляющие различные металлы, в том числе карбид кальция, открытие которого дало огромный толчок электрохимической индустрии. Наряду с карбидом кальция, эти французские заводы, возникшие у подножья Альп и в прилегающих долинах, изготовляют другие электрохимические продукты, необходимые как для промышленных, так и военных целей [1]).

Все эти электрохимические заводы были созданы различными анонимными обществами, соединенными между собой одним коммерческим обществом.

Что представляли собой эти анонимные акционерные общества? Кем они были основаны? На какие деньги? Не составляли ли они один трест и какой трест, французский или интернациональный, работавший даже во время войны для неприятельских стран и доставлявший Германии и Австрии целый ряд важнейших металлов, получаемых электрическим путем и необходимых центральным державам для изготовления их пушек и снарядов? Вот вопросы, которые составляли предмет судебного следствия, начатого судебным следователем Кутаном, и которые легли в основу интерпелляций Мориса Бохановского и Поля Менье.

Как явствует из официального документа, — заключения министра юстиции Вивиани прокурору республики при Сэнском трибунале по делу о карбидах, заключения, подписанного 21 ноября 1916 г. и прочитанного в палате депутатов во время интерпелляции по делу о карбидах, далее, из речей Бохановского, Поля Менье и самого министра юстиции Вивиани, — суть «дела карбидов» сводится к следующему:

В 1912 г. французские фабриканты через посредство «Общества карбидов» вошли в соглашение с Круппом о снабжении Эссенских заводов металлическими сплавами, необходимыми для фабрикации крупповских орудий, при чем было обусловлено, что французский синдикат будет продавать свои фабрикаты Круппу по ценам низшим, чем остальным клиентам, и в том числе и французскому правительству. При этом обвиняемые знали, что Крупп, делая свои заказы в 1912 г., предвидел войну через два года и именно в виду этой перспективы старался запастись во Франции материалами, которые он не мог достать в Германии.

В интересах беспристрастия следует отметить, что французские капиталисты выговорили одно условие, при котором контракт теряет свою силу, именно — в случае войны не меньше чем между тремя первоклассными европейскими государствами. Таким образом, русско-германская война или франко-германская

---

[1]) Читателя, интересующегося более специально вопросом о сущности карбида кальция и других аналогичных металлов, получаемых электрическим путем, мы отсылаем к обстоятельной статье магистра В. К. Агафонова, «Электро-металлургия». См. «Итоги науки в теории и практике», т. III, стр. 302—331. Изд. «Мир». Москва.

не являлась основанием для разрыва контракта, и французские фабриканты продолжали бы доставлять Круппу различные металлы, необходимые для успешного расстрела русских или даже французских солдат.

Все это до того чудовищно, что могло бы казаться сказкой, но письма, захваченные во время обыска у подсудимых и цитированные в упомянутом заключении министра юстиции Вивиани прокурору республики при Сенском трибунале, не оставляют никакого сомнения насчет обоснованности обвинений, предъявленных «Обществу карбидов».

Вот извлечение из письма Крупповской фирмы от 22 февраля 1912 г.:

§ 1. «Мы покупаем у вас и вы нам продаете по истечении ныне действующего контракта ферро-силициум высшего давления, необходимый для нашего личного потребления, и до расторжения ныне действующего синдиката, во всяком случае, не позже конца 1916 г.

§ 2... Вы обязуетесь не продавать никому ферро-силициум по цене низшей или одинаковой с той, по которой продаете нам. Вы обязуетесь продавать нам ферро-силициум качества 75% по цене на 40 марок дешевле, чем всей вашей остальной клиентеле...

§ 10... Условия, которые освобождают вас от выполнения контракта:

1. Война, в которой примут участие, по крайней мере, три первоклассные державы» [1]).

Следующие документы свидетельствуют о том, что обвиняемые знали, с какой целью Крупп делает запасы ферро-силиция, — электрометалла, без которого невозможно изготовлять сталь.

Документ за печатью 73. Письмо секретаря торгового комитета доктору Гуго Коллеру от 14-го февраля 1912 г.:

«Крупп настаивает на своем желании, чтобы мы устроили депо в 1.000 тонн в местности, близкой к заводам. Я не думаю, чтобы в данном случае Крупна беспокоил вопрос о затруднительности транспорта вообще, но это требование Крупна мотивируется тем фактом, что, с точки зрения немцев, следует предвидеть неизбежность европейской войны через два года, и что в момент всеобщей мобилизации Крупп натолкнется на большие затруднения для получения всех необходимых ему запасов... В виду этого, Крупп желает иметь 1.000 тонн ферро-силиция под рукой».

Как же ответил президент «Общества карбидов» на это сообщение о том, что «ферро-силициум» нужен Круппу в предвидении войны, которая вспыхнет через два года? Решил ли он под влиянием патриотического чувства прервать свои сношения с Круппом и сохранить ферро-силициум для Франции? Ничего подобного. Капитал не имеет отечества, и потому председатель «Общества карбидов» — г. Жиро-

---

[1]) «Journal Officiel». Chambre des Députés. Séance du 9 Février 1917. Page 351 — 352. («Журналь Оффисиель». Палата Депутатов. Заседание 9 февраля 1917 г., стр. 351 — 352).

Жордан — постарался лишь обеспечить экономические интересы общества, обязав Круппа выдать ему краткосрочные векселя.

Документ за печатью 73. Письмо председателя Жиро-Жордана директору Розенбауму, в Вене, от 13 февраля 1912 г.

«Что касается запаса в 1.000 тонн качества 75%, требуемого Круппом в виду возможной войны, необходимо, чтобы расплата за этот резерв производилась векселями, выданными на трехмесячный срок и акцептованными Круппом» [1]).

Само собою разумеется, что раз французские фабриканты карбида, ферро-силициума, ферро-хрома и других аналогичных металлов соглашались вступать в сделки, направленные против их собственной страны, тем более они готовы были действовать против союзной с Францией страны, а именно России.

Как явствует из того же официального документа, именно письма министра юстиции Вивиани прокурору республики, два обвиняемых за 40 дней до объявления войны согласились доставить немецкой аэронавтике по низшим ценам несколько сот тонн специальных металлов, при чем свое согласие доставить эти металлы обусловили строжайшим запрещением немецкому посреднику передать эти продукты русскому правительству. Вот документ, цитированный по этому поводу Вивиани в его письме прокурору республики:

Письмо г. Жиро-Жордана г-ну Рива Берни от 22 июня 1914 г.:

«Мой дорогой директор. Вследствие разрешения, которое я вам дал по вашей просьбе, котировать Рохлингу 4.000 тонн силиция база 95 на 100, необходимого для немецкой аэронавтики, я подтверждаю вам мое сообщение по телефону, сообщение, в котором я просил вас принять все необходимые меры, дабы Рохлинг ни в коем случае не имел возможности передать этот товар русскому правительству, ибо у Рохлинга может явиться соблазн сделать это в виду того, что дело идет о продукте, фабрикуемом во Франции и для импорта которого в Россию не существует тех затруднений, какие оказались с силициумом компании Электро-босна» [2]).

Из этого письма мы видим, что единственная вещь, которая беспокоила французского патриотически настроенного капиталиста, заключалась в опасении, как бы немецкий посредник, вместо передачи силициума германскому правительству для изготовления немецких военных аэропланов, не смошенничал и не передал тот же материал союзной России для изготовления русских военных аэропланов. Возможно, что этот же самый французский фабрикант, действовавший столь экстраординарным образом по отношению к России, являлся самым горячим франко-русским патриотом, сторонником двойственного союза и имел в своем портфеле не мало облигаций русских займов.

---

[1]) «Журналь Оффисиель», там же, стр. 352, столбец первый.
[2]) «Журналь Оффисиель», там же, стр. 352, столбец первый.

И таким образом министр Вивиани употребил довольно мягкие выражения, когда, характеризуя деятельность этих патриотов, сказал следующее:

«Люди, которые в 1912, 1913, 1914 г.г. заключили контракт с фирмой Круппа для доставки этой фирме материалов, в которых она нуждалась для интенсификации производства оружия и снарядов; люди, которые сделали это, зная из полученных ими писем, что Крупп был убежден в неизбежности европейской войны не позже 1914 г.; люди, которые, несмотря на все это, согласились доставить Круппу 1.000 тонн ферро-силициума, которые могли быть ему нужны в случае всеобщей мобилизации; люди, которые дали знать своим агентам, что ни в коем случае нельзя допустить, чтобы Россия могла воспользоваться отправленными в Германию материалами; люди, которые согласились, что единственным основанием для разрыва контракта является, кроме стачки, война, в которой приняли бы участие по меньшей мере три европейские державы, так что война между Германией и Россией, между Австрией и Италией или даже между Германией и Францией отнюдь не могла бы помешать выполнению контракта; люди, которые, зная, что Крупп готовится к войне, самым спокойным образом удовольствовались фиксацией платы через каждые три месяца, без сомнения, чтобы потерять как можно меньше в случае, если вспыхнувшая война поведет к прекращению торговых сношений и расплат по разным обязательствам,—такие люди показали, что они ставят торгашеский интерес выше интересов отечества». (Аплодисменты) [1]).

Не подлежит никакому сомнению, что эта характеристика, данная Вивиани, грешит скорее чрезмерной снисходительностью, чем строгостью по отношению к обвиняемым. Во всяком случае, все вышеуказанные преступления, вменяемые в вину фабрикантам карбида и ферросилиция, относятся к периоду, предшествовавшему войне. Вероятно, если бы дело ограничилось одними этими провинностями, все осталось бы покрытым мраком неизвестности для непосвященной публики, но суть в том, что «Общество карбидов» пошло дальше в своей погоне за наживой и, как явствует из следственных документов, уже во время войны за период с сентября 1914 г. по февраль 1915 г. продало немцам 300 тонн цианамида,— электрометалла, необходимого для немецкой военной индустрии, — при чем все это делалось в тот момент, когда обвиняемые вели переговоры с французским военным министерством о доставке последнему цианамида, как элемента, необходимого для составления взрывчатого вещества громадной силы.

Чтобы удобнее сплавить в Германию свои фабрикаты, общество учредило в Швейцарии отделение, и таким именно образом удалось продать 300 тонн цианамида немцам. Далее, некоторые из обвиняемых, — именно администраторы французского завода Мартиньи в Швейцарии.

---

[1]) «Журналь Оффисиель», там же, стр. 352, столбец второй.

с самого начала войны и по сегодняшний день не переставали доставлять одному немецкому заводу электрическую энергию для фабрикации алюминия, необходимого армиям кайзера» [1]).

Более того, центральное правление «Общества карбидов», находящееся в Париже, дало инструкции всем своим отделениям в нейтральных странах продавать ферро-силициум и ферро-хром Австрии и Германии и даже сбывать эти продукты по низшим ценам в случае конкуренции с чьей-либо стороны, но запретило одновременно продавать эти продукты в Англию [2]).

Итак, во Франции существуют люди и общества настолько могущественные, настолько влиятельные, настолько стоящие вне закона, что они не только до войны, но и во время войны вступают в сношения с Круппом и доставляют последнему материалы для изготовления взрывчатых веществ. И депутат Люсьен Мильвуа имел основание воскликнуть: «Вот что можно будет сказать французским солдатам: «Пули и снаряды, которые поразят вас, носят французскую марку, имеют происхождение французское». Это недопустимо. (Аплодисменты.)

«Дела — это деньги, принадлежащие другим. Но мы не желаем допустить, чтобы можно было сказать, что коммерческие дела основаны на крови Франции». (Аплодисменты.)

Наконец, тот же депутат, обращаясь к министру юстиции Вивиани, в следующих словах формулировал сущность «дела карбидов», как оно изложено в официальном документе самого министра, отправленном прокурору республики.

«Нельзя будет скрыть от страны, что за вашей подписью, под вашей ответственностью предъявлено обвинение некоторым людям в государственной измене, в содействии Круппу и Германии, в доставке военных материалов как до войны, так и во время ее» [3]).

И что же? — спросит читатель. Находятся и давно ли в тюрьме преступники, которых еще в ноябре 1916 г. обвинил в государственной измене сам министр юстиции в официальном документе, отправленном прокурору республики? Какая кара ждет представителей интернационального капитала, снабжавших Германию до и во время войны взрывчатыми веществами для успешного истребления французских солдат? Обвиняемые не были даже арестованы. Судебное следствие, которое очень энергично велось против них следователем Куталом, было парализовано контр-следствием и контр-атакой со стороны самого прокурора республики, которому адресовал свое цитированное выше письмо министр юстиции Вивиани. В ответ на обвинительный документ за подписью министра, прокурор республики, который до получения этого документа всячески тормозил дело и не давал ходу донесениям судебного следователя, пред-

---

[1]) «Журналь Оффисиель», там же, 347.
[2]) «Журналь Оффисиель», там же.
[3]) «Журналь Оффисиель», Заседание 9 февраля.

ставил 1 октября 1916 г. министру юстиции обстоятельный мемуар, в котором он пытался разбить все доводы судебного следователя и самого министра и делал заключение о полной невиновности обвиняемых по всем предъявленным последним пунктам [1]). В этом мемуаре прокурор республики построил самые странные и совершенно неожиданные теории насчет тех деяний, которые можно подвести под понятие «государственной измены», и решительно стал на сторону обвиняемых [2]). Итак, мы видим, что последние, благодаря своему богатству, своему влиянию, своим связям, наконец, своей принадлежности к металлургическому тресту, нашли могущественных покровителей, которые оказались сильнее самого министра юстиции. И, обращаясь к последнему, взывая к его чувству справедливости, к энергии в продолжении начатого процесса и критикуя одновременно образ действий прокурора республики. Морис Бохановский следующими словами заключил свою интерпелляцию:

«Война, которая экзальтирует все человеческие страсти, наряду с самоотречением и преданностью, которые доходят у многих до высшего самопожертвования, развивает у некоторых индивидов самый низкий эгоизм и самую отвратительную жадность. (Оживленные аплодисменты.)

«Если случается, что эксплоататоры общественного бедствия попадаются в сети правосудия, мы желаем, чтобы преступники, откуда бы они ни явились, каковы бы ни были высокие связи и протекции, за которыми они пытаются укрыться, были подвергнуты строгому, быстрому и справедливому суду. (Аплодисменты.)

«Вы не должны позволить, господин министр юстиции, если вы желаете сохранить моральный дух нации, чтобы в воображении народа запечатлелся тот образ, который вы нарисовали в красноречивой речи, когда вы еще не были министром юстиции: образ правосудия с двумя, как у Януса, лицами, обращенными в противоположные стороны, — суровым лицом по отношению к бедным и униженным, угодливым лицом по отношению к сильным мира сего». (Оживленные аплодисменты на многих скамьях) [3]).

Не следует думать, что только «Общество карбидов» поддерживало до и во время войны сношения с Германией и снабжало прямым или косвенным путем германские пушечные заводы материалами, необходимыми для изготовления орудий и взрывчатых веществ. Таким же образом действовало и интернациональное общество «Никель» в Лондоне. Как известно, никель — металл, необходимый для изготовления тяжелых орудий, ибо он входит в составе двух процентов при фабрикации твердых сталей и не может быть заменен никаким другим сплавом. Вот почему Германия не останавливалась ни перед какими средствами.

---

[1]) «Журналь Оффисиель». Палата депутатов. Заседание 9 февраля 1917. стр. 348, столбец 1-й».

[2]) «Журналь Оффисиель», там же.

[3]) «Журналь Оффисиель», там же. стр. 350, столбец 3-й.

чтобы добыть никель. Между тем, этот металл находится только во французской Новой Каледонии и в английской Канаде. И вот, оказывается, что во время войны значительные количества никеля были доставлены Круппу.

1 октября 1914 г. трехмачтовое норвежское судно из порта Фарзунда перевозило из французской колонии Новая Каледония в Гамбург 2.500 тонн никеля, предназначавшегося для заводов Круппа. Эта фирма уплатила авансом половину стоимости груза. Это норвежское судно было задержано на море французским военным судном «Дюпти-Тюар» и приведено в Брест [1]).

Несколько позже, 4 декабря 1914 г., английская эскадра захватила пароход под русским флагом, перевозивший 2.275 тонн никеля, предназначенного также для фирмы Круппа [2]).

18 февраля 1915 г. сенатор Анри Бераньже в газете «Пари Миди» в статье «Крупные контрабандисты» ставил правительству следующий вопрос:

«Кто такие все эти французы, занимающиеся во время войны контрабандной торговлей с неприятелем и продающие последнему целыми тоннами металлы, одного грамма которых достаточно, чтобы убить или искалечить одного из наших сыновей или наших братьев?»

Германия не имеет ни ртути, ни никеля, ни нитратов. Значительная часть этих материалов, крайне важных для военной индустрии, была доставлена ей из французских колоний или французскими обществами, утвердившимися в нейтральных странах. Не подлежит сомнению, что все эти «контрабандисты», обогащавшиеся на счет убийства тысяч и тысяч французских солдат и офицеров германскими пулями, снарядами и разрывными бомбами, оказывались в тысячу раз опаснее и преступнее, чем шпионы, уличенные в разоблачении самых важных тайн, однако, все эти могущественные капиталисты, изменники отечества, убийцы своих собственных сограждан остались до сих пор безнаказанными.

В конце концов, все соучастники «дела металлических карбидов» вышли сухими из воды. Несмотря на энергичные интерпелляции Мориса Бохановского и Поля Менье, на цитированный выше документ министра юстиции Вивиани прокурору республики при Сенском департаменте, большинство палаты обнаружило явное желание замять это неприятное дело и с этой целью перевело его на рельсы самой сложной, самой запутанной юридической процедуры. Виновные доставляли накануне войны Круппу военные материалы, зная, что Германия готовится к войне. Допустим, что это нехорошо. Но в своде законов нет пункта, карающего за подобное деяние. В самом деле, иначе пришлось бы покарать собственников и директоров всех металлургических, пушечных

---

[1]) «Журналь Оффисиель». Сенат. Заседание 25 января 1917, стр. 58.
[2]) «Журналь Оффисиель», там же.

и электро-металлургических фабрик и заводов на земном шаре. Обвиняемые уже во время войны за период с сентября 1914 по февраль 1915 года доставили Германии 300 тонн цианамида, необходимого для приготовления взрывчатых веществ. Подлежат ли виновные каре? Да, если применить такой-то пункт свода законов; нет, если применить другой. Притом не следует забывать, что деяния, вменяемые фабрикантам карбида в вину, имели место до издания закона 4 апреля 1915 г., запрещающего торговлю с неприятелем, притом эти деяния совершены не на французской, а на швейцарской территории. Таковы «сокрушающие» юридические аргументы, какие приводятся многими депутатами и представителями прессы в защиту фабрикантов, снабжавших Германию металлами, необходимыми для ее военной индустрии. Морис Бохановский в своей интерпелляции указал, что «главная квартира», управляющая всей этой явно недобросовестной кампанией в пользу обвиняемых, находится на улице Мадрид, иначе говоря, там, где заседает правление пресловутого «Комитета железозаводчиков», т.-е. центрального органа французского металлургического треста. Само собой разумеется, что металлургический трест, который до войны поддерживал самые тесные связи с германской металлургической индустрией, который немедленно после войны будет заодно с германским Стальным синдикатом обделывать разные делишки на мировом рынке и сообща подготовлять новую войну, не имеет никакого интереса выдавать своих членов, виновных лишь в последовательности и некоторой неосторожности.

Попытка металлургического треста затушить все это неприятное для него «дело металлических карбидов» завершилась успехом. Тому было много причин. Немаловажным фактором, содействовавшим успеху этой попытки металлургического картеля, явилось, как мы увидим ниже, поведение в данном вопросе французской «официальной» социалистической партии, которая с момента смерти Жореса окончательно уклонилась в русло оппортунизма. Что касается буржуазных партий, поведение последних в вопросе об интернациональных капиталистических картелях, действовавших даже во время войны, вполне понятно. Известно, что буржуазная пресса усердно ссылалась на Циммервальдскую и Кинтальскую конференции, чтобы доказать, будто интернационалисты являются скрытыми «германофилами» и т. д., и чтобы скомпрометировать таким образом социалистическое движение вообще. И вдруг оказывается, что во время войны французский картель поддерживает сношения с Германией и Австрией и дает распоряжения своим агентам сбывать необходимые для германских военных заводов металлы по ценам, низшим чем Англии, России и самому французскому правительству. Где же находятся истинные «германофилы» — в лагере интернационалистов или в лагере толкающих «к войне до конца» капиталистов? «Вот он, патриотизм капиталистов», скажут словами Жобера в палате депутатов все более или менее сознательные люди, ознакомившиеся с «делом карбидов». Стало быть, лучше не подымать шума вокруг этого дела

и ни в коем случае не допустить осуждения обвиняемых. Пока дело ограничивалось дебатами в палате депутатов, пока речь шла о каких-то карбидах кальция, ферро-силициуме, ферро-хромах, цианамидах и т. д., сотни тысяч людей, в первый раз слышащих все эти слова, никак не могли взять в толк, о чем идет речь, тем более, что многие газеты нарочно излагали дело в самом запутанном виде, как будто авторы заметок о парламентских дебатах по поводу интерпелляции Мориса Бохановского и Поля Менье совсем разучились писать. Но само собой разумеется, раз дело дошло бы до открытого судебного разбирательства, герои «дела металлических карбидов» предстали бы во всей своей отвратительной наготе перед глазами страны, и миллионы людей увидели бы, в чем заключается «патриотизм» господствующих классов. Стало быть, не следовало допустить такого судебного разбирательства и затушить или во всяком случае затормозить дело. К этому и сводилась кампания многих органов прессы вроде влиятельного «Тан» и других.

Крайне любопытна полемика, которая завязалась в связи с «делом карбидов» между «Л'Юманитэ», органом французских правых социалистов, группировавшихся вокруг Реноделя, Самба, Альбера Тома и т. д., и некоторыми более откровенными и менее осторожными, чем «Тан», правыми газетами, именно — «Пресс», «Патри» и т. д. Сотрудник «Пресс» Алцест в своей статье по поводу дела «карбидов» указывал на существование двух интернационалов: интернационала социалистического и интернационала «плутократического» (internationalisme des ploutocrates). Это замечание вызвало резкую реплику со стороны Реноделя. «Как смеете вы, после трех лет войны, — говорит Ренодель, — сопоставлять наш интернационализм с интернационализмом плутократов. Социалистический интернационал пытался помешать войне и по окончании последней будет бороться за установление прочного мира» («Л'Юманитэ», 12 февраля 1917). Но все же Ренодель избегает распространяться о деле карбидов и упоминает о последнем вскользь. Причину этого умолчания объясняет на другой день в той же газете (см. «Л'Юманитэ», 13 февраля) Марсель Кашен в передовой статье под ультимативным заголовком «Достаточно атак!». «Если вы будете продолжать нас атаковать, — угрожающе заявляет Кашен, обращаясь к правым партиям, — если вы будете нападать на Самба и утверждать, будто угольный кризис является результатом его непредусмотрительности, в частности, социалистических теорий вообще и проч., и проч., мы откажемся от взятого на себя обета молчания и будем говорить о деле карбидов. Пусть знают наши враги, что на удары мы будем отвечать ударами и не позволим, чтобы против партии и ее представителей велась безнаказанно клеветническая кампания».

Известно, что эта кампания правой прессы против Самба вызвала сильное возбуждение среди некоторой части населения против социалистического экс-министра. Перед квартирой последнего несколько раз были устроены враждебные манифестации. Во время сильных морозов,

когда в школах было очень холодно, за отсутствием угля, ученики некоторых лицеев манифестировали на улицах, крича: «Плюйте на Самба». Правда. Самба не обнаружил никаких талантов государственного деятеля, во всяком случае, смешно было взваливать на Самба ответственность за угольный кризис, тем более, что Самба никакой роли на своем посту не играл, и вся фактическая власть находилась в руках военной администрации. Как бы то ни было, кампания правой прессы по поводу Самба, утверждения, будто деятельность этого министра является доказательством полного банкротства социализма и т. д., вызывали сильное раздражение среди социалистов-министериалистов. «Угольная политика Самба не имела в себе ничего социалистического»,—писала в оправдание экс-министра «Л'Юманитэ» от 17 февраля 1917 года.

«Ультиматум», так озаглавил в «Либертэ» от 15 февраля Жорж Бертулла свою ехидную ответную статью на упомянутую выше передовицу Марселя Кашена. «Итак, — говорит Бертулла, — нам запрещено критиковать Самба. Нам предъявлен М. Кашеном следующий ультиматум: или вы перестанете сваливать ответственность на Самба за угольный кризис, или в противном случае я обрушусь на вас всей тяжестью металлических карбидов».

И нужно признать, что с тех пор как существуют в мире социалистические партии, в первый раз из-под пера социалиста вырвались строки вроде тех, какие были напечатаны в статье Марселя Кашена. Но нужно сказать, что Кашен лишь откровенно высказал то, что думают и делают его сотоварищи. С этой точки зрения ультимативная статья Кашена, пугающая противников Самба угрозой: «замолчите, иначе и мы перестанем молчать», представляет своего рода исторический документ для изучения той трансформации, которую война, министериализм и т. д. внесли в психику большинства партийных работников, бывших только накануне войны «непримиримыми» сторонниками классовой борьбы, анти-министериалистами и проч.

В заключение мы считаем необходимым прибавить, что глубоко ошибутся те, кто из сказанного выше сделает вывод, будто только французские капиталисты снабжали неприятельские страны некоторыми необходимыми для ведения войны материалами и будто «дело карбидов» доказывает, что во всяком случае во Франции капиталистический интернационал действовал с особой бесцеремонностью [1]). Целый ряд фактов свидетельствует о том, что в других странах дела, подобные «делу карбидов», начинаются, развиваются и доводятся до благополуч-

---

[1]) Заметим, что даже «дело карбидов» известно нам лишь в некоторых своих деталях. Многое было скрыто самим правительством. «Вы знакомы с этим страшным делом лишь в некоторых его частях», — заявил, обращаясь к депутатам, министр Вивиани в своей речи от 13 февраля (см. «Журналь Оффисиель». Заседание 13 февраля, 17 стр., столбец 2-й). Тем более невозможно говорить о немецких картелях, действовавших по отношению к Франции и Англии или Италии и т. д., подобно тому как «Общество карбидов» действовало по отношению к Германии.

ного конца при полном безмолвии и попустительстве парламентов, прессы, министров юстиции и всего правительства. В настоящее время можно говорить лишь о самых «безобидных» фактах подобного рода из германской практики. Знаменитая германская химическая компания «Баденская Анилиновая и Содовая фабрика» усердно снабжала во время войны анилиновой краской, через посредство Швейцарии и Голландии, Францию и Англию. На препаратах этой фирмы, доставленных во время войны контрабандным образом в Англию и Францию, можно было читать надпись «Баденская Анилиновая и Содовая фабрика».

Турбины, гидравлические двигатели, действовавшие на французских заводах, работавших для нужд национальной обороны и выписанные до войны из Германии, в случае порчи отправлялись в нейтральную Швейцарию, оттуда переправлялись в Германию, здесь они исправлялись самым аккуратным образом и обратным путем через Швейцарию возвращались во Францию. Многие медицинские препараты, как, например, аспирин, в громадном количестве доставлялись из Германии через Швейцарию и другие нейтральные страны воюющим с Германией державам. Однако, не только такие, сравнительно невинные с военной точки зрения предметы, как аспирин и другие медикаменты, как исправленные турбины, даже некоторые химические краски и т. д. доставлялись из Германии воюющим с ней державам.

7. Английская металлургическая и военная индустрия в 1914—1916 г.г. Первый год войны. Мобилизация и милитаризация промышленности в Англии для нужд войны. Создание могучей военной индустрии в Англии. Война и доходы. Английские капиталисты и Италия.

Английская военная индустрия, занимавшая столь видное место в мирное время на поприще борьбы за мировой рынок, в первый период войны оказалась совершенно неподготовленной к грандиозной задаче, которую ей пришлось выполнить. В течение первых двух лет войны многие французы, а порой и некоторые англичане, с недоумением ставили вопрос: почему при наличности трех миллионов волонтеров, которыми располагала Великобритания, согласно официальным данным, английская армия во Франции занимает ничтожную часть фронта? Известно, что на 20-й месяц войны английские войска занимали во Франции фронт всего в два раза длиннее маленькой бельгийской армии и в д е с я т е р о меньше фронта французской армии [1]). Ответ на этот вопрос нужно искать в характере деятельности и организации английской металлургической и военной промышленности в первый период войны, в условиях производства в этой важной отрасли великобританской индустрии.

---

[1]) В апреле 1915 г. английская армия занимала всего 31 милю, в то время как французская — 543 мили.

Накануне войны все металлургические заводы на земном шаре потребляли ежегодно в среднем около 134 миллионов, тонн руды. Впереди других стран по производству железа шли, как известно, С. Штаты, где ежегодно извлекалось до 52 милл. тонн руды, затем Германия с производством в 27 милл. тонн, наконец, на третьем месте — Англия с годовым производством приблизительно в 17 милл. тонн, между тем как чугуноплавильные и сталелитейные заводы Англии перерабатывали ежегодно в среднем около 24.360.000 тонн руды. Таким образом, англичане потребляли всю добываемую в стране руду и, сверх того, импортировали около 8 милл. пуд. руды из Испании, С. Штатов, Алжира, Швеции, Франции и России на специально сооруженных для транспорта железа английских грузовых судах.

Казалось бы, раз Англия начала войну с величайшей в Европе металлурической державой, заводчикам Великобритании надлежало бы напрячь все свои силы, чтобы сразу, во-первых, приспособить национальную военную и металлургическую индустрию к задачам национальной обороны, а во-вторых, чтобы снабдить необходимыми первичными материалами союзников Англии, особенно Францию, у которой, с оккупацией части ее провинций немцами, оказалась сильная недохватка в угле. железе, стали и других материалах для нужд ее военной индустрии. В действительности произошло совершенно обратное. Как только началась война, английские фабриканты, получив неожиданно небывалые по размерам заказы из Голландии, Швеции, Норвегии, Дании и других нейтральных стран, стали снабжать последние всеми необходимыми «фабрикатами» и первичными материалами, которые из этих нейтральных стран переправлялись, конечно, в Германию.

Не имея представления о характере современной войны, английское правительство предоставило вначале фабрикам и заводам заниматься прежними делами и изготовлять, как и в мирное время, всякого рода фабрикаты не только для Южной Америки, Канады, Китая и т. д., но и для экспорта в Голландию, Данию, Швецию, Норвегию, Грецию. Болгарию и другие нейтральные и «дружественные» страны, которые, в свою очередь, наживали громадные капиталы на перепродаже покупаемых в Англии товаров центральным державам. И пока такая возможность экспорта товаров в Германию и Австрию была на лицо, у многих английских фабрикантов не могло быть особенно горячего желания отдаться изготовлению снарядов для английской армии.

Не подлежит никакому сомнению — и об этом не раз писалось и в английской прессе — что в течение первого года войны главным поставщиком немецкой «контрабанды» являлась именно Англия, промышленники которой ради повышения своих барышей сделали все от них зависящее, чтобы свести к нулю значение блокады «варварской» страны, «нагло» нарушившей нейтралитет маленькой Бельгии. Только в октябре 1915 г. Альбер Тома, вернувшись из своей поездки в Лондон.

сообщил, что обе страны, Англия и Франция, обязались взаимно посвятить все свои первичные материалы на производство предметов национальной обороны, оставляя на втором плане требования частной индустрии, и «что этот договор имеет для Франции капитальное значение». Действительно, этот пункт имел громадное значение и для Франции, и для Англии, но означенная мера была принята несколько поздно, именно на 16-й месяц войны.

Наряду с указанной выше причиной, помешавшей быстрому снабжению английской армии всем необходимым боевым аппаратом, — причиной, лежавшей в жадности и своекорыстии фабрикантов, не желавших упустить возможности продать по необыкновенно высокой цене свои товары в нейтральные страны, — в том же направлении действовали другие причины общего характера, не зависящие от воли и желаний отдельных фабрикантов.

Английская металлургическая и военная индустрия, удивительно приспособленная для производства всего, что касается морского дела, приготовлявшая для всех государств дредноты, супер-дредноты, бронированные крейсеры, паровые котлы, морские орудия и пр., не была в такой же мере подготовлена для снабжения сухопутной армии всем необходимым военным материалом. Ибо в мирное время внутренний военный рынок для этого рода английской металлургической индустрии был слишком незначителен и узок по сравнению с внутренним рынком, которым располагали соответствующие французская и германская индустрии; английская сухопутная армия была невелика и значительно уступала по численности армиям первоклассных континентальных держав. В июле 1914 г., т.-е. в момент объявления войны, английская армия, так называемая полевая или экспедиционная армия (Field Force или Expeditionary Force), насчитывала всего 239.000 солдат и 12.000 офицеров. Когда неожиданно эта сравнительно маленькая армия развернулась в $1^1/_2$, а затем в 3-миллионную the new king's army (новую королевскую армию), когда из 6 дивизий, первоначально высадившихся во Франции, образовалось быстро сначала 12, потом 24, затем 36, наконец, 100 дивизий, английской промышленности пришлось до основания перевернуть все свое производство и произвести настоящую революцию. Английская индустрия оказалась вынужденной создать все заново, от тяжелой и легкой артиллерии, ружей, штыков и патронов до последней пуговицы для этих миллионов волонтеров. Между тем, фабрикация военного материала, в особенности полевой артиллерии и ее снарядов, представляет собой специальную отрасль промышленности, требующую крайней точности. В Англии же главные ветви металлургической промышленности сосредоточили накануне войны свою деятельность на производстве рельсов, локомотивов, грузовых пароходов, листового железа, одним словом — предметов, не требующих той точности, которая характеризует производство значительной части отраслей специально французской промышленности. Таким образом, когда началась война, в Англии, с одной стороны, оказалось сравни-

тельно очень мало инженеров, знакомых на практике с фабрикацией различных элементов военного аппарата сухопутной армии, с другой стороны — самый характер английского производства повел к тому, что в момент войны оказалось весьма трудным найти в Англии достаточное количество инженеров и квалифицированных рабочих, способных, как это было во Франции и Германии, быстро приспособиться к фабрикации предметов, требующих необыкновенной точности в работе. Лишь постепенно, при помощи французских и швейцарских инженеров, удалось и в Англии уже на 2-й год войны создать многочисленные кадры промышленной армии для производства всего необходимого боевого снаряжения и амуниции, в которых нуждались многочисленные английские дивизии, сражавшиеся не только под боком, во Франции, но и в далеких краях, в глубинах Африки, в Египте, Месопотамии, Салониках, Дарданеллах и т. д. Кроме того, английской металлургической и военной индустрии пришлось взять на себя, при содействии французских фабрик, и задачу снабжения артиллерии снарядами, блиндированными автомобилями, аэропланами, перевязочными средствами и т. д. бельгийской, черногорской, сербской, итальянской и русской армий.

Не следует также забывать, что в течение всей войны английской индустрии пришлось много работать над сооружением новых судов и исправлением старых и что эта важная задача мешала сосредоточению всей энергии исключительно на вооружении сухопутных армий. Как напомнил Ллойд-Джордж на заседании союзной конференции по вопросу об интенсификации дела снабжения войск вооружением и военными припасами, — конференции, имевшей место в английском военном министерстве 12-го июля 1916 г., — в этот момент более половины рабочего персонала всей английской металлургической промышленности, т.-е. более миллиона человек, было занято работами по сооружению новых и исправлению бывших уже в действии судов английского флота [1]).

* * *

[1]) Зато английский флот выполнил за время войны титаническую работу. По заявлению премьер-министра Асквита в палате общин 2 ноября 1915 г. английский флот от начала войны транспортировал $2^1/_2$ миллиона офицеров и солдат, 320.000 больных и раненых, $2^1/_2$ миллиона тонн провианта, 800.000 лошадей и мулов. Потери флота, несмотря на выполненную исполинскую задачу, достигли всего 0,1%. Кроме того, весь торговый и военный немецкий флот оказался запертым в своих портах и не отважился, за редкими исключениями, выйти в море.

В речи от 15 октября 1917 г. Ллойд-Джордж привел следующие данные о работе английского флота: «С начала войны для нужд союзных флотов и армий было переправлено 13 миллионов солдат, 2 миллиона лошадей, 25 миллионов тонн взрывчатых веществ и военного снаряжения, 51 миллион тонн топлива. Из этих 13 миллионов солдат, переправленных за три года войны, не прибыло по назначению лишь 3.500 человек, из которых всего только 2.700 погибли от рук неприятеля; кроме того, английским флотом были перевезены громадные количества пищевых продуктов и зерна, превышающие 130 миллионов тонн».

При таких условиях неудивительно, что Англия, — эта первая по своему промышленному развитию страна в мире и вторая по силе своей металлургии страна в Европе,—в течение первых $1^1/_2$ лет войны не могла снабдить свою импровизированную 3-миллионную армию необходимым количеством оружия и снарядов. Зато только эта необычайная высокая степень промышленного развития Англии, сила ее металлургии дала возможность Великобритании, в конце концов, все же преодолеть все трудности в деле промышленной мобилизации и достигнуть поставленной задачи, именно—снабжения многочисленных английских армий фантастическим количеством снарядов, тысячами пулеметов, аэропланов, легких орудий и сотнями тяжелых орудий. В июле 1916 г., когда началось англо-французское наступление у Соммы, английские заводы производили ежемесячно несколько сот пушек и гаубиц легкого, среднего и тяжелого калибров. Что касается боевых припасов, в этот момент английские заводы производили в два раза больше снарядов для легкой артиллерии и в три раза больше для тяжелой, чем 10 месяцев перед тем, во время сентябрьского наступления в Шампани. Но и этот прогресс был, конечно, еще недостаточен, и на упомянутой конференции Ллойд-Джордж указал, что английские заводы производят пока лишь т р е т ь того, что они в скором времени будут в состоянии производить, ибо английская военная индустрия развивается с поразительной быстротой.

Как бы то ни было, во время наступления у Соммы в июле 1916 г. английская индустрия оказалась способной снабдить всеми необходимыми военными припасами сражавшуюся на французском фронте громадную армию в 1.200.000 ружей, не считая многочисленной артиллерии и кавалерии и не говоря уже об английских дивизиях, сражавшихся на других континентах.

Чтобы осуществить эту задачу, которую немецкие специалисты считали для Англии невыполнимой, великобританскому правительству пришлось пойти по пути германского и французского: перевести всю промышленность страны на «военное положение», не останавливаясь ни перед какими «новшествами» и не смущаясь никакими предрассудками. А задача предстояла грандиозная. Чтобы дать представление об этой задаче, достаточно сказать, что в первые шесть месяцев кампании (т.-е. в 1914 г.) воюющие стороны, вместе взятые, расходовали ежедневно, по вычислениям одного немецкого артиллерийского офицера, приблизительно до т р и д ц а т и м и л л и о н о в патронов в день. Что касается артиллерийских снарядов, одна Германия расходовала ежедневно на обоих фронтах в течение этого периода по 150.000 снарядов.

Прежде всего английское правительство взялось энергично за расширение уже существующих казенных заводов и арсеналов и за создание совершенно новых фабрик. На одних государственных заводах число рабочих было утроено, на других учетверено, на третьих увеличено в еще большей пропорции. Кроме того, было создано 16 совершенно новых фабрик для изготовления снарядов. Но все это было лишь

каплей в море, и английское правительство еще не понимало всей серьезности положения и не предугадывало характера, который примет война. В начале последней английское правительство рассчитывало очевидно собственными силами, путем увеличения уже существующих государственных заводов и создания одного-другого десятка новых грандиозных фабрик, справиться с поставленной задачей без помощи частной индустрии, которая преспокойно занималась своими прежними делами, согласно лозунгу: Briton's motto — business as usual» (Девиз британцев — дела по-обычному).

Это было глубокое заблуждение английской буржуазии и английского правительства, и за эту ошибку Великобритании и ее союзникам пришлось жестоко пострадать.

Ведь дело заключалось не в том, чтобы увеличить производство военной индустрии сравнительно с мирным временем в два, в пять или даже десять раз, и не в том, чтобы мобилизовать на военных фабриках в придачу к прежней промышленной армии рабочих еще 100, 200 или даже 300 тысяч рабочих. Речь шла теперь об увеличении производства в 50 и 100 раз и о мобилизации специально для военной индустрии новой армии промышленных рабочих в 2 — 3 миллиона человек самое меньшее. И если, как мы отметили выше, казенная индустрия даже в мирное время не была в состоянии выполнять более 20% или 30% всех заказов военных министров, тем более оказалась она неспособной ответить предъявленным ей требованиям в столь «революционный» для нее в производственном отношении момент, как эпоха великой европейской войны.

Таким образом, и английскому правительству пришлось пойти по пути германского и объявить мобилизацию промышленности с той разницей, что в то время как в Германии манифест о мобилизации промышленности был объявлен уже через шесть дней после военной мобилизации, в Англии, как и в России, прошло много месяцев, и понадобились серьезные неудачи на полях сражения, прежде чем правительство взялось за мобилизацию и «милитаризацию» частной промышленности. В начале войны английская промышленность занималась исполнением военных заказов в очень ограниченных размерах. Военные заказы давались преимущественно в Америку, где для выполнения их надо было еще сооружать специальные заводы. Но скоро пришлось отказаться от ведения войны согласно лозунгу: «Девиз британцев — дела по-обычному», и вся промышленность страны была приспособлена для военных надобностей, особенно для изготовления снарядов.

Чтобы заставить капиталистов отказаться от их «флегмы», желания вести дела «по-обычному», — не ломая производства и старых навыков, — оставалось одно решительное средство: сделать производство военного материала настолько выгодным для предпринимателей, чтобы у последних явилась охота купить новые машины, станки, расширить помещения, найти новых инженеров и т. д., не считаясь с тем, что война не будет вестись вечно. Правда, предсказание Китченера, что

война будет вестись самое меньшее 3 года, могло поощрить многих не слишком робких предпринимателей взяться за новое дело, но все-таки, если бы это дело не сулило особенно высоких доходов, тысячи предпринимателей, слишком привыкших к рутине, едва ли рискнули бы перевести свое предприятие на новые рельсы. Задача правительства заключалась в том, чтобы показать капиталистам, что при данных условиях содействие делу национальной обороны является более доходным, чем когда-либо, предприятием, что патриотизм представляет собой наиболее выгодное помещение капитала, мыслимое в момент войны. Вся дальнейшая законодательная деятельность правительства в области «промышленной мобилизации» была направлена почти исключительно к этой цели — убедить и побудить капиталистов энергично заняться созданием сотен и тысяч военных фабрик, и, в конце концов, эта цель была достигнута и, вопреки всем пророчествам германской прессы о невозможности для Англии организовать и вооружить в процессе войны из «ничего» 3-миллионную армию, эта задача была блестяще выполнена английским правительством.

Знаменитый «Munitions Act», акт о военном снаряжении, от 2-го июля 1915 г. провозглашал принцип, согласно которому всякое промышленное заведение, способное изготовлять снаряды или вообще материал, могущий пригодиться для войны, может быть объявлено «controlled establishment», т.-е. фабрикой, находящейся под контролем правительства, имеющего право регулировать производство в данном предприятии, устанавливать в нем условия фабрикации военного материала, величину рабочего дня, размеры заработной платы, запрещение стачек и т. д. Кроме того, значительная часть возникших во время войны частных предприятий, работающих на нужды морского и военного ведомств, финансировалась правительством, выдававшим предпринимателю авансы на покупку материалов и оплачивавшим во многих случаях еженедельно заработную плату и жалованье служащих. По понятию, что такой порядок применялся лишь по отношению к мелким и средним предприятиям. Крупные заводы предпочитали брать нужные им финансовые средства на расширение предприятия в банках, тем более, что дело сулило громадный и верный доход и что правительство, если не выдавало аванса, во всяком случае немедленно оплачивало фабриканта по доставке им заказа. Неудивительно, что при таких условиях многие фабрики и стоявшие за их спиной банки нажили громадные капиталы.

Очень серьезная опасность грозила делу национальной обороны со стороны тех «высоко-патриотически» настроенных предпринимателей, у которых имелись запасы некоторых крайне важных для военной индустрии металлов. Само собой разумеется, что такого рода капиталисты отнюдь не были заинтересованы в том, чтобы по первому призыву «отечества», борющегося с «ненавистной и варварской» Германией, предложить все имеющиеся у них запасы в распоряжение родной страны. Во-первых, было в высшей степени выгодно экспортировать эти металлы

в нейтральные страны, где за них платили очень хорошо и откуда эти металлы направлялись в столь нуждавшиеся в них центральные державы — Германию, Австрию — и союзные или другие дружественные с последними страны; во-вторых, было не менее выгодно удерживать эти запасы на хранении и выпускать их на внутренний рынок в недостаточных количествах, дабы таким образом вызывать непрерывное повышение цены металла и увеличить значительно свои доходы. Этот «трюк» патриотически настроенных фабрикантов был, понятно, разоблачен некоторыми органами прессы, потребовавшими реквизиции всех имевшихся в стране запасов металлов и некоторых специальных сортов угля, необходимых для фабрикации снарядов наивысшей разрушительной силы, и Ллойд-Джордж почти через год после начала войны в своей речи в палате общин от 24 июня 1915 г. указал на необходимость правительственного контроля над металлическим рынком в интересах предотвращения указанных нами выше ненормальностей.

«Что касается первичных материалов, — сказал министр, — может быть, правительству будет необходимо взять контроль над металлическим рынком в свои руки. С сожалением я должен сказать, что некоторые круги не выпускают металлов на рынок в надежде на повышение цен, что вызывает сильные задержки в снабжении армии необходимым количеством снарядов. Такого рода образу действий должен быть положен конец, иначе за недостатком первичных материалов придется совершенно остановить[1]) фабрикацию снарядов и материала для армии».

Как бы то ни было, благодаря «энергии» правительства, а прежде всего благодаря крайней выгодности и доходности новых предприятий, — доходности, обусловливаемой всеми этими авансами и уплатой наличными по доставке заказа, притом по высокой цене и. т. д., — дело снабжения сухопутной армии всем необходимым материалом, в конце концов, наладилось и пошло как по рельсам.

Прежде всего увеличили размеры своего производства уже существовавшие до войны металлургические и оружейные фабрики. Так, заводы пяти упомянутых выше могущественных фирм, Виккерса, Армстронга, Каммель, Лэрд и Виллиама Бирдмора, занимали скоро после объявления войны несколько сот тысяч рабочих, из которых часть работала специально для сухопутной армии, при чем фирмы Виккерса и Армстронга занимали до 60.000 человек каждая на своих заводах. Многие заводы расширили значительно свои помещения, сделали пристройки, воздвигли новые этажи, так что около многих военных заводов, работавших на всех парах, можно было видеть сотни землекопов, каменщиков, плотников, воздвигавших новые мастерские и целые здания рядом со старой фабрикой, где днем и ночью шла работа по изготовлению снарядов и других материалов для армии. Во многих случаях хлопчатобумажные фабрики отводили два-три этажа своего помещения

[1]) Курсив наш. *М. П.*

под мастерские для приготовления снарядов [1]); в других случаях хлопчатобумажники пристраивали новые здания к своим фабрикам специально для изготовления военного материала. Заводы, изготовлявшие до войны автомобили, велосипеды и т. д., находили выгодным выписывать из Америки новые дорогие машины и сосредоточивать свое производство исключительно на изготовлении снарядов, патронов и т. д. Так, одна такая фабрика, изготовлявшая в начале войны ежедневно 50.000 ружейных патронов, приготовляла в августе 1915 г. ежедневно 400.000 патронов и собиралась довести производство до 2.000.000 патронов в день, т.-е. увеличить его в сорок раз по сравнению с начальным периодом [2]). Другая частная фабрика в этот же период (август 1915 г.) изготовляла 1 миллион ружейных патронов в день и также собиралась интенсифицировать свое производство путем увеличения рабочего персонала и приобретения новых машин.

Порой какой-нибудь пустырь, где раньше не было никакого жилого помещения и где мирно пасся скот, превращался в маленький фабричный городок, где поднимались громадные заводы, изготовлявшие тяжелые и легкие орудия, пулеметы, снаряды и т. д. Английские газеты нередко печатали фотографии одного и того же места, совершенно пустынного и покрытого травой несколько месяцев назад и представлявшего сплошной ряд многоэтажных зданий с высокими фабричными трубами через год после войны.

Иногда крупные заводы, вместо того чтобы покупать новые машины и расширять свои помещения, попросту передавали значительную часть получаемых ими заказов за соответствующую «комиссию» десяткам мелких предприятий. Так вокруг крупных предприятий создавались и группировались десятки и сотни средних и мелких промышленных заведений, работавших на армию и разжившихся благодаря войне.

Таким образом, наряду со старыми казенными и частными заводами, создались сначала сотни, а затем тысячи новых предприятий, занимавшихся изготовлением патронов, снарядов, колючей проволоки для заграждений, ружей и револьверов, сабель, штыков, военных автомобилей, повозок для армии и т. д., и т. д. И когда, в июне 1915 г., Ллойд Джордж внес в палату общин свой билль о мобилизации промышленности, акт о военной амуниции (Munitions of War Act), направленный к интенсификации производства военного материала, в стране имелось уже, по официальным данным, около 715 крупных фабрик и заводов, работавших для войны. Благодаря этому «акту о военной амуниции», Ллойд-Джордж получил возможность, во-первых, объявить «контролируемыми предприятиями» все эти 715 крупных фабрик и заводов; во-2-х, мобилизовать все нужные силы и средства для создания 27 колоссальных государственных заводов, национальных арсеналов,

---

[1] «Ле Тан», 14-VIII-15.
[2] «Л'Энформасьон», 11-VIII-15.

которые должны были сильно двинуть вперед производство орудий и средств разрушения.

Однако, главная цель «акта о военной амуниции» заключалась в том, чтобы повысить производительность «контролируемых предприятий» путем регулировки условий труда в смысле увеличения длины рабочего дня, отнятия у пролетариев тех прав, которые они завоевали в результате тяжелой вековой борьбы с предпринимателями, и т. д. «Акт о военной амуниции» запрещал совершенно стачки и локауты в «контролируемых предприятиях» под угрозой штрафа до 5 фунтов стерл. с каждого рабочего и открывал правительству возможность распространить это запрещение в порядке указов на любую отрасль народного хозяйства, так или иначе связанную с производством военного материала. Акт прежде всего отнял у рабочего класса единственное, имеющееся в его распоряжении средство защиты — стачку. Но Ллойд Джордж не остановился на этой решительной мере, наносившей такой удар пролетариату. Чтобы помешать рабочим покидать «контролируемые предприятия» и искать себе заработка в предприятиях, не имеющих отношения к делу «национальной обороны», было издано предписание, по которому рабочий персонал каждой данной фабрики теряет право покинуть свою фабрику[1]).

С момента издания акта о военной амуниции число милитаризованных предприятий стало быстро расти. Само собой разумеется, что не сразу все частные предприятия, занимавшиеся изготовлением боевых припасов, были мобилизованы. 6 августа 1915 г. Ллойд Джордж заявил в парламенте, что под контролем министерства военных снабжений находятся 345 промышленных заведений; к 28 августа это число поднялось до 535 предприятий, а в начале сентября до 714. Согласно заявлению Ллойд-Джорджа в палате общин 22 октября 1915 года, к этой дате под правительственным контролем работало уже 1.346 промышленных предприятий, изготовлявших боевые припасы. Но это было только

[1]) Русский читатель найдет интересные сведения об «акте о военной амуниции» в статье А. Чекина: «Неизведанными путями», в «Вестнике Европы» ноябрь 1915 г. Правда автор значительно смягчает краски, говоря о значении этого акта, и старается оправдать поведение английской буржуазии, доказывая, что действительным намерением законодателя было лишь желание обеспечить «большую скорость и безостановочность в выработке военного материала». Автор уверяет, что законодатель отнюдь не стремился ввести с помощью «акта о военной амуниции» натуральную повинность для рабочих, что в Англии совершенно нет объективных условий для восстановления в какой-либо форме видоизмененного крепостничества, которое мыслимо лишь при совершенно ином, чем здесь, общественно-политическом строе» и т. д. Уже один тот факт, что для защиты мер, принятых английским правительством по отношению к рабочему классу, приходится прибегать к подобным аргументам, ясно подчеркивает реакционный характер «акта о военной амуниции». Правда, возможно, что, выслушав защиту А. Чекина, Ллойд-Джордж поступил бы подобно тому подсудимому, который после речи своего защитника попросил судей забыть все то, что говорил его адвокат, и считаться лишь с тем, что сказал прокурор. Но это был бы лишь ловкий прием со стороны Ллойд-Джорджа.

начало. В ноябре 1915 г. в Англии числилось уже 1.600, а 6 декабря того же года—2.026 промышленных учреждений, изготовлявших снаряды для армии и находившихся под контролем правительства. В это время около 700.000 рабочих, в том числе 50.000 женщин, было занято в 715 учреждениях, приготовлявших снаряды и оружие, не считая рабочего персонала в арсенале Вульвича и на других казенных заводах.

Процесс умножения числа военных фабрик не кончился в 1915 г. В марте 1916 г. под контролем правительства находилось уже 3.052 фабрики, т.-е. на 1.028 фабрик больше, чем в конце 1915 г. [1]). И среди этих новых фабрик было много заводов, не уступавших по своим размерам знаменитым пушечным фабрикам Крезо. В этот момент (в марте 1916 г.) изготовлением снарядов в Англии занималось уже 1.750.000 рабочих, среди которых было много женщин и волонтеров, неспособных носить оружие.

И что особенно поражало наблюдателя при взгляде на новые сооружения — это то, что все эти вновь воздвигаемые здания клались в большинстве случаев на самом прочном фундаменте и строились из самого крепкого материала. Деревянные бараки, временные амбары воздвигались лишь в очень редких случаях. Мастерские, лаборатории, бюро, помещения для рабочих и т. д. — все это создавалось, очевидно, не только на период войны, но и на мирный период. Очевидно, многие предприниматели уже в начале войны предугадывали, что Англия введет скоро всеобщую повинность и что после войны сухопутная армия сделается таким же предметом внимания и попечения со стороны правящих классов, каким был до сих пор флот.

Само собой разумеется, что вместе с увеличением числа новых предприятий, работавших на армию, и расширением старых, производство военного материала увеличивалось в соответствующей пропорции. Если принять за 20 число артиллерийских снарядов, изготовленных в сентябре 1914 г., окажется, что через месяц, в октябре, число снарядов определилось в 90, т.-е. увеличилось в 4,5 раз; в декабре это число определялось 156, в январе — 186, в феврале — 256, в марте — 388. Итак, за семь месяцев, с сентября 1914 по апрель 1915 г., производство артиллерийских снарядов возросло почти в двадцать раз. Но на этом рост производительности военной индустрии не остановился. Так, в ноябре 1915 г. число ежедневно изготовляемых снарядов для легкой артиллерии в тридцать раз возросло по сравнению с маем того же года. Но и этого, конечно, было недостаточно, несмотря на громадные количества снарядов, которые изготовлялись для английской армии в Канаде [2]), Новой Зеландии, Австралии и Южной Африке.

---

[1]) 1-го августа 1916 г., т.-е. к началу третьего года войны, в Англии числилось, по заявлению министерства снаряжений, 4.052 фабрики, находившиеся под контролем правительства.

[2]) Согласно заявлению генерала Бертрама, председателя Канадского Совета по производству снарядов, в июне 1915 г. в Канаде имелось в 28 различных городах 247 фабрик, занятых производством военного материала. «Фабрика-

В течение 1914 — 1915 г.г. английские металлургические заводы переработали целые горы металла, именно: 50.000.000 тонн стали и 40.000.000 железа, т.-е. более 6 миллиардов пудов того и другого металла. На всех фабриках Великобритании, приготовлявших оружие и снаряды, работало в конце 1915 г. 525.000 человек специально для сухопутной армии.

В 1916 г. процесс интенсификации производства боевого материала шел с той же быстротой, что и в последние месяцы 1915 г.

«Акт о военной амуниции» поставил индустрию, занимавшуюся изготовлением материала для армии, в привилегированное положение и необычайно повысил доходы предприятий, прямым или косвенным образом работавших для войны. Причины необычайной выгодности этого рода предприятий были в Англии те же, что и в других странах: 1) устранение всякой конкуренции, в виду наличности одного заказчика — военного министерства, которое передавало заказы всем имевшимся налицо предприятиям, жалуясь лишь на невозможность найти достаточное количество фабрикантов для исполнения всех намеченных заказов; 2) высокая цена за доставленный товар; 3) уплата наличными немедленно по доставке заказа; 4) кредит и авансы со стороны самого заказчика. К этим благоприятным условиям присоединилась, благодаря акту о военном снаряжении, возможность более интенсивной эксплоатации рабочего труда, в виду запрещения, под угрозой строгих кар, забастовок, подстрекательства к стачкам, ухода рабочих на другие фабрики по их собственной инициативе или в результате сманивания рабочего персонала, особенно квалифицированных рабочих, «недобросовестными» конкурентами.

Неудивительно, что со второго года войны военные фабрики в Англии стали вырастать, как грибы из земли. Целый ряд городов и среди них прежде всего Ковентри, — «город трех колоколен», как называли его средневековые летописцы, далее Шеффильд, Лидс, Бирмингам. Лондон, Сендерланд покрылись каждый сотнями оружейных мастерских и фабрик для изготовления боевого снаряжения.

ция снарядов в Канаде, — сказал ген. Бертрам, — скоро достигнет цифры 50.000 снарядов в день. 60 тысяч рабочих заняты этим делом. Совет дал приказ изготовить 9 миллионов снарядов, включая шрапнель и снаряды, начиненные сильным взрывчатым веществом. В настоящее время в Канаде изготовляется сильнейшее взрывчатое вещество — тринитуал. Кроме снарядов, в Канаде изготовляется громадное количество ружейных патронов» и т. д. В заключение, ген. Бертрам заявил, что в Канаде будут сооружены новые фабрики для военных целей. И, действительно, в конце 1915 г. в Канаде числилось уже 320 военных фабрик, на которых работало более 100.000 квалифицированных рабочих. Не менее энергично, чем Канада, работала для армии и Австралия. Не ограничиваясь изготовлением снарядов, колонии послали на помощь метрополии десятки тысяч волонтеров. Так, до ноября 1915 г. Канада отправила в Англию армию в 96 тысяч человек, Австралия дала за этот период 92.000 солдат, Новая Зеландия — 25.000 и Южная Африка — 5.500, не считая тех, которые в Африке вели войну с немецкими войсками.

В городе Лидсе, где в начале войны не было ни одной военной фабрики, через год было около 600 таких фабрик. Шеффильд к концу 1915 г. представлял собой один обширный арсенал, превосходивший по своим размерам даже Эссен. На расширение помещения Шеффильдской фабрики, изготовлявшей снаряды, было израсходовано около 50 миллионов франков. На этой фабрике в ноябре 1915 г. работало 12.000 человек. На пушечной фабрике в Шеффильде работало 9.000 человек. И во многих индустриальных городах Англии кипела такая же лихорадочная работа по изготовлению оружия и снарядов для армии. Между тем в первые месяцы войны английская индустрия изготовляла всего 10.000 снарядов в месяц, в то время как австро-германская приготовляла 250.000 снарядов в день, т.-е. 7.500.000 в месяц. Иначе говоря, в первые месяцы войны Англия, эта вторая по развитию своей металлургической индустрии страна в Европе, изготовляла в 750 раз меньше, чем обе центральные державы. Тем более энергии пришлось проявить английскому правительству позже, особенно через год после начала войны, именно после отступления русских армий из Галиции, чтобы снабдить английские, а отчасти и союзные войска необходимым количеством снарядов. Вся страна была разделена на десять промышленных районов, и во главе каждого района была поставлена особая комиссия, в которую наряду с представителями правительства вошли местные фабриканты и специалисты по техническим вопросам. Таким образом, вся индустрия была мобилизована для нужд войны.

Само собой разумеется, что благодаря войне многие английские фирмы значительно поправили свои дела. Война разорила многих, но в то же время она создала громадные состояния и дала возможность некоторым предприятиям, стоявшим чуть ли не накануне банкротства, получить такие доходы, что они оказались в состоянии выплатить своим акционерам громадные дивиденды. Вот несколько примеров из опубликованных в английской прессе списков предприятий, дела которых значительно улучшились за время войны:

Фирмы [1]):	Прибыль до войны.	После года войны (прибыль сверх прежней).
Great Western (углеторговцы)	90.000 ф. ст.	11.000 ф. ст.
Davis and Sons (тоже)	180.000 » »	39.000 » »
Burnisat Brown and C° (тоже)	100.000 » »	33.000 » »
Ebb Vale C° (жел. рудники)	100.000 » »	56.000 » »
United National (экспорт угля)	110.000 » »	60.000 » »
Spiller and Bakers (механики)	140.000 » »	227.000 » »

У нас имеются сведения относительно некоторых других английских фирм, чрезвычайно поправивших свои дела благодаря войне. Лэмберт Брозсер, фирма, владеющая пароходами в Лондоне и Кардиффе, получила чистой прибыли за год войны 162.148 фунтов стерлингов, что

[1]) Грэт Уестерн, Дэвис и сын, Барнисат Броун и К°, Эбб Вэл К°, Юнайтед Нэшёнэл, Спилер и Бэкерс.

дало ей возможность увеличить свой запасный капитал на 60.000 фунтов стерлингов и удвоить дивиденд акционерам с 10% до 20%. Валовые доходы Нью Хёбсон Сайкл К° поднялись с 14.898 фунтов стерл. до 38.976, а чистая прибыль—с 3.614 фунтов стерл. до 27.834. Это—цифра чистой прибыли в течение года, истекшего к 31 августа 1915 г. Предшествующий год, сентябрь 1913 — сентябрь 1914, несчастные акционеры ничего не получили. Следующий же счастливый год принес владельцам акций этой компании 20% на капитал.

По сообщению Андерсона, социалистического депутата гор. Шеффильда, английская фирма Армстронга только за первые пять месяцев войны, когда боевые силы Великобритании начинали только формироваться и организовываться, получила чистой прибыли 20 миллионов франков, фирма же Виккерса — 26 милл. Если эти сведения, данные Андерсоном, более или менее верны, в таком случае чистая прибыль, полученная каждой из этих обеих фирм за первые 12 месяцев войны, едва ли многим уступает официальной цифре чистого дохода, полученного заводами Круппа.

Прибыль, получавшаяся английскими предпринимателями, была настолько велика, что министр военных снаряжений, пресловутый Ллойд-Джордж, внес закон об ограничении несоразмерной прибыли фабрикантов и заводчиков, работающих на армию. Этот «закон об амуниции», проведенный в парламенте в июле 1915 г., устанавливает, что прибыль промышленников за военный год не должна превышать больше чем на 20% среднюю прибыль последних двух лет до войны [1]). Весь излишек сверх указанной нормы поступает в государственное казначейство. Этим путем должна быть отнята у капиталистов возможность наживать колоссальные доходы на высоких ценах и спекуляциях.

Это ограничение сверх-прибыли, столь тяжкое для капиталистов, было обусловлено желанием министерства показать рабочим, что приносимым последними жертвам, вроде отказа от права стачек, соответствуют известные жертвы и со стороны предпринимателей, что плодами их усиленного труда будет пользоваться исключительно государство. Следует заметить, что закон о сокращении предпринимательской прибыли едва ли мог иметь какое-либо серьезное влияние на ограничение баснословных доходов военной индустрии. В руках предпринимателей имеется много способов, чтобы скрыть свою действительную прибыль, да и государственный контроль за частной промышленностью слишком слаб,

[1]) Допустим, что какой-нибудь фабрикант за последние 24 месяца до войны имел прибыли 200.000 фр. Его средняя годовая прибыль будет определена в 100.000 фр., и таким образом ему предоставляется право получить в год войны 120.000 фр. чистой прибыли. Стало быть, в то время как одни отдают на «алтарь отечества» свою жизнь и оставляют свои семьи без средств к существованию, другие получают возможность на каждые 100.000 фр. чистой прибыли, которую они откладывали в банки или пускали на расширение дела в мирное время, приобретать, благодаря потокам крови, военную «сверх-прибыль» в 20%.

чтобы дать правительству средство конфисковать все доходы сверх 20-процентной нормы. Во всяком случае сама эта норма: «не выше 20%, по сравнению со средней прибылью последних двух лет войны», указывает, как высоки должны были быть доходы английских металлургических, пушечных, ружейных, пороховых и других фабрик, работавших на армию.

Однако, и это скромное «ограничение» прибыли капиталистов касалось первоначально лишь предприятий, работавших непосредственно на армию и подчиненных контролю «министерства военных снабжений». Таких предприятий было, конечно, не очень много. В начале 1916 г., в Англии считалось 2.600 «Controlled Establishments», т.-е. предприятий, изготовлявших артиллерию, ружья, снаряды, весь военный аппарат армии и подчиненных контролю министерства. Разумеется, этой скромной цифрой 2.600 не ограничивалось число предприятий, создавших колоссальные состояния благодаря войне. Электрические фабрики, телефонные, консервные, каучуковые, сахарные, бисквитные, химические и многие другие собирали обильную жатву благодаря войне и получали порой чистую прибыль, на 100 — 150% превышавшую прибыль мирного времени.

Вот почему, проектируя третий военный бюджет Англии, заместитель Ллойд-Джорджа, канцлер казначейства Мак-Кенна предложил помимо названных предприятий обложить «военную прибыль» всех вообще предприятий специальным налогом в 50%. По этому проекту прибыль всякого предприятия, превышающая среднюю прибыль за два наиболее доходных года из последних трех лет, делится на две части — «невоенную» и «военную». Военная прибыль делится, в свою очередь, на две части, равные между собой, при чем одну часть берет себе правительство, другая остается предпринимателю. Допустим, что какой-нибудь фабрикант получил в 1912 г. чистой прибыли 50.000 р., в 1913 — 60.000 р., в 1914 г. — 70.000 р. Средняя годовая прибыль, если взять два наиболее доходных года, 1913 г. и 1914 г., определится в 65.000 руб. Допустим, что этот же капиталист в год войны получил чистой прибыли 100.000 р. В этом случае 35.000 р., составляющие разницу между 100.000 р. и 65.000 р., будут разделены на 2 равные части: 17.500 руб. получит правительство и 17.500 руб. останутся предпринимателю.

Итак, и в этом случае, как мы видим, цель правительства менее всего сводится к «нажиму» на капиталистов. Последний может удесятерить свою прибыль, — в этом случае ему придется уплатить определенную долю правительству, но это не устраняет того факта, что, благодаря войне, данный предприниматель нажил новые миллионы рублей, которых не нажил бы в пять лет в мирное время. Не следует, кроме того, забывать, что так как капиталисты имеют возможность повышать цены на продукты, которые у них покупает в немалом количестве само же правительство, фактически налог на прибыль в военное время представляет собой фикцию, а нисколько не уменьшает прибыли капиталистов.

Лучше всего о военных доходах (war profits) английской индустрии свидетельствует сметный бюджет, представленный преемником Ллойд-Джорджа, министром финансов Мак-Кенна, на заседании палаты общин 23 сентября 1915 г. По вычислениям английского министра, налог на военные доходы в течение первых шести месяцев текущего года (1 апреля 1915 г. — 31 марта 1916 г.) должен принести дохода казне 6.000.000 фунтов стерлингов, а в течение всего фискального года, благодаря сооружению новых фабрик, работающих на армию, — 30.000.000 фунтов стерл. Каковы должны были быть по предложению министра финансов доходы этих предприятий, если налог на слишком большие военные доходы должен был дать казне более 300 милл. рублей в год?

Однако, доходы капиталистов благодаря войне продолжали расти с фантастической быстротой, и 4 апреля 1916 г. Мак-Кенна, внося на рассмотрение палаты четвертый военный бюджет, предложил повысить специальный налог на военную прибыль с 50 до 60% с излишка прибыли. От этого увеличения Мак-Кенна ожидал 11 миллионов фунтов стерл., а всего от налога на военную прибыль ожидалось уже не 30.000.000 ф. ст., а 86.000.000 ф. ст. (75.000.000 ф. ст. военной прибыли по прежней норме плюс 11.000.000 ф. ст. дополнительного налога).

Целый ряд опубликованных не только в английской рабочей, но и в буржуазной прессе фактов о сказочных доходах английских капиталистов за время войны вызвал сильное волнение в рядах даже патриотически настроенных пролетариев, поддерживавших правительство в вопросе о введении воинской повинности, и т. д. 10 июля 1916 года депутация рабочих посетила премьер-министра Асквита и, обратив внимание последнего на скандальный образ действий капиталистов, наживающих в своих карманах новые миллионы фунтов стерлингов на Монбланах трупов своих соотечественников, предъявила требование, чтобы богачи отдали свои деньги на алтарь отечества, раз пролетарии обязаны отдавать свою жизнь на полях битв. Премьер-министр ответил рабочим делегатам обстоятельной речью, в которой он д е т а л ь н о[1]) показал, какие колоссальные жертвы приносят ныне в пользу общего дела все граждане, доход которых превышает 12.500 фр. Он напомнил, что многие капиталисты вынуждены платить более 60% чистой прибыли. Он заключил патетической декларацией, в которой подчеркнул, что «богачи» с поразительным лойялизмом, покорностью и от чистого сердца переносят во имя высокого идеала, в интересах торжества отчизны над вероломным врагом, нарушившим все принципы права и справедливости, страшную тяжесть, возложенную на их плечи тяжелой войной, требующей от всех граждан в равной мере самопожертвования и отказа от личных интересов.

Однако, несмотря на все эти экстраординарные военные налоги и тяжелые жертвы, о которых красноречиво говорил премьер-министр, многие фирмы получили именно благодаря войне колоссальные доходы,

[1]) «Тан», 21 июля 1916.

о которых можно судить хотя бы из следующего примера: фирма Уильям Кук, занимавшаяся изготовлением железной проволоки, увеличила дивиденды своим акционерам с $7^1/_2$ до 10%. Ее чистая прибыль равнялась 13.900 ф. ст. в 1913 — 1914 г., 20.300 ф. ст. в 1914 — 1915 г. и 33.700 ф. ст. в 1915 — 1916 г. Стало быть, по сравнению с 1913 г. чистые доходы фирмы во 2-й год войны поднялись более, чем на 150%.

* * *

Удивительно повезло во время войны углеторговцам и владельцам пароходов. Многие английские и французские пароходчики признавались, что в мирное время они боялись войны, как чумы, думая, что их постигнет та же участь, что и германских пароходовладельцев. Известно, в каком жалком положении очутились Северо-Германский Ллойд и пресловутая Гамбург-Американская линия. Правда, сотни английских судов пошли ко дну, но в общем пароходный трест нажил сотни миллионов рублей благодаря войне, и деятельность немецких подводных лодок пошла лишь на пользу владельцам уцелевших пароходов.

Вот некоторые данные о дивидендах, выданных английскими пароходными компаниями своим акционерам в 1915 г.:

Фирмы [1].	Дивиденды.
Pool Chiping C°	30%
Thomson Chiping C°	29,65%
International Line C°	27,40%
Mercantile C°	23,29%
Glanaen S. S. C°	50%
Glenbridge S. S. C°	49%
China Mutual Steam Navigation	106%

По данным, опубликованным министерством французского торгового флота, из 51 английской пароходной компании следующее число компаний выдало дивиденды в размере:

6	компаний выдало дивиденд менее	10%
29	» » » в среднем	20%
8	» » » »	30%
1	компания выдала дивиденд »	40%
1	» » » »	49%
1	» » » »	50%
1	» » » »	106%

Итак, благодаря войне английские арматоры получили неслыханные выгоды. Чтобы получить такие колоссальные барыши, английским морским компаниям пришлось повысить в пять, десять и более раз фрахт, т.-е. вызвать рост цен на все продукты, ввозившиеся в дорогую им отчизну. По мнению многих английских газет, необычайная дорого-

---

[1]) Пул Чипинг К°, Томсон Чипинг К°, Интернэшёнэл Лайн К°, Меркантил К°, Глэнэен К°, Гленбридж К°, Чайна Мьютьюэл Стим Нэвигэшён.

визна жизни в Англии, рост цен на главнейшие пищевые продукты за время войны вызваны были в значительной мере, если не исключительно, арматорами.

По сведениям английского департамента торговли за 1916 г., следующие продукты вздорожали сравнительно с 1914 г.: чай — на 30%, сыр — на 33%, мясо (обыкновенное) — на 40%, хлеб — на 40%, мясо замороженное — на 60%, сахар — на 68%.

Таким образом, в то время как тысячи пролетариев отдавали на фронте свою жизнь во имя отечества, их семьи на родине должны были жить впроголодь, чтобы давать возможность наживаться жадным предпринимателям.

Разбойничья деятельность английских пароходчиков возбудила, между прочим, сильное возмущение в Италии и чуть было не отозвалась на исходе войны, поставив было союзные с Англией державы в невыносимое положение. Были моменты, когда некоторым союзникам Англии приходилось втайне сожалеть о том, что Северо-Германский Ллойд и Гамбург-Американская линия прекратили свое существование и конкуренцию с английским пароходным трестом.

Чтобы вести успешно войну с Австрией, Италии необходимо было мобилизовать свою индустрию и затрачивать в год войны больше угля, чем в мирное время. До войны Италия, в среднем, покупала в Англии 10.000.000 тонн угля среднего качества по 30 фр. за тонну, что составляло 300.000.000 фр. в год. В первый же год войны цена тонны угля поднялась до 200 фр., и таким образом нищей Италии в момент напряжения всех ее сил для борьбы с грозным врагом приходилось платить за один уголь английским пароходным и угольным трестам более 2 миллиардов фр., т.-е. в семь раз больше, чем в мирное время. Понятно, что в результате такого экстраординарного удорожания цены угля итальянские железные дороги, итальянская электрическая промышленность и особенно итальянские металлургические заводы и все военные фабрики очутились в критическом положении, а это, понятно, не могло не отразиться на ходе военных событий. Где тут было думать о мобилизации миллионной армии, когда с трудом удавалось снабжать всеми необходимыми боевыми припасами 500-тысячную армию и когда сотни итальянских фабрик закрыли свои ворота в виду отсутствия угля, который английские предприниматели удерживали у себя в расчете на еще большее повышение цен.

В момент запрещения итальянским правительством всякой торговли с Германией немецкие углепромышленники брали за доставку тонны угля в Ломбардию 24 франка. Между тем, как только это запрещение вошло в силу, англичане за доставку в Геную тонны угля стали брать 200 фр., т.-е. в 8 раз дороже. Такое беззастенчивое пользование английских предпринимателей вступлением Италии в союз с Великобританией для небывалой эксплоатации нового союзника не могло не содействовать усилению «германофильских» тенденций в некоторых кругах Италии. Только в июле 1916 г., после долгих и трудных дипломатических пере-

говоров, английское министерство иностранных дел опубликовало декларацию, в которой обещало разрешить вопрос об угле в самом благоприятном смысле для Италии и брало на себя доставку угля на Апеннинский полуостров в количестве, необходимом для удовлетворения самых неотложных военных и индустриальных нужд союзной страны. Понадобилось целых два года от начала войны, чтобы английское правительство решилось на эту «революционную» меру, своевременное принятие которой могло бы значительно увеличить военные силы Италии,—а стало быть и союзников — и этим облегчить достижение общей победы — согласия над центральными державами. Обладая громадными резервами войск, Италия, благодаря отсталости своей индустрии, с трудом могла мобилизовать лишь незначительную часть способного носить оружие населения. «Мобилизация промышленности», давшая такие результаты в других странах, не могла оказать соответствующего влияния в Италии именно благодаря необычайно высокому фрахту на сырые продукты, в которых так нуждалась в этот момент итальянская индустрия, изготовлявшая ружья, пушки, снаряды для действующей армии. И в то время как каждый австрийский корпус к концу 2-го года войны располагал 216 орудиями, в том числе 100 среднего калибра, и, кроме того, многочисленными батареями тяжелых орудий в 305, 381 и 420 м.м., итальянские корпуса в этот же период располагали, как и до войны, всего 96 легкими орудиями. Удивительно ли, что итальянским войском, даже при численном перевесе, было трудно бороться с австрийской армией. И ответственность за слабые результаты итальянской военной и промышленной мобилизации падает прежде всего на английских арматоров.

Как подчеркивал «Журналь де Женев» в статье от 10 февраля 1916 г., «итальянские германофилы пользовались возмутительным образом действий английских пароходчиков, чтобы вести кампанию против союзников». Фактически оказалось, что английский пароходный трест, в целях повышения своих дивидендов, самым наглым и бесцеремонным образом установил блокаду Италии и подготовлял разгром последней общим врагом — Австро-Венгрией. Такое положение вещей не могло долго продолжаться и рисковало вызвать серьезные осложнения между союзниками. Итальянское правительство жаловалось французскому, что с того момента как Италия вступила в союз с державами Согласия, Апеннинский полуостров подвергся английской блокаде, которая парализовала всю экономическую жизнь страны и грозит катастрофой. Для успокоения итальянского общественного мнения и устранения серьезных осложнений, о которых писали «Журналь де Женев» и другие франкофильские газеты, президент французского совета министров Бриан отправился в феврале 1916 г. в Италию и здесь в беседе с представителями итальянской прессы и правящих кругов Италии обещал от имени французского правительства сделать все от него зависящее, чтобы добиться прекращения блокады, с помощью которой своекорыстные английские пароходчики и углеторговцы собирались задушить союзную державу, или заставить последнюю согласиться на еще большее повышение фрахта.

Впрочем, и вся французская пресса открыто писала о том, что поездка Бриана вызвана желанием французского правительства уладить итало-английские недоразумения, возникшие на почве вопроса об угле.

Как писал в «Пти Паризьен» бывший су-секретарь французского торгового флота, депутат Морис Ажам, некоторые английские мореходные компании «в течение лишь нескольких месяцев 1915 г. (с сентября по декабрь) **реализовали прибыль, превышающую весь капитал, вложенный в их предприятия»**.

За провоз одной тонны товара некоторые фирмы осмеливались брать в 10 — 15 раз дороже, чем в мирное время. Так за провоз тонны рафинированного керосина английские пароходчики брали в июле 1914 г. 17 шиллингов, в марте 1916 года — 145 шиллингов, т.-е. почти в 10 раз дороже («Л'Энформасьон», 1916, IV). За провоз одной тонны угля из Кардиффа в Геную бралось в 1914 г. 8,8 шиллингов, а в начале 1916 г. — 75 — 90 шиллингов, что при падении курса итальянских денег повышало фрахт в 10 — 15 раз и больше.

Такому циничному образу действий кучки английских предпринимателей, пользовавшихся вступлением Италии в союз и прекращением подвоза на Апеннинский полуостров товаров из центральных держав для самой бесстыдной эксплоатации нового союзника, должен был быть, по мнению итальянской прессы, положен как можно скорее конец. Итальянская печать указывала, между прочим, что установление налога в 50% на военную прибыль судовладельцев и углеторговцев лишь ухудшает положение союзных с Англией держав, ибо английские предприниматели именно на союзников и перелагают этот налог, чтобы не уменьшить своей прибыли. Итальянское общественное мнение потребовало, чтобы английское правительство реквизировало определенное количество английских судов, фиксировало само фрахт и установило правильные и нормальные пароходные сношения между Великобританией и Апеннинским полуостровом для регулярной доставки угля и других сырых продуктов, без которых Италия не может существовать и тем более вести войну и выполнять свои военные обязательства. Известно, какое лицемерное «изумление» вызвали эти притязания итальянской прессы в некоторых органах английской печати. Англия, — писали некоторые желтые газеты, — страна экономического либерализма, и ей претит принятие подобных принудительных мер.

Само собой разумеется, что английские пароходчики действовали вышеописанным образом не только по отношению к Италии. 24 марта 1916 г. во французской палате депутатов обсуждался вопрос о транспорте. Депутат Есс привел данные о повышении цен в десять раз и больше для угля. Провоз тонны угля из Кардиффа в Марсель стоил до войны 11 фр., в начале 1916 г. — 132 фр., т.-е. удорожание в 12 раз; провоз тонны зерна — 24 фр. до войны, 110 фр. в начале 1916 г. В 1913 г. Франция уплатила иностранным судовладельцам до 350 милл.

франков, в 1915 г. — свыше двух миллиардов фр., в 1916 г. заплатит 4 — 5 миллиардов, — сказал депутат, — если не будут приняты меры [1]).

Само собой разумеется, что, указывая на своекорыстный образ действий английских предпринимателей, мы тем не менее считаем совершенно необоснованной бутаду, часто повторявшуюся первое время во Франции и Италии, о твердой решимости Англии вести войну «до последнего французского солдата». Последующие события доказали, что английская буржуазия не преследовала подобных узко-патриотических целей. Английская буржуазия (как и буржуазия всякой другой страны) достаточно ярко показала, что она готова вести войну не только до последнего французского, но и до последнего английского пролетария и крестьянина, и что в этом отношении она неспособна вероломно нарушить прямых обязательств, вытекающих для нее из военной конвенции с союзными державами.

Возмутительный образ действий английских пароходчиков и углеторговцев как по отношению к собственным согражданам, так и по отношению к Франции и к Италии, вызвавший такое негодование, такую язвительную критику в прессе Апеннинского полуострова, является лишь одним из наиболее ярких и бьющих в глаза примеров той жадности, того своекорыстия, того антипатриотизма, который проявили одна за другой все отдельные категории владетельных классов всех стран в «великой» освободительной войне, где только крестьянские массы и пролетариат и отдельные представители мелкой и средней буржуазии бескорыстно жертвовали не только своим имуществом, но и своей жизнью во имя «долга» перед «отечеством».

---

[1]) Я отметил выше, что и за доставку груза в Англию судовладельцы брали необычайно высокий фрахт. «Уестминстер Гэзет» в номере от 25 авг. 1916 г. рассказывает, что за груз маиса, доставленный из Ла Платы в Бристоль, было уплачено 1.731.836 фр., при чем маис был оценен в 470.554 фр., а за фрахт было взято 1.261.182 фр. Другой пароход привез в Бристоль груз маиса на 429.000 фр. и взял за фрахт 1.072.300 фр.; таким образом, маис обошелся в 1.501.000 фр.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Две династии.

(Круппы и Гогенцоллерны.)

1. Германские победы и немецкая военная индустрия.

Немецкая военная индустрия обнаружила чрезвычайное могущество в войне 1914 — 1918 г.г. Эта индустрия развернула в первый период кампании такую силу, которая захватила врасплох всех противников Германии и явилась для последних полной неожиданностью. Когда в боях на линии Дунаец — Горлице в мае 1915 г., — в боях, предшествовавших отступлению русских войск к Сану и очищению Галиции, — немецкие войска неожиданно выпустили только за четыре часа наиболее энергичной бомбардировки, предшествовавшей штурму против нашей 3-й армии, 700.000 снарядов, русское официальное сообщение, опубликованное в нашей и европейской прессе [1]), объяснило этот казавшийся экстраординарным эпизод тем обстоятельством, что немцы использовали в этих битвах все свои запасы снарядов, находившиеся в Кракове и нескольких других крепостях. Вся французская и английская пресса подхватила это объяснение и обстоятельно комментировала его. Русская пресса сообщала, что 700.000 снарядов, выпущенных немцами только за 4 часа против нашей 3-й армии, представляют собой груз, который для своей доставки требовал значительно более 1.000 вагонов. Это количество снарядов в 2 раза превосходит «большой боевой» комплект большой и хорошо снабженной крепости, рассчитанный на полугодовую осаду [2]). В общем, при атаке русских крепостей на линии Дунаец — Горлице неприятель затратил по 10 снарядов среднего калибра весом около 20 пудов на каждого нашего стрелка, занимающего $1^1/_2$ шага по фронту окопа. Цитируя все эти данные из русских источников, многие французские и английские военные критики в полном согласии со своими русскими коллегами приходили к заключению, что

[1]) См. «Речь», 18 мая 1915, «Тан», 1 июня, и другие газеты за те же даты.

[2]) По вычислениям генерала Генриха Рооне, германская артиллерия выпустила за всю франко-прусскую войну 1870 — 1871 г. г. всего 817.000 снарядов, т.-е. почти столько же, сколько за четыре часа на одном Дунайце.

никакое изобилие заводов, изготовляющих снаряды, не позволит немцам развивать такую силу огня в последующих боях и что германский генеральный штаб, верный своей наклонности к блёфу, пустил попросту в ход последние запасы снарядов, взятых в Кракове и других крепостях, чтобы «оглушить» русскую армию и произвести впечатление на весь мир. Последующие сообщения показали, как горько ошибались военные критики, недооценив могущества германской военной индустрии, которая, по позднейшим официальным данным английского правительства, в первые же дни войны начала изготовлять ежедневно 250.000 снарядов, в то время как английская индустрия изготовляла в начале войны всего 10.000 снарядов в месяц. 250.000 снарядов в день — одной этой цифры было достаточно, чтобы понять все события нынешней войны, но союзникам понадобилось целых десять месяцев, чтобы узнать этот простой факт и затем осмыслить его. Только благодаря событиям на галицийском и польском театре войны обнаружилось воочию даже для слепцов, что немцы заимствуют миллионы и миллионы своих снарядов не из крепостей, а из фабрик, которые работают день и ночь для их войск, и прежде всего из заводов Тиссена, Эргарта и особенно Круппа, где при адском шуме машин и грохоте испытуемых орудий десятки тысяч рабочих одновременно изготовляют в различных мастерских сотни тысяч снарядов.

В мае 1915 г. началось отступление русских войск из Галиции под ураганом немецких разрывных и таранящих снарядов, а в июне 1915 г., т.-е. почти через год после начала войны, английский министр военных снаряжений Ллойд Джордж внес в палату общин свой билль о «мобилизации промышленности». С этого же момента Франция и Россия, в свою очередь, принимают самые энергичные меры для мобилизации своей промышленности, иначе говоря, — для войны, а также для создания новых сотен и тысяч военных фабрик и заводов. Только с этого момента союзники поняли, что история мировой войны есть история вооружения, технического оборудования армии, история военных припасов, что невозможно объяснить себе ни одного эпизода этой гигантской и длительной схватки, ни одной операции, ни одного наступления или отступления, не ища причин того или другого исхода кровавой битвы в сравнительном количестве военных припасов, которыми обладали обе сражавшиеся стороны, что артиллерия, снабженная безграничным количеством снарядов, является царицей современного сражения, в то время как пехота является в большинстве случаев лишь его жертвой, что, наконец, Марс совершенно беспомощен без Вулкана,—бога огня и металлургии, играющего первенствующую роль в современной войне. Вот почему изучение военной индустрии Германии представляет громадный интерес для тех, кто желает понять характер современной войны, все события на полях битв войны 1914 — 1918 г.г. Ибо, конечно, не в том, что было сделано в Германии за время самой войны, не в этой промышленности мобилизации, объявленной уже через шесть дней после военной мобилизации,

не в этих «военных банках» и «военно-промышленных советах», появившихся чуть ли не на седьмой день войны, а прежде всего в том, что существовало в Германии накануне войны, — лежит основная причина чрезвычайной мощи, обнаруженной немецкой империей в борьбе с могучими противниками.

В чем же заключался тот страшный аппарат, с помощью которого германский генеральный штаб надеялся быстро раздавить Бельгию, Францию, Россию, Сербию и осуществить в результате невиданных побед грандиозные планы немецкой великодержавной политики?

Накануне войны в Германии имелись следующие казенные военные учреждения: 6 арсеналов, т.-е. учреждений, где сохраняются, исправляются и изготовляются военные орудия, снаряды для армии и флота, именно в крепости Шпандау, в Мюнхене, Данциге, Страсбурге, Дрездене и Линштадте; 4 оружейных завода — в Шпандау, Амберге, Данциге и Эрфурте [1]); 2 завода для литья снарядов в Ингольштадте и Зигбурге; 4 патронных — в Шпандау, Ганау, Ингольштадте и Гнашвице.

Но подобно тому как мы это наблюдаем в Англии и Франции, притом в несравненно более рельефной форме, чем в обеих этих странах, частная военная индустрия в Германии по своему развитию, по размерам своего производства далеко опередила казенную военную промышленность. Производство этих частных фирм в мирное время и особенно в военное время достигает колоссальных размеров. Но рекорд в этом отношении побили заводы Круппа, давно являвшиеся величайшей в мире военной фирмой.

Чтобы подчеркнуть, какую роль играли эти заводы в мировой войне, достаточно отметить тот факт, что как только была объявлена мобилизация в Германии, в числе нескольких сведущих лиц, приглашенных правительством для помощи ему в руководстве войной, находился д-р Густав Крупп фон-Болен, директор завода Круппа, на которого и была возложена миссия доставки для армии в течение войны всех необходимых военных припасов [2]).

---

[1]) Наряду с производством пушек в Германии в мирное время было также развито производство ружей. Так, накануне войны германская частная и казенная индустрия была способна производить ежедневно 2.700 ружей на внутренний и внешний рынки: тысячу ружей на казенных заводах и 1.700 на частных фабриках. Во время войны германские частные и казенные ружейные заводы производили, в среднем, до 7.200 ружей ежедневно, т.-е. более $2^1/_2$ миллионов ежегодно. Располагая громадными запасами ружей в своих арсеналах, Германия имела возможность в первый же год войны передать своей союзнице Австрии более одного миллиона ружей.

[2]) Вместе с директором крупповских заводов были приглашены для помощи правительству, между прочим, следующие лица: Альберт Баллин, директор Гамбург-Американской линии, — для закупки съестных припасов и всякой провизии для армии и флота, тайный советник Землингер, президент южно-германской федерации текстильной индустрии, — для закупки хлопка, который он успел ввезти в Германию в колоссальном количестве под равнодушными взглядами союзников, плохо понимавших характер мировой войны и уяснивших себе значение хлопка для Германии только после сенсационных статей знаменитого

Что такое заводы Круппа, какие узы соединяли их с династией Гогенцоллернов, с металлургической промышленностью Германии, с ее крупными банками, наконец с военной индустрией и милитаризмом в других странах, — вот вопрос, на который мы постараемся ответить ниже.

Многим памятна еще нашумевшая в свое время речь Вильгельма на праздновании столетия (1912) со дня рождения Альфреда Круппа, родоначальника этой пушечной династии, — речь, в которой Вильгельм с присущим ему пафосом говорил о том, что *история Крупповской фирмы связана с историей современной Германии* и что, благодаря ее пушкам, были одержаны немецкие победы над Австрией и Францией.

И в самом деле, кто не знает, какую роль сыграл царь железа, всемирный поставщик смерти, Крупп, не только в победах Пруссии в 1871 г. над Францией Наполеона III, но и в тех событиях, которые разыгрались прежде всего в начале мировой войны в Бельгии и Эльзас-Лотарингии, в боях при Шарлеруа, Моранже и т. д., а затем в Галиции, Польше, Сербии.

Все немецкие победы были выкованы молотами Берты Крупп, а ее циклопы трудились для германского империализма больше, чем все государственные деятели Германии вместе взятые: Эссен, а не Берлин, Крупп, а не Гинденбург или Маккензен заставили капитулировать Варшаву, Брест-Литовск, Ковно. Подобно тому, как это было в 1870 г., верховная власть Германской империи и основной фундамент ее военной мощи накануне мировой войны и в период последней находились в металлургическом Эссене, а не в Берлине.

Несмотря на всю свою разрушительную силу, громадную для того времени, как слабы были крупповские пушки 1871 г. по сравнению с нынешними орудиями! Бельфор осаждался 103 дня и бомбардировался 73 дня без перерыва и все же не мог быть взят силой немецкими войсками. Тысячи снарядов попали в город и, однако, последний сравнительно мало пострадал. До последнего времени, и даже после русско-японской войны, несмотря на 12-дюймовые японские пушки, многие специалисты писали, что артиллерия в современной войне играет прежде всего роль морального фактора, обеспечивающего победу не своим разрушительным материальным действием, а своим психическим эффектом. Кто скажет теперь то же самое после результатов бомбардировки Льежа, Антверпена, Льерра и других несчастных городов, испытавших на себе силу современной осадной артиллерии? Вот город Льерр с 26.000 жителей. Он весь превращен в развалины, как будто невидан-

---

английского ученого Уильяма Рамзая (хлопок был объявлен военной контрабандой 22 августа 1915 г., т.-е. через год после начала войны); далее, д-р Вальтер Ратенау, банкир и директор германской электрической компании, назначенный шефом отделения для покупки сырых материалов при военном министерстве. Уже одни эти имена показывают, как ясно, в отличие от союзных правительств, понимало германское правительство индустриальный промышленный характер начинавшейся войны.

ной силы землетрясение разрушило его. От него осталась только куча камней. Под дождем гранат крыши обрушивались и выворачивались камни из фундаментов. Дома обрушивались целыми улицами. Большие здания в своем падении увлекали маленькие домики. Дымовые трубы торчали над подвалами. Каменные лестницы первых этажей взметнуты как бы стихийной силой на высоту обугленной каменной стены. На площади Леопольда казино представляет собой одну сплошную груду развалин. Железные балки и стропила перекрещиваются в воздухе, как опаленные тонкие нити.

В Антверпен возвращаются люди. Они ищут своих жилищ и не находят их. Они не могут даже отыскать развалин своих домов. Улицы во всю длину превращены в одну сплошную кучу развалин. На этих исполинских могилах стоят люди, пораженные, молчаливые, надломленные ударами судьбы, грубо растоптавшей их жизнь...

Или вот как сотрудник «Русского Слова», Г. Петров, описывает бомбардировку Ковно:

«Снаряды, которыми германцы били из дальнобойных орудий по ковенским фортам, весили каждый по 24 пуда. Это — вес хорошего быка. И когда такой стальной бык летел из-за двадцати верст, то не только воздух гудел, — земля дрожала под ногами.

« — Стоишь, как на струне, туго натянутой, — говорили наши офицеры, уцелевшие под градом этих стальных быков. — Чувствуешь, как начинает тебя с ног трясти мелкою-мелкою, мелькающею дрожью. На корабле в бурю качает, а здесь трясет.

«Такова сила сотрясения воздуха от одного полета чудовищного снаряда.

«Что же должны были делать взрывы их? И взрывы непрерывные. Десятками. По одному и тому же месту.

«Наметив в добычу себе наш определенный форт, германцы сразу били по нему из двух, а то и трех смежных батарей и в три-пять минут буквально засыпали форт стальными быками.

«Не успел еще заглохнуть один взрыв, как падает и рвется другой снаряд, там третий, четвертый, пятый, — говорят уцелевшие защитники фортов. И так 10, 12, 15 в одну точку.

«И куда бы германцы ни начинали стрельбу по фортам — они первый выстрел делали таранящим снарядом, почти из сплошной стали. Он наносил по цели страшный удар, а затем тотчас же сюда летели разрывные снаряды, которые и рвали в клочья потрясенное место. Самые толстые имевшиеся на фортах слои бетона крошились и взметались тучею щебня. Уцелеть после падения 10 — 15-ти подобных снарядов нет никакой возможности... И потому немцы, выпустив по определенному месту порцию своих снарядов, считали, что здесь дело уже сделано.

« — Аус (кончено), — говорят они в таких случаях и прекращают пальбу сюда.

«Шлют новые гурты стальных быков в новое место. И опять сначала таранящий снаряд, а за ним следом десяток-полтора разрывных.

«По окончании обстрела намеченного места они бросали туда, на могилу, последний похоронный снаряд. Словно ставили там крест. Снаряд этот был, очевидно, сигнальным. Служил знаком для соседних батарей, что здесь делать больше нечего. Он начинен каким-то особым составом, который при взрыве дает густые клубы черного дыма, взметая их столбом, видимым за много верст.

« — Настоящий дымоизвергающий вулкан,—говорят наши офицеры.

«Местами и временами подобные дымовые снаряды служили германцам, очевидно, и другую показательную службу: определяли направление ветра. Если видно было, что ветер дул в сторону русских, германцы бросали следом за дымом несколько разрывных снарядов с удушающим газом. Это делали германцы особенно часто при атаках, при обстреле наших окопов через головы своих атакующих.

«Где падали стальные германские быки, там раненых никогда не находили: были одни убитые. Быки рвали и давили на смерть. Зато в отдалении, в ста и более саженях от взрывов, всегда было много раненых, при чем в ранах несчастных находили гвозди, осколки стекла, даже мелкие камни. Отсюда пошли слухи, что германцы будто бы начиняют свои тяжелые снаряды битым стеклом, гвоздями, даже камнями. На деле вся эта дрянь, засорившая раны сраженных, летела не из снарядов, а с земли от страшного взрыва стальных туш».

Такова дьявольская сила тяжелой крупповской артиллерии. Правда, к концу войны английские и французские тяжелые орудия ничем не уступали немецким, но в начале войны у французов и англичан, как и русских, почти не было тяжелой артиллерии, и пушечные заводы этих стран накануне войны были очень мало приспособлены к приготовлению тяжелой артиллерии. О существовании в Германии тяжелого осадного орудия в 420 сантиметров никто в Европе накануне войны и не подозревал. Однако, нужно сказать, что эта чудовищная пушка совсем не заслуживает той рекламы, которой окружила ее вся германская пресса в интересах немецкой военной индустрии.

Восторженные статьи об этой «колоссальной», «необыкновенной», «невиданной» пушке обыкновенно начинались такими кричащими заголовками: «Страшная немецкая пушка, одним выстрелом разрушающая самые сильные укрепления, как папиросную бумагу», «Чудо немецкой военной индустрии», «Великая тайна германской артиллерии».

О взятии французского форта Маноивиллера, — план атаки и бомбардировки которого осадной артиллерией изучался в германской военной литературе задолго до войны (см. специальную работу Блейеффера в 1905 г. о тяжелой полевой артиллерии и применении ее к неожиданной атаке Маноивиллера), — писалось в таком роде: «взятие в 38 часов Маноивиллера, — самого сильного в мире форта, чуда современного фортификационного искусства — всесокрушающей пушкой в 420 *см.*»

«Разрушение величайшего и сильнейшего в мире форта Маноивиллера

двумя орудиями в 420 *см* в течение $2^1/_2$ суток». «Необычайная победа германской осадной артиллерии». «Наша чудодейственная осадная пушка в 420 *см*». В таком тоне писалось о волшебной пушке в 420 *см* по поводу взятия Льежа, Мобежа, Намюра, Антверпена и т. д. Между тем вся эта газетная шумиха представляет собой не более как простой блёф, рекламу для поднятия на необычайную высоту знаменитой фирмы Круппа. Неверно, будто пушки в 420 *см* играли какую-нибудь серьезную роль в нынешней осадной войне. Перед Льежем была всего одна пушка в 420 *см;* перед Намюром, Антверпеном, Мобежем не было ни одной подобной пушки. Всего в Германии имелось в начале войны 4 орудия в 420 *см*. Эти орудия страшно тяжелы, механизм их крайне сложен и регулируется с трудом...

Своими победами в осадной войне немцы обязаны крупповской пушке в 280 *см* и автомобильной австрийской гаубице в 305 *см*. Во всяком случае, самым крупным осадным орудием в кампании 1914 — 1918 г.г., оказавшим немцам колоссальную услугу, явилась именно австрийская гаубица. Перед Антверпеном, Мобежем находились австрийские артиллеристы с этой пушкой и они-то сыграли доминирующую роль во взятии этих крепостей. Немецкая пресса тщательно замалчивала этот факт, желая приписать всю заслугу взятия неприятельских крепостей именно германской, а не австрийской военной индустрии. Австрийцам же, слишком много обязанным немцам, было не до того, чтобы полемизировать по этому поводу с своими союзниками, выдающими иногда чужой товар за свой [1]).

Как бы то ни было, германская армия своими победами очень много обязана немецким пушечным заводам и прежде всего крупповской фирме.

2. История крупповских заводов в цифрах. Крупповская фирма и металлургия.

Было бы ошибочно предполагать, будто крупповские заводы являлись единственными, доставлявшими оружие Германии. Не только сами размеры и значение крупповских заводов, но не в малой мере и скандальная хроника крупповского дома, прикосновенность самого кайзера к дивидендам этой фирмы, дебаты о заводах Круппа в немецком рейхстаге в 1903 г., обнаружившие с достаточной ясностью заинтересованность прусского правительства в доходах заводов Круппа, пресловутые разоблачения Либкнехта в 1903 г. и пр., являются причиной того,

---

[1]) Заметим, что и знаменитая дальнобойная пушка «Берта», которая с 23 марта по 9 августа 1918 г. бомбардировала Париж с расстояния в 110 километров, изготовлялась на заводах Шкода в Австрии, где ее и увидели в 1919 г. американские офицеры. В сущности, это было усовершенствованное морское орудие в 35 сантиметров. Разоблачению «тайны Берты» было посвящено много статей во французской прессе (см., например, «Матэн» 18 апреля 1923: «Тайна Берты»).

что, когда говорят о немецкой военной индустрии, имеют в виду прежде всего заводы Круппа.

История крупповской фирмы крайне любопытна, и в ней отражается эволюция германского милитаризма, колоссальное развитие последнего в течение последнего столетия.

Вот как росло число рабочих, занятых этой фирмою со времени ее основания:

Годы.	Рабочий персонал.	Годы.	Рабочий персонал.
1810	4	1885	22.000
1827	6	1902	44.000
1845	130	1906	58.000
1862	2.000	1913	80.000
1873	9.000		

Чтобы приковать эту громадную массу рабочих с их семьями к своим заводам, фирма Круппа начала с 1873 г. практиковать систему государственного социализма, которая с каждым годом принимала все более широкие размеры. Вначале были выстроены фирмой специальные дома [1]), где персонал заводов имел свои квартиры; затем были учреждены рабочие пенсии, сберегательные кассы и т. д. Таким образом. рабочие заводов железными узами связывались с династией Круппа и становились в полную зависимость от последней. Скоро фирма стала строить для своих рабочих церкви, госпитали, школы, библиотеки и т. д. К 31 июля 1914 г., т.-е. в момент объявления войны, рабочие колонии заводов Круппа вмещали 11.600 пролетарских семейств, а рабочие казармы — 28.000 холостых пролетариев.

Следующие цифры показывают, что сделала фирма Круппа, чтобы держать рабочих в своих руках:

Рабочие пенсии для вдов и сирот	29.960.593	марки.
» пенсии служащим	11.351.086	»
» благотворительные учреждения для рабочих и дома инвалидов	7.800.000	»
» госпитали для рабочих	640.000	»

Вдова рабочего получает в качестве пенсии половину заработка покойного мужа и $^1/_5$ на каждого ребенка. Сироты получают $^1/_3$ заработка отца, какое бы ни было их число.

Следующая таблица показывает, как росли расходы фирмы Круппа на все эти филантропические начинания с 1903 (смерть Альфреда Круппа) до 1913 г.:

---

[1]) На тот же путь стал и Тиссен, который выстроил до 2.000 домов для своих рабочих. Во время одной из стачек на своих заводах, Тиссен изгнал «зачинщиков» из квартир и этим сломил стачку.

Годы.	Обязательное страхование.	Различн. благотворит. учреждения.	Итог.
	В миллионах марок.		
1903—1904	2.125	3.329	5.364
1904—1905	2.643	3.891	6.534
1905—1906	3.127	5.418	8.545
1906—1907	3.391	4.775	8.166
1907—1908	3.566	5.032	8.598
1908—1909	3.954	5.284	9.239
1909—1910	4.354	5.482	9.837
1910—1911	4.224	6.429	10.652
1911—1912	4.455	7.051	11.505
1912—1913	4.907	14.792	19.698

Итак, за последние десять лет накануне войны фирма Круппа израсходовала на страхование рабочих и всякого рода филантропические учреждения для последних около 100 миллионов марок. Возможно ли найти другую военную фирму в мире и вообще какое бы то ни было промышленное учреждение на земном шаре, которое так «пеклось» бы о своих рабочих?

Все цифры эти крайне поучительны, ибо они характеризуют не только знаменитую военную фирму, которая в этом отношении резко отличалась от военных заводов Франции, России и других стран, но весь социальный уклад до-военной Германии, устои ее милитаристической и великодержавной политики, которая могла так успешно развиваться, только опираясь на оппортунистическое настроение широких слоев рабочего класса Германской империи.

Накануне войны, в 1913 г., фирма Круппа занимала 80.000 рабочих. На земном шаре не было другого промышленного учреждения, которое имело бы столько рабочих. Если считать, в среднем, на каждого рабочего семью в четыре души (жена и двое детей), мы получим, что больше 300.000 человек зависело накануне войны всецело от фирмы Круппа. Весь город Эссен, который насчитывает более 259.000 душ и является главным центром рейнско-вестфальской металлургической промышленности, принадлежит династии Круппа.

Эта история в цифрах крайне поучительна. Ибо история крупповской династии — это не только история Германии накануне мировой войны, это вместе с тем — история поразительно быстрого развития милитаризма во всех странах. Фирма, имевшая 2.000 рабочих до 1866 г., 9.000 рабочих после войны 1871 г., занимала в 1914 г. уже 80.000 человек. И это несмотря на то, что рядом не только в самой Германии, но и во всех остальных странах, во Франции, Англии, Австрии, Италии, создались, развивались и в течение короткого времени удваивали, утраивали свои чудовищные обороты другие пушечные заводы, конкурировавшие с Круппом, хотя и не успевавшие перегнать знаменитую фирму в борьбе за внешние и внутренние рынки. С какой же быстротой должен был развиваться накануне войны милитаризм, чтобы

давать работу всей этой военной индустрии, с каждым годом все увеличивавшей число занятых ею рабочих и распределявшей все более высокие дивиденды своим акционерам.

Нужно было бы посвятить целый том, чтобы дать более или менее подробное описание заводов Круппа. Чтобы дать некоторое представление о размерах крупповских заводов в Эссене, достаточно указать, что только артиллерийское отделение состоит из 40 отдельных зданий, из которых в пятнадцати приготовляются дула пушек, в пятнадцати — лафеты для полевой и морской артиллерии, в семи — орудия различных калибров и т. д., что железнодорожная линия, функционирующая внутри заводов и связывающая отдельные здания, занимает протяжение в 91 километр. По этой ширококолейной железнодорожной линии движется 952 вагона с 19 локомотивами. В 1913 г. заводы Круппа употребили следующее количество сырых материалов (в тоннах):

Железа	1.100.000
Угля	1.530.000
Кокса	1.558.000
Брикета	40.000
Руды	2.500.000

В том же 1913 г. мастерские завода поглотили для своих работ 63.200.000 кубических метров воды и 16.100.000 кубических метров газа.

Насколько энергично работали заводы Круппа накануне войны в области артиллерии, видно из следующей таблицы, касающейся испытаний легкой и средней артиллерии на полигоне Тангерхутт,—одном из трех полигонов, принадлежащих фирме Круппа. Этот полигон тянется на протяжении 11 километров в длину и $2^1/_2$ километра в ширину. В 1911, 1912. 1913 г.г. на этом полигоне были произведены следующие испытания:

Число пробных выстрелов	543	556	577
» испытуемых орудий	76	107	186
» выпущенных снарядов	9.660	11.060	17.760
Вес выпущенных снарядов в килограммах	11.760	153.000	217.400
Вес сожженного пороха в килограммах	8.860	8.050	10.400
Число ружейных испытаний	7.360	12.660	15.380

На полигоне Мепен, тянувшемся на протяжении 25 километров в длину и 4 километров в ширину, были произведены за эти же годы следующие испытания:

	1911 г.	1912 г.	1913 г.
Число опытных выстрелов	1.130	1.520	1.370
Число испытуемых орудий	295	386	280
Число выпущенных снарядов	7.850	9.900	9 900
Вес сожженного пороха в килогр.	85.300	112.400	141.600
Вес общий выпущенных снарядов в килограммах	500.400	742.000	754.000
Общий вес блиндажа, подвергшегося бомбардировке, в килограммах	1.105.406	1.028.280	847.000

Всех интересующихся более подробными данными об этой знаменитой фирме мы отсылаем к официальным изданиям, публикуемым самой фирмой, к прекрасной, хотя уже устаревшей книге Huret, Rhin et Westphalie, Paris 1907 (Юрэ, Рейн и Вестфалия), к многочисленным монографиям об этой фирме, удостоившейся даже таких специальных трудов, как «Тайная история Берты Крупп по документам баронессы Алтавилла», Генри Фишера, книги, вышедшей во время войны и имевшей большой успех в Англии, Франции и С. Штатах. Мы же ограничимся сейчас для наших читателей некоторыми сведениями, которые имеют непосредственное отношение к нашей работе и проливают свет на двойственный характер немецкой военной индустрии: с одной стороны, на ее своеобразный интернациональный характер, с другой — на ее тесную связь не только с «национальными» интересами и задачами Германии или Пруссии, но и попросту с династическими интересами правившей Германией императорской фамилии.

Прежде всего, говоря о крупповских заводах, мы должны подчеркнуть одно обстоятельство, которое совершенно упускают из виду многие писатели, посвятившие монографии, отдельные статьи или целые главы своих книг знаменитой крупповской фирме. Даже такой внимательный и тонкий наблюдатель, как Жюль Юрэ, на протяжении 40 страниц, посвященных им в упомянутой книге заводам Круппа, говорит о последних исключительно как о военных и прежде всего пушечных заводах. Так же характеризуют эти заводы и многие другие наблюдатели и исследователи знаменитых заводов. Между тем, крупповская фирма и по своему происхождению, и по характеру своих работ является прежде всего грандиозной металлургической, собственно сталелитейной фирмой. На крупповских заводах изготовляются в громадном количестве локомотивы, вагоны, динамомашины, паровые молоты. железные мосты, рельсы, стальные шины, колесные ступицы, оси, всякого рода пружины, котельное железо. Эссенские заводы приготовляют также весь материал и машины, необходимые для сооружения торговых судов. Здесь же выделываются всякого рода цилиндры, плющильные машины, разнообразные стальные инструменты и т. д.

То обстоятельство, что первый в мире военный завод являлся прежде всего заводом металлургическим, ясно показывает на тесную связь современного милитаризма именно с металлургической промышленностью, империалистической политики с так называемой рельсовой политикой.

3. Патриотизм Альфреда Круппа. Его троекратное предложение французскому правительству.

Пушечная династия, утвердившаяся в Эссене, центре военной мощи бывшей Германской империи, ведет свое историческое начало от Фридриха Круппа, умершего в бедности. Он первый стал заниматься

вопросом о стали, но его изыскания не шли дальше теоретических открытий. Его сын, Альфред, родившийся в 1812 г., был более отца наделен практическими талантами. Скоро после того, как сын взял в свои руки дело отца, маленькая мастерская, где в 1827 г. работало всего 6 человек, превратилась в большой завод, занимавший в 1845 году 130 человек — большое для той эпохи количество персонала. В 1847 г. Альфред Крупп соорудил первую пушечку из литой стали весом в 3 фунта. Его попытка убедить прусское правительство обзавестись стальной артиллерией не увенчалась успехом. Тогда Крупп, как истый родоначальник пушечной династии, как настоящий праотец будущего интернационального треста вооружений, — треста, для которого главным девизом является принцип: «Где дивиденд, там и отечество», — предложил свое открытие французскому правительству. В 1849 г. французское правительство одобрило изыскания Альфреда Круппа и вступило с ним письменно в переговоры по поводу его опытов. После этого пушечная карьера Круппа была уже обеспечена. В 1851 г. Крупп экспонировал на Лондонской выставке первую пушку из литой стали. Эта выставка сделала имя Круппа известным во всей Европе.

Через десять лет — в 1861 г. — прусский принц заказывает Круппу 300 полевых пушек. И в это же время Альфред Крупп, как добрый патриот и хороший коммерсант, снова обращается к французскому правительству с предложением своих услуг и старается добиться у Наполеона III заказов на стальные пушки. Эта попытка не дает практических результатов в виду противодействия со стороны представителей французской военной индустрии, пускавших в ход взятки и всякого рода интриги, чтобы не дать ходу во Франции затеям Круппа. После выставки 1867 г., на которой Крупп экспонировал свою новую пушку, великий немецкий патриот снова — уже в 3-й раз — обратился с предложением своих услуг во французское военное министерство. Дело опять было передано в один из тех специальных комитетов, которые член французского парламента, депутат Кальвадоса, г. Энжеран характеризовал недавно как один из главных факторов французских поражений. Как рассказывает Луи Рейбо в своей книге «Железо и уголь» (Louis Reybaud — Le fer et la houille, 1874), комитет раскритиковал крупповскую пушку, хотя и признал ее превосходство над французскими орудиями и распорядился написать на папке, заключавшей все документы по делу Круппа, сакраментальные слова: «Rien à faire» («Оставить без последствий»). А через несколько лет пушки, по поводу которых были произнесены эти вещие слова, были обращены дулами на Париж, и под грохот их выстрелов Национальное Собрание вотировало прелиминарии рокового для Франции Франкфуртского договора.

4. Гогенцоллерны и Круппы. Вильгельм I и Крупп. Вильгельм II и Берта Крупп.

После 1886 г. начинается новая эра в истории крупповской фирмы В ту пору немецкие банки далеко не были так могущественны, как впоследствии: интернациональный финансовый капитал не играл той роли в развитии военной индустрии, какую он играл накануне мировой войны, между тем, для расширения своего предприятия Крупп нуждался в громадных для той эпохи суммах. Самые прозорливые финансисты не предвидели той колоссальной роли, какую скоро начнет играть военная индустрия в экономике страны; им и не снились те дивиденды, которые скоро начали давать пушечные заводы. В этот важный переходный момент, когда фирма несколько раз стояла перед перспективой банкротства, на помощь Круппу пришел сам король Вильгельм I, который вложил в дело Круппа свой личный капитал в 5 миллионов талеров [1]). Таким образом, будущий император Германии сделался акционером пушечной фирмы, и с этого момента обе династии — Гогенцоллернов и Круппа — связываются друг с другом неразрывными финансовыми узами.

Не составляет тайны, что низложенный император Вильгельм II очень близко к сердцу принимал интересы всех членов крупповской «династии». Когда в 1902 г. Фридрих Крупп трагически покончил свои счеты с жизнью, германский император выступил на защиту поруганной чести покойного предпринимателя и очень живо полемизировал с социалистическими газетами. Император не забыл и семьи второго «пушечного короля». На правах своего человека, он всегда делил с госпожей Бертой Крупп, по мужу Болен-Альбах, все ее фамильные горести и радости. И вся немецкая пресса писала о патетических речах, которые Вильгельм произнес в роскошной эссенской вилле г-жи Крупп во время юбилейных празднеств по случаю «столетия фирмы». И несомненно, что не какие-либо «интимные» узы, а прежде всего очень важные материальные интересы лежали в основе той прочной связи, которая в течение последних 50 лет соединяла династию Гогенцоллернов с фамилией Круппа.

В 1906 г. Вильгельм II сам выбрал своей приемной дочери Берте Крупп подходящего мужа в лице секретаря посольства барона фон-Болен-Альбах. В 1910 году муж Берты Крупп был избран президентом администрации заводов, и назначение это обозначало фактический переход заводов в собственность императора, этого отныне крупнейшего из пушечных и металлургических баронов Германии. Само собой разумеется, что приглашение Болена-Альбаха в числе сведущих людей в высший комитет при правительстве по обороне страны и передача директору крупповских заводов дела снабжения всей германской армии в период войны боевыми припасами не обошлись без влияния Вильгельма II.

---

[1]) 15 миллионов марок—большая сумма по тому времени.

После войны 1871 г. наряду с Круппом создаются и растут новые военные фирмы, как, например, Тиссена, Эргарта, которые ведут ожесточенную борьбу против Круппа, сманивают у фирмы ее лучших рабочих, ее лучших инженеров. Постепенно могучие финансовые учреждения Германии начинают все более и более интересоваться военной индустрией. Дрезденский Банк, Немецкий Банк, Банк для Торговли и Промышленности, Дисконтное Общество, Блейхредер и другие банки, необычайно расширившие свои операции после войны 1871 г., покупают акции Круппа, но одновременно оказывают финансовую поддержку Тиссену, Эргарту и другим военным фирмам, которые в области новых изобретений часто опережают Круппа. С другой стороны, фирма Круппа скупает акции многих банков, приобретает крупное влияние в правлениях последних и превращает многие банки в орудия для стягивания финансовых средств в целях расширения своих предприятий.

Европейская и, в частности, русская пресса не раз писала о могуществе и богатстве фирмы Круппа, о ее громадных копях, железных рудниках, о ее судостроительных верфях в Киле, так что на этой стороне излишне останавливаться. Нет ни одного промышленного учреждения в мире, которое пользовалось бы таким громким именем и признанной «славой». В течение последних десятилетий накануне войны эта фирма снабжала артиллерией и блиндажом армию не только всех германских государств, но и многих других стран. Китай, Япония, Южно-Американские государства, Испания, Бельгия, Швеция, Голландия, Турция, Балканские страны и т. д. каждый год тратили миллионы и миллионы рублей на заказы заводам Круппа. Удивительно ли, что доходы этой фирмы росли с каждым годом. В 1912 г. доходы фирмы превысили на 35 милл. марок доходы предшествующего года.

Однако неизвестно, какова была бы в эту эпоху страшной конкуренции рядом с такими соперниками, как Эргарт, судьба фирмы Круппа, если бы династия Гогенцоллернов не была так заинтересована в процветании этой фирмы. Гогенцоллерны, владевшие уже фабриками, изготовлявшими военное сукно, не только поддерживали фирму Круппа своими капиталами, но и отдавали ей главные правительственные заказы на пушки и другое оружие. Само собой разумеется, что и многие финансисты, стоявшие во главе важнейших банков Германии, признавая преимущество пушек Эргарта над пушками Круппа, все же оказывали самую энергичную поддержку заводам, в которых был лично заинтересован император, зная, что эти заводы всегда будут иметь громадные заказы не только в самой Германии, но и заграницей. Вильгельм снисходит до того, что посылает личное письмо за собственноручной подписью султану Абдул-Гамиду и рекомендует последнему крупповские пушки, сердечно благодаря своего августейшего друга за сделанные уже раньше заказы. В результате Вильгельм II получает заказ на $2^1/_2$ миллиона турецких фунтов, т.-е. приблизительно на 60 милл. франков (Victor Berard, La France et Guillaume II — Виктор Берар, Франция и Вильгельм II). Понятно, что военная фирма, имеющая такого дея-

тельного агента, может делать хорошие дела и обеспечить высокие дивиденды всем своим акционерам, которым нечего опасаться за свои капиталы. Понятно, что при таких обстоятельствах самые осторожные финансисты могут безбоязненно вкладывать свои миллионы в крупповские предприятия.

В совет администрации заводов Круппа входили накануне войны представители всех больших немецких банков, именно: Дисконтное Общество, Дрезденский Банк, Блейхредер, Всеобщий Шафгаузенский Банк, Северо-Германский Банк, затем персонально богатейшие банкиры Гаген, барон Оппенгейм из Кельна, отставной вице-адмирал фон Ганс Сакс, наконец, крупнейший магнат и капиталист Германии князь Гвидо-Генкель фон Доннерсмарк, личное имущество которого определялось в 1913 г. в 319 миллионов франков [1]).

Но в отличие от всех других могучих военных фирм фирма Круппа рассматривалась как пользующаяся специальным благоволением императора. Это обнаружилось во время знаменитых процессов 1913 — 1914 г. при допросах чиновников канцелярии военного и морского министерств, обвиненных в передаче тайных документов представителям фирмы Круппа. С помощью этих тайных документов фирма Круппа узнавала секреты своих конкурентов Тиссена, Эргарта и других военных заводов, все схемы и конструкции которых, представленные министерству, фирма старалась выкрасть, чтобы снять копию.

Чиновники и офицеры, выдававшие крупповским управляющим секреты, приносившие последним на дом интендантские книги, копии схем, конструкций, довольствовались в награду за свои услуги грошами. Ничтожность размера получаемых сумм (10 — 20 марок, приличный ужин и билет в театр) была главным оправдательным аргументом в устах подсудимых, доказательством невинности в предъявленном им обвинении. Мы не брали взяток», — оправдывались подсудимые. — «Это было невинное угощение. Для фирмы Круппа не существует государственных секретов. Интересы Круппа и государства, по моему мнению, совпадали. Мы знали, что император близок к Круппу, что военное министерство ему благоволит, что Крупп пользуется исключительными привилегиями при поставках и что, наконец, его служащие днюют и ночуют в министерских канцеляриях и могут узнать любой секрет помимо нас. Чего же скрывать?»

5. Конкуренты Круппа: Эргарт и Тиссен. Отношение Вильгельма II к конкурентам Круппа. Жалобы Тиссена.

Я указал, что кроме Круппа в довоенной Германии существовали еще две фирмы, пользовавшиеся широкой известностью за границей.

[1]) Князь Генкель фон Доннерсмарк, которому в 1915 г. исполнилось 85 лет от роду, играл в 1871 г. известную роль в вопросе о размерах контрибуции, которую Германия потребовала с Франции. Именно, по совету этого князя Бисмарк остановился на пяти миллиардах, а не на двух, как советовали банкиры Блейхредер и Шейтман, считавшие последнюю сумму максимумом того, что можно потребовать с разоренной и побежденной Франции.

Знаменитый конкурент Круппа, Эргарт, имел главные отделения в Дюссельдорфе (пушки, снаряды, шрапнель, ружейные патроны), Рейсхольце (тяжелые орудия, паровые котлы), в Соммерде (ружья, артиллерийские ракеты), в Эйзенахе. Полигон Эргарта в Люнебурге (Ганновер), где находится и его пиротехническая фабрика, тянется в длину на 10 километров, шириной в 1 километр. Фирма Эргарта пользовалась большим реноме в кругах специалистов, среди которых многие считали ее несравненно выше, чем заводы Круппа, придерживавшиеся рутины.

Известно, что многие инженеры Круппа в течение последних десятилетий перешли к Эргарту, уверенные, что здесь они скорее сумеют применить свои способности к изобретениям, именно потому, что фирма Круппа, благодаря поддержке династии, пользовалась известного рода монополией в военных заказах империи или, во всяком случае, получала львиную долю этих заказов; ее заводы в некоторых отношениях отставали от других заводов Германии, более смело шедших по пути новоизобретений. Гидравлические тормоза, изобретенные Эргартом, его способы изготовления снарядов играли большую роль в развитии современной артиллерии. Фирма Эргарта имела много заказов от иностранных правительств. Так, в 1906 г. китайское правительство заказало Эргарту на 20 миллионов марок горных пушек. Фирма получала заказы от Норвегии, Бельгии, Аргентины, Швейцарии. Эргарт получал заказы и от русского правительства, для которого он приготовлял пушки, снаряды, трубы без шва для миноносок.

Долгое время фирма Эргарта не могла добиться никаких заказов от германского правительства, и в этом отношении вся история Эргарта есть история борьбы с всемогущим Круппом. Невозможно понять историю развития германской артиллерии, не ознакомившись с длившимся десятилетия поединком между Круппом и Эргартом. Последнему удалось добиться признания своих изобретений и введения последних (гидравлического тормоза в артиллерии) только благодаря поддержке рейхстага. Во время прений в германском рейхстаге в 1903 г. было обнаружено, что за ту самую единицу веса вполне готовой пушки, за которую Эргарт запрашивал 1.200 марок, правительство платило Круппу 4.200 марок. В конце концов, после десятилетней борьбы, после шума, поднятого в рейхстаге [1]), Эргарт добился незначительной части заказов от правительства.

Та же самая история, что с заводами Эргарта, имела место и по отношению к заводам Тиссена, главного металлургического короля Германии. Тиссен долгое время не мог добиться заказов от правительства не только на пушки, но и на поставку железных мостов, рельсов и т. д.; так как на законном основании в Германии невозможно покровительствовать одному гражданину в ущерб другому, то Тиссен не раз обращался к прусскому правительству с запросом: «Какой сталью вы поль-

[1]) Таким образом, первые дебаты в рейхстаге о фирме Круппа имели место не в 1913 г. в связи с разоблачениями Либкнехта, как полагают некоторые, а за десять лет до того.

зуетесь? Поставьте ваши условия, я заранее подчиняюсь им». И Тиссен получал ответ: «Обратитесь к Круппу». Само собой разумеется, что последний не торопился дать какие-либо сведения своему конкуренту.

Благодаря поддержке со стороны центра, Тиссен, пользовавшийся большим влиянием в католических кругах Германии в виду его громадных пожертвований на церковные дела, добился того, что вопрос об исключительном и «скандальном» предоставлении всех правительственных заказов Круппу был поставлен в рейхстаге в 1903 г., и, в конце-концов, и Тиссен, и Эргарт начали получать свою, хотя и очень малую по сравнению с крупповской, долю в правительственных заказах на пушки, ружья и т. д.

Тиссен рассказал французскому писателю следующий эпизод:

«Эргарта стремились разорить. Было сделано все, чтобы его обескуражить. Он боролся с поразительной энергией. На выставке в Дюссельдорфе Эргарт экспонировал удивительные вещи, которые могли бы разубедить самого предубежденного человека. Явился император, остался в павильоне Круппа и даже не вошел в отделение, где были поставлены экспонаты Эргарта[1]).

Конечно, Тиссен объяснил это странное поведение Вильгельма II несамостоятельностью прусского короля, влиянием на последнего окружающей камарильи, связями Круппа с императорским двором и в особенности желанием прусского короля — лютеранина — и всей высшей прусской бюрократии покровительствовать прежде всего заводчикам протестантского вероисповедания в ущерб католикам Тиссену, Эргарту и другим. Однако, ясно, что дело не в зависимости Вильгельма от окружавшей его камарильи и не в его религиозных взглядах. Вильгельм II показал себя и достаточно самостоятельным человеком, и достаточно свободным от религиозных предрассудков, и в особенности крайне любознательным во всех отношениях, что касается военного дела, чтобы можно было согласиться с объяснением Тиссена относительно причин демонстративной выходки Вильгельма против Эргарта на выставке в Дюссельдорфе, с этим нежеланием императора даже взглянуть на новоизобретения одного из его подданных, при чем пользующегося такой известностью даже в Китае, не говоря уже об Аргентине, Бразилии и т. д.

Дело объясняется гораздо проще — именно заинтересованностью династии Гогенцоллернов в делах фирмы Круппа.

6. Фирма Круппа и внешняя политика Германии. Крупп и балканские династии. Крупповский скандал в Бельгии. Путиловский инцидент.

Кроме некоторых влиятельных частных лиц, крупных магнатов Германии, наряду с Вильгельмом II, королями баварскими, саксонскими и др., в числе владельцев акций фирмы Крупп имелось и несколько ино-

[1]) Жюль Юрэ, цитир. сочин., стр. 239 — 240.

странных коронованных лиц. Так, известно, что покойный румынский король Карл, отстаивавший в начале войны на экстраординарном совете в Синайе идею вмешательства Румынии на стороне центральных держав, имел много акций заводов Круппа. В числе акционеров Круппа числились также короли греческий и болгарский [1]). Может быть, и это обстоятельство играло некоторую роль в той политике, которую три балканских короля, два Фердинанда и один Константин, на свой страх через головы своих народов вели на Балканах. В последнее время, как бы то ни было, эти три акционера крупповских заводов, связанных сверх того близкими родственными узами с правящими в центральных державах династиями, действовали все время так, как будто их соединяла какая-то невидимая нить.

Такова эта фирма Круппа, которая играла немалую роль во внешней политике империи и которая пользовалась столь беспримерным влиянием в Германской империи, что многие государственные чиновники уподобляли ее самому «Фатерлянду» (отечеству) и повиновались ее агентам чуть ли не как своим начальникам [2]).

Мирабо когда-то сказал, что для Пруссии война была торговлей. «национальной индустрией». Если это определение неверно в применении к целой стране, к Германии вообще, во всяком случае, несомненно, что для прусской династии Гогенцоллернов, стоявшей позади Круппа, для важнейших немецких банков, вложивших громадные капиталы и в эссенские заводы, и в заводы Тиссена, Эргарта, в «Немецкие Оружейные и Амуниционные фабрики в Берлине», милитаризм и война действительно являлись национальной индустрией.

И тем не менее эту немецкую индустрию, которая сыграла такую колоссальную роль в мировой войне, энергично поддерживали своими заказами не только турки, болгары, аргентинцы и т. д., но и сербы, бельгийцы, русские, японцы и другие противники Германии на поле брани.

Накануне войны немецкая индустрия пользовалась особым благоволением царского правительства. В деле сооружений, интересовавших наше морское ведомство, Франция получила в течение последних

---

[1]) Любопытно, что после того как Болгария объявила войну Сербии и вступила, таким образом, в союз с центральными державами и Турцией, некоторые болгарские газеты доказывали невозможность вмешательства Румынии против Болгарии, а стало быть и против центральных держав, ссылкой именно на то обстоятельство, что у короля Карла было много крупповских акций, которые по наследству перешли к его сыну, королю Фердинанду румынскому. Само собой разумеется, что болгарские газеты не стали доискиваться, имеются ли и в каком количестве те же акции у Фердинанда болгарского, и какую роль играло это обстоятельство в германофильских симпатиях принца Кобургского.

[2]) Ту роль, какую в довоенной Германии играл синдикат Круппа, приобрел в послевоенной Германии концерн Стиннеса, прозванного некоронованным королем Германии (подробно о Стиннесе см. нашу книгу «Империализм», стр. 170 — 179).

месяцев 1913 г. заказов на 57 миллионов рублей, Англия за этот же период на 67 милл. рублей, а Германия на 69 милл. рублей. Что касается Бельгии, то и эта несчастная страна имела в 1913 г. свой «крупповский скандал». Дело заключалось в покупке бельгийским правительством у Круппа пушек в 280 миллиметров, для защиты Шельды, в тот самый момент, когда германское правительство заменяло на своих броненосцах орудия в 280 миллиметров орудиями в 305 миллиметров. Во время дебатов в бельгийском парламенте в сентябре 1913 года было указано ораторами оппозиции, что 8 орудий, купленных у Круппа за 5.000.000 франков, совершенно бесполезны с военной точки зрения для Бельгии, что само германское правительство отказалось от предложенного Бельгии образца орудий, что для доставки этих орудий в Антверпене пришлось бы выстроить специальную железную дорогу, и что вся эта история не обошлась без подкупа Круппом некоторых бельгийских чиновников и офицеров. И действительно, в связи с этим делом многие бельгийские офицеры были отставлены по распоряжению свыше или вынуждены сами подать в отставку. Этот крупповский скандал вызвал такую сенсацию в Бельгии, что правительство должно было учредить особую следственную комиссию по вопросу о покупке у Круппа орудий в 280 миллиметров. Бельгийские газеты «Эндепанданс Бельж», «Суар» и другие посвятили самые обстоятельные статьи этому вопросу, но в русской прессе вся эта история прошла незамеченной.

Зато многим нашим соотечественникам хорошо известен и памятен до сих пор пресловутый путиловский инцидент, разразившийся в феврале 1914 г., вызвавший сенсацию в русской прессе, необычайную тревогу во Франции и интерпелляцию по этому вопросу во французской палате депутатов (см. «Journal Officiel». Chambre des Députés. Séance du 19 Mars, 1914. — «Журналь Оффисиель». Заседание от 19 Марта. 1914 г.). Сущность инцидента сводилась к следующему. В конце 1913 г. англогерманский синдикат, в который входили, с одной стороны, Крупп и Немецкий Банк, с другой — английская фирма Виккерса и Максима, предложили Путиловским заводам аванс в 20 м. руб. Было очевидно, что Крупп стремился овладеть большинством акций Путиловских заводов и взять в свои руки эти заводы, на которых до сих пор орудия приготовлялись при содействии фирмы Крезо и французского персонала, доставлявшегося этой фирмой. Этот инцидент вызвал такое волнение в правящих кругах Франции, что некоторые газеты стали писать о возможности разрыва франко-русского союза в случае перехода Путиловских заводов к Круппу; русские газеты, в свою очередь, посвятили в тот момент не мало статей этому скандалу. Как известно, вся эта история разыгралась в тот момент, когда Делькассе находился в Ленинграде, и французское правительство спешно затребовало у него самые точные сведения о всем этом деле. . .

На фоне заводов Круппа выделяется палаццо, в котором находится так называемый Эссенер Гоф. Там фирма принимает и угощает своих

гостей, представителей различных стран, дающих заказы фирме. В палаццо гремит музыка, даются роскошные обеды. Прием гостей обходится ежегодно в 500.000 марок. Вот Жюль Юрэ [1]) описывает обед в этом любопытном отеле:

«Лица, приглашаемые самим заводом, обедают в специальном зале, находящемся рядом с общим салоном для еды. В хорошую погоду обедают на открытой веранде, выходящей в сад... Турки, болгары, сербы, японцы, чилийцы, аргентинцы, филиппинцы встречаются здесь друг с другом...

«Сюда приезжают также скандинавцы, русские, бельгийцы. В конце обеда, после того как французские вина разгорячили головы, голоса повышаются, и все эти враги пьют на средства принцессы, как братья, среди дыма сигар и взрывов смеха, совершенно забыв о причинах, которые их привели сюда. Может быть, эти люди будут когда-либо убивать друг друга с помощью тех же заказанных ими пушек, за изготовлением которых они следят здесь. Но пока сталь не охладилась, они «пьянствуют», по выражению Вильгельма, употребленному им в разговоре с Жюль Симоном».

Если мы в дополнение к этой картине, нарисованной Юрэ в 1907 г., прибавим, что позднейшие разоблачения доказали связь фирмы Берты Крупп с Путиловскими заводами в России, с русским обществом «Пара-Беллюм» в Петербурге, с военными фабриками в Бельгии и т. д., что заводы Круппа как раз накануне войны пытались приобрести французские военные фабрики в Лапалиссе, мы увидим, что фирма Круппа являлась идеальной военной фабрикой, своеобразным п у ш е ч н ы м и н т е р н а ц и о н а л о м, вооружавшим все страны, даже и те, которые завтра могли вступить в бой с Германией, но в то же время не забывавшим ни на минуту интересов германского империализма и прежде всего династии Гогенцоллернов. И если Вильгельм II находил для себя выгодным усиливать вооружения Бельгии, Японии, России, снабжая русскую армию крупповскими пушками и усиливая наш балтийский флот военными судами, выстроенными в Эльбинге и на других верфях Германии, то нельзя сказать, чтобы с точки зрения национальной обороны Россия и Бельгия много выиграли от этих комбинаций, ибо военная мощь государства заключается не в пушках и снарядах, которые можно закупить в каком угодно количестве в мирное время хотя бы даже у завтрашнего врага, а в той индустриальной энергии [2]), которую в состоянии развить данная страна, — индустриальной энергии, являющейся если не единственным, то во всяком случае важнейшим фактором победы в современной войне.

[1]) Ж ю л ь Ю р э, цитир. соч., стр. 334.

[2]) Наряду с заводами Круппа в первые же дни войны было мобилизовано в Германии для работы для нужд армии 3.750 фабрик. Фабрики швейных машин принялись за выделку шрапнелей и мелких частей орудий, знаменитая «Всеобщая Компания Электричества» стала производить гранаты, заводы пишущих машин — велосипеды для армии, и т. д. И многие из этих предприятий сумели значительно увеличить производительность труда за время войны.

7. Война и крупповские доходы. Слухи о мире. Падение курса военных бумаг. Война до конца. Военные заводы и банки.

Само собой разумеется, что во время войны посреди всеобщего разрушения и ужаса доходы фирмы Круппа возросли в громадной пропорции. Заводы Круппа с самого начала войны увеличили число своих рабочих с 80.000 до 120.000, т.-е. на 50%. Они значительно сократили производство всякого рода машин, паровых молотов и т. д., сосредоточились почти исключительно на выделке орудий, снарядов и вообще всякого рода принадлежностей военного аппарата германской армии.

По официальным сообщениям фирмы Круппа, опубликованным в Эссене в ноябре 1915 года, фирма реализовала в 1914 — 1915 г.г. 95.850.958 марок чистой прибыли, вместо 40.830.558 марок чистой прибыли предшествующих 1913 — 1914 г.г. Таким образом, чистый доход от эксплоатации заводов за год войны увеличился на 55.020.400 марок по сравнению с 1913 — 1914 г.г., т.-е. приблизительно на 140%.

Вот как, согласно отчету, распределена прибыль 1914 — 1915 г.г.

	1914—15 г.г.	1913—14 г.г.
Чистая прибыль	95.850.958	40.830.558
	марок	марок
Списано в запасный капитал согласно требованию закона	4.323.280	1.695.211
В специальный запасный капитал	3.000.000	2.000.000
Дивиденд по акциям	25.800.000	21.600.000
Пенсионная касса	3.000.000	1.000.000
Пособия по случаю войны	5.000.000	3.000.000
Специальные списывания	5.000.000	—
На рабочие жилища	5.000.000	—
В пользу инвалидов	3.000.000	—
Военный запасный фонд	10.000.000	—
На учреждение специального вспомогат. фонда имени семейства Крупп	20.000.000	—
В пользу пострадавших местностей Восточной Пруссии	3.700.000	—
В счет прибылей будущего года	10.000.000	9.385.437

Вероятно, что доходы фирмы в действительности выше опубликованных к всеобщему сведению.

В марте 1916 г. «Журналь де Женев» опубликовал одно интересное сообщение, которое прошло незамеченным в европейской прессе. Фирма Круппа открыла в начале 1916 г. отделение в Мюнхене, которое по плану должно было иметь в недалеком будущем «колоссальные» размеры. С этой целью фирма приобрела в окрестностях Мюнхена земельную площадь в 11 тысяч поз (поз — полдесятины), т.-е. пространство, занимаемое целым городом, как замечает «Журналь де Женев». Сооружение зданий должно было начаться скоро; и по проекту заводы начали бы работать в первых месяцах 1917 г. Чтобы дать удовлетворение баварцам, это отделение получило некоторую самостоятельность и должно

было иметь свою главную администрацию в Мюнхене. Согласно статутам, это отделение должно было доставлять вооружение прежде всего баварской армии, а затем «иностранным государствам, дружественным Германии».

Итак, фирме Круппа было мало тех гигантских заводов, которыми она владела накануне войны. С помощью тайных доходов, полученных ею за первый же год войны, фирма закладывает фундамент новой «колоссальной» пушечной фабрики, чтобы сейчас же после подписания мира предстать перед вооруженной до зубов Европой, перед развившей необычайно свои силы военной индустрией Франции, Англии, России в невиданном дотоле могуществе. Вероятно, что доходы второго года войны дали возможность фирме приступить к осуществлению новых проектов, о которых пока еще не проникло никаких сообщений в печать. Во всяком случае, все эти проекты показывали, какие перспективы стояли перед Европой после окончания мировой войны, если только движение снизу не положит конца стремлениям милитаристов, явно обнаруживаемым всеми этими планами создания новых пушечных, динамитных, снарядных фабрик в придачу к тем, которые возникли во время войны и сохранятся после мира.

Доходы крупповских заводов за время войны должны были быть колоссальны, если принять во внимание, что с самого начала военных действий немецкие войска захватили в свои руки богатейшие угольные копи в Бельгии и железные рудники во Франции и, между прочим, знаменитый французский бассейн Брией. Запасы угля и железа в Бельгии и Франции достались заводам Вильгельма если не даром, то, во всяком случае, не по рыночной цене [1]).

Акции Круппа никогда не котировались на бирже, потому что Гогенцоллерны, семья Круппа и финансовые учреждения, владевшие этими драгоценными бумагами, не желали выпускать их из своих рук. Более того, счастливые владельцы крупповских акций, вероятно, льстили себя не сбывшейся надеждой, что когда враги Германии будут окончательно побеждены и вынуждены уплатить немалую контрибуцию победителю, некоторая часть этой контрибуции пойдет, как это случилось после войны 1871 г., на щедрое вознаграждение фирмы Круппа за исполненные заказы, на новое расширение и оборудование этих заводов, столь содействовавших победе Германии.

Имелись также облигации крупповских заводов 4% и 4½%. Но и эти облигации не котировались на бирже, ибо владельцы их не желали расставаться с этими бумагами. Акционеры заводов Круппа получили в 1914 — 1915 г.г. тот же дивиденд, что и в предшествующем, именно 12%. Остальная наличность предназначалась на финансовую

[1]) В занятой немцами северной части Франции находилось $^3/_5$ угольной и $^4/_5$ металлургической промышленности Франции. Если прибавить к этому каменноугольные копи Бельгии и каменноугольный Домбровский район, давший более $^1/_9$ добычи каменного угля всей Российской империи, мы увидим, что заводы Круппа могли иметь сколько угодно угля и железа по самой низкой цене, если не даром.

консолидацию фирмы и на различные благотворительные учреждения при заводах.

Так, значительная сумма в 23.700.000 марок из чистого дохода была назначена на создание крупповского фонда в пользу детей многочисленных семейств, кормильцы которых убиты на войне или тяжело ранены, и в пользу пострадавших местностей Восточной Пруссии.

Главный акционер крупповских заводов, Вильгельм II, стремился показать немецким пролетариям, что он не только хороший полководец, но и добрый хозяин, заботящийся о своих рабочих.

И, соглашаясь уступить из своих доходов бо́льшую долю, чем в предшествующие годы, в пользу рабочего персонала своих заводов, а особенно пострадавших от войны семей, Вильгельм этим давал понять, что он готов как можно дальше пойти по пути государственного социализма, забот об улучшении экономического положения немецких рабочих, повышения их заработной платы, улучшения их жилищных условий и т. д.

Само собой разумеется, что не только фирма Круппа нажилась благодаря войне.

Насколько в Германии многие промышленные фирмы были заинтересованы в продолжении войны, видно из того понижения курса, которое испытали многие биржевые бумаги, как только распространился слух о близком мире. «Берлинер Тагеблят» 29 октября 1915 г. и «Франкфуртер Цейтунг» от 30 октября сообщили, что на бирже все военные ценности (акции и облигации пушечных, пороховых, ружейных, динамитных и др. заводов, железоделательных, сталелитейных и т. д.) необычайно понизились, между тем как мирные ценности (акции мореходных компаний, колониальных железных дорог и т. д.) с такой же быстротой и неожиданностью поднялись.

Одни газеты объяснили это неожиданное понижение военных бумаг поездкой в Гаагу немецкого министра колоний Сольфа в сопровождении Вольфа-Меттерниха, бывшего германского посланника в Лондоне, другие — поездкой князя Бюлова в Швейцарию и его свиданием с представителем папы, третьи — сообщениями об успехах австро-германских войск в Сербии, успехами, которые, якобы, должны были привести к немедленному миру. Итак, одни только слухи о близком мире вызвали панику на бирже относительно определенных бумаг и вели к понижению курса металлургических и других акций.

Очевидно, что целый ряд предприятий наживался на войне. И, действительно, относительно немецких фабрик, работавших на армию, известно, что их прибыль была очень значительна, и для этой прибыли во время войны был придуман особый термин — «Kriegsgewinn» — «военная прибыль». Следуя — правда, очень робко — примеру английского правительства, вотировавшего билль Ллойд Джорджа об ограничении прибыли военных фабрик, рейхстаг принял в мае 1915 г. пожелание об обложении по достижении мира военной прибыли особо усиленным сбором на уплату вызванных войной издержек.

Германские металлургические и пушечные бароны, все эти Тиссены, Эргарты, Круппы, Стиннесы, Ротвеллеры и другие, должны были наживать десятки миллионов марок каждый месяц, и неудивительно, что эти самоотверженные патриоты требовали войны до конца, до полного разгрома России, до захвата Парижа, до овладения Египтом [1]).

По вычислениям немецкого экономиста, писавшего в «Нейе Фрейе Прессе» под псевдонимом «Лядон», из суммы, полученной от первых трех займов, именно 26 миллиардов марок, 16 миллиардов ушло на содержание армии и вооружения. Определяя доход поставщиков правительства в 50%, Лядон находит, что германские капиталисты получили за первые 16 месяцев войны 8 миллиардов марок военной прибыли. Заметим здесь, что законопроект налога на военную прибыль был внесен в германский рейхстаг лишь 24 февраля 1916 г., т.-е. почти на 20-ом месяце войны. Любопытно, что когда в германской прессе началась полемика по вопросу о налоге на военную прибыль, некоторые газеты подчеркивали, что германские короли и другие члены коронованных фамилий охотно соглашаются внести на алтарь отечества и свою долю военной прибыли, чтобы дать другим гражданам «Фатерлянда» пример высокого патриотизма. Этим самым был признан тот факт, что члены царствовавших германских династий являлись акционерами всякого рода пушечных, ружейных, снарядных и других заводов и фабрик, работавших на армию и войну.

Каких чудовищных размеров достигала прибыль многих других немецких фирм, показывает отчет «Рейнская Металлическая и Машиностроительная Фабрика». На акционерный капитал в 12,3 миллиона марок получено за вычетом 1,5 миллиона на военно-благотворительные цели 13 миллионов марок чистого дохода. Свыше 5 миллионов отчислено из этой суммы в военный налог, 2 миллиона в погашение старых долгов и свыше 3 миллионов на различные списания. После всего этого акционерам выдан дивиденд в 13%.

Вот список некоторых фирм, увеличивших дивиденды своим акционерам за первый год войны.

Фирмы.	Дивиденд 1913—1914 г.г.	Дивиденд 1914—1915 г.г.
Сталелитейный завод Экинга	5	16
Моторная фабрика Бенц	0	12
Завод аммуниции Гаффермана . . .	15	30
Фабрика Маузера в Обендорфе . . .	10	20
Гельзенкиршперовский чугунно-металлический завод	6	12
Машиностроительный завод Гальбаха	0	8

Таких крупнейших фирм, наживших за первый же год войны колоссальные доходы, числилось в Германии более двухсот.

[1]) Особенно усилился за время войны Стиннес, руководивший металлургическими заводами и угольными копями Рейнской Вестфалии. Война принесла Стиннесу военные поставки, неслыханные прибыли и избавление от всех финансовых забот и погони за рынками. (См. нашу книгу «Империализм», стр. 170—179.)

Какие блестящие операции делали, благодаря войне, многие химические, металлургические, сельско-хозяйственные и т. д. предприятия Германии, это видно из тех цифр, которые опубликовал «Форвертс».

Сахарные заводы в Франкентале дали в 1914 — 1915 году 30% дивиденда вместо 21% предшествующего года. Сахарные заводы в Тангермюнде дали 25% вместо 15% в 1913 — 1914 году. Сахарные заводы в Фрауштадте повысили дивиденд с 10% до 20%.

Судостроительная фирма в Зеебеке, не давшая в предшествующем году никакого дивиденда своим акционерам, погасила в 1914 — 1915 г. свои долги и распределила чистую прибыль между своими акционерами (8% на акцию). Фабрика несгораемых ящиков и машин Шладица в Дрездене дала своим акционерам 12% вместо 6% предшествующего года. Фабрика суперфосфатов Нордегама значительно увеличила свой фонд погашения и выдала акционерам 9% дивиденда вместо 7%. Фабрика крахмала и сиропа Фолтена распределила 20% вместо 15% и увеличила свой текущий счет с 343.000 марок до 1.427.000 марок. Фирма Эльбах и Эрфорде удвоила свою чистую прибыль и выдавала 12% дивиденда вместо 8%. Рельсопрокатные и плющильные заводы Бесперда, не давшие в 1913 году никакого дивиденда, дали в 1914 году 6%. Заводы Анкера в Билефельде, также не давшие в 1913 году никакого дивиденда, выдали в 1914 году 10% своим акционерам.

Особенно много прибыли, благодаря войне, извлекли в Германии металлургические заводы. Как сообщалось (1914 г.) в «Гандельсбладет», на собрании представителей германской и железоделательной и сталелитейной промышленности один оратор заявил, что кроме многочисленных железоделательных заводов 130 сталелитейных заводов занимаются исключительно фабрикацией военного материала; кроме того, основалось со времени войны 70 новых заводов для фабрикации стали.

Кроме многочисленных отдельных предприятий, занятых поставками на армию, преуспевали и «военные центры» разных индустрий. Созданные для внесения порядка в снабжение армии, они фактически функционировали в качестве синдикатов крупнейших предприятий данной отрасли, облеченных государством монопольными правами по части получения заказов и сырых материалов. По вычислениям «Франкфуртер Цейтунг», прибыль (совершенно избыточная над нормальным уровнем даже при нынешней цене производства) одного из таких военных центров, именно «Военно-Кожевенное Акционерное Общество», равняется 15 миллионам марок ежемесячно. А таких центров мобилизованной промышленности имелось свыше пятнадцати.

Если многие химические, текстильные, кожевенные фабрики и заводы сумели нажить большие капиталы благодаря войне, не трудно себе представить, какая высокая прибыль должна была перепасть на долю заводов, занятых непосредственно приготовлением оружия и амуниции для армии.

По поводу доходов немецких военных заводов и их патриотической кампании в пользу продолжения войны до конца, корреспондент «Рус-

ских Ведомостей» Лурье, в статье «Акулы войны» справедливо писал следующее:

«Здесь происходит форменная пляска миллионов, и здесь же ядро и оплот германского промышленного патриотизма, понимаемого в смысле затягивания войны выставлением все далее идущих целей».

Громадные доходы, которые получили предприятия, работавшие на армию, объясняются целым рядом причин. Среди последних важнейшую роль играла страшная эксплоатация рабочего персонала, подчиненного в период войны железной дисциплине, лишенного возможности пользоваться единственным средством самозащиты — стачкой, которая во время войны рассматривалась как государственное преступление. На многих немецких фабриках подростки в нарушение закона работали без смены целые сутки. «Форвертс» констатировал случаи, когда на фабриках дети работали трое суток под-ряд, имея всего 12 часов отдыха за это время, не считая ежедневного получаса на обед. На одной фабрике у ребенка, вследствие страшного переутомления, позвоночный хребет совершенно искривился. «Форвертс» приглашал правительство положить предел этой зверской эксплоатации, указывая, что от нее не спасает ни возраст, ни пол, что наряду с детьми и подростками работают старики и женщины. Доходность германских фабрик в период войны объяснялась и тем, что многие предприниматели, работавшие в мирное время в кредит с рассрочкой своим клиентам расплаты товаров на 3, 6, 9 месяцев, стали сбывать товар правительству за наличные, при чем частью получили громадный аванс одновременно с принятием заказа. Неудивительно, что при таких благоприятных условиях — полном подчинении рабочего персонала воле предпринимателя, удлинении рабочего дня и понижении заработной платы, наконец, обеспеченности сбыта изготовляемого товара по самой выгодной цене — акционеры всех этих пороховых, ружейных, пушечных, кожевенных, каучуковых, сталелитейных, автомобильных, электрических и т. д. фабрик и заводов получали самые высокие дивиденды на свои бумаги.

Характерную особенность немецких военных и вообще работавших на армию предприятий представляла их тесная связь с крупными финансовыми учреждениями, с главными банками Германии. Я уже подчеркивал это обстоятельство в моей упомянутой книге «Великие железнодорожные и морские пути будущего». Г. Лурье в своих статьях в «Русских Ведомостях» и в «Вестнике Европы» приводит любопытную справку о роли банков в немецкой индустрии в момент войны. Оказывается, деловая контора «военного центра каучуковой промышленности находилась в конторе Немецкого Банка, военного центра кожаной индустрии—в конторе Коммерческого и Учетного Банка, военного центра металлической индустрии—в банке Дельбрюк и К°, химической там же джутовой — в конторе Дисконтного Общества». Таким образом мы видим, что главные квартиры военно-промышленных центров всех мобилизованных отраслей немецкой индустрии помещались в конторах

важнейших немецких банков. Да и сам главный военный центр (Военный Комитет Германской Индустрии) германской индустрии, созданный 8 августа 1914 г. путем слияния двух крупнейших организаций немецких промышленников — Союз Промышленников и Центральный Союз Германской Индустрии, находился под фактическим контролем консорциума десяти важнейших немецких банков.

В то время как бумаги безусловно всех французских банков упали за первый год войны на 60 — 100%, бумаги главных германских банков поднялись за этот период или, во всяком случае, почти не поколебались.

Вот некоторые данные о котировках более известных немецких банков [1]):

	Июль 1914 г.	Июль 1915 г.	20 июля 1915 г.
Имперский банк	130	145	153 1/2
Немецкий Банк	218	220	221
Дисконтное Общество . .	170	167	175
Дрезденский Банк	138	134	173 3/4

Тесная связь между военной индустрией и важнейшими банками Германии составляла характерную особенность немецкого империализма. Реальная связь такого влиятельного фактора во внутренней и внешней политике Германии, как полуавтократическая династия Гогенцоллернов с заводами Круппа, с фабриками, выделывающими военное сукно и т. п., — заинтересованность императорской фамилии в повышении дивидендов пушечных заводов уже сама по себе представляла крайне опасное явление для сохранения международного мира. Подчинение же целого ряда военных фабрик или вообще предприятий, связанных так или иначе с армией, власти крупных банков, владевших миллиардами марок и искавших все нового и нового приложения свободным капиталам, должна была придать германской военной индустрии, индустрии б о е в о й по существу, особенно агрессивный характер в смысле направления внешней политики Германии.

* * *

Война 1914 — 1918 г.г. ярко подчеркнула факт разделения современного промышленного здания как в Германии, так и в капиталистических странах на два этажа — верхний, привилегированный, связанный с милитаризмом, империализмом и т. д., и нижний, работающий на мирное население.

В течение войны 1914—1918 г.г. мы почти во всех странах, вовлеченных в кровавый конфликт, наблюдаем расцвет индустрий, так или иначе связанных с войной, поставляющих оружие и другие предметы армии и флоту, и одновременно сокращение производства, тяжелый кризис в отраслях промышленности, удовлетворяющих интересы мирного населения. Железоделательные, машиностроительные, автомобильные, пороховые, оружейные заводы дают во всех странах колос-

[1]) См. «Новый Экономист», 22 авг. 1915 г.

сальные доходы. Громадную прибыль приносят и кожевенные заводы, мукомольные заведения, мастерские, поставляющие платье, белье и т. д. на армию по необычайно высоким ценам. Вот таблица, дающая представление о доходности некоторых предприятий в Германии, одевающих, кормящих армию и снабжающих ее боевыми припасами. Доходность указана в миллионах марок.

	Основной капитал.	Прибыль. 1913-14 г.	Прибыль. 1915-16 г.	Дивиденд в % 1913-14 г.	Дивиденд в % 1915-16 г.
Химическая промышл. . .	345	86,5	90,9	20,9	17,7
Пороховые заводы	92	10,6	45,0	14,2	21,8
Автомобильные	87	11,2	38,0	7,7	18,4
Металлические	161	26,3	85,4	9,8	20,7

За исключением химической индустрии, работавшей в мирное время на всемирный рынок, которого теперь не было, и вынужденной во время войны довольствоваться одними казенными заказами в Германии, остальные производства наглядно показывают, какое выгодное империалистическое предприятие война для части немецких капиталистов. И без того высокая доходность мирного времени поднялась в три и четыре раза. Есть предприятия, где чистая прибыль в три раза превышает акционерный капитал.

Но как только мы перейдем к производствам, мало связанным с войной, так картина сейчас же меняется. По данным «Франкфуртер Цейтунг» положение, например, двух крупных индустрий — цементной и бумажной — было таково:

	Основной капитал.	Прибыль. 1913-14 г.	Прибыль. 1915-16 г.	Дивиденд в % 1913-14 г.	Дивиденд в % 1915-16 г.
Бумажная промышл. . . .	69	10,2	3,0	10,6	4,6
Цементная » . . .	77	10,5	0,5	9,4	1,9

«Словно взяты две новые эпохи или две различные страны, — настолько резко противоречие между различными отраслями производства», — говорит Я. Пилецкий, констатируя факт разделения хозяйства Германии во время войны на две части [1]). Кроме цементного и бумажного производства сильно пострадали в Германии во время войны пивоваренная промышленность, строительное дело, неисчислимые потери понес немецкий торговый флот, жестокий удар нанесен войной гостиницам, курортам, страховому делу.

То же самое явление мы наблюдали во всех других воюющих странах. В Англии, Франции, России, Германии, Италии и т. д. вся промышленная жизнь в текстильном, обувном, стекольном, строительном и целом ряде других производств, в сущности, свелась к нулю. Во всех этих отраслях промышленности закрытие предприятий явилось

---

[1]) См. ст. Я. Пилецкого, «Война и хозяйство в Германии» («Экономическое Обозрение», № 2. Ноябрь — декабрь 1916 г.).

не исключением, а правилом, при одновременном процветании и расширении привилегированных индустрий, так или иначе связанных с войной и работой на армию, и в особенности индустрии металлургической.

Эти явления военной конъюнктуры так поразили многих немецких исследователей, что они предложили новый термин — военное хозяйство (Kriegswirtschaft), законы которого нужно де еще изучить, так как они достаточно резко отличаются от законов, регулирующих экономическую жизнь мирного времени. Однако, все явления этого военного хозяйства — сокращение производства, усиленная доходность многих предприятий наряду с упадком других, баснословное увеличение числа бумажных денег, общее экономическое истощение, далее, появление новой буржуазии, выросшей из круга военных поставщиков и спекулянтов со всеми противными чертами выскочек, не сглаживание, а обострение отношений внутри самой буржуазии, рост классовых противоречий, концентрация производства и образование новых трестов и синдикатов под главенством финансового капитала и, как результат всего этого, дальнейший и ускоренный темп капитализма в его империалистической фазе — отнюдь не явились неожиданностью для тех, кто изучил сущность современного капиталистического хозяйства и мог ждать от войны лишь обострения существовавших антагонизмов и усиления империалистических тенденций, характерных для переживаемой нами фазы капиталистического развития.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Военная индустрия и заводы Шнейдера во Франции.

«Они имеют Эссен, а мы имеем Крезо».

Инженер Пьер Лори.

1. Мобилизация армии и демобилизация промышленности в начале войны.

Когда в начале мировой войны в августе месяце французские полки ранним утром с развернутыми знаменами при звуках военного марша проходили быстрым шагом по усеянным густыми толпами улицам столицы, всем обывателям, с напряженным волнением смотревшим на эти стройные ряды мужчин, спешивших к угрожаемым границам, казалось, что для того, чтобы отразить неприятельскую армию и спасти столицу от нашествия, достаточно только двух условий: во-первых, готовности солдат храбро сражаться и умереть за родину, во-вторых, умения их вождей использовать в интересах отечества энтузиазм и многочисленность своих войск.

«Лишь бы только успеть закончить мобилизацию и концентрацию войск и после этого можно будет сказать с уверенностью, что Франция спасена от неприятельского нашествия», — говорили и писали французы. И мы знаем, что сопротивление Бельгии дало возможность Франции вполне закончить мобилизацию и концентрацию ее войск, а все-таки неприятель ворвался во французскую территорию. Это вторжение немецких полчищ во Францию явилось результатом несчастной для англо-французских войск битвы при Шарлеруа, где союзная армия оказалась буквально подавленной прекрасным техническим и материальным оборудованием немецкой армии, огнем ее тяжелой артиллерии, ее автомобильных пушек, ее многочисленных пулеметов. Даже в области авиации, относительно которой чуть ли не вся Европа была убеждена в том, что французы сильнее немцев, последние оказались несравненно могущественнее своих противников. И многие раненые артиллеристы, вернувшиеся после битвы при Шарлеруа, рассказывали, какое глубокое разочарование и тревогу испытывали они, видя в момент битвы над

своими головами немецкие аэропланы, которые безнаказанно, не тревожимые никем, определяли расположение французских и английских батарей и давали возможность немецкой тяжелой артиллерии с дальнего расстояния уничтожить пресловутые орудия калибра 75 *мм*.

Я уже рассказывал в другом месте, какое сильное впечатление на многих французских офицеров и солдат производили германские войска в первый период войны. Раненые рассказывали, что германские колонны, идущие в атаку, представляли собою нечто вроде движущейся крепости, изрыгающей из себя всепожирающий огонь. Это была лавина, приводимая в движение могучим механизмом, фаланга Филиппа Македонского, возрожденная в новой форме в соответствии с условиями современного боя.

До августа 1914 года французский генеральный штаб не имел представления о характере будущей войны. Франция имела много способных, талантливых генералов, изучивших тактику маневренного боя, умевших командовать сотнями тысяч, а в случае нужды и миллионами солдат в сражениях в открытом поле, генералов, умевших нащупывать слабый пункт в армиях неприятелей, чтобы бросить в этот пункт главные силы своих легионов, но все-таки это обстоятельство не исключает той истины, что все эти полководцы: Жоффры, Фоши, Саррайли, Манури, победившие, благодаря вторжению русской армии в Восточную Пруссию, фон-Клюка, фон-Бюлова, герцога Вюртембергского и других выдающихся вождей немецкой армии в битве при Марне, плохо понимали характер будущей войны.

Когда началась мировая война, во Франции были мобилизованы и призваны под ружье не только все рабочие и инженеры, работавшие на электрических станциях, химических фабриках, металлургических заводах и т. д., но и весь подлежащий мобилизации персонал пушечных, патронных, оружейных, пороховых и других фабрик, имевших самое непосредственное отношение к армии. Нетрудно понять, к каким результатам привела подобная операция. Как было констатировано несколько раз во французской палате депутатов, на одной крупной военной фабрике, на которой накануне войны работало 14.000 человек, оказалось по окончании мобилизации всего 10.000 чел., на другой, где работало 5.000 человек, оказалось всего 3.000. Более того, некоторые крупные металлургические заводы, как, например, известные чугуноплавильные заводы Коммантри-Фуршанбо, вынуждены были закрыться за отсутствием рабочего персонала. Автору известен случай одной патронной фабрики в Париже, которая в начале войны прекратила работу, так как все ее мастера и лучшие рабочие ушли на войну.

А в это самое время в Германии тысячи и тысячи новых рабочих, надсмотрщиков, инженеров занимали свои боевые посты на фабриках и заводах. Целые роты, батальоны, полки шли не на границу сражаться с оружием в руках с внешним врагом, а на фабрики и заводы, чтобы здесь приготовлять оружие и снаряды для тех масс, которые грозной волной двигались к неприятельским территориям. Неудиви-

тельно, что при таких обстоятельствах на заводах Круппа оказалось по окончании мобилизации на 39.000 рабочих больше, чем было накануне войны. Мобилизация индустриальная и мобилизация военная были начаты в Германии одновременно, чего не было сделано ни в России, ни в Англии, ни во Франции. Результаты такого положения вещей не заставили себя долго ждать. Особенно оказалась неподготовленной в смысле технического оборудования своих армий Англия, эта самая развитая в промышленном отношении страна в мире.

Уже во время англо-бурской войны Великобритания в громадном количестве закупала в Германии патроны, снаряды, порох, оружие, фармацевтические предметы для своих войск, и именно содействие немецких фабрик не мало помогло Великобритании сломить сопротивление буров. А насколько в первые месяцы мировой войны Англия не была готова в ведению современной войны, видно из того факта, что в то время, как в Германии в начале войны ежедневно изготовлялось 250.000 снарядов, в Англии приготовлялось 10.000 снарядов в месяц. Об этом экстраординарном факте члены английского правительства официально поведали стране через посредство палаты общин. Само собой разумеется, что при таких обстоятельствах английский экспедиционный корпус, и без того не особенно сильный численно, не мог спасти от немецкого нашествия ни Бельгии вообще, ни Антверпена в частности.

Более того, как явствует из речи Ллойд Джорджа, произнесенной им в палате общин 22 декабря 1915 г., даже в мае 1915 г., т.-е. через 10 месяцев после начала военных действий, англичане были в состоянии отвечать на 250.000 снарядов, которые немцы выбрасывали ежедневно, всего 2.200 больших снарядов и 13.000 шрапнелей. С той поры, по заявлению Ллойд Джорджа, производство снарядов и оружия в Англии было значительно усилено: было создано 33 новых казенных и несколько сот частных заводов, специально для изготовления снарядов. Число ежемесячно изготовляемых митральез было увеличено в пять раз, гранат — в сорок раз; ежемесячное изготовление бомбометателей превышает вдвое в конце 1915 года количество, приготовленное за весь первый год войны.

Все вышеупомянутые факты объясняют нам, почему, несмотря на миллионы волонтеров, вступивших в армию для борьбы с германскими полчищами, Англия должна была долго подготовляться и создать тысячи и тысячи новых фабрик, прежде чем она оказалась способной бросить на континент многочисленные армии, почему эта страна, несмотря на те же миллионы волонтеров, не могла послать даже на 16-й месяц войны многочисленные отряды в Салоники [1]), в Галлиполи, Месопотамию.

[1]) Из 220.000 человек, которые в конце декабря 1915 г. находились в Салониках, на долю английской армии приходилось всего 90.000. Остальные войска состояли из французов («Л'Эпформасьон», 31 дек. 1915 г.).

Английская военная индустрия оказалась совершенно неподготовленной, по крайней мере, в течение первого года войны, к снабжению стоявших под английскими знаменами войск всем необходимым боевым материалом. Из всех держав четверного согласия более других оказалась подготовленной к современной войне Франция. Франция несравненно быстрее своих союзников сумела импровизировать сначала сотни, затем тысячи новых фабрик и мастерских для изготовления снарядов, починки и приготовления оружия и т. д. Известно, что французская военная индустрия работала с первых же месяцев не только на французскую, но также на русскую, бельгийскую, сербскую и черногорскую армии. Десятки фабрик во Франции работали для России, другие десятки производили снаряды для других союзных стран. Во Франции мобилизация промышленности, несмотря на все замедления, началась все же гораздо раньше, чем в России и Англии. Сотни фабрик, никогда не служивших военным целям, были милитаризованы и стали изготовлять оружие. Тысячи рабочих и инженеров, опрометчиво оторванных военным начальством в период мобилизации от работы на военных и металлургических фабриках, были постепенно отозваны из траншей к покинутым станкам, и скоро целая армия инженеров, квалифицированных и неквалифицированных рабочих, значительно превышающая по численности «мирный состав», начала изготовлять в колоссальном количестве снаряды, патроны, митральезы и т. д. для Франции и союзных стран.

Именно эта, хотя и несколько запоздалая, но все же сравнительно быстрая мобилизация военной индустрии, лихорадочная работа десятков заводов, существовавших уже до войны, и нескольких сот только что импровизованных фабрик дали возможность французским войскам после победы при Марне почти над всей германской армией, мобилизованной в течение первого месяца войны, не только сдерживать и медленно отбрасывать напор $^3/_4$ всех призванных под ружье колоссальных сил Германской империи, но и быть всегда первыми для встречи неприятеля на многих угрожаемых пунктах вне Франции, как, например, в Галлиполи и в Салониках.

Насколько увеличилось число рабочих, занятых на военных заводах Франции через несколько месяцев после начала промышленной мобилизации, видно из следующих цифр. Как явствует из заявлений Эмона, главного докладчика финансовой комиссии на заседании палаты депутатов 22 декабря 1915 г., в конце 1915 г. в одном Париже 200.000 человек было занято приготовлением снарядов и других предметов, имеющих отношение к артиллерии («Журналь Оффисиель», 23 декабря 1915).

На пиротехническом заводе, где накануне войны работало 2.000 человек, в сентябре 1915 г. было занято 11.000 человек, в том числе 4.000 женщин. Вся эта громадная армия рабочих изготовляла исключительно взрывчатые вещества. На заводах одного Шнейдера в Крезо работало через год после начала войны в пять раз больше персонала, чем накануне войны, и деятельность этого завода удесяте-

рилась, благодаря приобретению новых машин. На заводе Коммантри-Фуршанбо, закрывшемся в начале войны за недостатком рабочих, изготовлялось через год после начала войны 60.000 снарядов ежемесячно.

Между тем на этом заводе в начале войны все замерло, и доменные печи были потушены. Однако, мало-по-малу завод стал оживать. Директор завода рассказывал, что одна доменная печь, прекратившая свою работу 7 августа 1914 г., начала свою деятельность 1 августа 1915 г. без того, чтобы пришлось снова развести в ней огонь. Огонь тлел в этой печи в течение целого года, не потухая, — до того было раскалено горнило. Здесь плавился металл в 1200 градусов.

Известно, что при нормальных условиях раз пущенная в ход доменная печь работает безостановочно дни и ночи целые годы, так как всякая остановка повела бы за собой охлаждение печи и сделала бы продолжение работы невозможным. Доменные печи на многих французских и английских заводах работают без перерыва 8 и даже 10 лет. На некоторых немецких и американских заводах доменные печи работают без перерыва 20 лет. Само собой разумеется, что преждевременная приостановка работы доменной печи вызывает в случае необходимости снова пустить ее в ход ряд непроизводительных расходов, потерю времени и т. д. Одна только запалка горна длится порой целые сутки. Нетрудно понять, с какими неудобствами связан такой перерыв в работе доменных печей в военное время. Как бы то ни было, когда началась мобилизация во Франции, многие доменные печи даже на военных заводах и фабриках потухли. Этот факт ярко показывает, насколько французский генеральный штаб, разработавший во всех деталях план военной и железнодорожной мобилизации, мало готовился к мобилизации промышленной, без которой немыслима победа в мировой войне.

Первоначально в деле снабжения армии снарядами было допущено не мало ошибок, даже тогда, когда казалось, что все уже предусмотрено. В битве на Марне среднее количество снарядов, израсходованных в день, равнялось 240.000. Предполагали, что эта цифра не будет превзойдена. Между тем, в сражении при Аррасе было израсходовано на очень узком фронте с французской стороны более 400.000 снарядов в день. В битве при Шампани в день выбрасывались миллионы снарядов [1]).

Тем не менее, несмотря на всю непредусмотрительность французского генерального штаба, не предугадавшего характер современной войны, несмотря на захват неприятелем десяти департаментов, лишивший Францию значительного количества железа и угля, французская армия все же оказалась способной через месяц после начала военных действий остановить наступление вооруженной с ног до головы Германии и даже нанести поражение немцам при Марне.

---

[1]) «Journal Officiel». Chambre des Députés. Séance du 23 Dec. 1915 («Журнал Оффисиель» от 23 дек. 1915 г.).

Мощь, обнаруженная Францией, несмотря на немногочисленность ее населения, является следствием высокого развития в мирное время ее металлургической и военной индустрии. Уступая соответствующим отраслям германской индустрии по размерам производства, французская оружейная промышленность все же превосходила последнюю по качеству некоторых изготовляемых ею боевых материалов и оказалась в процессе войны способной несравненно быстрее, чем мы это видели в Англии, Италии и тем более в России, увеличить в невиданных размерах производство необходимого оружия и снарядов.

По поводу этой мощи, обнаруженной французской военной индустрией в мировой войне, нужно заметить, что эта отрасль промышленности издавна стояла во Франции на сравнительно высокой ступени развития. Вообще, артиллерия всегда играла крупную роль в военной истории Франции, в ее победах и поражениях. Франция побеждала, пока ее армия имела артиллерию, значительно превосходящую неприятельскую, и наоборот — эта же французская армия начинала терпеть поражения на полях битв с того момента, как в силу тех или других причин ее пушечные заводы начали отставать в своем развитии от военной индустрии в соседней стране.

«Только пушки, — говорит Лепелетье, — позволили французам отразить английских стрелков, несмотря на то, что на стороне последних было превосходство численности и дисциплины, и таким образом Франция XVI века освободилась от английского нашествия». Священная хоругвь Жанны д'Арк, ее воинственный экстаз, влияние, которое имела она на Ксентрайля Дюнуа и других суровых вождей, окружавших ее, на всех воинов, сражавшихся под ее знаменем, не мало значили в том удивительном порыве энергии, который охватил всю Францию и помог ей освободиться от вражеского нашествия, но без чрезвычайно сильной артиллерии, которой обладала «святая девственница», Буржский король никогда не короновался бы в Реймсе.

И чем дальше шло развитие военной техники, тем большее влияние приобретала артиллерия. Она сказала свое грозное слово во время войны революционной Франции против объединенной европейской реакции, и, может быть, это не случайность, что величайший полководец и стратег нашего времени вышел именно из рядов артиллеристов. «Во время первых войн Революции, — говорит Наполеон, — то, что давало неизмеримое превосходство французской армии над ее врагами, это была ее артиллерия; в сражении при Вальми, при Жеманне, при Нордингене мы имели артиллерию, значительно превосходящую неприятельскую. Может случиться, что генерал, более способный, чем его противник, имея под своей рукой лучшую пехоту, достигает частичных успехов в кампании, несмотря на то, что его артиллерийский парк слабее, но в решительный час генерального сражения он почувствует опасность своего положения и подвергнется риску потерять все в один момент».

Французские войска в значительной мере обязаны своими победами над европейской коалицией артиллерийским нововведениям знаменитого

французского инженера «генерала» Грибоваля, умершего как раз в мае 1789 г., т.-е. при начале Великой Французской Революции. «Если в эпоху революционных войн, — говорит генерал Фавэ, — французская артиллерия имела такое решительное и совершенно новое влияние на исход сражения, этим она обязана великому Грибовалю. Ему принадлежит определенная доля в победах республики и завоеваниях империи, которые были бы невозможны без подвижности материала, солидности конструкции и скорострельности его орудий» [1]).

Роль артиллерии, крайне важная, порой решающая в предшествующих войнах, в необычайной степени возросла в мировой войне, благодаря необычайному развитию техники и усилению скорострельности и дальнобойности современного оружия.

Можно сказать без преувеличения, что ныне не только в сражениях в открытом поле, но даже за прикрытиями самая многочисленная дисциплинированная и храбрая армия, не имеющая достаточной артиллерии и соответствующего количества снарядов, представляет собой попросту людскую пыль, которая может быть развеяна по ветру менее многочисленной армией, вооруженной несколькими лишними сотнями пулеметов, легких и тяжелых орудий, снабженных громадным количеством снарядов.

2. Марна и Верден. Авантюра кронпринца. Прогресс французской военной индустрии и Верденские бои. Русские победы. Блокада немцев.

Быстрая мобилизация индустрии дала возможность Франции сыграть выдающуюся роль в мировой войне и одержать две победы, явившиеся поворотными пунктами в кампании 1914 — 1916 г.г., именно победы на Марне и под Верденом. Недаром Вильгельм II в своей ответной телеграмме Бранденбургскому ландтагу, поздравившему императора со взятием войсками кронпринца форта Дуамона, назвал французов г л а в н ы м в р а г о м Германии. Вот эта телеграмма: «Я в высокой степени обрадован новыми и великими примерами Бранденбургского мужества и верности, не останавливающихся перед смертью, примерами доблести, которые проявили сыны этой провинции в последние дни во время их неудержимого натиска на самую сильную крепость нашего г л а в н о г о в р а г а. Да благословит всевышний Бранденбург и общее германское отечество». Объявив о неизбежном и о скором падении Вердена, император лишний раз уподобился известному австрийскому полководцу Мелассу, который до окончания битвы при Маренго (14 июня 1800 г.) послал телеграмму в Вену о разгроме армии Бонапарта, а через несколько часов увидел собственную

[1]) Заметим, что превосходство французской военной индустрии в области скорострельной полевой артиллерии было признано и накануне мировой войны даже итальянским правительством, которое, несмотря на свой союз с Германией и самые заманчивые предложения Круппа, заказало свою полевую артиллерию (орудия Депорта) заводам Шатийон-Коммантри во Франции.

армию разбитой и вынужден был через день подписать конвенцию об уступке французам Пьемонта, Генуи, Милана и всей Ломбардии.

На Марне потерпела поражение и была отброшена величайшая и самая страшная и по своему вооружению и по своей численности армия, какую только видел мир. 51 корпус, вместо 25, которых ожидала Франция, бросились на страну и были побеждены. После битвы на Марне исход кампании не был еще решен, но, во всяком случае, здесь был произнесен смертельный приговор мегаломанским планам германских империалистов.

Китоловы пользуются для своей охоты особого рода гарпунами, на которых порой вырезывается имя барки, откуда было брошено оружие. Ибо иногда чудовище не умирает тотчас и продолжает, хотя и смертельно раненое, бродить по океану, пока, наконец, через шесть, семь месяцев, другие рыбаки не находят его уже в состоянии трупа, выброшенным на берег. Тогда надпись на гарпуне указывает на имя того, кто убил кита и кому принадлежит право эксплоатировать его труп. Это — неоспоримое свидетельство в пользу принадлежности убитого кита счастливому патрону барки, откуда был брошен гарпун.

И вот немецкая армия получила этот смертельный удар гарпуном, и называется этот удар «битвой на Марне». Именно в эти дни и на этом фронте решились судьбы Европы.

Конечно, сама победа на Марне сделалась возможной только благодаря вторжению громадной русской армии в Восточную Пруссию, наведшему такую панику на германское командование, что последнее в разгар наступления на Париж сняло свыше двух корпусов с западного фронта и перебросило их на восток для защиты Восточной Пруссии, этого гнезда прусских помещиков; все же битва на Марне была погребальным звоном по немецким мечтам о мировой гегемонии. После французской победы на Марне немцы начали медленное отступление к северу, где они заранее подготовили сильные оборонительные позиции.

Второй страшный удар получила немецкая армия под Верденом. Правда, и здесь французская победа была одержана благодаря помощи русских войск [1]), но, конечно, если бы французская артиллерия не отличалась соответствующим могуществом, Верден не удалось бы отстоять.

Известно, сколько сот тысяч человек погубил жалкий кронпринц в бесплодных попытках взять Верден, чтобы украсить победными лаврами свою корону будущего императора Германии. Конечно, в пользу выбора именно Вердена, как объекта атаки, имелись очень серьезные соображения, которые признала и французская пресса, но раз в течение первого месяца войны обнаружилось, что дальнейший штурм Верденских позиций будет сопряжен с колоссальными потерями, перед которыми побледнеют и русские потери во время пресловутых атак Скобелева под Плев-

[1]) «В марте 1916 г. было очень тяжело под Верденом, Россия немедленно же стала наступать», выразился ген. Рампон, признавший также, что «Россия спасла Париж в августовские дни 1914 г», т.-е. в Марнские дни (см. об этом подробно нашу книгу: «Советская Россия и капиталистическая Франция»).

ной, раз сделалось очевидным, что дальнейшее упорство в попытках овладеть французской крепостью надолго свяжет по рукам и ногам одну из наиболее многочисленных и лучших немецких армий, отказ от этой попытки настоятельно диктовался элементарными принципами тактики и стратегии и общим положением дел на обоих фронтах.

Полуфеодальный, династический характер германского государственного строя оказал свое роковое влияние в мировой войне, и во имя престижа кронпринца германская армия потеряла под Верденом сотни тысяч лучших солдат, которые могли бы так пригодиться Германии в тот момент, когда началось наступление союзников на обоих фронтах. Бесчеловечный и упрямый «Massenmörder» («массовой убийца»), как называли кронпринца его солдаты, продолжал посылать на убой, под огонь страшной французской артиллерии, лучшие немецкие полки даже после того, как обнаружилось, что попытка взять Верден обречена на полное фиаско, более того, когда стало ясно, что даже падение французской крепости не изменит положения вещей на театре военных действий.

Между тем, пока армия кронпринца истекала кровью под Верденом, пока вся немецкая пресса в унисон твердила о том, что все наличные военные силы Франции, мобилизованные против войск кронпринца, как снег от действия весеннего солнца, тают под ударами наследного принца в тщетных попытках остановить неудержимое наступление непобедимых германских легионов, и что скоро у Франции не останется никаких резервов, французский генеральный штаб организовал на Сомме сложное предприятие, перед которым бледнеет самая трудная техническая и индустриальная операция. Позади первой линии и 2-ой линии французских траншей в течение четырех месяцев кипела лихорадочная работа, на первый взгляд как будто не имеющая непосредственного отношения к войне. Не только все старые шоссейные дороги были расширены, но кроме них были проложены по всем направлениям новые. Были также выстроены многочисленные ширококолейные и узкоколейные железные дороги. Чтобы содержать эти дороги въ порядке, были открыты новые каменоломни, откуда бесконечной лентой тянулись тяжелые телеги, нагруженные щебнем, были построены сотни прочных мостов для тяжелых обозов, кавалерии, артиллерии и т. д., были переброшены в тысячи мест мостки для пешеходов, были вырыты в глубине земли целые городки и деревни. Таким образом, в течение нескольких месяцев в данном районе не только поверхность местности, но и ее подземное строение приняли совершенно новый вид. Какой-нибудь человек, упавший с луны на нашу планету и не знающий о том, что здесь идет подготовка к военной операции, пришел бы к заключению, что данная область находится накануне экономического возрождения и что в целях последнего так лихорадочно работают лопатами, топорами, ломами сыны земли. И когда вся эта гигантская техническая и инженерная работа, которой не заметил в своем ослеплении германский генеральный штаб, была закончена, французская армия и перешла в наступление, и в первые же дни сразу овладела двумя линиями германских траншей, одним ударом уничтожив

все «моральное» значение той победы, которую кронпринц не терял еще надежды одержать под Верденом.

И для того, чтобы прорвать без больших потерь одним ударом две линии сильно укрепленных траншей на большом протяжении у Соммы, и для того, чтобы оказаться способными в течение полугода отражать безумные массовые атаки немецких армий у Вердена, французам недостаточно было одержать победы на Марне, под Верденом, на Сомме.

С того момента, как импульсивный германский император послал свою пресловутую первую телеграмму о взятии 26 февраля 1916 г. Бранденбургским полком «блиндированного форта Дуамона, краеугольного камня главной линии постоянных укреплений крепости Верден» и вызвал этой телеграммой необычайный энтузиазм во всей Германии, где уже вообразили, что крепость Верден очутится через несколько дней в руках победоносных немецких войск, с этого момента до начала августа 1916 г. германская армия, потеряв несколько сот тысяч человек убитыми, ранеными и выбывшими из строя, продвинулась в результате кровавых пятимесячных боев всего на два километра по направлению к главной линии Верденских укреплений.

Между тем у кронпринца имелось в распоряжении такое количество человеческого материала и артиллерии, пушек и пушечного мяса, что он вначале имел основание рассчитывать на успех затеянной им и его советниками авантюры. Многочисленная армия кронпринца, кроме громадного количества пулеметов, была снабжена невиданной силы артиллерией, именно 160 батареями, состоявшими из 2000 орудий.

В мае 1916 г. у кронпринца имелось: 1) 40 орудий крупного калибра, именно 10 орудий в 420 *мм* и 30 *мм* орудий в 355 *мм* и 305 *мм*, 2) 700 тяжелых орудий, 215 пушек в 203 *мм*, 430 в 155, 55 пушек в 121 *мм*, 3) 1.260 орудий среднего и легкого калибра: именно — 860 в 102 *мм* и 400 в 77 *мм*.

И кронпринц не жалел, конечно, снарядов, чтобы добиться своей цели. Так, в первый день бомбардировки немецкая артиллерия забросала французский сектор в 1 километр длины и $^1/_2$ километра глубины 80.000 снарядов. Эти 80.000 снарядов упали в течение 7 часов и образовали целые кратеры, являвшиеся один продолжением другого. По вычислениям французских техников, в первые дни бомбардировки Верденских позиций германская артиллерия выбросила от 4 до 6 миллионов снарядов [1]). Чтобы сопротивляться такому урагану стали в течение нескольких месяцев, чтобы быть в состоянии полгода держаться под этим страшным и непрерывным железным градом, французская армия должна была с своей стороны обладать соответствующим вооружением и артиллерией более или менее эквивалентной силы. Нижеследующая таблица показывает, как увеличилась производительность французских заводов, фабрик и арсеналов, изготовлявших всякого рода оружие за

---

[1]) За всю франко-прусскую войну 1870 — 1871 г.г. германская артиллерия выпустила всего против французских крепостей 479.000 снарядов. (В маневренных же боях 1870 — 1871 г.г. эта артиллерия выпустила 338.000 снарядов.)

период от начала войны до начала Верденской эпопеи. Количество различных родов оружия, изготовлявшегося в начале войны, выражено в этой таблице условной цифрой 100.

Ежедневное производство.	В августе 1914 г.	15 мая 1915 г.	В начале февраля 1916 г.	В конце марта 1916 г.
Митральезы	100	2 300	8.800	9 850
Ружья	100	3.100	21.600	23.700
Орудия в 75 *мм*	100	1.100	2.310	2.530
Порох	100	180	280	445
Взрывчатые вещества	100	700	2.230	2.560
Снаряды для 75 *мм*	100	1.400	3.040	3.570
Снаряды более крупного калибра	100	850	4.410	5.460
Число орудий, имевшихся во французской армии.				
Тяжелых орудий	100	2.000	2.300	2.370
Траншейных пушек	100	100	170	196

Итак, мы видим, что за указанный период число различного рода оружия увеличилось во Франции в 25, 35, 98 и 237 раз. Само собою разумеется, что при таком прогрессе французского вооружения затея кронпринца взять Верден, и особенно упорное нежелание отказаться от этой авантюры, когда обнаружилось, с какими колоссальными жертвами сопряжено ее продолжение, является крупнейшей тактической ошибкой, какую только знает история войн нашего времени, ошибкой, перед которой совершенно бледнеют первые неудачи русских войск под Плевной в кампанию 1877 — 1878 г.г.

Громадное количество артиллерии, возможность забрасывать противника сотнями тысяч, иногда миллионами снарядов дали возможность французам во многих случаях брать в начале третьего года войны немецкие позиции, совершенно не прибегая к штурму, к атакам «в штыки». Вообще это выражение «штыковая атака» очень часто совершенно неуместно применялось ко взятию многих укрепленных позиций в мировой войне. В тех случаях, когда артиллерия «делала свое дело», штыковая атака оказывалась ненужной и сводилась к простой резне, убийству оглушенных, потерявших сознание людей; когда же артиллерийский огонь оказывался не в состоянии разрушить укрепления противника и подавить психику обороняющихся, штыковая атака вела к неизбежному поражению штурмующих колонн, к страшным потерям наступающей армии. И то обстоятельство, что в конце второго года войны и начале третьего Альбер Тома мог заявить в своей речи в Лионе, что солдаты 20-го корпуса, «идола французской армии», взяли в битве на Сомме многие немецкие позиции (Гем, Кирлу, Монаки и т. д.) не с ружьями, а с палками в руках, ясно доказывает, какого прогресса достигла французская артиллерия через 24 месяца после начала войны. И это лишний раз подчеркивает нам, что мировая война была войной фабрик и заводов, что исход этой войны обусловливался прежде всего не количеством солдат, которое враждующие стороны выставили на театр

военных действий, а числом паровых лошадиных сил, которое каждое из боровшихся государств мобилизовало в своих промышленных предприятиях и противопоставило врагу, что проблема победы есть прежде всего проблема производства и что таким образом вопрос о выигрыше сражений является прежде всего вопросом о количестве тонн стали, которым одна сторона может забросать другую.

Возможно, что в будущих войнах само выражение «атака», «штурм» выйдут из употребления, и что битва будет решаться одним артиллерийским огнем, при чем армия, заставившая замолчать неприятельские пушки, будет посылать уже не целые батальоны, полки и дивизии с винтовками и гранатами в руках для последнего штурма, а несколько десятков или сотен безоружных людей для овладения неприятельской позицией, все защитники которой лежат уже убитыми или оглушенными около своих разбитых вдребезги или взорванных на воздух орудий, за своими разрушенными и сравненными с землей укреплениями.

Шестимесячные Верденские бои, продвижение англо-французских войск на Сомме, победы русской армии в Буковине и Галиции в летнюю кампанию 1916 г., победы, в которых некоторую роль играла и французская военная индустрия, показали, что к концу второго года войны артиллерия союзников России вполне сравнялась в количественном и качественном отношении с артиллерией центральных держав. Более того, и на русском фронте бывали неоднократно случаи в летнюю кампанию 1916 г., когда русская артиллерия засыпала таким количеством снарядов австрийские и германские батареи, что последние, подбитые огнем артиллерии, замолкали. Тогда по рассказам очевидцев, по передовым немецким и австрийским окопам проносился смертный стон, страшный вой несчастных людей, почувствовавших, что нет позади никакой опоры, никакой защиты и надежды на спасение, что они обречены. И чтобы заставить даже самых храбрых солдат пойти в атаку против защищенных сильной артиллерией позиций, чтобы заставить их прорваться сквозь огненную линию, перед ужасами которой бледнеют все картины Дантова ада, разве не приходилось порой спаивать даже немецких солдат. При атаке русских позиций у Воли Шидловской немцы безоружные, с криком безумия, взявшись за руки, цепью, танцуя, шли в опьянении ужаса навстречу русским снарядам, вырывавшим целые ряды атакующих колонн. Такой же безумный характер носили немецкие атаки на Изере, где целые колонны юных волонтеров, рвавшихся в угоду кайзеру в Кале, были при пении гимнов «Стража на Рейне» и «Германия превыше всего» буквально затоплены водой и выжжены огнем.

И тот факт, что такой ужас, такое безумие овладевали даже немецкими солдатами, лучше всего свидетельствует о той роли, какую играет артиллерия в современной войне, и о тех перспективах, которые развертываются в результате дальнейшего развития военной техники.

Битва на Марне, Верденские бои, английские успехи на Ипре окончательно разрушили пангерманские мечты о гегемонии в Европе

и над всем миром. После этих французских и английских побед значительная часть германской прессы, поддерживавшая после разгрома Сербии самые безумные планы аннексионистов, соглашавшаяся на мир лишь на базисе «карты войны», т.-е. на условиях приобретения Германией большей части оккупированных немецкими войсками территорий Бельгии, Франции, России, значительно понижает свой тон и бьет отбой по всей линии, намекая на желательность мира даже без контрибуций, без значительных территориальных приобретений.

Французы и англичане разрушили мечты германских империалистов о мировой гегемонии, но, в свою очередь, к концу второго года войны западные державы не были достаточно сильны, чтобы разбить германскую армию. Союзная артиллерия сравнялась с немецкой, но, чтобы прорваться через бесконечные линии германских укреплений, нужно было обладать артиллерией, в несколько раз более многочисленной, чем немецкая, снабженной в десять, двадцать раз большим количеством снарядов, чем имелось у германцев. Следовательно, было необходимо или значительно увеличить производство военных заводов союзных держав, или добиться уменьшения производительности военных фабрик центральных государств. А последнее было бы мыслимо только в том случае, если бы английская блокада была блокадой железа, если бы у Германии можно было отнять ее главное оружие, именно железо и проч. металлы. Но все английские эскадры, вместе взятые, не могли помешать немцам извлекать железо и прочие металлы из французских департаментов, из металлургических бассейнов в Малой Азии, где немцы добывали во время войны марганец, свинец, цинк, хромистое железо, из которого извлекается хром, необходимый для изготовления специальной стали, и т. д. [1]).

И вот почему, несмотря на прогресс английской и французской военной индустрии в течение 1916 — 1917 г.г., на помощь японской и северо-американской промышленности, на страшные немецкие потери под Верденом, несмотря, наконец, на неослабную английскую блокаду, доведенную до самой крайней степени, к началу четвертого года войны германская армия оставалась несломленной, хотя положение центральных держав становилось с каждым днем все более критическим.

3. Французский металлургический трест и заводы Шнейдера.

Все французские металлургические заводы, военные фабрики, судостроительные компании объединены в один могучий трест, во главе которого стоит комитет «Union des industries métallurgiques et minières» («Союз металлургической и горнопромышленной индустрии»). Этот комитет руководит целым рядом синдикатов, среди которых важнейшую роль играет «Синдикальная палата фабрикантов и строителей военного материала», объединяющая вокруг себя около 25 военных фирм.

[1]) См. в «Journal de Génève» (19 — VII — 16) статью: «Ce que l'Asie Mineure fournit aux Empires centraux» («Журналь де Женев», статью: «Что Малая Азия доставляет центральным державам»).

Среди этих военных фирм доминирующую роль играют три: заводы Шнейдера, Марин-Омкур и Шатийон-Комманитри. Роль этих трех фирм в военной индустрии Франции видна уже из того, что президент и оба вице-президента «Синдикальной палаты» назначаются обыкновенно из представителей означенных трех могущественнейших военных фирм Франции. В бюро Синдикальной палаты входят представители, хотя и менее важных, но все же крупных фирм, как, например, Сталелитейные заводы Сэн-Этьена [1]), Центральное Динамитное Общество, представителем которого в Синдикальной палате является Поль Клемансо, брат знаменитого Клемансо, Общество Маррель братья (броня), Железоделательные заводы Фирмина [2]), Компани де Фив Лиль [3]).

Среди других синдикатов, которыми руководит комитет металлургического треста, особый интерес для нас представляет Chambre Syndicale des constructeurs de navires et de machines marines (Синдикальная палата строителей судов и морских машин). Эта палата объединяет ряд судостроительных фирм, из которых специально сооружением броненосцев занимаются следующие наиболее важные компании: Средиземно-морские верфи, Верфи Жиронды, Верфи Луары, Верфи Сэн-Назэра.

Среди всех этих судостроительных, ружейных, пороховых, пушечных, динамитных и других заводов Франции важнейшее значение имеют заводы Шнейдера, которые во Франции играют ту же роль, что и пресловутые заводы Круппа в Германии. Фирма Шнейдера является собственником знаменитых заводов в Крезо, сыгравших виднейшую роль в военной истории Франции, начиная с победоносных кампаний Великой Революции.

В январе и феврале 1912 г. газета Эрве «La Guerre sociale» («Социальная Война») опубликовала ряд статей своего главного сотрудника Андрэ Моризе, иллюстрировавшего с помощью впервые напечатанных им тайных документов тот хорошо известный факт, что все французские оружейные фирмы составляют один трест, поделивший между своими членами все заказы морского и военного министерств и устранивший таким образом возможность конкуренции между отдельными французскими военными фирмами. Само собой разумеется, что подобного рода «маневры» пушечных заводов являются нарушением закона и должны были бы повлечь за собой преследование судебным порядком оружейных магнатов, открыто грабящих казну на поставке военного материала по необычайно высокой цене, являющейся следствием устранения конкуренции на внутреннем рынке и предварительного сговора предпринимателей, создавших трест специально для более успешного грабежа своих сограждан, однако ни правительство, ни буржуазная пресса не обратили никакого внимания на документ, опубликованный газетой Эрве в начале 1912 г. Более того, когда через год редакция

---

[1]) Броня, башни, пушки и снаряды.
[2]) Снаряды.. самодвижущиеся мины.
[3]) Артиллерия.

газеты Эрве, возмущенная молчанием правительства и буржуазной прессы по поводу сенсационного документа, опубликованного в январе 1912 г. в «La Guerre sociale» («Социальной войне»), снова напечатала этот документ в извлечении, призывая французский оружейный трест к ответу, выражая вместе с тем надежду, что и во Франции найдется, может быть, свой «Либкнехт», который подымет такой же всемирный скандал вокруг «дела Крезо», какой Либкнехт поднял вокруг Круппов-ского дела, — конспирация молчания, организованная вокруг темной деятельности французских заводов и фирмы Крезо, восторжествовала над всеми враждебными происками революционных, «анти-патриотических» элементов, и на призыв Эрве и его сотрудников откликнулись лишь «Юманитэ», «Батай Синдикалист» и несколько анархистских листков, имеющих влияние лишь в очень ограниченных кругах населения. Эрве, Андре Моризе и другим редакторам «La Guerre sociale» так и не удалось, вопреки их ожиданиям, поднять во Франции шум, подобный тому, какой Либкнехт вызвал своими разоблачениями в Германии, и в общем вся эта затея Эрве кончилась как «буря в стакане воды». А между тем документ, опубликованный Моризе в «La Guerre sociale» 31 января 1912 г. и воспроизведенный вторично через 14 месяцев в той же газете [1]), заслуживает серьезного внимания и служит доказательством существования тайного и противозаконного соглашения всех фирм, входящих в Оружейный трест, относительно полюбовного раздела миллионов, извлекаемых с населения на военный и морской бюджеты.

Недостаток места не позволяет мне воспроизвести целиком документ, дважды опубликованный газетой Эрве. Поэтому я ограничусь существенными извлечениями:

Броня, доставляемая для французского флота, подразделяется на три категории:

1) Броня из цементированной стали.
2) Броня из специальной стали.
3) Броня для моста.

1) Броня из цементированной стали [2]). Доставка этого рода брони распределена трестом между следующими пятью заводами, при чем на долю каждой фирмы определена следующая часть правительственных заказов:

Шнейдер и К°	24.75%
С. Шамон	19.25%
Шатийон-Коммантри	19.25%
Маррель	19.25%
С. Этьен	17.5%
	100%

[1]) См. статью «Le Patriotisme des plaques blindées. Le Creusot sur la sellette». «La Guerre sociale», 1913. 23 — 29 Avril, 1913. («Броневый патриотизм. Крезо на скамье подсудимых»).

[2]) Цементированная сталь утилизируется на военных судах для главной брони, покрывающей остов броненосца и подвижные башни.

2) Броня из специальной стали [1]). Доля каждой из фирм, принимавших участие в доставке этой брони, определена следующим образом:

Шнейдер и К°	26,7%
С. Шамон	17,5%
С. Этьен	18,6%
Шатийон-Комментри	18,6%
Маррель	18,6%
	100%

3) Мостовая броня [2]). Здесь доля определена следующим образом:

Шнейдер и К°	18,2%
С. Шамон	18,2%
Шатийон-Комментри	18,2%
Маррель	18,2%
С. Этьен	18,2%
Голтцер	9,0%
	100%

Из этого отрывка мы видим, что для каждой из фирм, входивших в Оружейный трест, определена заранее самим трестом, фиксирована, конечно полюбовно, и цена, по которой будет уступлена правительству тонна материала, и т. д. Стало быть, все эти «adjudications», отдача определенных заказов той или другой фирме после соблюдения целого ряда формальностей, представления конкурентами своих условий в запечатанных конвертах и пр.. являются во Франции, как и в других странах, не более как одной комедией.

Вместе с тем вышеупомянутый документ лишний раз подчеркивает первенствующую роль, которую во французском тресте вооружений играет знаменитая фирма Шнейдера, берущая себе почти всегда наибольшую долю казенных и других заказов.

4. Фирма Шнейдера в прошлом и настоящем. Отделения фирмы во Франции и за-границей.

В отличие от крупповских заводов в Эссене, возникших лишь в XIX веке, пушечный завод в Крезо более давнего происхождения [3]). Уже при Людовике XVI в Крезо существовал металлургический завод, который производил чугун для пушек. В государственных архивах мы находим протоколы об испытании в 1788 г., т.-е. накануне Революции, пушки в 36 миллиметров, вылитой из металла, приготовленного на заводе

---

[1]) Специальная сталь употребляется для мертвых частей броненосца, внутреннего блиндированного моста и казематов артиллерии среднего калибра.

[2]) Броня, занимающая верхний мост военного судна.

[3]) Первые хартии завода Крезо на право эксплоатации угля датированы 21 июня 1510 года.

Крезо в замену металла, привозившегося до сих пор из Англии. Испытание дало прекрасные результаты. Это был первый заказ на изготовление пушек, полученный заводом Крезо. Накануне Революции на пушечном заводе в Крезо работало 1.500 человек.

Заводы Шнейдера занимали в период войны более 100.000 инженеров, служащих и рабочих. Отделения этих заводов находятся в различных местах Франции. В общем все эти заводы занимают площадь в 6.000 гектаров. Они обслуживаются специальными железными дорогами, длина которых достигает 290 километров и по которым циркулирует 65 локомотивов и 5.700 вагонов. Сила паровых и газовых машин, действующих на этих заводах, равняется 70.000 лошадиных сил. Число машин достигает 4.200. Электрическая энергия, действующая на заводах, определяется в 46.000 киловаттов. Паровые котлы имеют окружность топки в 45.000 квадратных метров. Длина линий передачи электрической энергии для освещения и двигательной силы равняется 545 километров, длина телефонных линий—465 километров, итого вместе более 1.000 километров. Все эти цифры относятся непосредственно к «заводам Шнейдера» (Etablissements Schneider), не касаясь их филиальных отделений, притом к дате накануне войны. Само собой разумеется, что в настоящее время почти все эти цифры приходится увеличить в несколько раз в виду сооружения новых пристроек к старым зданиям или совершенно новых помещений за пределами прежних заводов. Так, в необычайной мере увеличилось количество машин, действующих на фабриках Шнейдера, приобретены новые вагоны, локомотивы для транспорта тяжелой артиллерии, снарядов и т. д.

Мы не имеем данных о количестве сырых материалов (угля, железа, руды), поглощаемых заводами Шнейдера, чтобы сравнить это количество с соответствующими цифрами заводов Круппа. Нам известно лишь, что из железных рудников, принадлежащих Шнейдеру в металлургическом бассейне Брией, извлекалось в 1913 — 1914 г.г. 600.000 тонн руды и что ежегодную добычу руды предполагалось довести в ближайшее время до 1.200.000 тонн [1]).

Рассмотрим теперь деятельность важнейших из заводов фирмы Шнейдера.

Заводы в Крезо: Фирма Шнейдера пользуется всемирной известностью, прежде всего, благодаря ее заводам в Крезо. Эти заводы занимают площадь в 250 гектаров. Знаменитый завод в Крезо, главный поставщик французской артиллерии на внутреннем и внешнем рынках, был когда-то исключительно металлургическим заводом, на котором приготовлялись чугун, железо, сталь. Расположенный на залежах угля и вблизи железных рудников, завод быстро развивался в течение XIX столетия. С 1812 г. по 1914 г. завод извлек более

---

[1]) «Les établissements Schneider. Matériels d'artillerie et bateaux de guerre». Paris, 1914 г., см. p. XI. («Заводы Шнейдера».)

10.000.000 тонн угля. В последнее время завод извлекает ежегодно 60.000 тонн угля.

Отделение фирмы Шнейдера в Крезо — пять чугуноплавильных заводов, которые вырабатывают ежегодно 120.000 тонн металла.

Особенно быстро развивались в Крезо, в течение последних 20 лет, сталелитейные заводы, которые занимают много зданий.

Заводы Шнейдера в Крезо, подобно заводам Круппа в Эссене, являются прежде всего не *пушечными* заводами, а металлургическими [1]). Я уже подчеркивал в моих предыдущих работах тесную связь военной индустрии с металлургической. Приготовление легких и тяжелых орудий, брони, броневых башен, дреднотов, сверх-дреднотов и т. д. является очень важной, но все же одной из функций металлургической промышленности. Та самая сталь, из которой выделываются броня, орудия, идет на приготовление разных частей локомотивов, автомобилей и т. д., тот же самый паровой молот или ковальный пресс, который отжимает, раздавливает, как лепешку, массы расплавленного чугуна и превращает их в полосы для приготовления из последних какого-нибудь дальнобойного орудия — гаубицы или мортиры в 350, 380, 420 миллиметров и т. д., служит и для изготовления совершенно мирных орудий цивилизации и прогресса. Это обстоятельство имеет крайне важное значение для понимания роли военной индустрии во внутренней и внешней политике современных государств.

Заводы Шнейдера в Крезо приготовили с 1837 по 1900 г. для речного и морского плавания двигательных аппаратов 500.000 лошадиных сил, далее, 2.700 локомотивов, всякого рода неподвижных машин— 115.000 лошадиных сил.

Главную достопримечательность заводов Шнейдера в Крезо, привлекающую внимание посетителей, составляет гигантский паровой молот, весом в 550.000 килограммов, который вместе с наковальней в 750.000 кило образует аппарат весом в 1.300.000 кило, т.-е. в 1.300 тонн (более 80.000 пудов). Маркс с удивлением писал о паровом молоте Nasmyth'a (Нэсмис), весившем 6 тонн и падавшем перпендикулярно с высоты 7 футов на наковальню в 36 тонн: «Он играючи превращает в порошок гранитную глыбу и в то же время способен вбивать гвозди последовательными легкими толчками в мягкое дерево». (К. Маркс. «Капитал», т. I, стр. 312.) Наковальня, на которую падает молот в Крезо, весит не 36 тонн, а 500 тонн, и тяжелый молот, падающий на эту наковальню, молот, который сам Тор не мог бы раскачать, способен не только вбивать гвозди в мягкое дерево, а совершать настоящие чудеса, изумляющие посетителей. Этот страшный молот разбивает скорлупу ореха, не раздавливая зерна, дробит стекло на карманных часах, не затрагивая стрелок. Однако, нормальное поведение этого

---

[1]) Из 25.000 человек, работавших накануне войны на заводах Шнейдера, всего 5.000 человек, т.-е. только $^1/_5$ часть, были заняты изготовлением военного материала.

молота не отличается такой кротостью и послушанием, и обыкновенно земля дрожит на далеком расстоянии и стекла дребезжат, когда этот молот с ревом хищного зверя раздавливает, как лепешку, раскаленные стальные массы, чтобы выковать из них орудия и блиндажи для броненосцев. В последнее время на место паровых молотов вводятся гидравлические прессы, вокруг которых царит почти абсолютная тишина [1]).

Кроме знаменитых заводов в Крезо, из других отделений фирмы Шнейдера заслуживают внимания заводы Шнейдера в Гавре (Les Usines du Havre, d'Harfleur et du Hoc). Эта группа заводов Шнейдера основана недавно. Она стала развиваться быстро с начала XX столетия. На этих заводах приготовляется артиллерийский материал. Первые самодвижущиеся мины вышли отсюда. Отсюда же вышла большая часть парижских автобусов. Гаврские заводы занимают площадь в 140.000 квадратных метров. На гаврских заводах (Арфлёр э дю Ок) приготовляются шрапнели, разрывные снаряды [2]). Недалеко от мастерских (Арфлёр э дю Ок) расположены полигоны. Полигон в Ок является самым крупным из стрельбищ, принадлежащих фирме Шнейдера. Этот полигон тянется на протяжении 16 километров. Здесь производятся испытания стрельбы разрывными снарядами и вообще испытания разрывных материалов. Ежегодно на различных полигонах фирмы Шнейдера в Гавре производится более 20.000 опытных выстрелов из орудий различных калибров [3]).

Далее идут заводы в Шалоне на Соне. (Chalon sur Saone). С 1885 г. эти заводы построили более 100 миноносцев для французского и иностранных флотов. Отсюда же вышли многочисленные контр-миноносцы и первые подводные лодки, сооруженные частной индустрией, подводные лодки типа «Шнейдер-Лобеф». Эти же заводы изготовляют железные мосты, подъемные краны, металлические маяки и т. д. Знаменитый мост Александра III на Сене, в Париже, выстроен этими заводами Шнейдера в Шалоне [4]).

---

[1]) Молот Крезо — самый большой из существующих в Европе. Имеется только один завод в мире, где работает молот еще более колоссальных размеров, чем молот Крезо. Это знаменитый американский завод в Вифлееме (в Соед. Штатах) (Вифлеемская Стальная К°).

[2]) 12 декабря 1915 года эти заводы очень сильно пострадали в связи со взрывом на расположенной по соседству бельгийской пиротехнической фабрике, где от неизвестной причины взлетело на воздух 5.000 пудов пороха, превратив в порошок многие здания и вызвав потерю многих человеческих жизней.

[3]) Артиллерийские заводы Шнейдера в Гавре работали много для русской армии. Так, в одном 1906 — 1907 г. эти заводы выполнили заказ русского правительства на 400.000 артиллерийских ракет и снарядных трубок

[4]) Подобно заводам в Крезо, заводы Шнейдера в Шалоне на Соне много сделали для французской национальной обороны в 1870 — 1871 г.г., снабжая импровизованную армию Гамбетты необходимым вооружением. В Крымскую кампанию 1855 г. заводы Шнейдера фабриковали первую броню для военных судов.

Заводы в Жиронде (Chantiers de la Gironde) сооружают большие военные суда, которые не могут быть построены на заводах в Шалоне. Судостроительные заводы в Жиронде построили для французского военного флота броненосцы: Регин (7.740 тонн), Веритэ (14.870 тонн), Верньо (18.300 тонн) и, наконец, большой дреднот Лангедок (25.200 тонн), спущенный на воду уже во время войны, именно 1 мая 1915 г. С 1906 г. заводы Шнейдера в Жиронде построили ряд боевых судов, общий тоннаж которых превышал 125.000 тонн.

В общем, в области военного мореходства заводы Шнейдера создали для французского флота 108 миноносцев, 13 контр-миноносцев, 7 крейсеров, 4 эскадренных броненосца. Но далеко значительнее роль заводов Шнейдера в деле артиллерийского вооружения сухопутной французской армии. Почти вся французская полевая артиллерия в 75, 80, 90, 95, 105 и 155 миллиметров, далее гаубицы в 120, 155 и 280 миллиметров, которыми были вооружены французские войска накануне войны, вышли из завода Шнейдера.

Деятельность фирмы Шнейдера не ограничивается только работами, производимыми на ее заводах во Франции, и выходит далеко за пределы последней. Шнейдер собственными силами или в компании с другими предпринимателями строит набережные в Турции, сооружает порт Розарио в Аргентине. В России фирма Шнейдера принимает накануне войны участие в создании судостроительных верфей в Ревеле, сооружает здесь два бетонных эллинга для броненосцев и шесть стапелей для миноносцев. Кроме того, Шнейдер строил здесь набережную и волноломы для военного порта.

Само собой разумеется, что заводы в Крезо играли накануне войны видную роль в деле вооружения русской армии. Так, они снабжали нашу армию полевыми пушками в 106,2 миллиметра, полевыми и горными пушками в 76,2 миллиметра, гаубицами в 121,4 миллиметра, в 152,4 миллиметра и в 203,4 миллиметра, мортирами в 279,4 миллиметра [1]). Кроме того, они вооружали наш флот башнями и морскими орудиями. Они же доставили России немалое количество орудий для береговой обороны.

В деле вооружения других союзных стран заводы Крезо особенно много сделали для усиления мощи сербской армии [2]).

5. Роль фирмы Шнейдера в марокканской авантюре и в франко-германских осложнениях.

Мы упомянули выше о различных работах, выполнение которых брала на себя за пределами Франции фирма Шнейдера. С начала XX столетия эта могучая металлургическая фирма обращает свое благосклонное внимание на Марокко, что, в конечном счете, не остается без влияния на направление внешней политики Франции.

---

[1]) См. «Les Etablissements Schneider». Paris, 1914, p. 72. («Заводы Шнейдера»).

[2]) Сербская армия была вооружена полевыми пушками в 75 миллиметров и горными в 70 миллиметров.

В 1907 г. фирма Шнейдера берется за сооружение порта в Казабланке, большого порта в 160 гектаров, защищаемого двумя молами. Именно эти работы послужили поводом в трагическим событиям, разразившимся в этом городе в июле и августе 1907 года. Туземцы не без основания увидели в этих работах французской компании подготовку со стороны Франции к овладению городом и к подчинению Марокко и решили не допустить окончания этих работ. 30 июля толпа туземцев напала на рабочих французской компании и убила из них пять французов, двух итальянцев и одного испанца. Немедленно 3 французских судна с тремя транспортами были отправлены к Казабланке, которая была подвергнута жестокой бомбардировке и занята французскими войсками под командой генерала Друда. Затем последовали сражения (11, 19, 23, 28 августа) французских войск с племенами, населяющими области, прилегающие к Казабланке. Скоро (конец сентября 1907 г.) все эти области были «умиротворены». В результате этих трагических инцидентов, отношение между Францией и Германией, с крайним недоброжелательством относившейся к усилению французского влияния в Марокко, очень обострились, зато фирма Шнейдера могла спокойно продолжать свои работы по сооружению порта в Казабланке. Не ограничиваясь сооружением порта в Казабланке, фирма Шнейдера, опираясь на успехи французского оружия и французской дипломатии, построила много железнодорожных линий в Марокко.

Провокационная роль фирмы Шнейдера в марокканской авантюре и во франко-германских осложнениях была до войны очевидна многим французским социалистам, забывшим затем о роли этой военной фирмы во внешней политике III республики. В своей обстоятельной и тщательно документированной речи перед судом присяжных 24 дек. 1907 г. Эрве, привлеченный к ответственности по обвинению в оскорблении французской армии [1]), доказал, что за спиной всех акционерных обществ, заинтересованных в марокканских делах, стоит фирма Шнейдера. Так, из 150 акций марокканской компании Gautsch'a, 46 принадлежало фирме Шнейдера и 21 акция лично Шнейдеру. Когда это общество конституировалось на новых началах под фирмой «Марокканской Компании» и увеличило свой капитал на 2.000.000 фр., общество Шнейдера приобрело из этого акционерного капитала 456 акций по 1.000 фр. и сам Шнейдер на свое личное имя 240 акций по 1.000 франков. На собрании 23 апреля 1904 г. Шнейдер сделал следующее любопытное заявление перед лицом акционеров:

«Основав наше общество в ту эпоху, когда экономические «возможности» (probabilités) Марокко были очевидны лишь немногим лицам, мы показали свое доверие к будущности этой страны; но по известным

---

[1]) Эрве называл в «La Guerre sociale» («Социальная война») солдат, действующих в Марокко, бандитами, разбойниками грабящими и убивающими мирное население, и т. д. Суд приговорил Эрве за оскорбление армии к высшей мере наказания, именно к 1 году тюремного заключения и 3.000 фр. штрафа.

вам причинам мы должны были действовать так, **чтобы не привлечь к себе внимания»** [1]).

«В декабре (1913) мы вам объясняли, что настал момент дать открыто нашему обществу имя, которое показало бы, на какое широкое поле деятельности будет распространяться работа нашего общества».

Акционеры согласились с доводами Шнейдера и нашли своевременным дать своему обществу имя «Марокканская компания». Но эта «Марокканская компания» в такой мере представляла собой отделение фирмы Шнейдера, что эту компанию так и называли «**Общество Шнейдера**». То же самое можно сказать о всех других марокканских акционерных обществах. Так, общество, носящее несколько компрометирующее имя «Агадир», далее «Сосьете иммобильер дю Марок», и все остальные акционерные компании, имевшие отношение к Марокко, представляли собой ни более, ни менее как филиальные отделения фирмы Шнейдера. Невозможно было основать в Марокко ни одного общества, в котором Шнейдеру не принадлежала бы видная роль. Однако, знаменитой французской пушечной фирме приходилось действовать осторожно, чтобы не привлечь к себе внимания и чтобы французские граждане, платящие налоги на армию и колониальные авантюры, не увидели, что они несут в казну свои кровные денежки и рискуют безопасностью страны исключительно в интересах своего «пушечного короля».

Марокканская авантюра дала большие доходы фирме Шнейдера. Фирма тогда же, в 1905 г., получила большой заказ на поставку пушек и зарядных ящиков по очень выгодной цене. Кроме того, фирма получила большую комиссию на марокканском займе, в выпуске которого она приняла энергичное участие через посредство подчиненных ей банков. Неудивительно, что благодаря своей заинтересованности в колониальных делах, фирма решила довести марокканскую авантюру до окончательного разрешения. Чем рисковала фирма Шнейдера в случае каких-либо опасных международных осложнений? Само собой разумеется, что ничем, ибо война, даже с Германией, могла лишь увеличить в несколько раз заказы фирме на пушки и боевое снаряжение. Неудивительно, что фирма Шнейдера не боялась никаких марокканских осложнений и смело шла навстречу будущему. Как доказал Эрве в своей упомянутой речи, основываясь на **официальных документах**, французские моряки высадились в Казабланке вопреки приказу центрального правительства [2]). Кто же дал приказ о бомбардировке и занятии Казабланки? Это до сих пор осталось тайной. Несомненно, что здесь дело не обошлось без участия фирмы Шнейдера, действовавшей через посредство преданных ей колониальных чиновников и офицеров. Вообще вся эта история с Казабланкой имеет некоторое сходство с фактами, обнаружившимися впоследствии в Германии во время Круповских процессов

[1]) Курсив мой.

[2]) См. Gustave Hervé, «Contre le brigandage marocain. Déclaration en cour d'Assises». (Décembre 1907). См. стр. 21—26 (**Гюстав Эрве, Против марокканского грабительства**).

1913 — 1914 г., когда оказалось, что многие немецкие чиновники и офицеры считали, что «для фирмы Круппа не существует государственных секретов», что «интересы государства и Круппа — совпадают» и что поэтому все верные государственные чиновники обязаны подчиняться Круппу (см. об этом выше, главу II, 4).

Но даже в марокканских делах фирма Шнейдера не была исключительно «французской» компанией. Нет, фирма Шнейдера и в марокканских делах входила некоторыми своими филиальными отделениями в международный синдикат металлургистов и пушечных королей. Вот что говорил об этом Эрве в упомянутой речи:

«Позвольте представить вашему вниманию еще одно общество «Юнион де мин Марокэн». Знаете ли вы, кто входит в это общество? Конечно, его участником является фирма Шнейдера, но угадаете ли вы, в чьей компании? В компании со своим конкурентом, — Эссенской фирмой Круппа, великой немецкой пушечной фабрикой» [1]).

«Свежо предание, а верится с трудом» — невольно напрашиваются слова великого поэта, когда перечитываешь ныне эти обстоятельно документированные речи бывшего редактора «Ля Герр Сосиаль» и сравниваешь их с его же передовицами о высоком патриотизме французской буржуазии в «Ля Виктуар». К несчастью, дело не ограничивается одним Эрве, и той же «потерей памяти» заболели многие из его единомышленников и товарищи по партии не только во Франции, но и в других странах, ставшие, подобно Эрве, ренегатами.

С того момента, как Эрве произнес свою речь о марокканском грабеже, о роли фирмы Шнейдера в колониальных авантюрах Франции, об интернациональном характере этой фирмы и ее связях с Круппом и другими иностранными военными заводами, во французской социалистической прессе и прежде всего в газете самого Эрве «Ля Герр Сосиаль» было опубликовано много документов, относящихся к тому же вопросу. В конце 1912 г. один из редакторов «Ля Герр Сосиаль» — Андре Моризе — напечатал в газете Эрве очень любопытную заметку под заглавием «Пушечный консорциум в Танжере» (Шнейдер, Крупп, Армстронг и К°), в которой он опубликовал тайный протокол одного из заседаний консорциума главных европейских фирм, «работающих в Танжере», заседания, состоявшегося в этом городе 8 марта 1911 г. на квартире у г. Жана, представителя фирмы Виккерса и Армстронга. Из этого отчета видно, что консорциум предоставил французской группе право доставки султану 21 пушки с зарядными ящиками и снарядами к ним. С своей стороны французская группа признала за своими коллегами по консорциуму право на выполнение 3-го заказа, который должен, по мнению консорциума, последовать в скором времени. Из означенного отчета видно, что «Марокканская компания» [2]) предполагает доставить правительству султана пушки 75 *мм*, сооруженные таким образом, чтобы эти орудия не имели никаких балистических качеств.

---

[1]) См. там же, стр. 19.

[2]) Т.-е. *Крезо*.

Может быть, Шнейдер и его коллеги не прочь были бы снабдить марокканцев настоящими заправскими пушками, пользуясь которыми, марокканское правительство могло бы защищать страну от внешних притеснителей, но французское правительство блюло свои интересы, и Шнейдеру пришлось ограничиться доставкой своим марокканским клиентам орудий, годных лишь для пушечных салютов при торжественных случаях. Тем не менее и за эти невинные орудия консорциум решил взять у несчастного султана высокую цену, обеспечивающую металлистам чистую прибыль на доставленный материал в 100%.

Можно было бы привести много подобных документов, характеризующих различные формы деятельности всякого рода международных пушечных консорциумов, но мы думаем, что и приведенных нами более чем достаточно для самых глубокомысленных размышлений на тему о философии империализма, а вместе с тем и о подоплеке самого высокого патриотизма.

6. Пушечные заводы в Крезо. Французская артиллерия и перевооружение Болгарии.

Очень любопытную роль играли до войны заводы Шнейдера в перевооружении некоторых стран, сделавшихся в период мировой войны врагами Франции. Известно, что в течение десятилетия, предшествовавшего мировой войне, заводы Крезо содействовали перевооружению всех балканских государств: Сербии, Греции и Болгарии. Только за период с 1904 года по 1907 более 300 батарей заводов Крезо было продано балканским государствам.

Болгарская армия была вооружена значительным количеством пушек Шнейдера, и после первой балканской войны французская пресса немало писала о роли французских пушек в победах балканских государств над Турцией. Некоторые французские газеты, как, например, «Л'Эко де Пари», «Л'Эклер» и др., доходили до того, что всю заслугу победы балканских стран над Турцией приписывали чуть ли не одному Шнейдеру [1]). После первой и второй балканской войны Болгария увеличила свою артиллерию и пополнила запасы снарядов. Количество боевых орудий легкого типа, преимущественно 75-миллиметровых системы Шнейдера, которыми располагала болгарская армия, доходило накануне союза Болгарии с центральными державами и Турцией до 500. Тяжелых орудий системы Шнейдера имелось в Болгарии около 50. Скорострельных горных орудий калибра 75 *мм* системы Шнейдера — тоже около 50. Вся эта артиллерия, доставленная заводами Шнейдера, была обильно снабжена снарядами. Так, шнейдеровские скорострельные гаубицы имели по 3.000 снарядов на орудие.

[1]) Вообще часть французской прессы изображала первую балканскую войну так, как будто это был лишь поединок между Шнейдером и Круппом, причем из разгрома Турции делался вывод о подавляющем превосходстве французской артиллерии над крупповской.

Немало французских, сербских и английских солдат погибло под огнем шнейдеровских пушек в войне 1915 г. с болгарскими войсками. Как писал специальный корреспондент агентства Рейтера при английской армии в Македонии, болгары в своих атаках против англо-французских войск применяли немецкую систему. Их артиллерия поддерживала постоянный огонь и они засыпали англо-французские войска ураганом снарядов, прежде чем двинуться в атаку [1]).

Очевидно, что сверх снарядов, закупленных заблаговременно у Шнейдера, болгары приобрели в Германии снаряды специально для орудий французской системы. Вероятно, что немцам достались запасы таких снарядов при взятии некоторых французских крепостей. Как бы то ни было, болгары с необычайной интенсивностью пользовались пушками Шнейдера. Особенно сильные потери понесла при отступлении из Сербии 10-я английская дивизия, защищавшая позиции у озера Дойрана и отступившая, оставив на месте сражения 8 орудий (см. английское официальное сообщение от 13 ноября 1915 г.). Как сообщала английская пресса, огонь многочисленной болгарской артиллерии был так силен, что положение 10-й дивизии было один момент очень критическое и английским войскам грозила опасность понести сильный урон. Только благодаря энергичной контр-атаке ирландских батальонов удалось отбросить наступавшие болгарские войска и отступить, избегнув окружения.

И любопытно, что французской артиллерией Крезо и немецкой артиллерией Круппа Болгария обзавелась с помощью денег, добытых путем займа в той же Франции. Вообще, последняя снабжала довольно энергично Болгарию необходимыми капиталами для вооружения армии и сооружения стратегических железных дорог [2]), которые дали возможность болгарской армии быстро закончить свою мобилизацию, ворваться в Сербию и быстро вытеснить из этой страны и сербские, и союзные англо-французские войска. Вот важнейшие болгарские займы, заключенные на парижской бирже: 5% заем 1896 г., 5% заем 1904 года, 4½% заем 1907 года.

Одним словом, Франция действовала по отношению к Болгарии так же непредусмотрительно, как и по отношению к Турции [3]). В апреле 1914 г. один видный французский публицист (бывший анархо-синдикалист), разъезжавший по поручению своего правительства с тайной миссией по Балканскому полуострову, посетил Энвер-бея и сказал последнему: «Вы делаете займы во Франции, а покупаете все оружие для вашей армии в Германии». «Помилуйте, — ответил Энвер-бей, — ведь мы заказали у вас аэропланов и подводных лодок на 50 миллионов франков». «Но, ведь, это пустяки, — ответил французский публи-

[1]) «Тан», 13 дек. 1915.

[2]) В 1890 г. протяжение болгарской железнодорожной сети равнялось 494 километрам, в 1910 г. — 1890 км. Все эти железнодорожные ветви построены, главным образом, с стратегическими целями, малодоходны и сооружены на *французские* деньги.

[3]) Накануне мировой войны во Франции был заключен турецкий заем в 800 милл. франков.

цист. — Вы получаете у нас сотни миллионов франков, а покупаете всего на 50 миллионов. Почему бы вам не заказать у нас несколько сот скорострельных пушек? Разве балканские войны не показали, что наша легкая артиллерия лучше немецкой?» Энвер-бей не дал своему собеседнику определенного обещания, да он ничего не мог бы и поделать в этом отношении, ибо фирма Круппа имела слишком большие связи и влияние в Оттоманской империи. Как бы то ни было, если во время сидения в Галиполи англичанам и французам приходилось отстреливаться от крупповских пушек, купленных на французские деньги, во всяком случае, у союзников было то утешение, что им не приходится, как в сражениях с болгарами, отстреливаться от пушек Шнейдера [1]).

Различные заводы фирмы Шнейдера представляют собою прежде всего отделения одной и той же металлургической фирмы. И в качестве металлургического предприятия фирма Шнейдера является военной фирмой уже не в узком, а в самом широком смысле этого слова, ибо ни одна отрасль индустрии не заинтересована настолько в росте милитаризма, в интенсивной империалистической политике, насколько заинтересована в этом промышленность металлургическая. Военная мощь Германской империи, сила ее металлургической промышленности синтезировались в имени Круппа. Военная мощь Франции, развитие ее металлургии — в имени Шнейдера. На иллюстрированных проспектах, любезно раздаваемых дирекцией Крезо журналистам, посещающим заводы этой фирмы, мы читаем гордые слова: «Ils ont Essen, mais nous avons Cresot» («Они имеют Эссен, но мы имеем Крезо»).

Действительно, заводы Шнейдера — грандиозное предприятие, очень много сделавшее для усиления военной мощи Франции и немало для увеличения мощи некоторых ее врагов, например, Болгарии [2]). Но все же по размерам своего производства заводы Крезо значительно уступали заводам Круппа, подобно тому, как вообще индустрия Франции уступала по своему развитию и значению в мировом хозяйстве индустрии германской. Две цифры дают возможность судить о сравнительной силе заводов Шнейдера и Круппа. На заводах Шнейдера в 1914 г., накануне войны, работало около 25.000 человек, на заводах Круппа — 80.000.

7. Роль металлургической промышленности в прошлом. Будущая роль металлургии во внешней и внутренней политике государств. Итоги и перспективы мировой войны.

Непонятный на первый взгляд образ действий Франции, как и других европейских правительств по отношению к тайно, а иногда и явно

[1]) У турок было некоторое количество Шнейдеровских горных пушек в 75 *мм*, но их было очень мало. У турок имелось также несколько миноносцев и контр-миноносцев, сооруженных Шнейдером.

[2]) Заметим здесь, что пушечные заводы Крезо стали развиваться с особой быстротой, начиная с конца минувшего столетия, именно с 1884 г., когда французский парламент в интересах развития отечественной индустрии разрешил экспорт французского военного материала за границу.

враждебным странам, объясняется, как я показал в ряде моих статей, опубликованных накануне войны, во-первых, организацией и характером самой военной индустрии, во-вторых, связью этой индустрии со стоящей за ее спиной металлургической промышленностью, играющей колоссальную роль в национальном хозяйстве каждой страны, в ее внутренней и внешней политике.

Таким образом, роль металлургической промышленности и связанной с ней военной индустрии росла не по дням, а по часам. И не даром самой крупной фабрикой в мире была накануне войны фабрика Круппа, на которой было 80.000 человек. На земном шаре не было ни одного промышленного учреждения, где было бы занято столько рабочих.

Сооружение и организация военных заводов, пушечных, оружейных, судостроительных — стоит колоссальных сумм денег. Разделение труда, необходимое для приготовления различных видов оружия, очень велико. В Герстале (Бельгия) приготовление маузера требует 804 операций, из коих 44 совершаются ручным образом, а остальные нуждаются в 760 совершенно различных машинах и инструментах. Пушечные фабрики требуют несравненно большего капитала на орудия и средства производства. Все эти военные заводы не могут существовать без поддержки со стороны правительства в форме ли субсидии или постоянных заказов. Но ни одно западно-европейское правительство не в состоянии ныне поддержать своими собственными заказами национальную индустрию... Последняя может существовать лишь под условием непрерывного развития милитаризма в собственной стране и под условием получения все новых и новых заказов из-за границы. Одна из важнейших задач дипломатии и сводится прежде всего к тому, чтобы добиваться новых и новых заказов на пушки, броненосцы и т. д. для военной индустрии собственной страны. Не важно, что царская Россия не считалась с интересами французских виноделов, коммерции мод, так называемой, индустрии «артикль де Пари», — всех этих отраслей промышленности, столь важных в национальной экономике Франции; пока Россия покупала французские пушки — все обстояло благополучно, и с протестами всяких торгово-промышленных корпораций можно было не считаться. Россия завоевала право получить новый миллиард во Франции! Неважно, что Турция повышает на 4% пошлину на все французские товары, благодаря чему французский экспорт в Оттоманскую империю грозит упасть. Оттоманское правительство согласилось сделать заказ французским военным заводам на 5 милл. фр., — стало быть, и тут все обстоит благополучно, и можно допустить на французской бирже новый турецкий заем в 700 милл. фр. Так металлургическая и военная индустрия диктует свою волю королям и президентам и подчиняет своим интересам интересы других важнейших отраслей национальной промышленности.

Военные заводы нуждаются в новых и новых заказах, благодаря быстрым усовершенствованиям в технике, которые делают непригодными

только недавно купленные машины и другие производства, стоившие миллионы рублей.

Известно, например, что приготовление блиндажа, брони составляет одну из важнейших специальностей пяти главных военных заводов Франции — Шнейдера (Крезо), Сен Шамон, бр. Маррель (Rive de Gier), заводов в Монлюссоне, сталелитейных заводов в С.-Этьене. До 1889 г. броня приготовлялась из выварённого железа. В 1880 г. английская фирма Каммель и Джон Броун в Шеффильде создала новый способ фабрикации брони путем прикрытия последней твердым металлом с примесью пудлингового железа. В 1881 г. новый способ приготовления брони был куплен французскими заводами Сен Шамон, Монлюссен и бр. Маррель. В 1890 г. завод Сен Шамон создал хромоникелевую сталь, известную под именем «специальной стали», испытания которой дали такие блестящие результаты в 1892 году в русской Охте. Но едва только французские заводы начали выделывать хромистую сталь, как американец Гарвей открыл (1891) способ цементации стали, благодаря которому получилась броня, о которую разбивался снаряд из самой лучшей стали. Способ Гарвея был впервые применен заводами Виккерса в Шеффильде. В виду удивительного качества брони Виккерса, французские заводы купили у последнего патент на новый способ закала стали. Однако, не прошло трех лет, как Крупп изобрел новую броню, более крепкую, менее ломкую, чем броня Виккерса. Таким образом, французским заводам пришлось отказаться от способа Гарвея. Итак, мы видим, что покупка патента на новое открытие сопряжена с громадным финансовым риском. С таким же риском сопряжены все затраты и усилия на изобретение своего собственного приготовления новой непробиваемой брони и других усовершенствований.

Понятно, в какое положение новые изобретения и усовершенствования ставят частные и казенные военные заводы. Всегда можно найти миллионы и миллионы покупателей для велосипедов, хлопчатобумажных материй, сахара, предметов моды и т. п. худшего качества, по сравнению с образцами лучших фабрик, но ни одно правительство не купит артиллерию или броненосец устарелого типа, хотя бы и считавшиеся лучшими два года тому назад.

Единственное средство помешать финансовому банкротству военных заводов и ослабить то бремя, каким оно ложится на государственный бюджет, заключается в предоставлении этим заводам все новых и новых заказов на внутреннем и внешнем рынке. Перед нашими глазами лежат некоторые цифры, свидетельствующие о росте французского экспорта предметов артиллерийской индустрии. Цифры эти взяты из доклада французского депутата Пенлевэ парламенту о морском бюджете на 1912 год.

Экспорт артиллерийских орудий.

С 1885 по 1887	5	милл. фр.
» 1890 по 1894	12	» »
» 1895 по 1900	25	» »
» 1900 по 1912	350	» »

Но в этой таблице не приняты в расчет снаряды и амуниция. По более полным данным, с 1885 по 1912 г. французские военные заводы экспортировали за границу различных материалов на 726 миллионов франков. Нижеследующая таблица показывает, какую колоссальную роль в этом военном экспорте играет фирма Шнейдера в Крезо.

Экспорт военных материалов из Франции.

	1885—1890	1891—1900	1901—1911	Итог.
Шнейдер и К°	45 милл. фр.	150 милл. фр.	225 милл. фр.	420
С.-Шамон	15 » »	40 » »	65 » »	120
Общество фабрикации артиллерийских снарядов	— » »	4 » »	12 » »	16
Французское общество приготовл. снарядов .	5 » »	20 » »	50 » »	75
Общество Шатийон и Коммантри	5 » »	10 » »	10 » »	25
Разные	10 » »	20 » »	40 » »	70
Итого по периодам	80 » »	244 » »	402 » »	726

Итак, из общей суммы французского «артиллерийского» экспорта за период 1885 — 1911 г.г. на долю заводов Шнейдера приходится более половины, именно 57,9%.

Французская военная индустрия, развивавшаяся с такой быстротой, требовавшая затрат колоссальных сумм на основной капитал, не могла ослабить своего темпа под угрозой закрытия многих заводов, связавших свою судьбу с процветанием милитаризма внутри страны и экспорта пушек и других военных материалов за границу. Понятно, что для этой индустрии борьба за внешние рынки становится законом существования в еще более острой, повелительной форме, чем для других отраслей национального хозяйства. Это положение, верное для Франции, имеет тем больше силы по отношению к Германии, стоящей на более высокой ступени капиталистического развития и вложившей в военную индустрию несравненно больше капиталов.

Металлургия играет колоссальную роль во внешней политике, в империализме европейских государств накануне мировой войны. Именно интересы королей и баронов металлургической и военной индустрии заставляли правительства первоклассных держав усиливать милитаризм и маринизм не только в собственной стране, но и в других государствах порой совершенно наперекор интересам национальной обороны. Так, Франция не только вооружала своими пушками Болгарию и Турцию, но предоставляла сверх того в распоряжение последних финансовые средства для перевооружения. Так, Англия вооружила двуединую империю самодвижущимися минами для ее флота, чем усиливала боевую мощь союзницы Германии.

При условии сохранения капиталистического строя ближайшим результатом мировой войны будет лишь усиление роли металлургической и пушечной промышленности в жизни каждой страны. Уже потому,

что мировая война подчеркнула колоссальное значение металлургической и связанной с нею пушечной индустрии в вопросе о шансах победы в случае нового конфликта между теми или другими государствами, уже потому, что мировая война ясно обнаружила, что один лишний металлургический и пушечный завод имеет, с точки зрения «национальной обороны», больше значения для страны, чем целый армейский корпус, а какая-нибудь фирма вроде Круппа в Германии или Шнейдера во Франции имеет больше значения, чем целые армии. Все капиталистические государства, желающие быть сильными, будут вперегонки напрягать всю свою энергию, чтобы создать у себя мощную металлургическую индустрию без содействия которой немыслима победа в войне с внешним врагом.

Отныне не только Франция, Германия, Англия, С. Штаты, но и Австрия, Италия, Япония, Бразилия, Аргентина и т. д., одним словом, все первоклассные и второстепенные по развитию военной индустрии государства Старого и Нового Света будут стремиться каждое у себя к созданию грандиозных пушечных, ружейных, снарядных заводов, оборудованных по последнему слову техники. И, создав у себя сильную металлургическую и военную промышленность, каждое государство будет фатально стремиться к вооружению соседних своими пушками, своими аэропланами, своими подводными лодками, дреднотами, супер-дреднотами и т. д. Таким образом, *первым естественным результатом мировой войны будет такое усиление милитаризма и империализма, какого не знали даже предшествующие десятилетия*[1]), если только мировая социальная революция не покончит со всем современным строем, а вместе с тем и с отмеченной нами новой тенденцией в эволюции капиталистических государств.

Таким образом, нет никаких объективных данных для заключения об «освободительном» характере мировой войны. Ближайшим результатом этой мировой войны явится подчинение интересов государственного хозяйства интересам капиталистической олигархии, прежде всего, в лице металлургических королей и пушечных баронов. Только отныне Круппы, Шнейдеры, Армстронги, Виккерсы, Стиннесы сделаются истинными господами положения, кумирами демократии, ибо отныне буржуазные парламенты не будут останавливаться ни перед какими жертвами, лишь бы поднять отечественную военную индустрию на небывалую высоту. Следовательно, не разоружение военное, а еще более бешеная горячка вооружений, не отказ от военных кредитов у себя дома, а усиленная милитаризация бюджета, не содействие торжеству пацифистских идей в других государствах, а наоборот, небывало интенсивная погоня за внешними рынками для сбыта отечественных пушек, пулеметов и т. д., вытекающее отсюда стремление всех первоклассных и передовых в промышленном отношении государств к перевооружению с пог до

[1]) Это предсказание, сделанное нами впервые в 1916 г., вполне оправдалось в результате мировой войны. См. об этом часть третью, II, 4 «Рост вооружений в послевоенную эпоху».

головы даже таких стран, с которыми, может быть, завтра придется вести войну, — таковы намечающиеся тенденции ближайшего последствия страшного катэклизма, покрывшего всю Европу грудами трупов и развалин. Только серьезнейшие финансовые затруднения в результате мировой войны и сознательная воля народных масс смогут заставить господствующие группы населения отказаться от дальнейшего и более интенсивного, чем когда-либо, движения по направлению к новой войне, по сравнению с которой минувшая война будет казаться, по словам ген. Скугаревского, напечатавшего свои пророчества в «Русском Слове», «детской игрой».

8. Французская военная индустрия и банки. Финансовый капитал в военной индустрии Франции и Германии.

Все важнейшие французские военные фирмы очень мало связаны с крупнейшими банками Франции, снабжающими своими капиталами весь земной шар: Россию, Балканские страны, Южную Америку и т. д. Конечно, и Лионский Кредит, и Сосьете Женераль, и Банк де Пари, и Контуар д'Эскомт, и Юнион Паризьен, и др. французские банки имеют в своих портфелях не мало акций отечественных военных заводов, но той тесной зависимости между военной индустрией и банками, какая, несомненно, существовала в самой очевидной форме в Германии, во Франции пока нет. Французские военные фирмы, подобно другим промышленным предприятиям Франции, представляют собой в финансовом отношении более или менее независимые экономические организмы, работающие своими собственными капиталами или капиталами тысяч отдельных акционеров, организмы, не порабощенные еще властью крупных банков, занятых до войны преимущественно вывозом французского капитала в той или другой форме за границу. Более того, некоторые французские военные заводы, как многие другие французские промышленные предприятия, держат крепко в своих руках свои акции и не выпускают их на биржевой рынок. Само собой разумеется, что какая-нибудь старая фирма, вроде Крезо, происхождение которой восходит к XVI столетию, а первые правительственные заказы на изготовление пушек к 1787 г., имеет за собой более солидную и самостоятельную финансовую базу, в форме наследственно передаваемых из рода в род капиталов [1]), чем фирма Круппа, создавшаяся на наших глазах и потому зависящая не в малой мере и от капиталов династии Гогенцоллернов и от акций заводов этой фирмы, сосредоточенных в руках влиятельных немецких банков.

Несмотря на то, что французская металлургическая и военная индустрия была завалена во время войны выгодно оплачиваемыми прави-

[1]) Уже в 1864 г. владелец заводов Крезо Шнейдер обладал такими громадными финансовыми средствами, которые дали ему возможность основать всемирноизвестный банк «Ля Сосьете Женераль» «для развития во Франции торговли и промышленности». Впоследствии этот банк стал самостоятельно на ноги и освободился от гегемонии Шнейдеров.

тельственными заказами и работала при увеличенном составе рабочих, при усиленной эксплоатации последних путем интенсификации труда и удлинения рабочего дня, несмотря на то, что всякого рода автомобильные, каучуковые, консервные и другие фабрики и заводы, работавшие днем и ночью на армию, тоже делали недурные дела,—французские банки за время войны очень сильно пострадали, и акции их пали на 50 — 60%.

Если мы сравним средние курсы акций важнейших французских банков за первое полугодие 1914 года, то-есть до войны, с средним курсом этих бумаг в сентябре 1915 года, т.-е. более чем через год после начала войны, мы увидим, как потрясла эта война устои французских финансовых «крепостей», в прочность и незыблемость которых так твердо верила вся страна.

	Средний курс в первое полугодие 1914 года.	Сентябрь 1915 г.
Crédit Lyonnais [1]	1800	900
Société Générale	870	490
Banque de Paris	1750	860
Comptoir d'Escompte	1100	630
Union Parisienne	1200	530
Crédit Foncier	1000	620

Многие из важнейших французских банков совсем не выдавали дивидендов за 1914 г., как, например, столь крупный банк, как Банк да Пари э де Пэй Ба и другие, Лионский Кредит, Сосьете Женераль выдали дивиденды в размере половины по сравнению с предыдущим годом, третьи — вовсе не котировались на бирже. Между тем, многие военные фирмы значительно поправили свои дела за время войны. Вот курсы некоторых акций, работавших для армии.

	Курс 1 августа 1914 г.	Курс в октябре 1915 г.
Acieries de France [2]	550	600
» de Longvy	1401	1530
» de la Marine	1610	1740
Forges d'Alais	180	218
B. Métal	255	315
Montbard—Aulnoy	195	528

Конечно, не все французские военные фирмы увеличили свои доходы за время войны, и многие из них, несмотря на чрезвычайные правительственные заказы, немало пострадали, благодаря захвату немцами десяти наиболее промышленных департаментов Франции, где вырабатывалось

[1]) Лионский Кредит, Сосьете Женераль, Банк де Пари, Контуар д'Эсконт, Юнион Паризьен, Креди Фонсье.

[2]) Асьерье де Франс, Асьерье де Лонгви, Форж д'Аланс, Б. Металь Монбар-Ольнуа.

до 80% производства в стране железа, стали и чугуна [1]), и проистекшему отсюда крайнему удорожанию этих материалов, без которых не может функционировать ни один военный завод; во всяком случае, акции этих военных фирм понизились далеко не в той степени [2]), в какой пали бумаги важнейших французских банков, на которых до войны, казалось, покоилось все финансовое могущество Франции.

Во всяком случае, война подчеркнула один факт, который и до того бросался в глаза внимательным наблюдателям французской экономической жизни, именно слабую связь французской военной индустрии с крупными банками и полную ее зависимость от индустрии металлургической.

То стихийное наростание власти банков над отечественной военной индустрией, которое составляет характерную особенность германского империализма, германской экономической действительности, где вообще вся промышленность в течение последнего десятилетия все более подпадала, по крайней мере, внешним образом, влиянию банков, — развивалось лишь в очень незаметной степени во Франции, и это-то обстоятельство наложило свою печать на самый тип организации военной обороны этой страны, на теории, господствовавшие в среде французской буржуазии по вопросу о наилучших методах реорганизации «национальной армии» для приведения последней в полную боевую готовность, которая могла бы обеспечить ей победу над наследственным врагом — Германией. Когда Жорес в противовес законопроекту о введении 3-летней службы предлагал свой план вооружения всего народа для целей национальной обороны, когда некоторые радикалы-социалисты, не желавшие итти так далеко, как лидер социалистов, выдвигали проект сокращения военной службы до 18-месячного срока, никто с такой энергией, как военные заводы, не боролся против этих «революционных» мер, требуя в качестве единственного радикального средства, якобы могущего поднять военную мощь Франции на недосягаемую высоту, удлинения срока казарменной службы до 3-х лет. Между тем и план Жореса, базировавшийся на вооружении и обучении военному делу многочисленных классов резервистов, на создании новых крепостей на севере Франции и т. п., и планы некоторых радикал-социалистов, требовавших сокращения военной службы до 18-месячного срока, потребовали бы от военных заводов в течение многих лет такой напряженной работы, какую ни в коем случае

---

[1]) В последние десятилетия рудники, расположенные в окрестностях Крезо, стали истощаться, и Шнейдер приобрел в 1887 г. богатейшие рудники в бассейне Брией. Как известно, немцы в первые же дни войны захватили этот бассейн в свои руки, и это дало им возможность в необычайной мере увеличить мощь их военной индустрии и ослабить в такой же мере силы Франции.

[2]) Чистая прибыль военных заводов Жиронды — «Chantiers et Ateliers de la Gironde» равнялась за первый год войны (1914 — 1915 г.г.) 190.131 фр. вместо 280.086 фр. предшествующего года. Акционеры получили по 25 фр. дивиденда на акцию вместо 30 фр. мирного года. Все же в этот год всеобщего кризиса акционеры этих военных заводов не лишились дивиденда, в отличие от акционеров многих банков и некоторых крупных промышленных предприятий.

не могло бы ни дать простое удлинение срока военной службы,—реформа, которую с таким азартом отстаивали военные заводы Франции путем органов печати [1]), являющихся выразителями их мнений и интересов.

Удлинение срока службы на один год, т.-е. возврат к порядку, господствовавшему во Франции за несколько лет перед тем, не требовало от военных заводов какого-нибудь революционизирования в методах их производства. Численность армии на мирном положении увеличивалась попросту на $^1/_3$, стало быть в соответствующей мере увеличивался ежегодный спрос на патроны, снаряды, зарядные ящики, орудия, автомобили и т. д. С таким расширением «внутреннего рынка» французская военная индустрия могла справиться без особого труда, и при такой реформе военные заводы могли нажить большие барыши, не прибегая ни к какой бы то ни было ломке в самой системе производства, ни к громадным капиталам извне. Наживались при этой реформе, конечно, не только военные заводы, но и их посредники, начиная от некоторых мелких чиновников и кончая самыми высшими.

Само собой разумеется, что при системе организации действительной национальной армии, при необходимости обучить и вооружить миллионы граждан пришлось бы отказаться от рутинных методов производства, пришлось бы пересоздать всю военную индустрию до основания, пришлось бы переделать многие машины, выписать сотни и тысячи новых орудий производства из Америки, допустить образование новых военных фабрик во Франции и т. д. И мы знаем, что как только началась война с Германией и обнаружилась полная неспособность французской индустрии снабдить оружием, снарядами и всем необходимым аппаратом национальную армию, эти миллионы призванных под знамена граждан, правительству пришлось самому стать на путь революционизирования военной индустрии и создать во многих городах совершенно новые военные заводы, работавшие исключительно с помощью динамомашин, выписанных из С. Штатов.

Та же самая рутинность и отсталость французской военной индустрии, создавшей много образцовых орудий разрушения, вроде знаменитой пушки калибра 75 *мм*, но неспособной накануне войны к широкому размаху, наподобие германской промышленности, сказалась и в борьбе французских военных заводов против введения в армии тяжелой артиллерии, которая столь грозно сказала свое слово на полях битв в минувшей войне. Главные органы французской военной индустрии, как «Эко де Пари», «Эклер» и т. д., решительно оспаривали значение тяжелой артиллерии в будущей войне и видели всю силу французской армии, ее самое страшное оружие в борьбе с Германией в пушке 75 *м.м.* И опять-таки, когда началась война, пришлось выписать специальные станки и специальные динамомашины из С. Штатов для выделки тяжелых орудий и снарядов.

---

[1]) Известно, например, что «Эко де Пари» и «Эклер» являются официальными органами фирмы Крезо.

Однако, в течение первого года войны изготовление тяжелой артиллерии подвигалось крайне медленно. Пресса, связанная цензурой, вынуждена была молчать, и лишь сенатору Эмберу, на 12, 13-й месяц войны удалось два, три раза намекнуть в своих статьях в «Журналъ», что у французской армии все еще очень мало тяжелых орудий по сравнению с германской. Лишь на пятнадцатом месяце газеты робко заговорили об ошибках бывшего военного министра. Известная финансовая газета «Л'Энформасьон» в передовой статье от 31-го октября 1915 года писала, что в течение первого года войны, во время министерства Мильерана, было очень мало сделано для снабжения французской армии тяжелой артиллерией и что «это исторический факт первостепенной важности, замалчивать который бесполезно». В оправдании Мильерана газета писала, что «он плохо разбирался в военных вопросах и находился всецело под влиянием техников, знавших детали своего дела, но неспособных охватить перспективы, выдвинутые современной войной». Дело, конечно, было не в педальновидности Мильерана, не в узости техников, которыми он «был окружен», а в зависимости и Мильерана, и всего его «Бюро» от военных французских заводов, которые были вполне приспособлены к изготовлению легкой полевой артиллерии и которые предпочитали итти по линии наименьшего сопротивления, вместо того, чтобы, рискуя своими дивидендами, в интересах национальной обороны, приложить всю энергию к снабжению французской армии тяжелой артиллерией, которой у французов было так мало и притом второстепенного качества. Между тем, теперь хорошо известно, что германские войска с самого начала кампании имели в своем распоряжении гаубицы в 105, 150, 210, 240, 280, 305 и 420 миллиметров, и известно также, какую роль сыграли эти орудия в войне.

Как бы то ни было, несомненно, что и французская военная индустрия, подобно английской, немецкой, австрийской, была заинтересована в постоянном усилении вооружений, в новых и новых кредитах на армию и флот, что она так же толкала Францию к непосильным военным расходам, к пропасти кровавых конфликтов, как толкали к тем же катастрофам свои страны и всю Европу немецкие, английские и австрийские синдикаты оружейников.

9. Война и доходы во Франции. Тяжелые экономические последствия войны. Священное единство. Всеобщая воинская повинность и амбюске. Военные доходы. Налог на военную прибыль. Война и рыцари легкой наживы.

Война нанесла сильный удар экономическому благосостоянию Франции и окончательно разорила многих представителей мелкой и средней индустрии во Франции. В мирное время во Франции числилось 27.610 более или менее крупных предприятий с персоналом в 1.097.670 человек. В августе 1914 г., после объявления мобилизации, работало лишь 45% всего количества предприятий и только 34% нормального числа рабо-

чих. В октябре работало 58% предприятий и 44% нормального количества рабочих. В январе 1915 г. функционировало 69% предприятий с 59% нормального числа рабочих, наконец, в апреле 1915 г. — 75% предприятий с 65% нормального числа рабочих[1]). Постепенно количество действующих предприятий и число занятых рабочих возросло, но это промышленное оживление во Франции, как и во всех других воюющих странах, носило искусственный характер. Работали, расширялись и открывались заново лишь предприятия, фабриковавшие оружие или вообще материалы, имевшие отношение к нуждам армии. Что касается других предприятий, то все усилия правительства вызвать всеобщее «оживление» промышленности закончились фиаско, и громадная часть предприятий, функционировавших до войны, или оставалась закрытой, или работала с сокращенным штатом, или перешла на изготовление материала, необходимого для армии. Само собой разумеется, что при таких обстоятельствах, при громадном перевороте, внесенном войной в экономическую жизнь страны, переход к прежнему положению будет сопровождаться тяжелыми муками для пролетариата, и без того пострадавшего от войны, и для значительных слоев мелкой и средней буржуазии, не сумевших приспособиться к условиям, созданным войной.

Наряду с этими социальными группами сильно пострадали от войны тысячи рантье, спокойно живших в мирное время на свои купоны и разорившихся или обедневших как вследствие громадного падения курса всех ценных бумаг, банковских, промышленных и т. д., так и вследствие прекращения платежа купонов по многим из этих бумаг. Целый ряд фактов свидетельствует о том, что среди многих прежде зажиточных групп населения произошло сильное движение сверху вниз по лестнице экономического благосостояния. Так, в Париже, например, было констатировано, что сотни и сотни лиц, занимавших до войны квартиры в 4 — 6 тысяч франков платы в год, переходят в квартиры в 2 — 3 тысячи фр., а порой и ниже.

Но если война во Франции ударила отчасти не только по мужику, но и по барину, не только по пролетарию и крестьянину, но и по некоторым слоям буржуазии, из этих фактов не следует делать вывода, будто разорвавшаяся и раскачавшаяся цепь ударила обоими концами с равной силой по различным социальным группам, будто буржуазия, взятая в целом, сильно пострадала от войны или тем более пострадала в равной мере с пролетариатом.

Действительность показала совершенно обратное и лишний раз подчеркнула то противоречие классовых интересов, тот социальный антагонизм, которые во время мира, как и во время войны, в дыму пожаров, среди ужасов, убийств и разрушения остаются незыблемым законом всего уклада жизни в современном капиталистическом обществе.

* * *

[1]) По данным анкеты французского министерства труда, опубликованным в «Бюллетэн де Травай».

Мы упомянули выше в нескольких словах о доходах французских военных фирм за время войны. И во Франции, как и во всех других воюющих странах, «священный союз» («union-sacrée») оказался особенно невыгодным для трудящихся масс. В первые дни всеобщей мобилизации казалось, что вся Франция охвачена одним энтузиазмом, что представители всех классов, всех групп населения многомиллионной страны готовы единодушно отдать и жизнь и все имущество во имя защиты отечества от внешнего врага. Это общее настроение, охватывавшее, казалось, всю Францию, производило сильнейшее впечатление на всех иностранцев, находившихся в этот момент здесь, и не в малой мере именно этим впечатлением нужно объяснить то громадное количество волонтеров, не только русских, но и итальянцев, швейцарцев, американцев, греков, испанцев, португальцев, даже турок, которые вступили под знамена французских войск для отражения германского нашествия. Однако, последующие события скоро доказали, насколько этот, казалось, всеобщий энтузиазм, всеобщая готовность пожертвовать не только жизнью, но имуществом во имя подвергшейся нападению родины, был не в малой мере оптическим обманом. Автор помнит, какое тяжелое впечатление произвели на него первые 6 женцы, явившиеся в Париж из северных департаментов Франции. Среди этих беженцев было много мужчин, подлежавших призыву в ближайшие очереди, и они бежали первыми, чтобы не попасть в плен к немцам и не потерять возможности защищать своею грудью родину. Многие из этих беженцев имели до невероятности измученный вид, были оборваны, голодны, как будто неделями шли по неприятельской стране, скрываясь днем от людских взглядов и двигаясь лишь ночью, не имея ни пищи, ни пристанища. У многих из них ноги были окровавлены. Вот что у меня занесено в записную книжку из разговоров с одним из таких беженцев:

«Когда первые неприятельские уланские разъезды появились на нашей границе и стало известным, что северные области не будут отстаиваться нашими войсками, было сделано распоряжение, по которому все мужчины в возрасте от 17 до 49 лет должны покинуть данные города. В этот момент я находился в Лилле. Поздно вечером громадная толпа мужчин вышла из города. Мы шли молча в темноте, подавленные мрачными мыслями. Запрещено было зажигать спички, курить, ибо вдали появились уже неприятельские аэропланы и чего-то искали. Казалось, что повторяется 1871 г. Опять священная почва Франции будет загрязнена тяжелыми сапожищами неприятельских солдат, опять уланские копыта застучат на нашей земле. Вдруг раздался и пронесся по нашим рядам сдержанный крик: «В сторону! В сторону!» Мы бросились все в сторону и легли в канаву, затаив дыхание. Но это промчалась наша конница. Мы поднялись и двинулись дальше. Но через некоторое время снова тревога. Мы снова бросились в сторону и притаились. Но это промчалась наша артиллерия. Так шли мы всю ночь, переживая ежеминутно страшные волнения, падая с ног, измученные физически и морально. Мы не останавливались ни в одной деревне, попадавшейся нам на пути, где

могли бы отдохнуть, ибо боялись, как бы нас не настигла неприятельская конница. В поезда железной дороги мы не могли сесть, ибо они были переполнены отступающими войсками, да и хаос повсюду царил невообразимый. Наконец, к полудню мы подошли к первому городу, где решено было остановиться и отдохнуть в ожидании дальнейших распоряжений. Как радовались мы, подходя к этому городу! Наконец, нам удастся отдохнуть. Но как было велико наше разочарование, когда мы достигли нашей цели. Все отели, все квартиры в городе были уже заняты другими беженцами из других пунктов, прибывшими раньше нас и заплатившими тройную, четверную плату за ночевку или дневное пребывание в гостинице. Многие из нас входили в кафе, рестораны и измученные просили дать им стул, чтобы посидеть или отдохнуть. За это удовольствие брали с нас по три франка за стул, как за лучшее место в каком-нибудь театре. Все эти содержатели отелей, все лавочники, рестораторы, виноторговцы грабили нас, брали втри-вчетыредорога, как будто мы не были их согражданами, шедшими защищать страну, а были их злейшими врагами, разорявшими родину, которым они мстили за это поведение тем, что морили нас голодом, не давали ни хлеба, ни пристанища, если только мы не платили им баснословных цен [1]). И мы были так измучены, так ослаблены, так оглушены всеми событиями этой недели, что могли лишь слабо протестовать, не пугая своими протестами и руготней наших эксплоататоров».

Бессовестное поведение лавочников, рестораторов, содержателей отелей и других подобного рода предпринимателей по отношению к своим соотечественникам многие французы объясняли впоследствии тем, что все эти патриоты наживы, памятуя 1871 г., когда немецкие солдаты и офицеры аккуратно и щедро расплачивались за доставляемые им товары и услуги, приберегали и теперь все, что только можно было, для «наследственного врага». На этот раз рыцари барыша сильно ошиблись в своих расчетах, и многие из них, вероятно, немало сожалели о том, что не продали своевременно своих товаров дорогим соотечественникам, которых они так любят, вместо того, чтобы рассчитывать на громадные барыши от немцев.

Бесстыдная эксплоатация беженцев была первым ярким фактом, показавшим, что пресловутое union sacrée являлось оптическим обманом. Затем обнаружились и вызвали общее возмущение другие факты, ясно доказавшие, что война является крайне прибыльным делом для многих категорий французских граждан. Известно, как воспользовались войной всякого рода торговцы и промышленники, чтобы повысить цены на все продукты первой и второй необходимости и утроить свои барыши. Сахар повысился во Франции за год войны на 100%, писчая бумага на 300 — 400% и т. д. Многие предприниматели, не ограничиваясь непо-

[1]) Сербские беженцы в Париже рассказывали то же самое о грабеже, которому они подвергались в Сербии со стороны отечественных лавочников и других подобных предпринимателей во время страшного отступления сербской армии под натиском австро-германо-болгарских войск.

мерным увеличением цен на свои товары, старались умножить свои доходы понижением расценки за труд на 20, 30, 50% и удлинением рабочего дня. Но, в конце концов, как ни возмутительны все эти факты наглого грабежа и лихоимства, все же их можно было объяснить, как это делали некоторые, анархическим характером современного капиталистического хозяйства, невозможностью для правительства регулировать по случаю войны цены на все продукты и контролировать все производство, внутренний товарный обмен и всю экономическую жизнь страны.

* * *

Более серьезное значение, чем все упомянутые выше факты, для оценки «обще-национального» характера мировой войны и определения доли ответственности правительства в том, что вся тяжесть войны падала лишь на одни классы, принося им лишь горе и бедствие, в то время как другие слои населения получали лишь неслыханные барыши и почести, имеет пресловутый вопрос о так называемых «embusqués» («амбюске»), по поводу которых было пролито столько чернил во французской прессе. Embusqués — дословно: «прячущиеся в кустах» — это люди, уклонившиеся от опасности отбывать воинскую повинность на фронте и сумевшие скрыться от неприятельских пуль и всех тягостей войны где-нибудь в арьергарде, в службе тыла, на тех или других должностях, в военном министерстве, в генеральном штабе, в военных судах, в интендантстве, в рекрутских бюро, наконец, на фабриках и заводах, работающих на армию, и т. д. Таких «амбюске», лиц, уклонившихся от обязанности отбывать службу на фронте, одним словом — «учетников», числилось во Франции в конце первого года войны около 500 — 600 тысяч человек, по другим выкладкам около миллиона. Во всяком случае, этих героев было так много, что Клемансо в своей статье от 7 апреля 1915 г. уверял, что если бы удалось высадить из уютных нор всех «амбюске» (учетников) и послать этих молодцов на фронт, победа была бы решена одним вмешательством этой многочисленной армии, ибо на фронте эти «амбюске» вели бы себя не хуже других. Кто же заполнял собой ряды этой многочисленной армии, каков ее социальный состав? На этот вопрос дает отчасти ответ известная, поднявшая много шуму в правой прессе фраза газеты «Депеш де Тулуз»: «Пусть мне покажут пуалю, который видел хотя бы одного миллионера или кюре в траншее». Само собой разумеется, что в этом утверждении есть некоторая доля преувеличения, и потому неудивительно, что правым газетам удалось рядом фактов опровергнуть бутаду радикальной тулузской газеты. Дело не в том, можно ли было найти хотя бы одного миллионера в траншее, а в том, что всякий богатый человек, имеющий связи, мог легко уклониться от службы, и таких «патриотов» оказалось столько, что из них, как мы видели, по словам Клемансо, нетрудно было бы образовать целые армии, которые своим вмешательством могли бы в первый же год войны решить ее участь. Если среди представителей господствующих классов находились отдельные личности, не желавшие уклоняться от службы на фронте

и жертвовавшие своей жизнью во имя отечества, эти факты не говорят ничего против положения об уклонении богачей и вообще состоятельных или имеющих связи людей от опасностей и тягот войны. И не подлежит сомнению, что высадить этих людей из их нор не было никакой возможности. В первый же месяц войны Клемансо при поддержке некоторых других влиятельных журналистов начал свою кампанию против «амбюске», и что же, в конце 1915 г., т.-е. через $1^1/_2$ года после начала войны, мы читаем во французских газетах об образовании в некоторых городах Франции лиги против «амбюске» (Ligue contre les embusqués). Несомненно, что образование таких лиг пришлось не по вкусу некоторым государственным деятелем республики, как, например, бывшему военному министру Мильерану, который просил прессу даже не употреблять термина «embusqués», как колеблющего веру в единодушный энтузиазм всего населения, готовность всех классов общества отдать все на алтарь отечества. Однако, нужно признать, что эти лиги ничего не достигли, ибо слишком влиятельные группы населения, наконец, само правительство поддерживали институт «амбюске». И вот почему даже в июле 1916 г., т.-е. ровно через два года после начала войны, можно было прочесть в умеренной газете «Эксельсиор» жалобы депутата Эмиля Бруссэ, что в то время, как в военных бюро при министерстве, генеральном штабе и т. д. сидят здоровые молодые люди в офицерских мундирах, занимающиеся перепиской бумаг и прочими пустяками, престарелые солдаты, только что оправившиеся от ран, пролетарии, крестьяне, не имеющие связей, не имеющие поддержки какого-либо влиятельного чиновника, сенатора или депутата, снова отправляются на фронт, чтобы защищать страну против наследственного врага. «Ce sont toujours les mêmes qui se font tuer» — «Всегда одни и те же дают себя убивать (жертвуют собой)» — это изречение, сделавшееся во время войны обиходной фразой во Франции, как нельзя лучше характеризует положение, созданное уклонением от опасностей, связанных с пребыванием на фронте, нескольких сот тысяч представителей благородных и влиятельных фамилий. Многие из противников амбюске объединились в одну Национальную лигу против амбюске (Ligue nationale contre les embusqués). Лига выработала устав, выбрала комитет и официально легализировалась. Не следует думать, будто основателями и участниками лиги были какие-нибудь социалисты и вообще «потрясатели основ». Нет, председателем лиги был избран генерал де-Гаре, вице-председателями контр-адмирал Дегуйи, Санбэф, президент общества ветеранов армии и флота, секретарем — полковник Венсен и т. д. Членами-основателями лиги были Рене Думик, Галли, известный реакционный депутат, и многие другие консерваторы и люди умеренного образа мыслей.

Многие из участников этой лиги желали попросту успокоить и ввести в заблуждение общественное мнение, создав фикцию, будто «патриоты» не сидят сложа руки и делают все от них зависящее, лишь бы заставить «амбюске» уйти на фронт.

Громадная армия уклонившихся от действительной воинской повинности формируется из так называемых «маменькиных сынков» (fils à papa), из представителей господствующих классов, из чинов духовенства, ибо во Франции последние не освобождены от воинской повинности. Клемансо в серии статей разоблачил все те приемы, к которым прибегают представители господствующих классов, чтобы переложить с себя «налог крови» на народные массы. Молодые, здоровенные, краснощекие католические священники занимаются, словно сестры милосердия, уходом за ранеными солдатами. Занятие, несомненно, благородное. Но дело в том, что эти священники мобилизованы, и они предпочли, вместо того, чтобы итти в опасные для жизни и неудобные траншеи, укрыться здесь в госпиталях от дождя, сырости, немецких пуль и гранат. Буржуазные сынки, занимавшиеся всегда спортом, отбывавшие в мирное время воинскую повинность и прекрасно владеющие оружием, прибегают к другим приемам. Будучи мобилизованы, они с помощью протекции получают назначение в автомобильную часть и мчатся по улицам отдаленных от фронта городов, давя прохожих, в то время как заправские пролетарии, всю жизнь управлявшие автомобилями, лежат где-нибудь в траншеях. «Маменькины сынки» назначаются обыкновенными писцами к полковникам и генералам, находящимся в данный момент вне линии огня, наконец, с помощью всякого рода родственников и других связей, а порой и подложных свидетельств они поступают рабочими на казенные и частные военные заводы [1]) и приготовляют там снаряды, в то время как специалисты, с юных лет работавшие на этих заводах, находятся на фронте. Клемансо уверял, будто отправка на фронт всех «амбюске» могла бы иметь решающее и благоприятное для Франции влияние на исход войны еще в 1915 г. В утверждении Клемансо имеется известная доля истины, хотя не в силу тех оснований, из которых исходил бывший премьер-министр. В современной войне численный перевес не играет решающей роли, и поэтому отправка на фронт лишних 500 — 600 тысяч солдат не могла бы через несколько месяцев после битвы на Марне, когда немцы успели воздвигнуть на всем франко-бельгийском фронте несколько линий траншей с блиндированными укрытиями и сильнейшей легкой, средней и тяжелой артиллерией, решить сама по себе исход войны и обусловить победу. Тем не менее, не подлежит сомнению, что армия «скрывшихся в засаде» сыграла громадную роль в ходе войны и была одной из главных виновниц ее длительности.

«Амбюске» от начала войны и до конца ее были главным оплотом ложного оптимизма, оптимизма наименьшего усилия (l'optimisme du moindre effort). Что бы ни происходило на театре военных действий, какие бы недочеты ни обнаруживались в ходе военной машины,

---

[1]) Директора фабрик и заводов, работающих на армию, получили право с момента объявления промышленной мобилизации удержать у себя и даже вытребовать с фронта специалистов, без которых не может функционировать их фабрика.

«амбюске» всегда уверяли, будто все идет хорошо (tout va bien), будто враг находится при последнем издыхании, будто в Германии нет уже ни хлеба, ни мяса, и она принуждена будет не сегодня-завтра пасть на колени и умолять о мире, и т. д. И такие небылицы распространяли о положении дел «амбюске» с первого дня войны. Действуя таким образом, амбюске защищали свои шкурные интересы, ослабляя в стране критическое настроение по отношению к министрам вроде Мильерана, ко всему правительству, отвлекали внимание от внутренних недугов, обнаружившихся во время войны, от того, что делается в военном министерстве, к той катастрофе, которая надвигается над Германией и которая сама собой приведет к скорому и победному миру. И «амбюске» не могли не заметить, что каждый раз, когда неудачи на театре военных действий возбуждали опасение в стране и рассеивали официальный оптимизм, начиналась ожесточенная критика порядков в военном министерстве, и наряду с вопросом о тяжелой артиллерии, о недостатке снарядов и т. д. неизбежно всплывал с острой силой вопрос о тех сотнях тысяч здоровенных «бездельников», которые сидят в бюро различных министерств и т. д., вместо того, чтобы итти на фронт защищать страну и ускорить ее освобождение от неприятеля. «Все идет к лучшему в этом лучшем из миров» [1])—вот песенка, которую с самого начала войны напевали сотни газет, вроде «Матэн», и при виде этого оптимизма fera de sa (все сделается само собой) создавалось впечатление, как будто в стране существует подпольный могучий синдикат «амбюске», поставивший своей целью усыплять энергию путем распространения ложных слухов о близком разгроме Германии, где голод и нищета костлявой рукой стучат уже не только в хижины бедняков, но и в дворцы богачей и сильных мира сего. И когда великий покровитель «амбюске», Мильеран, просивший прессу даже не упоминать этой неприличной клички, пал, сильная тревога распространилась в лагере протеже бывшего военного министра. Однако, последующие события показали, что укрепления, за которыми засели «амбюске», сильнее немецких окопов, и что защитникам этой грозной траншейной линии можно не бояться самой сильной неприятельской артиллерии, хотя бы последней руководил сам грозный «сокрушитель министерств», бывший президент совета, неистовый Клемансо.

Но вопрос об «амбюске» имел и другую сторону, непосредственно касавшуюся военной индустрии, и здесь влияние исследуемой нами язвы оказалось особенно губительным. Если усыпление национальной энергии путем пропаганды «бездеятельного оптимизма», борьба с возбуждающим силы страны действенным пессимизмом (pessimisme agissant) колебала моральные устои победы, проникновение «амбюске» на военные фабрики

[1]) Однако, многие французы скоро поняли всю опасность этого фальшивого оптимизма, и отношение некоторой части граждан к такого рода оптимистам ярко выразилось в известной фразе: «Celui qui racontera une fausse mauvaise nouvelle sera battu, celui qui racontera une fausse bonne nouvelle sera pendu»— «Кто расскажет фальшивую новость печального характера — будет побит, кто же расскажет ложную новость отрадного характера — будет повешен».

и заводы парализовало не в малой мере результаты промышленной мобилизации и ослабляло материальные силы страны.

В октябре 1915 г., т.-е. через 16 месяцев после начала войны, военный обозреватель «Таймс» поставил вопрос: «Почему Франция, имея под ружьем четыре миллиона человек и пользуясь содействием Англии и Бельгии, не может до сих пор изгнать из своей территории полтора миллиона немцев?» Известно, что сам «Таймс» и значительная часть французской и английской прессы ответили на поставленный вопрос указанием на недостаток артиллерии и снарядов у союзных войск. Однако, ни «Таймс», ни другие органы англо-французской печати не постарались исследовать вопроса о причинах этой отсталости союзных стран по сравнению с Германией на 16-м месяце войны и открыть все факторы, мешавшие успешному ходу промышленной мобилизации и возможному повышению производительности военных заводов. Несомненно, что французская военная индустрия сделала очень много в деле снабжения армии артиллерией и всеми боевыми припасами, но суть в том, что эта индустрия могла бы при более нормальных условиях сделать то же самое гораздо быстрее и что при правильной постановке работы на военных заводах можно было бы в первые же месяцы войны удвоить или утроить производительность этих заводов по сравнению с тем, что доставляли последние армиям, сражавшимся на фронте. Если на заседании палаты общин 1-го июля 1916 г. Ллойд Джордж мог заявить, «что по тем или другим причинам новые английские заводы и мастерские, которые недавно устроены, достигли едва одной трети своей полной производительности», относительно Франции можно было сказать, что к этому же моменту многие ее старые заводы и мастерские достигли едва одной половины или в лучшем случае $^2/_3$ той производительности, которой могли бы они давно достигнуть при урегулировании злополучного вопроса об «амбюске».

Мы уже указали, что, когда началась война, во Франции, как это было сделано и в России, были мобилизованы и посланы на фронт инженеры, рабочие всех металлургических, оружейных, патронных и т. п. фабрик и заводов, углекопы и т. д. В результате, одним ударом дезорганизовали индустрию, и, таким образом, понадобилось много месяцев, прежде чем удалось довести производительность военных заводов до того уровня, на котором она стояла накануне войны. Как только французское правительство поняло характер мировой войны, была немедленно объявлена промышленная мобилизация, сотни фабрик, никогда не служивших военным целям, были милитаризованы и стали изготовлять оружие, и вся Франция превратилась в огромный военный завод. Тысячи рабочих и инженеров, опрометчиво отозванных военным начальством в период мобилизации от своих обычных занятий на военных и металлургических фабриках, были постепенно возвращены к покинутым станкам. Но беда в том, что наряду с этими мастерами своего дела, обученными рабочими, отозванными с фронта в незначительном сравнительно количестве, много лиц, никогда не державших в руках инструмента,

никогда не стоявших около фабричной машины, например сотни нотариусов, адвокатов, бухгалтеров, талантливых и бесталанных скрипачей или пианистов, содержателей кафе-шантанов [1]) и т. д., благодаря всяким связям и протекции, также попали в качестве рабочих на патронные, пушечные, ружейные и другие заводы, где они, особенно в первые месяцы, больше портили, чем приносили пользы и только зря занимали место обученных рабочих. Депутат Дюрафур рассказал в парламенте об одной известной ему военной фабрике, где половина импровизованного по случаю войны фабричного персонала состояла из колбасников, цирюльников, помощников нотариуса, стряпчих и адвокатов. В общем же на всех мобилизованных фабриках процент «амбюске» был еще выше, чем в единичном случае, на который ссылался депутат Дюрафур. Возражая против принятия проекта Далбиеза, военный министр Мильеран доказывал, что нет нужды в этом проекте, ибо военное министерство достаточно вооружено для борьбы с уклонением от службы на фронте, если только это зло действительно существует, а не составляет продукт воображения, и сообщил, что им, Мильераном, отправлено на фронт за время его министерства из различных вспомогательных служб при армии, из различных бюро, фабрик, заводов и т. д. 650.635 чел. (см. «Журналь Оффисиель», 11 июня 1915). Эта громадная цифра успокоила одних, но еще более смутила других. «Помилуйте,—говорили пессимисты, — сколько же еще осталось «амбюске» в различных бюро и в мобилизованных предприятиях, если сам великий покровитель этих малосимпатичных граждан, Мильеран, оказался вынужденным отослать на фронт целых 650.635 чел.».

В открытом письме союза механиков (Union des Mécaniciens) Мильерану и металлургистам, опубликованном в «Л'Юманитэ» и в некоторых других газетах от 13 июня, число «амбюске» на механических заводах определяется в $^2/_3$ наличного персонала. Вот что заявляет в своем открытом письме союз механиков:

«Число непрофессионалов, мобилизованных на наших заводах, число «амбюске» (да позволено будет назвать их собственным именем) очень велико. Мы определяем это число в нашей организации самое меньшее в $^2/_3$.

«Совершенно правы те, кто утверждает, что все профессиональные рабочие находятся на фронте, в то время как их места на заводах заняты людьми всяких профессий и порой без профессий, людьми, которые, конечно, не делают дела как следует. Но мы не будем распространяться об этом вопросе, ибо цензура не позволит нам сего. Наши артиллеристы расскажут нам кое-что об этом по возвращении с фронта.

---

[1]) См. речь депутата Дюрафура на заседании парламента 10 июня 1915 г. во время дебатов по поводу проекта Далбиеза, — проекта, имевшего целью удалить с военных фабрик всех непрофессионалов из лиц, уклоняющихся от службы на фронте, заменив последних заправскими рабочими, сидящими в траншеях.

«Истина заключается в том, что многие фабриканты и заводчики зачислили на свои фабрики всех своих друзей, родственников, поставщиков, клиентов, своих агентов, служащих и т. д.; директора этих фабрик и заводов, начальники мастерских, помощники мастеров поступали таким же образом, и теперь все эти покровители «амбюске» желают сохранить вдали от опасностей войны тех, кто покинул свой пост и приписывался к профессии, которой никогда не занимался».

Само собой разумеется, что это открытое письмо Мильерану осталось без ответа, и что вся кампания против «амбюске» не дала никаких результатов [1]). Не трудно понять, как должно было парализовать работу военных заводов переполнение мобилизованных предприятий людьми, никогда не стоявшими у фабричного станка. Неудивительно, что даже во Франции, где мобилизация промышленности была объявлена гораздо раньше, чем в других союзных странах, прошло много времени, прежде чем производительность старых и сотен вновь выстроенных фабрик дошла до $^1/_2$ своей полной производительности. Таким образом, и в этой области, по вине правящих классов, война затянулась на много месяцев, и было бесцельно погублено много человеческих жизней и много миллиардов франков.

* * *

Господствующие классы всеми силами уклонялись от «повинности крови» и успешно старались переложить этот тяжелый налог на трудовые массы. Таким образом, многие предприниматели, не неся никаких жертв, не рискуя ничем, ни своей жизнью, ни жизнью своих детей и близких, могли со спокойной совестью заниматься приумножением наследственных и благоприобретенных капиталов и извлекли, благодаря войне, колоссальные, немыслимые в другое время выгоды.

Естественно, что многие металлургические заводы извлекли, благодаря войне, большие доходы. Так, из доклада, представленного 30 ноября 1915 г. дирекцией фирмы «Tréfileries et Laminoirs du Havre» [2]) собранию акционеров, явствует, что за период времени с июля 1914 г. по 30 июля 1915 г. (11 месяцев войны) фирма получила чистого дохода 6.508.160 франков вместо 4.873.413 фр. предшествующего 1913 — 1914 г. Таким образом, чистый доход фирмы увеличился, по сравнению с предшествующим годом, на 1.664.747 фр., т.-е. более чем на 30%. При этом фирма за 11 месяцев войны расширила значительно свои помещения, выстроила новые здания, приобрела новые машины и т. д. Таким образом, действительное увеличение доходов фирмы за 11 меся-

---

[1]) Консервативный «Эко де Пари» жаловался в июне 1915 г., что через десять месяцев после начала войны рабочие многих арсеналов еще не возвращены к своим станкам, от которых они были оторваны в момент объявления мобилизации.

[2]) «Проволочные и рельсопрокатные заводы в Гавре».

цев войны значительно превышает 30%. Вот что говорит доклад дирекции заводов о деятельности последних за первый год войны:

«Весь наш материал и все наши машины были быстро приспособлены к приготовлению специальных предметов, которые затребовало от нас правительство.

Наши помещения были значительно расширены, были выстроены новые мастерские на всех наших заводах.

Мы не имеем права дать вам подробные данные о цифрах нашего производства. Мы можем только сказать, что никогда еще со времени возникновения фирмы нам не приходилось доставлять такого количества товаров. Число наших рабочих, уменьшившееся на $^2/_3$ непосредственно после мобилизации, удвоились затем, по сравнению с 1913 — 1914 г.г., и растет беспрерывно.

К сожалению, благодаря вздорожанию сырых материалов, рост прибыли не вполне соответствовал росту производства, хотя наши доходы возросли по сравнению с 1913 — 1914 г.г.»

Само собой разумеется, что за период после 30 июня 1915 г. производство фирмы и ее доходы должны были значительно возрасти по сравнению с первым годом войны.

Конечно, не только металлургические и специально «военные» фирмы нажили большие капиталы во время войны. Многие шахтовладельцы получили за период 1914 — 1915 г.г. громадные доходы. Понятно, что собственникам угольных копей и углеторговцам дороговизна угля не причинила убытков. «Л'Юманитэ» цитировала пример копей в Graissessac'e, которые делали прекрасные дела за время войны. Большие доходы, благодаря войне, получило Общество Сахарных Заводов Сея (Société de raffinerie et sucrerie Say), воспользовавшись возможностью поднять до небывалых размеров цену на сахар.

За первый год войны (август 1914 — август 1915) компания Сея получила 10.155.627 фр. валовой прибыли, из каковой суммы 6.404.816 фр. были распределены между ее акционерами, между тем как за предшествующий год (1 сентября 1913 — 31 августа 1914) акционеры сахарных заводов Сея получили дивиденд всего 2.127.250 фр. Таким образом, благодаря войне и вызванному ею вздорожанию сахара, дивиденд акционеров Сея утроился. В то же время члены административного совета и дирекция этих заводов распределили между собой в награду за свои труды 793.325 фр., зато жены мобилизованных солдат и вдовы убитых, получавшие от казны по 1 фр. 25 с. в день, вынуждены были платить за кило сахара 1 фр. 30 с. вместо 70 с. в мирное время.

Само собой разумеется, что вообще все капиталисты, монополизировавшие в своих руках производство и торговлю продуктов питания, значительно увеличили свои доходы благодаря войне. Но все же, как это не раз констатировалось во французской палате депутатов

и в прессе, в общем больше всех выиграли от войны, за некоторыми исключениями, металлурги и оружейники.

Депутат Мистраль на заседании палаты 8 июля 1916 г. привел ряд красноречивых цифр о доходах металлургических заводов и других фабрик, работавших на армию во время войны. Вот некоторые из данных, приведенных Мистралем и вызвавших сенсацию в палате:

Металлургическое общество Арьежа, оборот которого равнялся 5.700.000 фр. в 1913 — 1914 г.г., довело его до 14.295.000 фр. в 1914 — 1915 г.г., т.-е. увеличило его за один год в $2^1/_2$ раза. Доменные и сталелитейные заводы компании Омекура, главные предприятия которой находятся в оккупированной области, все же ухитрились получить в 1914 — 1915 г.г. 6.800.000 фр. вместо 5.260.000 фр. в 1913—1914 г.г.

Общество моторов Гнома и Рона уплатило в 1914 — 1915 г.г. своим акционерам весь капитал и сверх того получило 9.600.000 фр. чистой прибыли вместо 8.640.175 фр. в 1913 — 1914 г.г.

Из ряда вон выходящее явление представляют собой доходы общества Коммантри-Фуршамбо-Декавиль. Общество это продало в 1914 — 1915 г.г. в 100 раз меньше угля и на 5% меньше металлургических изделий, чем в 1913 — 1914 г.г. [1]), и тем не менее, и при этом сокращении производительности заводов общества, последнее выручило за год войны чистой прибыли 6.970.800 фр. против 4.632.983 фр. в 1913 г., увеличив таким образом свою чистую прибыль на 50%.

«Девять больших латунных предприятий от начала войны до 31 декабря 1915 г. доставили для артиллерии и снарядов 114 милл. кило латуни, получив на этом 89.917.540 милл. фр. прибыли. (Восклицания.) Пятнадцать мелких латунщиков, доставившие до 12 миллионов кило латуни, получили $8^1/_2$ милл. фр. прибыли, итого латунщики получили прибыли 100 миллионов франков» [2]).

И аналогичные факты имели место на всех фабриках, работавших для военного и морского министерств. Повсюду капиталисты наживали миллионы франков с такой же легкостью, с какой в мирное время суммы в десять раз меньшие. В консервативной газете «Либертэ» отмечался пример одной фабрики, которая при основном капитале в 8 милл. фр. сфабриковала снарядов на 36 миллионов фр. и получила при этом 18 миллионов фр. дохода.

Скандальные доходы предпринимателей обусловливались возможностью для них, пользуясь всякого рода неблаговидными приемами, продавать свои товары по небывало высокой цене. Так, по заявлению депутата Брюса, военное министерство покупало аэропланы по 25.000 фр. за каждый, когда цена 12.000 фр., т.-е. более чем вдвое меньшая, являлась уже очень щедрой. Отдельная составная часть аэроплана, которую

[1]) 835.000 тонн угля и 83.000 тонн металлургических изделий в 1913—1914 г.г., 8.000 тонн угля и 79.000 тонн металлургических изделий в 1914 — 1915 г.г.

[2]) «Journal Officiel». Chambre des Députés. Séance du 16 juin 1916. («Журналь Оффисьель»).

техническое бюро оценило в 9½ фр., была предложена фабрикантом военному министерству по цене 93 фр., т.-е. в десять раз высшей по сравнению со средней рыночной ценой. Когда у фабриканта попросили объяснения по поводу этой непомерно высокой цены, он ответил, что ошибся и попросил всего 25 фр., опять-таки в 2½ раза дороже, чем следовало.

«Мы готовы всеми силами поддерживать во имя национальной обороны священное единство, но мы не желаем единства вокруг грабежа и мошенничества». с высоко приподнятым пафосом воскликнул при аплодисментах палаты умеренный депутат Брюс [1]), требуя наказания виновных лихоимцев по всей каре законов и утверждая, что правительство знает имена всех грабителей, пользующихся войной и общенациональным бедствием для наживы и удовлетворения своих ненасытных аппетитов.

Само собой разумеется, что все подобные восклицания оставались гласом вопиющего в пустыне, и капиталисты, ничуть не боясь кары закона. спокойно продолжали свое дело, настаивая одновременно при посредстве покупной прессы «на войне до конца», которая, в конце концов, оказалась для многих промышленников таким золотым делом, которое им никогда и во сне не снилось.

Наряду с металлургистами колоссальные доходы за время войны получили судовладельцы. По заявлению марсельского депутата Бюссона в палате депутатов 11 июля 1916 г., «английский торговый флот, реализовавший в 1913 — 1914 г. 400 милл. фр. прибыли, получил в 1914 — 1915 г. 6 миллиардов 100 милл. фр. прибыли. В такой же, вероятно, пропорции увеличилась за время войны средняя доходность нереквизированного торгового флота во Франции». Итак, доходы французских судовладельцев увеличились за год войны в пятнадцать раз. Бюссон привел пример одного парохода стоимостью в 1.400.000 франков, который за одно плавание из Бордо в Буэнос-Айрес дал своему владельцу 800.000 фр. чистой прибыли, а так как это судно сделало за год три рейса, владелец его получил 2.400.000 прибыли. Вообще все нереквизированные суда дали своим собственникам за год войны 200 — 220% чистой прибыли, в то время как владельцы реквизированных судов получили от казны в качестве прибыли всего 10% стоимости судна.

Колоссальные доходы судовладельцев объясняются во Франции, как и в Англии, искусственным повышением цен за транспорт. Судовладельцы увеличили фрахт в пять (зерно), десять (уголь) и более раз. Депутаты различных направлений требовали от правительства принятия самых решительных мер для урегулирования транспортного вопроса, но представитель правительства, тов. морского министрва Нэль, заявил на заседании палаты 24 марта 1916 г., что правительство бессильно

[1]) Заседание палаты депутатов 10 ноября 1915 г.

что-нибудь сделать, что повышение фрахтов является фатальным последствием несоответствия между спросом и предложением, что против экономических законов трудно бороться и т. д. Товарищ министра указал, что до войны водоизмещение мирового торгового флота равнялось 50 миллионам тонн, а теперь уменьшилось на 15 миллионов, между тем как нужда в морском транспорте не только не уменьшилась в соответствующей степени, но наоборот — необычайно увеличилась вследствие закрытия многих сухопутных границ. Таким образом, из слов министра оказывается, что война, и особенно устранение конкуренции могучего немецкого торгового флота, пошла только на пользу многим английским, французским и нейтральным судовладельцам.

Само собой разумеется, что необычайное повышение фрахта явилось и во Франции одним из элементов вздорожания жизни, хотя необычайно поднялись в цене и продукты французского сельского хозяйства и все изделия французской индустрии. Чтобы прекратить дальнейшее искусственное повышение[1]) цен на продукты первой необходимости и растущую дороговизну жизни, сенат в апреле 1916 г., т.-е. почти через 2 года после начала войны, когда цены дошли уже до высшего уровня, разрешил установление предельных цен на сахар, кофе, картофель, питательные жиры, сухие овощи, уголь, молоко и керосин, отвергнув таксировку масла и сыра.

Итак, и в республиканской, высоко-демократической Франции война принесла народным массам, помимо кровавых жертв на полях сражений и траура по убитым и искалеченным во всех семьях, необычайное вздорожание жизни и понижение заработной платы и отмену всех синдикальных прав, завоеванных в результате тяжелой борьбы; капиталистам же война принесла лишь колоссальные доходы.

Само собой разумеется, что доходы капиталистов представляли собой своего рода «табу», до которого правительство долго не желало и дотронуться. Военные доходы, полученные многими французскими капиталистами, были так велики, что и в этой стране, подобно тому как это происходило в Англии, Германии и других воюющих государствах, все прогрессивные и демократические элементы потребовали для успокоения народных масс обложения военной прибыли специальным налогом. Но и во Франции, как это имело место в Германии, России и т. д., правительство старалось замедлить реализацию этого налога, чтобы не ослабить воинственный пыл многих далеко не бескорыстных сторонников войны до конца, опасавшихся не столько самого налога, который, разумеется, не разорил бы их, сколько обнаружения благодаря этому

---

[1]) По заявлению французского министра внутренних дел, тщательная анкета доказала, что за все время войны в стране не было недостатка в продуктах питания, за исключением масла, которое приходилось привозить из Голландии и Сибири. Франция производила достаточно для собственного потребления, и, таким образом, повышение цен на продукты питания являлось, главным образом, результатом спекуляции.

налогу тех колоссальных прибылей, которые приобрели благодаря войне все эти бескорыстные патриоты.

Во Франции в конце 1915 г. (20 декабря) депутат Ландри внес в палату проект обложения налогом экстраординарных военных доходов с торговых и фабрично-заводских предприятий. Доходы, превышающие на 10% нормальную в мирное время прибыль, совершенно освобождались от налога. Экстраординарные доходы, превышавшие более чем на 10% нормальную прибыль, согласно проекту Ландри, разделялись на части, равные каждой средней нормальной прибыли. С первой части будет взиматься налог в 20%, со второй 30%, с третьей 40%, с четвертой и с каждой последующей 50%. И уже одно внесение подобного проекта показывает, что, по мнению Ландри, многие фабриканты и комиссионеры извлекли, благодаря войне, колоссальные доходы. И если это положение верно для Франции, несмотря на занятие неприятелем 10 департаментов и вздорожание угля и железа, тем более оно верно для Германии и особенно Англии.

Только 1 июля 1916 г., т.-е. через два года после начала войны, палата депутатов приняла в окончательной редакции законопроект о налоге на военную прибыль.

Обложению подлежит лишь экстраординарная прибыль, обусловленная военной конъюнктурой. Этой особой прибылью считается разница между прибылью, полученной с 1 августа 1914 г. по 31 декабря 1915 г., затем прибылью за весь 1916 г. сравнительно со средней прибылью соответствующего числа месяцев трех предшествующих войне лет (1911, 1912, 1913).

По проекту Рибо обложению подлежит военная прибыль только в том случае, если она превышает 5.000 фр. Налоговая ставка устанавливается следующим образом:

Часть налога ниже . .	10.000	уплачивает налога	5%
Часть между	10.101 и 50.000	» »	10%
» »	50.001 и 100.000	» »	15%
» »	100.001 и 200.000	» »	20%
» »	200.001 и 500.000	» »	25%
» превышающая	500.000	» »	30%.

Как явствует из конкретного примера, приведенного в объяснительной записке к законопроекту, при этой схеме обложения, если военная прибыль будет равняться 600.000 фр., налог определится в 37.000 фр., т.-е. будет в размере 22,83%. Итак, по этому проекту промышленники могут положить в карман более $^3/_4$ своей «военной прибыли». Подобный законопроект при всей мизерности устанавливаемого им обложения является одновременно официальной легализацией скандальных барышей, мошеннических контрактов и т. д. Если кто-либо, пустив в оборот капитал в миллион франков, наживал благодаря войне 10 миллионов, тем лучше для него. По проекту Рибо, правительство, очевидно, должно ограничиться определенным обложением подобной «военной при-

были» и поставить свой официальный штемпель, свою верховную санкцию на подобного рода высоко-патриотических операциях.

Законопроект Рибо, внесенный в палату в январе 1916 г. от имени правительства, лег в основу дебатов об «экстраординарном» налоге на «исключительные» военные доходы, реализованные капиталистами с начала войны по 31 декабря 1916 г. и, после долгого обсуждения и шестимесячного путешествия из палаты в сенат и обратно был, наконец, принят обеими палатами с несущественными поправками и дополнениями.

Сенат всячески тормозил дело обложения военной прибыли. Только после того, как 24 мая 1916 г. бюджетная комиссия палаты депутатов, под председательством бывшего министра финансов Клотца, приняла решительную резолюцию по этому вопросу, сенат вынужден был сделать уступку общественному мнению. Резолюция упомянутой бюджетной комиссии гласила следующее:

«Бюджетная комиссия, отвергая правительственные предложения, клонящиеся к простому удваиванию прямых налогов, настаивает, чтобы министр финансов решительно потребовал от сената: 1) вотирования недавно принятого палатой законопроекта об обложении военной прибыли, 2) вотирования обще-подоходного налога, лежащего в сенате вот уже семь лет».

В результате этой резолюции и постановления бюджетной комиссии интерпеллировать министра финансов относительно финансовой политики правительства, сенат поторопился 26 мая принять законопроект об обложении военной прибыли.

Итак, и в республиканской Франции, подобно тому как мы это видели по отношению к монархической Германии, где многие члены правящих династий, и в том числе сам император Вильгельм II, оказались заинтересованными в доходах пушечных и других военных и металлургических заводов, обложение военной прибыли налогом было введено, когда капиталисты успели уже нажить на кровавой бойне, в которую они вовлекли народы, миллиарды франков.

* * *

Нет ничего удивительного в том, что за время войны, несмотря на всеобщий кризис, многие фабрики и заводы во Франции расширили свои операции и увеличили свои доходы. Неудивительно, что разбогатели владельцы многих предприятий и магазинов, поставлявших предметы питания для армии и населения. Что более удивительно, это обогащение многих тысяч лиц, не имевших в мирное время никакого отношения к торговле и промышленности, часто не располагавших значительными средствами, а порой и совершенно несостоятельных в денежном отношении и тем не менее нажившихся благодаря разразившейся войне сотни тысяч франков, а порой и многие миллионы.

Особенно повезло тем одаренным инициативой и пронырливостью людям из пограничных с Италией и Испанией областей, которые в первые месяцы войны, когда вся французская индустрия остановилась за

недостатком рабочих рук и вследствие дезорганизации, внесенной войной, и когда в то же время армия нуждалась в громадных количествах фуража, съестных припасов, снарядов, патронов и т. д.,—вошли в сделку с итальянскими и испанскими фабрикантами и коммерсантами и, передавая последним полученные от казны подряды, брали 60 — 70% за комиссию. Нашлись импровизированные дельцы, которые, не затратив со своей стороны и сотни франков, ухитрились получить подряд и доставить правительству десятки тысяч одеял, тысячи седел, сотни вагонов сена, овса и т. п., заработав на этой операции громадный куш. Лица, не имевшие никаких сношений с Америкой, брались доставить французской кавалерии несколько тысяч мексиканских лошадей и получили подряд на очень выгодных условиях.

«Золотые дела» во время войны делали всякого рода посредники — подрядные акулы, которые наживались порой быстрее, чем самые крупные металлургисты и пушечные короли. Запросы о казенных поставках, обсуждавшиеся во французской палате 14 и 17 декабря 1915 г., приподняли край официальной завесы над тем, что творится даже во Франции во имя «обороны отчества».

Лица, не имевшие до войны никакого отношения к отрасли индустрии, интересовавшей в данном случае военное министерство, а порой и совершенно непричастные к какой бы то ни было отрасли промышленности и вообще никогда не занимавшиеся коммерческими операциями, получили вдруг не только громадные подряды, но и солидные авансы.

Некая дама явилась одновременно поставщицей предметов обмундирования, палаток, одеял, двух спальных вагонов, тысячи митральез, 50.000 лошадей, проволоки для заграждений, морской соли, медного купороса, трески и т. п. Дама полусвета, из горничной превратившаяся последовательно в русскую княгиню, французскую маркизу, итальянскую принцессу, эта авантюристка, вступившая в компанию с человеком, имеющим в своем активе 21 судебный приговор, получают громадные заказы на белье и т. д. для основанного ею «увруара» (мастерская), где она платит жалкую плату десяткам работниц (см. интерпелляцию Симиана, бывшего директора почт и телеграфа, на заседании палаты 14 декабря 1915 года) [1]).

Многие фабриканты военных материалов никак не могли получить заказа непосредственно от военного министерства, а должны были обращаться за содействием к подрядным акулам. Все протесты заводчиков против такого порядка в течение 17 месяцев войны не приводили, как видно из запросов в палате депутатов 17-18 декабря, ни к каким результатам. Один торговец лентами в С.-Этьене получил заказ на доставку 120.000 ручных гранат по 1 фр. 10 с. за штуку. Естественно, что торговец лентами передал этот заказ военному фабриканту, который получил от первого по 60 с. за каждую гранату. Таким образом торговец

[1]) «Journal Officiel». Chambre des Députes. Séance du 14 Déc. 1914. («Журналь Оффисиель»).

лентами заработал в качестве комиссионера по 50 сантимов на каждой гранате. Правда, неизвестно, сколько из этих 50 сантимов расползалось по карманам чиновников военного министерства. Г. Грасье, торговец каучуком, получил подряд на поставку 850.000 ручных гранат по 1 фр. 10 с. за каждую гранату. Естественно, что и г. Грасье, понимавший толк в каучуке и никогда не занимавшийся изготовлением гранат, передал свой подряд военному фабриканту, которому он и уплатил по 60 с. за гранату, а всего 510.000 фр., получив, следовательно, на свою долю более 400.000 фр. за комиссию. Таким образом, сотни и сотни миллионов франков, которые могли быть сбережены для страны, разошлись по карманам любителей легкой наживы.

В то время как миллионы людей сражались и умирали на фронте во имя национальной обороны; в то время как тысячи мелких фабрикантов, землевладельцев, коммерсантов разорились, благодаря кризису, вызванному войной, целая армия подрядных акул, рыцарей легкой наживы, обогащались со сказочной быстротой, пользуясь покровительством продажных чиновников военного министерства во главе с пресловутым Мильераном.

Мелкий маклер Пейан, выдавая себя за крупного фабриканта, получает заказ на одеяла в сумме 785.000 фр. и аванс в 400.000 франков, и доставляет одеяла, которые министерство отказывается принять в виду их явной негодности. Оказывается, что и в данном случае интендантство не поинтересовалось удостовериться, имеются ли у Пейана мастерские для приготовления одеял, что некий Фурнье, чиновник кабинета Мильерана, представил мелкого маклера как крупного промышленника, имеющего-де свои фабрики. Фурнье и Пейан были арестованы, но скоро выпущены. 400.000 фр. так и пропали, и взамен этой суммы армия не получила ни одного одеяла.

Любопытна также одиссея некоего англичанина Парсона, рассказанная в палате депутатов тем же Симианом. Этот подозрительный господин получил три подряда на доставку 40.000 лошадей за 60 миллионов франков, при чем авансом было выдано ему и его компаньону $1^1/_2$ милл. фр. Тщетно французский посол в Англии г. Камбон сообщал о несостоятельности этого субъекта, о том, что у него нет никаких лошадей. Лондонская комиссия французского министерства тем не менее получила приказ из Парижа подписать контракт с Парсоном.

Из разоблачений Симиана, подтвержденных официальными документами, явствует, что всякого рода лица сомнительной нравственности, даже с точки зрения буржуазной морали, — демимонденки, лица, неоднократно осужденные приговорами официальных судов; далее, мошенники, против которых предостерегали французское правительство представители последнего заграницей, ухитрялись получать, благодаря продажности тех или других интендантов, изрядные подряды и наживать громадные капиталы. Само собой разумеется, что при таком порядке ловкие дельцы, безупречные с точки зрения буржуазной морали, никогда не имевшие какого-либо столкновения с уголовными законами, могли

уже беспрепятственно грабить казну и накоплять миллионы франков, создавая колоссальные богатства ценою крови сотен тысяч солдат. Так, г. Габриель Коньяк, племянник и наследник владельца больших магазинов «Самаритэн», известной во Франции фирмы, поставляющей белье и одежду на армию, ухитрился получить для своего дяди громадные подряды по ценам на 20% выше, чем предложенные Синдикальной палатой хозяев-портных Мана, представлявших 20.000 рабочих-портных. И это несмотря на то, что интендантству было известно, что Синдикальная палата доставит предметы обмундирования и своевременно, и лучшего качества, чем фирма «Самаритэн», и что первая платит своим рабочим по более высокой расценке, чем вторая. Синдикатная палата платила своим рабочим по 5 фр. 17 с. за изготовление шинели, в то время как «Самаритэн» платила всего 2 фр. 75 . При такой эксплоатации рабочего персонала и при доставке худшего материала фирма «Самаритэн» все же запрашивала на 20% дороже, чем Синдикальная палата, и однако умудрилась получить громадные заказы. Между тем, предложение Синдикальной палаты, сделанное в августе 1914 г., несмотря на энергичные хлопоты и настояния ее представителей, так и осталось без ответа до декабря 1915 г., т.-е. до момента интересующих нас интерпелляций. Синдикальная палата заявила, что все доходы от поставки предметов обмундировки она распределит между своими рабочими — людьми, не призванными на войну в виду их преклонного возраста или негодности — и женами мобилизованных солдат. Но Синдикальной палате, преследовавшей столь бескорыстные «патриотические» цели, не приходило, понятно, в голову предложить взятку тому или другому интенданту, и поэтому-то все ее хлопоты и благородные стремления не увенчались успехом.

Зато всякие подозрительные личности умели быстро добиться подрядов от некоторых интендантов. По поводу действий таких интендантов были сделаны в палате депутатов сенсационные разоблачения. Так, один из интендантов назначил приемщиком подрядов некоего Легасса, темного финансиста с очень позорным прошлым. Как доказал депутат Эрнест Лафон, дополняя разоблачения бывшего инспектора почт и телеграфов Симиана по поводу Легасса, последний является главным акционером фирмы Легасс, занимавшейся отправкой в плавание судов, которые неизбежно должны были потерпеть крушение[1]). В течение 25 лет из судов, отправленных фирмой к Новой Земле, потонуло более 50 кораблей, относительно которых портовое население было убеждено, что эти суда, в виду их негодности, не выдержат плавания и погибнут со всем своим грузом и экипажем. Фирма наживалась на этих кораблекрушениях, получая страховые премии. В последние годы фирме пришлось несколько раз вернуть страховую премию, так как уда-

[1]) Об этой ужасной деятельности Легасса см. «Journal Officiel». Chambre des Députés. Séance du 17 Déc. 1915, стр. 2177 — 2181 («Журналь Оффисиель»). Депутат Эрнест Лафон представил палате список всех этих судов, потерпевших кораблекрушение.

лось доказать, что фирма не приняла нужных мер предосторожности и отправила в плавание негодные суда. Фирма эксплоатировала вначале к о р а б л е к р у ш е н и е [1]), а затем взялась за эксплоатацию гнилой трески. После землетрясения на Мартинике, когда французское правительство решило притти на помощь умирающему от голода населению пострадавшего острова, фирма Легасса отправила жителям Мартиники на казенный счет гнилую, никуда негодную треску, при чем получила от правительства повышенную цену за товар, который некуда было сбыть («Journal Officiel», Séance du 17 Déc. 1915, стр 2173 — «Журналь Оффисиель»).

И вот, когда в 1915 г. понадобилось купить для солдат, сражавшихся на фронте, в числе других съедобных предметов и треску, агентом-приемщиком последней при интенданте Жюлья оказался этот самый рыцарь без страха, но не без упрека, Легасс, который купил для казны 5 миллионов кило трески, при чем снова дело не обошлось без самого наглого мошенничества, ибо эта треска была доставлена... самим Легассом. Таким образом, последний оказался о д н о в р е м е н н о а г е н т о м - п р и е м щ и к о м о т и м е н и к а з н ы и п о с т а в щ и к о м к а з н е (см. («Journal Officiel», Chambre des Députés, Séance du 14 Déc. 1915 — «Журналь Оффисиель»). Само собой разумеется, что вместо одного сорта трески был доставлен другой, низшего качества. Так возникло знаменитое «д е л о о т р е с к е», о котором столько писалось во французской прессе и которое, в конце концов, кончилось привлечением некоторых виновников к суду. Интендант Жюлья отделался 30 днями ареста и отставкой от службы, главный интендант Дюкен, которому было поручено снабжение провиантом всего гарнизона парижского укрепленного лагеря, — отставкой и выговором от имени военного министра. Однако, деньги, награбленные этими чиновниками в результате их патриотической деятельности, остались при них. Легасс же и на этот раз вынырнул сухим из воды и был оправдан.

Впрочем, по выражению депутата Эрнеста Лафона, процедура следствия о Легассе была еще более возмутительна, как и скандальный оправдательный приговор, вынесенный этому бандиту («Journal Officiel», Séance du 17 Déc. 1915, стр. 2179 — «Журналь Оффисиель»).

Вообще нужно заметить, что рыцари легкой наживы, подрядные акулы, нередко оказываются в особо привилегированном положении, именно тогда, когда им удается проникнуть в ряды армии. Упомянутый выше Габриель Коньяк, племянник и наследник владельца больших магазинов «Самаритэн», был зачислен в 117 пехотный полк. Конечно, этот ловкий делец очутился весьма далеко от траншей, но зато в непо-

---

[1]) Интерпелляты забыли напомнить, что деятельность фирмы Легасса послужила сюжетом для пьесы, пользовавшейся несколько лет тому назад большим успехом во Франции. Главным персонажем драмы является судовладелец, отправляющий, несмотря на робкие протесты закабаленного им портового населения, в дальнее и опасное плавание парусное судно, обреченное им на крушение для получения крупной страховой премии.

средственной близости к золотым делам, сделавшись представителем интендантства в сношениях с фирмами, поставляющими одежду и белье для солдат. Мы рассказали уже, как ловко воспользовался этот рядовой 117 пехотного полка своим пребыванием в армии в интересах фирмы «Самаритэн» и своего будущего наследства. Г. Легасс был зачислен в 142 пехотный полк в Байоне, в резерв территориальной армии. Само собой разумеется, что Легасс нашел, что наибольшую пользу отечеству он может оказать, попав именно в интендантство, чего он и добился, благодаря далеко не бескорыстному попустительству интенданта Жюлья. Правда, скоро Легасс был отстранен от работы в интендантстве честным чиновником Дапо, но скоро Легасс, выгнанный за дверь, вошел в интендантство «через окно» [1]) и начал опять свои темные дела.

Отвечая на интерпелляцию Симиана, Эрнеста, Лафона и Кояра, военный министр Галлиени признал все факты, рассказанные этими депутатами, соответствующими действительности, но вместе с тем подчеркнул, что эти печальные эпизоды не бросают тени на высших чиновников армии [2]), ибо за время войны было заключено 100.000 контрактов, а между тем интерпеллянты указали лишь на 30 темных дел, подлежащих судебному преследованию. Это замечание министра вызвало реплику со стороны депутата Брюне, который заметил, что нетрудно было бы рассказать о многих других фактах из деятельности рыцарей легкой наживы, эксплоатировавших казну, пользуясь войной.

Попытка военного министра рассеять тяжелое впечатление, произведенное на палату выслушанными разоблачениями, не вполне удалась. Во всяком случае, предложение Симиана о назначении следственной комиссии по делу о казенных подрядах, выдвинутое интерпеллянтами, было снято вследствие протеста со стороны президента совета Бриана, указавшего, что такая комиссия вызовет волнение в стране и отдалит-де от казенных подрядов всех честных поставщиков, которые не пожелают, чтобы вокруг их имени начались разговоры. Симиан снял свое предложение. По соглашению с правительством была принята следующая резолюция о назначении комиссии в обычном порядке:

«Палата, принимая во внимание декларацию правительства, решает назначить, согласно процедуре, установленной параграфом 12-м регламента, комиссию из 44 членов для рассмотрения всех подрядов как заключенных правительством от начала войны до сих пор, так и тех, которые будут приняты до окончания войны».

* * *

[1]) Во время дебатов 14 декабря по поводу казенных поставок депутат Пьерче разоблачил, что г. Тьери, заведующий интендантским отделом военного министерства, совмещал правительственное положение с положением члена администрации «Общества французской трески», представителем коего и являлся упомянутый выше Легасс.

[2]) «Journal Officiel», 17 Déc. 1915, p. 2174 («Журналь Оффисиель»).

Было бы, конечно, неосновательно заключать, будто всякого рода мошеннические проделки при казенных подрядах совершались только во Франции и будто в Германии, благодаря признанной-де честности ее чиновничества, дела обстояли иначе. Такие же, а порой и более вопиющие безобразия имели место и в Германии, и если германскому рейхстагу не приходилось заниматься подобными делами, это только доказывает, что в довоенной Франции, как это было во время Дрейфуса, Панамской истории и в целом ряде других подобных случаев, правда скорее всплывала наружу, чем в других капиталистических странах. Статьи, опубликованные в «Форвертсе» и даже в «Кёльнише Цейтунг», доказывали, что и в Германии, несмотря на все эти разговоры о мнимой честности немецких интендантов, спекулянты и рыцари легкой наживы, «шаберы» («толкачи»), как их называет немецкая пресса, нажили миллионы и миллионы марок на казенных подрядах и искусственном повышении цен.

Некоторые немецкие газеты требовали самых строгих кар по отношению к этим «кровопийцам». Но «Форвертс» откровенно говорил, что «он не создает себе иллюзий по поводу реального значения всех этих «суровых» законов».

И в Германии были многочисленные случаи, когда колбасники поставляли армии колеса для повозок, книгопродавцы — сбрую для лошадей, биржевые агенты — взрывчатые снаряды, театральные критики — бронированные автомобили, и т. д. Были случаи, когда люди наживали на казенных подрядах 500% и больше.

В декабре 1915 г. в Германии разбиралось дело нескольких немецких фабрикантов и подрядных акул, обвиненных в поставке австрийскому правительству никуда не годной обуви. Из обвинительного акта явствует: 1) что 9.400 пар сапог были признаны совершенно негодными, 2) что на многих сапогах была поставлена поддельная марка одного хорошего фабриканта, в то время как обувь была приготовлена в другом месте, 3) что на многих сапогах подметки оказались из бумаги, 4) что обувь, признанная уже раз негодной и отвергнутая австрийским военным министерством, была снова предложена обманным образом при последующих поставках, 5) что на многих башмаках и сапогах был поставлен фальшивый номер. В виду того, что австрийское военное министерство не принимало обуви № 40 и 41, как признанной слишком маленькой для солдат, применен был поставщиками очень простой прием: вместо № 40 на обуви был поставлен № 42, а вместо 41 — 43.

Виновные понесли на этот раз очень строгую кару. Главный виновник Артур Якоби был приговорен к 5-летнему тюремному заключению. Из его соучастников один — к $4^1/_2$ годам тюремного заключения, другой — к 18-месячному и т. д.

Однако, в сотнях случаев рыцари легкой наживы удачно обделывали свои дела и выходили сухими из воды. Одним словом, и здесь был хаос, настоящая пещера Али-Баба из «Тысячи и одной ночи».

Само собой разумеется, что проникнуть в эту сокровищницу сказочных богатств можно было лишь при помощи идеально-честных немецких интендантов, и немало подрядных акул воспользовались «бескорыстными» услугами последних. Что касается Австрии, здесь дело обстоит в сто раз лучше и для интендантов, и для подрядных акул. Скандальная история с одним портным, который заключил подряд на поставку пшеницы и неожиданно потерял на этой сделке 50.000 крон, открыла ряд экстраординарных мошенничеств.

Как бы то ни было, и в этой войне повторилась старая история. В то время как каждая из воюющих стран буквально истекает кровью, и миллионы людей умирают от неприятельских пуль и снарядов, хищнический капитал у себя дома торжествует победу на костях бесчисленных жертв войны. Вместе с накоплением нищеты, мук труда и рабства, безмерных страданий, вызванных международной катастрофой, вместе с ростом Монблана трупов — на одном полюсе, быстрое накопление богатства, создание миллионных капиталов — на противоположном полюсе. И как неизбежный результат — близкая социальная революция во всем мире.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МИЛИТАРИЗМ, МАРИНИЗМ
И
ВОЙНА 1914—1918 г.г.

Политика вооруженного мира и мировая война.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Военные бюджеты европейских государств накануне войны.

1. Рост военного бюджета во Франции.

Благодаря обострению международных отношений и подпольной деятельности всех интернациональных провокаторов милитаризма — Круппа, Тиссена и других в Германии; Армстронга, Виккерса в Англии; Шнейдера во Франции; Шкода в Австрии, — военные расходы накануне мировой войны растут во всех странах с поразительной быстротой, а вместе с увеличением военных расходов все более яркую форму принимает новое грозное явление милитаризации бюджетов. Несмотря на гигантское развитие промышленности и торговли, на увеличение платежеспособных сил населения, на необычайный рост бюджетов, военные расходы увеличиваются в такой резкой форме, подымаются такими скачками, что ничто не в состоянии угнаться за ними. Военно-морские расходы во всех странах начинают расти с страшной быстротой не только в абсолютном, но и в процентном отношении. С 1907 по 1912 г. русские военно-морские расходы подымаются от 447 до 700 миллионов рублей, т.-е. на 56%. В 1907 г. они составляли всего 18% государственного бюджета, в 1912 г. они поднялись до 23%, в 1914 до 28%[1]).

Во Франции военно-морские расходы подымаются с 1910 по 1914 г. с 1330 милл. франков (при бюджете в 4.185 миллионов) до 2 миллиардов (при бюджете в 5 миллиардов 320 миллионов). В 1910 году эти расходы составляли 32% бюджета, в 1914 г. уже 38%.

Под влиянием роста военных расходов на содержание армии, флота, на колониальные экспедиции и «умиротворение» занятых областей

[1]) См. речь члена Государственной Думы, бывшего офицера генерального штаба Энгельгардта, представителя группы центра, на заседании 31 мая 1914 г.

в Африке или Азии, французский бюджет растет с головокружительной быстротой, и к 1913 г. «бюджетные Гималаи», о которых когда-то говорил Пуанкаре, оказываются далеко превзойденными. Вместе с бюджетом на 1913 г. и во Франции открывается эра дефицитов, и докладчик финансовой комиссии в сенате, Эмон, в сильной речи указывает на серьезность финансового положения страны. Реальный бюджет на 1913 г. переваливает, включая дополнительные кредиты, за 5 миллиардов, и становится очевидным, что без приискания каких-либо экстраординарных источников республика не выйдет из тяжелого кризиса. За десять лет с 1903 по 1913 г. государственные расходы увеличиваются на $1^1/_2$ миллиарда франков.

В 1815 г. французский бюджет достиг 830 миллионов фр. В 1830 г. бюджет достиг миллиарда, и тогдашний министр финансов обратился к палате с известной фразой: «Messieurs, saluez ce premier milliard, vous ne le reverrez plus» («Господа, приветствуйте этот первый миллиард, вы его больше не увидите»). В 1860 г., через 30 лет, бюджет равнялся 2 миллиардам, 3-й миллиард был достигнут в 1878 г., 4-й миллиард в 1908 г., 5-й миллиард в 1913, 6-й в 1914 г., накануне войны.

Когда-то должен был пройти 30-летний период — жизнь целого поколения, — чтобы государственный бюджет успел подняться на миллиард франков; накануне войны в два-три года достигается повышение расходов на эту же цифру. То, что прежде достигалось в 30 лет, теперь совершается в 2 года: 15 раз быстрее. Это настоящая пляска миллиардов.

Нетрудно себе представить, с какой быстротой должна была возрастать тяжесть налогового бремени, лежащего на народных массах, при столь головокружительной пляске.

Вот таблица[1]), указывающая на рост французского бюджета в течение XX столетия. Здесь речь идет о реальном бюджете, т.-е. о действительно реализованных доходах (ressources réalisés) и об осуществленных расходах (payements effectués).

	Доходы.	Расходы.
	В миллионах франков.	
1900	3.814,9	3.746,9
1901	3.576,0	3.701,9
1902	3.582,4	3.699,3
1903	3.667,5	3.597,2
1904	3.739,0	3.638,5
1905	3.766,3	3.706,8
1906	3.837,0	3.852,0
1907	3.968,3	3.880,2
1908	3.966,5	4.020,5
1909	4.140,9	4.186,0
1910	4.273,8	4.321,9
1911	4.689,0	4.547,9
1912	4.857,4	4.742,7
1913	5.066,9	5.091,7.

[1]) См. Georges Lachapelles, «Nos finances pendant la guerre». Paris, 15, p. 754. (Жорж Ляшапель, Наши финансы во время войны).

Таким образом за этот период расходы возросли на 5.019,7 — — 3.746,9 = 1.344,8 миллионов франков, к каковой сумме надо прибавить 282,7 миллионов невыплаченных расходов, итого 1.627 миллионов. Само собой разумеется, что вместе с возрастанием военных и колониальных расходов растет и государственный долг Франции. «В настоящее время, — писал в 1900 г. французский писатель Ренэ Ля Шом, — Франция обладает мало завидной привилегией быть наиболее совершенным образцом, какой только можно найти, так как ее долг самый значительный среди цивилизованных наций» [1]).

Эту печальную привилегию Франция по вине своей империалистической политики сохраняет и в 1913 — 1914 г.г. Однако, бремя налогов становится уже невыносимым для трудящегося населения, для городского пролетариата, мелкой буржуазии и $^{9}/_{10}$ сельского населения республики.

Положение принимает серьезный характер. Чтобы разрешить кризис, остается или прибегнуть к прогрессивно-подоходному налогу, или стать на путь займов. И вот по вопросу об изыскании источников для покрытия дефицита начинается драматическая борьба между крупной буржуазией, с одной стороны, и мелкой буржуазией и социалистами — с другой. Министр финансов Дюмон, поддерживаемый всеми правыми партиями и центром, вносит в ноябре 1913 г. проект бюджета на 1914 г. и предлагает для покрытия дефицита, вызванного колониальной политикой и экстраординарными военными расходами, заключить заем в 1.300 миллионов франков. Но против этого проекта с поразительной силой и энергией выступает председатель исполнительного комитета республиканско-радикальной и радикало-социалистической партии, знаменитый Кайо, bête noire (ненавистный человек для) всей французской реакции. В своей речи 26 ноября 1913 г. он указывает на всю опасность для Франции займов и обвиняет крупную буржуазию в том, что она борется против проведения в жизнь подоходного налога, уже вотированного палатой и являющегося единственным средством спасти страну от финансового краха. Он заканчивает свою речь, неоднократно прерываемую бурными аплодисментами социалистов и всей левой, следующими словами:

«Я обвиняю правительство в том, что в момент, когда нужно стать на путь энергичной демократической политики, когда нужно напомнить богатым классам обязательства, которые они взяли на себя, оно открывает лазейку, между тем как, наоборот, нужно было бы закрыть все двери, чтобы не дать этим классам уклониться от принятых обязательств.

«Господа, я желаю всеми силами, чтобы буржуазия, которая в течение 150 лет, в великие эпохи нашей истории играла столь полезную роль, умея во-время пойти на необходимые уступки, не оказалась

---

[1]) Цитирую по книге М. И. Боголепова, «Государственный долг», см. стр. 23. Петроград, 1910 г.

зараженной помешательством, которое в конце XVII столетия овладело привилегированными классами.

«В конце XVIII столетия, накануне Французской Революции, циркулировала брошюра Сийеса, где можно прочесть следующие строки: «Вместо того, чтобы миролюбиво уступать духу времени, дворянство восстало против требования эпохи. Оно не желает потерять свои привилегии, более того, — оно их умножает».

«Не желают ли и теперь господствующие классы расширить некоторые новые привилегии, отлитые в формы старых привилегий? (Шумные аплодисменты.)

«Нет, никогда инерция удовлетворенных аппетитов не была формулой демократического правительства. . .» (Аплодисменты.)

Эта речь Кайо, его финансовая программа, скромная сама по себе, давно осуществленная в Германии и Англии, но казавшаяся недопустимой в республиканской Франции, его намеки на возможность революции, в случае нежелания богатых классов пойти навстречу духу времени и сделать добровольно необходимые уступки, вызывает против вождя радикал-социалистов дикую ненависть со стороны всей реакции. В глазах защитников «привилегий» Кайо становится самым опасным человеком во Франции, более опасным даже, чем Жорес, ибо первый теперь же посягает на доходы крупных рантье и имеет шансы не сегодня-завтра добиться своей преступной цели. Когда же под ударами этого «изменника и предателя» кабинет Барту падает, и в новом кабинете Думерга Кайо занимает пост министра финансов, реакционная пресса начинает самую беззастенчивую травлю против нового министра, обвиняет его в продажности, в измене интересам Франции в угоду Германии и т. д.

В этой борьбе против «преступного» министра, посягающего на доходы крупных рантье, реакция не останавливается перед самыми бесстыдными приемами. и газета «Фигаро», вопреки всем правилам литературной этики и простой порядочности, опубликовывает интимную переписку Кайо с некоей г-жей Гейдан, с которой он давно разошелся, доводит этим жену Кайо до того, что последняя решается на безумный шаг и убивает Кальметта, главного редактора «Фигаро», как злостного клеветника, позорящего имя ее мужа и разрушающего ее семейную жизнь. В этом драматическом эпизоде, завершающем накануне войны острую борьбу между социальными группами и партиями, поддерживавшими Кайо в его финансовой политике, с одной стороны, и богатыми классами — с другой, рельефно отражается вся интенсивность конфликта, который в 1913—1914 г.г. разделяет всю Францию на два враждебных лагеря, стоящих друг против друга. Реакция уже накануне войны окончательно дискредитирует, морально убивает Кайо, как скоро после того, в первый день войны, она уже физически устраняет из числа живых другого своего врага — Жореса. И в высшей степени характерно, что этот конфликт, вызванный непомерным ростом французского бюджета и в особенности военных и колониальных расходов, рождается непосред-

ственно из закона о трехлетней службе, являвшегося последним словом французского милитаризма накануне войны.

Как бы то ни было, накануне войны Франция переживает глубокий финансовый кризис. Эта страна, о необычайном богатстве и финансовой мощи которой столько пишет повседневная пресса, изнемогает уже под тяжестью налогов и как бы вытанцовывает свое последнее па в сарабанде миллиардов, последнее па, вслед за которым ей остается только отойти в сторону и в изнеможении опуститься на землю. Однако, положение других западно-европейских стран становится к этому моменту столь же серьезным, как и во Франции.

2. Английский военный бюджет.

Несмотря на свое островное положение, на сравнительную безопасность своих границ, Англия, эта великая империалистическая держава, по своему военному бюджету не уступает передовым милитаристическим державам континента. Этот факт ясно указывает на тесную связь милитаризма с империализмом.

Английский бюджет, равнявшийся в 1900 — 1901 г.г. 2.773 миллионам фр., достигает в 1903 — 1904 г.г. 3.674 милл. фр., а в 1913 — 1914 г.г. 4.937 милл. фр.. т.-е. возрастает на 2.164 миллиона фр. и стало быть, растет с еще большей быстротой, чем французский бюджет. Нигде милитаризация бюджета не идет такими быстрыми шагами, не выражается в такой резкой форме, как в Англии.

В 1897 — 1898 г.г. военные расходы в английском бюджете составляли 39%, а в 1909—1910 г.г. уже 42,4 %. К этому необходимо добавить, что параллельно повысился и общий размер английского бюджета на очень крупную сумму. В связи с этим повышение военных расходов становится еще более резким.

В средине прошлого столетия на первом месте в английском бюджете стояли расходы по оплате долга (28,1 м. ф. ст.), на втором — расходы на армию (27,2 м. ф. ст.), на третьем — расходы по гражданскому управлению (6,9 м. ф. ст.) и на самом последнем — расходы на флот (7,4 м. ф. ст.).

Накануне войны картина резко изменилась. На первом месте стоят уже расходы по управлению (41,6 м. ф. ст.), на втором — расходы на флот (35,8 милл. ф. ст.), на третьем — расходы на армию (27,2 м. ф. ст.) и на самом последнем — расходы по долгу (21,7 м. ф. ст.). За время с 1898 по 1910 г. военные расходы Англии возросли на 22 милл. ф. ст.

Даже в период 1810 — 1815 г.г., когда Англия вела самую большую и самую тяжелую в ее истории войну, военные расходы этой страны были меньше тех, которые она несет в настоящее время [1]).

---

[1]) «Ежегодник» газеты «Речь» на 1913 г. См. стр. 288, 289.

Следующая таблица показывает рост военных расходов Англии за последние десятилетия (в фунтах стерлингов):

	Армия.	Флот.	Всего.
1884 — 1885	16.980	11.049	27.979
1894 — 1895	19.256	18.070	37.326
1899 — 1910	22.155	27.742	49.897
1910 — 1911	27.760	40.604	69.364.

За 26 лет, с 1884 г. по 1910 г., военный бюджет увеличился почти в $2^1/_3$ раза. На этом рост военных расходов Англии не остановился. Морская смета на 1914 — 1915 г.г. (накануне войны) достигла 51.550.000 ф. стерл.; смета на сухопутную армию достигла 28.845.000 ф. стерл., итого 80.395.000 ф. ст. Превышение по сравнению с 1910 — 1911 г. на 22.000.000 ф. стерл.

Желая подчеркнуть быстрый темп развития английских военных расходов, Ллойд Джордж в своей речи 14 августа 1913 г. в палате общин указал на тот «поразительный факт, что в 1913 г. Англия затратила на свой военный флот больше, чем расходовали на свои эскадры в 1886 г. все державы, вместе взятые, включая в число их и самое Англию».

Один этот «поразительный факт» дает представление о головокружительно быстром росте английского милитаризма.

Не следует забывать, что расходами Соединенного королевства не ограничиваются военные затраты империи. Уже давно Индия расходует на армию более 200 миллионов рублей ежегодно, и около 20 милл. рублей поступает из тех же колоний. Особенно энергично двигалась накануне войны по пути милитаризма Австралия, где в течение 1910 — 1914 г.г. были выработаны и приняты правительством самые обширные программы военно-морских вооружений.

3. Военные расходы царской России.

По постоянному и быстрому росту государственного бюджета царская Россия не только не отставала от передовых европейских государств, но в деле возрастания расходов может «смело выдержать соревнование» со всеми государствами, как справедливо выразился министр финансов на заседании Государственной Думы 27 ноября 1907 г.

В самом деле, начиная с 1866 г. по 1906, т.-е. за сорок лет, русский бюджет возрос в пять раз. Вот таблица, показывающая рост обыкновенного бюджета по десятилетиям (в круглых цифрах).

1866	431.000.000 р.
1877	847.000.000 »
1896	1.242.000.000 »
1906	2.075.000.000 »

Обыкновенные расходы 1907 г. превысили обыкновенные расходы 1906 г. больше чем на 100 милл. рублей. За 6 лет, с 1902 по 1908 г.,

обыкновенные государственные расходы возросли с 1.802 милл. р. до 2.317 милл. рублей, или на 515 милл. р., что составляет 30%.

На этом, конечно, рост бюджета не остановился. С особой быстротой увеличивались государственные расходы за период деятельности III Государственной Думы. Вот в каких выражениях А. Шингарев характеризует деятельность большинства III Думы в области бюджета:

«Под влиянием определенных требований и попустительств этого большинства, несоразмерно увеличились расходы на дело обороны. Желая отклонить от себя какую бы то ни было ответственность в недостатках кредитов на оборону, думский центр не только не стремился заставить действительными мерами громадное военное хозяйство вестись более экономно, но явно толкал на предъявление к Думе все новых и новых требований, недостаточно обоснованных и мало проверенных. Проходившие в закрытой комиссии государственной обороны без достаточной критики кредиты не встречали необходимого сопротивления и в бюджетной комиссии. Военные сметы разбухли, не оставляя надлежащей уверенности в целесообразности приносимых государством жертв и при явной невозможности для ведомств в сроки использовать отпущенные им кредиты. Вся масса резко увеличившихся военных расходов, закрепленных на долгие годы отдельными законами, еще пополнялась громадными затратами на стратегическое железнодорожное строительство (Амурская дорога, вторая колея Сибирской дороги и т. д.). В самом же конце думского пятилетия государственный бюджет был окончательно связан разрешением грандиозной постройки флота: начав в первой сессии с фиксирования 300 слишком миллионов рублей на Амурскую дорогу, третья Дума закончила свое существование закреплением полумиллиарда на судостроение. Милитаризация русского бюджета сделала таким путем за пять лет громадный шаг вперед» [1]).

Вот как росли государственные обыкновенные и чрезвычайные расходы за первые пять лет нашего конституционного бюджета (в миллионах рублей).

	Проект министра.	Исполненная роспись.
1908	2.515	2.656
1909	2.631	2.607
1910	2.630	2.596
1911	2.693	2.974
1912	2.975	3.171
Общий итог пяти лет	13.444	14.004

Лихорадочный рост бюджета представляет собой факт столь очевидный, что его вынужден был признать сам министр финансов В. Н. Коковцов.

---

[1]) См. «Ежегодник» газеты «Речь» на 1913 г., стр. 133, 134. А. И. Шингарев: «Бюджет 1913 г.».

В своей речи в Государственной Думе на заседании 10 мая 1913 г. председатель совета министров и министр финансов заявляет между прочим, следующее:

«На 1908 г. вся совокупность бюджета нашего государства определялись цифрою 2.656.000.000 р., а сейчас мы имеем в проекте росписи общую совокупность потребностей в 3.233.000.000 р. Таким образом, на пространстве пяти лет увеличение потребностей, удовлетворяемых рессурсами государства, определяется цифрой в 577.000.000 р... Одни обыкновенные расходы государства выросли за 5 лет на колоссальную цифру в 611.000.000 р. Такого возрастания не было никогда на пространстве пятилетия»...

Признав необычайный рост бюджета, его резкий скачкообразный характер, министр постарался успокоить членов Думы, указав, что в росте расходов нет ничего грозного. «Грозно такое крупное возрастание расходов лишь тогда, когда оно носит характер хронический, постоянный и не представляется лишь явлением случайным и временным».

Однако, не только эволюция русского бюджета, но и вся история роста государственных расходов за последние десятилетия в Западной Европе и Америке ясно показывали, что при данных условиях, при сохранении режима «вооруженного мира», не было никаких оснований для того оптимизма, которое обнаруживал министр финансов, характеризуя чрезвычайное возрастание бюджета, как явление случайное, временное.

Мы указали выше, что за период 1902 — 1908 г.г. превышение обыкновенных расходов составило громадную цифру в 515 милл. р., или 30%. Стало быть, в возрастании расходов за последующий период не было ничего случайного. Да и после 1913 г., несмотря на заявление министра в 1913 г. о «временном» характере отмеченного им явления, рост расходов не остановился.

Расходы на 1913 г. увеличились против расходов, исчисленных по росписи 1912 г., на колоссальную цифру 331.000.000 рублей сразу. Однако, на этом тревожном и небывалом до сих пор громадном увеличении в один год государственных расходов рост бюджета не остановился. Проект росписи государственных расходов на 1913 год предусматривал цифру в 3.233.000.000 р. Проект на 1914 г. — цифру обыкновенных и чрезвычайных расходов в 3.558.200.000 — увеличение по сравнению с 1913 г. на громадную сумму в 325,2 милл. руб. Итого за 1913 и 1914 г.г. прирост по сравнению с 1912 г. составит 583.000.000 рублей...

Итак, прирост расходов за пятилетие 1908 — 1913 г.г. определен был министром финансов в 577.000.000 р., и эту цифру В. Н. Коковцов справедливо нашел «колоссальной». Что же сказал бы министр о цифре 583.000.000 р., составляющей прирост расходов за двухлетие 1913 — 1914 г.г. накануне великой войны?

Чем объяснить колоссальный рост русского бюджета? Куда пошли те 577.000.000 р., которые представляют собой разницу между обыкно-

военным бюджетом на 1908 г. и таковым же на 1913 г.? В. Н. Коковцов поставил этот вопрос и ответил следующим образом:

«... На первом плане, конечно, стоят, как это отмечено председателем бюджетной комиссии, расходы на государственную оборону, расходы на потребности ведомства военного и ведомства морского. Если вы возьмете общую совокупность расходов 1908 г. по государственной обороне и исчисление только по обыкновенному разделу тех же потребностей, то вы увидите, что на 1908 г. морское и военное ведомства потребовали 556.000.000 р., на 1913 г. они берут уже из общей совокупности рессурсов казны 778.000.000 р., т.-е. возрастание на 222.000.000 р.».

С каждым годом военные расходы играют все бо́льшую роль в бюджете. Две цифры показывают, с какой быстротой не только абсолютно, но и пропорционально растут наши военные расходы. Абсолютная сумма расходов на оборону (по военному и морскому министерствам) равнялась в 1913 г. 869,5 милл. руб., или 23,6% всего бюджета, а в 1914 г. — 974,5 милл. руб., или 27,4%. Военно-морские расходы выросли за один год абсолютно на 105 милл. руб., а относительно на 2,8%.

В своей речи о морской смете на 1914 г. докладчик Бирилев откровенно указал, что рост ассигнований по морскому бюджету принимает у нас «совершенно тревожный характер». «Еще несколько лет тому назад, — заявил Бирилев, — мы стояли на 7 месте по затратам на флот; в прошлом году (1913) мы стояли уже на 3 месте, а в нынешнем году перебрались уже на 2 место, и только одна Англия тратит на свой флот больше, чем мы. А наши траты в настоящую пору вместе с сверхсметными ассигнованиями доходят до миллиарда франков».

Само собой разумеется, что было слишком наивно заключать о блестящем состоянии нашей государственной обороны в зависимости от колоссальных размеров нашего военного бюджета. Русская армия и русский флот обходились стране сравнительно дорого. После русско-японской войны в Государственной Думе и Государственном Совете не раз при рассмотрении росписей обращалось внимание на то, что победоносный японский флот, так отличившийся в течение всей войны и особенно в битве при Цусиме, обходится в 29 милл. иен по обыкновенному расходу, тогда как русский, даже и после его уничтожения, требовал 104 милл. рублей расходов, а в 1905 г. он стоил даже 117 милл. р. Одна из причин крайней дороговизны царской армии и флота заключалась в порядках при царском режиме, другая — в высоком вознаграждении высших военных чинов. Японский главнокомандующий во время войны получал 6.000 иен, русский — свыше 100.000 рублей...

Если мы примем за 100 сумму расходов различных государств на их военные флоты в 1907 — 1908 г.г. и сравним с расходами на флот

в 1913 — 1914 г.г., мы получим нижеследующую таблицу, свидетельствующую о поразительно быстром росте русского морского бюджета:

Страны:	1907—1908 г.г.	1913—1914 г.г.
Япония	100	133,7
Англия	100	150,0
Германия	100	161,9
Франция	100	167,0
Италия	100	179,0
Австро-Венгрия	100	243,0
Россия	100	273,9

Царская Россия шла впереди всех стран по быстроте развития морских расходов.

Если мы к непосредственным военно-морским расходам России прибавим расходы по стратегическому железнодорожному строительству, далее, платежи по государственным займам, шедшим также главным образом на военные цели, мы увидим, что основной причиной возрастания государственного бюджета являлось, как и во всей остальной Европе, непрерывное развитие милитаризма и маринизма. Платежи по государственным займам выросли в 1914 г. до громадной суммы в 402,2 милл. руб., тогда как в 1906 г. эти платежи составляли 357 милл. руб., в 1905 г. — 307 милл. руб., в 1903 — 290 милл. руб.

Рост русского государственного долга был страшно велик: к концу 1903 г. государство имело долгу 6.652 милл. руб., к концу 1904 — 7.082 милл. руб., к концу 1905 г.—7.841 милл. руб., к концу 1906 г.— 8.625 милл. руб., к концу 1907 г. — 8.725 милл. руб. К началу 1914 г. задолженность России — 9 миллиардов руб. В отношении государственных займов Россия занимала 2 место. За период с 1903 по 1912 г. больше России заняла только одна Германия — 12 миллиардов фр., а Россия заняла 9 миллиардов фр. Принимая во внимание экономическую отсталость России, нельзя не признать, что эта задолженность должна была явиться страшным бременем для царской России.

4. Пляска миллиардов и всеобщая милитаризация бюджетов.

Финансовое положение европейских государств накануне войны становится настолько критическим, что даже буржуазные газеты начинают бить тревогу. Так, финансовый обозреватель известной французской газеты «Журналь», самой распространенной газеты во Франции, пишет в конце марта 1914 г. следующие строки о росте бюджетов:

«Кажется, что всю Европу обуял дух помешательства. Это чистое безумие, это бег к пропасти».

В подтверждение своих слов финансовый обозреватель умеренной газеты г. Монторон, специалист по вопросу, приводит данные, которые мы группируем для наглядности в следующую таблицу:

Государственные бюджеты важнейших европейских государств в миллионах франков:

Страны:	1907 г.	1913—1914 г.г.
Германия	5.905 [1])	7.125 [2])
Франция	3.833	5.473 [3])
Австро-Венгрия	3.000 [4])	4.500
Великобритания	5.000	6.050
Италия	1.945	3.320
Россия	4.950	7.150
Итого	24.633	33.618

«Таким образом, — заключает Монторон, — бюджет первоклассных европейских государств увеличивается за 6 лет на девять миллиардов франков». «Подобный рост бюджета, — продолжает редактор газеты, поддерживающий политику милитаризма, империализма, новых и новых военных расходов, — совершенно не соответствует параллельному росту платежеспособных сил населения. Отныне равновесие между коэффициентом обогащения народов и их бюджетным коэффициентом нарушено».

От первоклассных государств не отстают второстепенные: Испания, Бельгия, Румыния, Швеция, Сербия, Греция, Болгария, Турция вовлекаются в этот водоворот и уносятся бурным потоком и неотразимой силой милитаризма в пучину полного истощения финансовых сил населения и приближающегося краха; Бельгия подготовляет заем в 800 миллионов франков и выпускает на биржу первую часть этого займа, Испания ищет 500 миллионов франков, Сербия, только что покрывшая заем в 250 миллионов франков, ищет снова 450 милл. фр., Греция вотирует заем в 500 милл. франков, за которым последуют другие займы, Болгария нуждается в 600 милл. франков, и, конечно, Франция приходит ей на помощь, размещая этот заем на французской бирже и усиливая будущего врага Тройственного Согласия. Турция нуждается в 800 миллионов франков и опять-таки обращается за содействием к парижской бирже. Швеция выпускает заем в 100 милл. франков, который она также реализует на французской бирже. Но эта пляска миллионов захватывает в свой роковой круг и внеевропейские страны. Бразилия переживает тяжелый кризис и выпускает заем в 250 милл. франков. Аргентина делает то же самое. Чили и Перу ищут денег повсюду. Срединная Империя также не знает, куда броситься, чтобы покрыть свой дефицит. Английские

[1]) Государственные железнодорожные расходы и другие расходы промышленного характера не приняты г. Монтороном в счет.

[2]) Общеимперский бюджет вместе с бюджетом отдельных государств — 11.125 миллионов.

[3]) Смета 1500 миллионов франков на военно-сухопутную и морскую программу не принята в счет.

[4]) Железнодорожные расходы не приняты в счет.

колонии Канада, Австралия и т. д. — выпускают на лондонской бирже заем в 1 миллиард франков.

Во всех этих странах замечается одно и то же явление: рост военно-морских расходов не только в абсолютном, но и в процентном отношении, иначе говоря, интенсивная милитаризация бюджета. Во всех больших и малых государствах Европы, Азии, Америки, в штатах Австралии военных расходов с каждым годом поглощают все бо́льшую и бо́льшую долю государственных доходов.

Все государства переживают страшнейший финансовый кризис и стараются переложить ответственность за безумные вооружения на будущие поколения. Италия перед лицом дефицита в миллиард выпускает заем. Франция движется по тому же пути. Царская Россия заключает заем в 5 миллиардов франков, который она рассчитывает реализовать в пять лет. Великобритания увеличивает свой прогрессивно-подоходный налог. Германия, не удовлетворяясь громадными суммами, получаемыми ею от прогрессивно-подоходного налога, налагает на немецких граждан среди полного мира настоящую военную контрибуцию.

Это — бесконечный винт, который втягивает одно государство за другим в пропасть разорения.

Вот таблица военных расходов за 1909 — 1910 г.г. 8 держав, как они ложатся на душу населения [1]) (в фунтах стерлингов):

Державы.	Расход на армию и флот.	Расход на душу населения.
Великобритания	63.043.000	1 ф. 7 шил. 9 п.
Германия	61.249.000	1 » 19 » 2 »
Австро-Венгрия	36.290.000	1 » 4 » 1 »
Франция	46.972.000	1 » 3 » 11 »
Италия	21.374.000	1 » 7 » 9 »
Япония	16.395.000	1 » 6 » 2 »
Россия	56.560.000	1 » 7 » 1 »
С. Штаты	55.322.000	1 » 12 » 5 »
	357.205.000	В средн. 1 ф. 8 шил. 6½ п.

Кто виноват в этом безумном росте вооружений, во все усиливающейся милитаризации бюджетов? Естественно, что правительство и господствующие классы каждой страны стараются свалить ответственность за новые военные расходы, за новые налоги, ложащиеся тяжким бременем на население, на соседнюю страну, однако, до войны многим людям даже умеренного образа мыслей было очевидно, что невозможно сваливать ответственность за всеобщие вооружения на одну какую-либо страну, хотя бы и самую милитаристическую. Вот что писала «Речь» в передовице от 6 марта 1914 г.:

---

[1]) Смотри Б. Л. Елиашев, «Англо-германские отношения». Париж, 1915. Стр. 101.

«Не так давно мы обращали внимание читателей на то, что германская тревога по поводу русских вооружений вызвана одним весьма реальным обстоятельством; в Германии, как и в Австро-Венгрии, факт новых русских вооружений был, конечно, давно известен. Мы приводили заявление «Франкфуртер Цейтунг», что именно этот факт уже и лег в основу тех военных планов, которые были осуществлены нашими соседями в течение последних двух лет. Для усиления своих вооружений обе страны были принуждены прибегнуть к чрезвычайным усилиям и к исключительному напряжению платежных сил своего населения. Германия собрала миллиард марок специальной военной контрибуции с жителей империи. Австрия в последний момент принуждена прибегнуть к роспуску рейхсрата и к введению в порядке статьи 14 (нашей 87) тех военных кредитов, которые она отчаивается получить от народных представителей добровольно».

В передовице от 14 июня, говоря о новых кредитах на усиление вооружений, вотированных Государственной Думой на заседании 13 июня, «Речь» пишет следующее:

«Русская программа вооружений ведь не единственная. Она составляет только часть того общего движения, которым в течение трех—пяти последних лет охвачена вся Европа. В 1910 — 1914 г.г. Европа пережила такой же период паники, как те, которые в XIX столетии не раз вели к крупным скачкам в процессе вооружений. Трудно сказать, от кого тут исходило начало. Быть может, всего естественнее искать общего толчка извне и находить его в тех изменениях европейского равновесия, которые вызваны крупными переменами на Балканах. Ослабление Турции и усиление христианских государств, связанное с этим ослабление австрийского влияния, трения в среде членов тройственного союза, невозможность для Германии всегда стоять в готовой позе «блестяще забронированного» союзника, потребность позаботиться и о себе и вытекающее отсюда усиление сооружений — вот, может быть, наиболее естественное начало. Но раз данный с Балкан толчок быстро передается дальше. Паника в Германии соответствует такой же панике во Франции и той вспышке национализма, которая привела к замене военного закона 1905 г. о двухлетней службе законом 1913 г. Потом таинственные переговоры Франции с Россией, хронология которых отмечается пребыванием в России Пуанкарэ и Делькассе и пребыванием в министерствах Бриан и Барту, услужливое посредничество Рейнаков, — и, в результате, сколок с французского закона 1913 г. — наш собственный закон 1914 года, который голосовался вчера. Очередь теперь за Германией...»

«...Самые основы европейского равновесия колеблются от непосильной возлагаемой на народы тяжести — такова мораль всех этих насильственных голосований в Париже и в Петербурге, вынуждаемых тайными соглашениями и скрытыми ультиматумами».

Итак, «Речь» отказывается накануне войны искать, кто является главным виновником всеобщих вооружений, и считает невозможным определить, от кого тут исходит начало.

Как бы то ни было, верным остается то, что от этих колоссальных и постоянно растущих военных расходов колебались самые основы европейского равновесия, и в каждой отдельной стране положение становилось невыносимым.

5. Военные расходы и государственная задолженность Германии.

В высшей степени характерно, что даже в такой стране, как Германия, промышленные силы которой развивались с поразительной быстротой, интенсивный расцвет индустрии и торговли которой вызывал всеобщее изумление, дефицитность бюджета и государственный долг росли, не останавливаясь ни на минуту. Значит, даже и в этой стране, которая в промышленном отношении опережала по интенсивности развития все передовые державы, процесс роста военных расходов и государственных долгов шел быстрее лихорадочного темпа развития ее производительных сил. И целый ряд немецких писателей с изумлением ставили вопрос: «Как это империя, которая в течение 44 лет беспрерывно развивает свои экономические силы и господствует на международных рынках, не может найти средств, чтобы покрыть свои расходы без займов?»

Вот таблица, указывающая на рост государственного долга Германии за десятилетие 1902 — 1911 г.г. [1]):

В миллионах марок:

Годы:	Общеимперский долг.	Долг союзных государств.	Итого.
1902	2.813,5	11.292,5	14.106,0
1903	2.813,5	11.776,3	14.589,8
1904	3,103,5	11.902,9	15.064,4
1905	3.203,5	12.244,7	15.448,2
1906	3,543,5	12.494,6	16.038,1
1907	3.803,5	12.960,4	16.763,9
1908	4.003,5	13.343,3	17.346,8
1909	4.253,5	14.280,5	18.534,0
1910	4.896,5	15.425,3	20.321,9
1911	4.823,5	15.570,4	20.394,1

Итак, за десятилетие 1902 — 1911 г.г. государственный долг Германии возрастает с 14.106,0 на 20.394,1 милл. марок, т.-е. на 6.188 миллионов марок (более чем на шесть миллиардов).

---

[1]) См. «Finanzielle Kriegsbereitschaft und Kriegsführung» von Dr. Riesser. ena, 1913. См. стр. 25. (Д-р Риссер, Финансовая готовность к войне иI ведение войны).

По вычислениям Риссера [1]) государственные долги первоклассных европейских держав в 1911 г. выражаются в следующих цифрах:

В марках:

Франция	26.046.319.800
Германия	20.600.596.900
Россия	19.313.947.700
Австро-Венгрия	15.713.098 690
Великобритания	13.447.424.000
Италия	11.590.073.600

На голову населения приходится государственного долга в марках [2]):

Страны:	На единицу населения.	Численность населения.
Франция	657,70	39,6 миллионов душ.
Италия	334,28	34,7 » »
Германия	314,85	65,4 » »
Австро-Венгрия	305,76	51,1 » »
Великобритания	296,45	56,4 » »
Россия	117,83	163,9 » »

Итак, на каждую душу населения в Германии приходится на 20 марок государственного долга больше, чем на единицу населения в Великобритании, в $2^1/_2$ раза больше, чем в России, но зато почти в 2 раза меньше, чем во Франции. Однако, принимая во внимание, что каждый француз имеет больший ежегодный доход, чем немец, и платит в общем все же меньше налогов, чем последний, приходится признать, что и государственный долг Германии является в высшей степени обременительным для населения.

Государственный долг Германии, как и других государств, растет, прежде всего, в зависимости от военных расходов. Вот таблица этих расходов за 1881 — 1910 г.г., которую дает Отто Франц и которую приводит тот же Риссер в своей книге (см. Риссер, цит. сочин., стр. 41). Военные и морские расходы, включая и пенсии, главных европейских государств выражаются в следующих цифрах по десятилетиям:

В миллиардах франков.

	1881—1890.	1890—1900.	1900—1910.	Итого.
Германия	5,6	7,9	11,7	25,2
Великобритания	5,9	8,3	16,7	30,9
Франция	8,3	8,5	10,1	26,9
Австро-Венгрия	2,7	3,3	4,5	10,5
Италия	3,3	3,2	3,8	10,3
Россия	5,5	8,0	16,8	30,3

Итак, военно-морские расходы Германии, равнявшиеся за десятилетие 1881 — 1890 г.г. $5^1/_2$ миллиардам, более чем удваиваются за десятилетие 1900 — 1910 г.г.

---

[1]) См. Риссер, там же.
[2]) Там же, стр. 37.

Но все эти данные не дают еще достаточного представления о росте милитаризма в Германии накануне войны, ибо, как справедливо отметил французский премьер министр Барту в речи 25 июля 1913 г., с невиданной быстротой численность германской армии, а стало быть и военные расходы, начинают возрастать именно с 1910 г.

Во время прений в германском рейхстаге по поводу военного бюджета на 1912 — 1913 г. один из ораторов оппозиции указал, что проектируемые расходы Германии — 1.335 миллионов марок (875 милл. на армию и 460 милл. на флот), достигающие вместе с пенсиями ветеранам и процентами по займам, заключенным для военных целей, до 1.558 милл. марок, составят 58% валовых расходов Германии и более 80% чистых расходов. Правда, государственный секретарь Фермут оспаривал правильность этого вывода. Он доказывал, что для установления истинной пропорции военных расходов в германском бюджете необходимо прибавить к имперским расходам расходы всех отдельных государств Германии. Общеимперский бюджет вместе с расходами отдельных государств составит сумму в 8,6 миллиардов марок или только в 5,2 миллиарда марок, если не считать статей расходов, которые сами себя оплачивают (почта и телеграф, железные дороги). При таком счете военный бюджет составит до 18,2% валовых расходов и 28,8% чистых расходов. Эта аргументация министра может быть серьезно оспариваема; как бы то ни было, если принять во внимание, что для покрытия своих расходов правительство вынуждено было регулярно прибегать к займам и за период с 1900 г. по 1912 г. заключило займов больше чем на 3 миллиарда марок, из каковой суммы по меньшей мере 75% пошло именно на покрытие военных расходов и колониальных экспедиций, мы придем к заключению, что уже в ту пору, то-есть накануне военного «Sturm und Drang Periode» (периода бури и натиска), накануне эпохи 1912 — 1914 г.г., когда были проведены экстраординарные военные законопроекты и ассигнованы невиданные до той поры суммы на вооружение и усиление армии, финансовое положение государства становилось критическим и военный бюджет крайне тягостным для страны.

Вот что писал накануне войны немецкий писатель Герман Фернау [1]) в своей книге «Французская демократия» о финансовом положении Германии и ее задолженности в связи с ростом милитаризма:

«... Один экономист подсчитал, что каждый француз имеет ежегодный доход в 620 фр., а каждый немец в 480 фр., при чем первому приходится платить 142 фр., а второму 165 фр. налогов». Причина этого (только за последние несколько лет) на 29% более высокого обложения

---

[1]) Автор сенсационной брошюры: «Именно потому, что я немец», опубликованной в 1916 г. в Цюрихе и направленной против правительств центральных держав, как главных виновников нынешней войны. Брошюра Фернау написана по поводу и в защиту известной книги: «J'accuse» («Я обвиняю») представляющей обвинительный акт против германского и австрийского правительств.

немецкого гражданина заключается в росте расходов Германии на вооруженный мир... Только за короткий период в 16 лет расходы Германии на сухопутную армию возросли на 98%, а на военный флот на 430%; за последние четыре десятилетия издержки на вооружение в Германии повысились, круглым счетом, на 350%, и в то время как наше правительство без колебаний приносило эти баснословные суммы в жертву на алтарь вооруженного мира, в то время как благодаря этому немецкий государственный долг в 4304 миллионов в 1875 г. возрос до 17 миллиардов в 1900 году и до 25½ миллиардов в 1910 г., а германская трехпроцентная государственная рента, собственно говоря, ни разу не поднималась выше постыдного для кредитоспособного государства уровня в 85 марок, общий оборот германской торговли поднялся с 7 приблизительно миллиардов в 1880 г. до 20 приблизительно миллиардов в 1910 г. В истории нет, пожалуй, другого такого примера, чтобы громадная государственная задолженность и непрерывно растущее налоговое бремя так тесно шли рука об руку с таким блестящим развитием торговли и промышленности, как в новейшей Германии. Наше некоммерческое правительство со своей внутренней финансовой и общей внешней политикой все время мешало этому мощному и скачкообразному расцвету немецкой индустриальной и торговой деятельности. Поэтому немецкая индустрия, вдобавок слишком высоко обложенная в интересах сельского хозяйства, а с другой стороны, принужденная ежегодно давать пропитание приросту населения в числе около 800 тысяч душ, давно уже не находит в собственной стране достаточных капиталов. Таким образом, она не только принуждена сейчас же снова вкладывать свои доходы и свободные капиталы в расширение предприятий и расходовать их на все более высокие налоги, но и вынуждена обращаться к банковому кредиту и к иностранному, а особенно к дешевому французскому капиталу для своего дальнейшего развития. А она должна непрерывно развиваться и расширяться, так как всякий застой был бы для нее ужаснейшей катастрофой» [1]).

6. Политика вооруженного мира и предупредительная война.

Естественно, что в результате колоссального роста бюджетов и налогового бремени создается положение, которое является неизбежным следствием усиленного милитаризма. Так как нельзя же усиливать вооружение бесконечно, не рискуя окончательным разорением населения и банкротством государства, наступает момент, когда представляется

---

[1]) Герман Фернау, Французская демократия. Социально-политические этюды культурной жизни Франции. Цитир. по переводу Ю. Стеклова. («Современный Мир» 1915, № 5).

на выбор одно из двух: *или приостановить вооружения* — для чего необходим общий сговор, — или, — так как этот сговор невозможен в виду того, что в усилении вооружений кровно заинтересована в каждой капиталистической стране, и прежде всего в Германии с ее Круппами и Тиссенами, военная индустрия и стоящая за ее спиной металлургическая промышленность, далее, в виду того, что весь мир уже разделен и для его *передела* необходимо заставить какую-нибудь сильную державу отдать часть ее владений, — *разрядить напряженную атмосферу действительной войной и заставить побежденные страны ограничить свои вооружения*, подчинив последние полному контролю победителя.

Крупп и Виккерс, конкурируя друг с другом, все же входят в один и тот же международный синдикат военных заводчиков, английская и германская военная индустрия образуют совместно один трест, поделивший всю Европу на эксплоатационные участки, более того, некоторые немецкие металлургисты в своем «патриотизме» доходят до того, что содействуют усилению военной мощи Франции, открывая в этой стране промышленные предприятия вроде «От Фурно де Кан», основанных Тиссеном,—все эти «патриоты своего отечества» члены одного и того же международного интернационала смерти и разрушения совместными усилиями толкают народы к новым и новым вооружениям и связанным с последними непосильным расходам, и в результате положение настолько запутывается, что сами пушечные короли начинают помышлять о том, как бы разрубить созданный ими же Гордиев узел традиционным способом, именно — ударом меча: страшной силой выкованных на их фабриках орудий разрешить все противоречия, созданные естественной эволюцией капитализма и неизбежно сопутствующего ему милитаризма.

Акционеры заводов Круппа, Тиссена, Эргарда, «Дейче Ваффен унд Муниционн-Фабрик» и прочих динамитных, ружейных, пороховых, орудийных заводов и стоящих за их спиной могущественных банков желают беспрерывно увеличивать свои доходы и умножать свои дивиденды, но они боятся положения, при котором отечественным фабрикам и заводам, куда они вложили свои капиталы, грозит опасность быть взорванными на воздух и уничтоженными победоносным врагом, ворвавшимся в их страну. Две души живут в их груди. Круппы, Тиссены, Эргарды желают снабжать многомиллионную Россию своими пушками, своими пулеметами, своими броненосцами, но они же боятся вызывать на свет божий духов, которых им не удастся заклясть. И они решают начать в удобный момент предупредительную войну, «einen Präventivkrieg», чтобы разбить врага и подчинить последнего своей воле и своему закону.

Не только немецкая националистическая пресса, но и либеральные органы вроде «Берлинер Тагеблат», берлинской прогрессивной газеты, органа свободомыслящих, следуют примеру шовинистов и при-

зывают к нападению на Россию, напевая ежеминутно один и тот же мотив: «Лучше страшный конец, нежели страх без конца».

Правда, Бисмарк сравнивал предупредительную войну с самоубийством из страха смерти. Однако «Берлинер Тагеблат» находит, что «мыслимы случаи, когда государство, прижатое к стене более сильным, вооруженным до зубов соседом, лишенное света и воздуха, из долга самосохранения не должно предоставить врагу выбор момента, который покажется последнему наиболее благоприятным для нанесения решительного удара» [1]).

Вот единственное средство покончить с постоянно растущим страхом войны. Если воевать неизбежно, то давайте воевать сегодня, не отлагая войны на завтра. Лучше страшный конец, нежели страх без конца.

Ужас с точки зрения немецких милитаристов заключался в том, что всякое новое военное мероприятие, принимавшееся в Германии, переходило бесконечным винтом из одной страны в другую, вызывая повсюду соответствующий рост милитаризма и маринизма. И если долгое время пропорция военных сил после полного оборота винта и затрат со стороны всех соседних государств новых миллиардов франков на новые дредноты и новые корпуса оставалась той же, что и прежде, все же с каждым днем становилось очевиднее, что скоро Германии будет не под силу удержать эту пропорцию, до сих пор благоприятную для нее, и что к 1917 г. военные силы Франции и России увеличатся в степени, опасной для сохранения европейского равновесия. Германия, напрягавшая все свои силы и желавшая во что бы то ни стало сохранить свое военное превосходство над соседними державами, истощалась в этой борьбе одновременно и с величайшей морской державой Англией, и с сильнейшими сухопутными державами, — Францией и Россией. Она не могла положить конца этой безумной скачке, не вызвав катастрофы. И она вызвала эту катастрофу, искусно подталкиваемая к роковому шагу хитрой английской дипломатией, которая ничего не имела против войны в 1914—1915 г.г.,—войны с Германией в самых благоприятных условиях для Великобритании.

Ответственность английского правительства наряду с германским в мировой войне настолько очевидна, что эту ответственность признают и многие английские писатели умеренного образа мыслей. Так известный сторонник и пропагандист введения всеобщей воинской повинности в Англии Фредерик Скотт Оливер, автор нашумевшей и удостоившейся самых лестных отзывов в консервативной английской прессе книги «Ordeal by battle» («Испытание битвой» [2]), доказывает на основании изучения им официальных документов, что если бы сэр Эдуард Грей исполнил желание своего коллеги Сазонова, настойчиво просившего английского министра иностранных дел заявить Германии, что в случае

---

[1]) Цитирую по газете «Речь» от 26 февр. 1914 г.
[2]) «Ordeal by battle», by Frederick Scott Oliver. London 1915.

войны Англия станет на сторону России и Франции, война, по крайней мере тогда, летом 1914 г., не вспыхнула бы или, во всяком случае, была бы отсрочена. Грей отказался последовать совету и просьбам Сазонова, подобно тому как английский король отказался внять настояниям Пуанкаре, также просившего своего «дорогого и великого друга» в письме от 31 июля 1914 г. заявить о решении Англии стать на сторону России и Франции и справедливо указавшего, что «от языка и поведения английского правительства зависят теперь последние возможности мирного разрешения конфликта» («c'est je crois du langage et de la conduite du gouvernement anglais que dependent désormais les dernières possibilités de solution pacifique»). По внушению своего министра иностранных дел, Георг дал уклончивый ответ [1]). Таким образом, вопрос, поставленный Оливером, кто из двух министров был прав, — Сазонов или Грей, — можно на основании этих писем расширить: кто был прав, Сазонов и Пуанкаре или Грей и английский король? И ответ, данный Оливером в его книге: «в главном пункте сэр Эдуард Грей был неправ, а г. Сазонов был прав», нужно распространить на все английское правительство в его большинстве, на английскую дипломатию.

Самонадеянные немецкие юнкеры, уверенные в том, что Англия не вмешается в конфликт, что Бельгия не будет всерьез сопротивляться германскому нашествию, что Франция будет разбита в три недели, решили не откладывать дела в долгий ящик и начали войну с соседними державами, не дожидаясь рокового 1917 г., и попали таким образом в ловушку, подставленную им их достойными собратьями, английскими империалистами. Ибо теперь очевидно, что если бы даже факт намерения Франции и России объявить Германии войну в 1917 г. мог быть неоспоримо доказан, все же несомненно, что при нападении России и Франции на Германию, при уважении последней к нейтралитету Бельгии, английским империалистам, при всем их желании, не удалось бы вовлечь Великобританию в войну, а тем более собрать под английские знамена 5.000.000 волонтеров.

Нейтралитет Бельгии и Англии, — вот что Германия, может быть, имела бы на своей стороне в случае конфликта с Россией и Францией в мистическом 1917 г. И немецким империалистам необходимо было относиться с особой осторожностью к вопросу о Бельгии, так как существовали основания предполагать, что среди представителей французского генерального штаба имелось большинство, считавшее выгодным для Франции, в случае войны с Германией, вторжение последней в Бельгию. Уже более 30 лет тому назад Эмиль Баннинг, высший чиновник бельгийского министерства иностранных дел, в тайном мемуаре, написанном впервые в марте 1881 г., затем исправленном и дополненном в 1886 г., говорит следующее:

---

[1]) Эти письма, которыми Пуанкаре и король Георг обменялись 31 июля—1 августа 1914 г., были опубликованы во французской прессе 21 февраля 1915 г.

«Оборонительная система Франции содержит многочисленные указания, дающие возможность заключить, что в этой стране ожидают и желают немецкого нападения через Бельгию. Французы, следуя немедленно за немцами в Бельгию [1]), освобождают свою территорию от неприятельского нашествия, вынуждают военное содействие нашей армии, обеспечивают себе поддержку Англии, что устраняет для них необходимость охранять побережье и колонии Франции. Относительная слабость оборонительных укреплений долины Уазы походит во многих отношениях на западню» [2]).

Тщетно Жорес в своих парламентских речах, борясь против закона о трехлетней службе, настаивал на необходимости укрепить северную границу Франции [3]) и призывал поспешить с сооружением здесь новых крепостей, которые отняли бы у немцев надежду на возможность легкого прорыва через северную французскую границу и этим усилили бы шансы мира. Французское правительство, держась раз принятой безмолвно линии в вопросе о северных укреплениях, оставалось глухо к подобным воззваниям и оставляло нетронутой ловушку, в которую должен был попасть германский генеральный штаб.

И немецкие империалисты, шовинисты, милитаристы, загипнотизировавшие себя самих, и все следовавшее за ними стадо покорных немецких бюргеров, смотревших на всех этих Бернгарди, Мольтке, Фалькенгеймов, фон-Клюков, а тем более на Вильгельма и кронпринца, как на полубогов, призванных кровью и железом воплотить в жизнь идею германской мировой гегемонии, загипнотизировавшие себя воспоминаниями о победах 1866 и 1871 г.г. и слепой верой в неизбежность новых, еще более грандиозных побед, бросились в поставленную им ловушку, уверенные, что «непобедимая» германская армия снесет на своем пути все препятствия и в три недели или, самое большее, в месяц овладеет современным Вавилоном — Парижем, чтобы затем, заставив Францию пасть на колени, броситься со всеми силами на Россию и разгромить последнюю в два-три месяца.

И если германское правительство решилось на эту безумную авантюру, грозившую поставить на карту всю судьбу империи, ее будущность в течение многих поколений, оно рискнуло на этот акт не в малой

---

[1]) Мы знаем, что эта попытка последовать за немцами в Бельгию и решить здесь участь кампании была сделана французскими войсками при Шарлеруа.

[2]) См. стр. 107 Faucanet de Mondion: La Belgique livrée à l'Allemagne, Paris, 1891, 2-е издание (Фокапэ де Мондион. Бельгия, преданная Германии), где опубликован целиком этот мемуар (стр. 95—150). Существуют серьезнейшие основания предполагать, что мемуар Баннинга был инспирирован покойным королем бельгийским Леопольдом. Обширнейшие извлечения из мемуара Баннинга были в свое время опубликованы в бельгийской прессе.

[3]) См. Jean Jaurès, Contre les trois ans, page 23. (Жан Жорес, Против трех лет, стр. 23).

мере благодаря тому безвыходному положению, в которое милитаризация бюджета, лихорадочный рост военных расходов, финансовая политика империи поставили Германское государство, не имевшее уже возможности остановиться на полпути в безумной борьбе за сохранение и достижение военного превосходства над всеми соседними державами как сухопутными, так и морскими.

Итак, не говоря уже о других причинах мировой войны, нельзя не видеть, что безумные вооружения всех европейских государств в течение последнего десятилетия накануне мировой войны, все усиливавшаяся милитаризация бюджетов и надвигавшийся страшнейший финансовый кризис, угрожавший даже самым богатым и передовым в экономическом отношении государствам, этот «дух помешательства», обуявший всю Европу и пугавший даже таких далеко не робких публицистов, как финансовый обозреватель архи-буржуазной газеты «Журналь», — одним словом, вся эта политика «вооруженного мира» являлась могущественным фактором, фатально толкавшим всю Европу и прежде всего центральные державы к той ужасной пропасти, которая неожиданно разверзлась перед народами в июле 1914 г. и поглотила, наряду с десятками непроизводительно затраченных миллиардов рублей, миллионы преждевременно погибших жизней во всех странах.

7. Несколько слов об алармистской кампании накануне войны. Снова о виновниках войны.

Многие социалисты, как, например, даже Жорес, написавший книгу «L'armée nouvelle» («Новая армия»), до последней минуты не желали допустить мысли о возможности страшной катастрофы, казавшейся многим неизбежной, и гнали от себя призрак надвигавшейся бойни, но тем не менее даже наиболее непреклонным оптимистам была очевидна опасность, связанная с непрерывными вооружениями. Так в статье, напечатанной накануне войны в майской книжке «Нашей Зари», автор, принадлежавший к числу подобных оптимистов, писал следующее: «Несмотря на фактическое сближение французских и немецких капиталистов, несмотря на непрерывный рост товарооборота между обеими странами, поднявшегося с 1.588.700.000 франков в 1910 г. до 1.943.700.000 франков, т.-е. почти до 2-х миллиардов франков в 1913 г., отношения между Францией и Германией крайне натянуты в данный момент и грозят новыми трениями и конфликтами. Еще никогда среди французских «обывателей» не было так сильно убеждение

в том, что Германия готовится к нападению на Францию, отторжению от нее новых провинций, как ныне. Об этом рассказывают многие социалистические депутаты, вернувшиеся после выборной кампании. Этим объясняются поразительные победы реакционеров в некоторых округах. В Германии, наоборот, среди масс населения, на которые не распространяется влияние социал-демократической прессы, крепнет уверенность, что Франция мечтает о реванше и провоцирует Россию к конфликту с соседней страной. Европейские правительства боятся войны, но разве тот, кто играет с огнем, не рискует вызвать пожар, кто сеет ветер, не рискует увидеть бурю? Кампания желтой прессы начинает приносить обильные плоды во Франции, Германии, Австрии и России».

«Социалистическая печать должна всеми силами бороться против той паники, которую старается вызвать в населении желтая пресса, рисуя призрак неизбежного нападения на «отечество» со стороны того или другого соседа. Страх населения перед неприятельским нашествием становится более, чем когда-либо, выгодной статьей, которая приносит громаднейшие барыши металлургистам и пушечным королям. Милитаризм с такой быстротой и очевидностью превращается из орудия осуществления определенных задач господствующих классов в самоцель, что это начинает вызывать тревогу в некоторых кругах буржуазии. «Нужно, чтобы крупные военные фирмы были слугами нации, а не ее господами», восклицает морской министр Черчиль в своей речи 12 октября 1913 г. в Манчестере.

«Легко высказывать подобные пожелания, но как буржуазии выйти из того тупика, в который загнало ее безостановочное развитие классовых антагонизмов, как устранить новое неразрешимое противоречие, созданное железным ходом всей экономической и социальной эволюции последних двух десятилетий? Интернационализация капиталов, образование международных трестов и консорциумов, гигантское развитие товарооборота, «эндосмос» во всех проявлениях международной экономической жизни — все это толкает финансовых и промышленных королей передовых стран к возможно более тесному сближению между собой, к полюбовным соглашениям и «пацифистской» политике.

«Для всякого внимательного наблюдателя, не желающего ограничиваться общими, банальными, потерявшими уже всякую ценность фразами о «непримиримой» борьбе за рынки между французскими, немецкими, английскими и другими капиталистами, очевидно, что эта «непримиримая» борьба все больше и больше отходит в область предания. В значительном большинстве случаев, в «международной» борьбе за те или другие рынки, за те или другие железнодорожные, нефтяные и т. п. концессии, речь идет уже не о борьбе между стоящими друг против друга отдельными, независимыми фирмами, между конкурентами, не имеющими ничего общего между собой и желающими уничтожить друг друга. Нет, дело идет лишь о борьбе между компаньонами, участниками одного и того же международного промышленного или финансового предприятия, лишь

о числе акций или облигаций, приходящихся на долю той или другой национальной группы.

«Однако, задачи внутренней политики, обострение классовой борьбы, страх перед пролетариатом и пробуждающимися массами, желание найти громоотвод против молний народного гнева, заставляет даже тех капиталистов, которые не заинтересованы в дивидендах пушечных, оружейных и судостроительных заводов и как огня боятся войны с соседней страной, поддерживать политику шовинизма, новых и новых вооружений и провокаций по отношению к другим государствам.

«И, в конце концов, подобно волшебнику, не сумевшему справиться с вызванными им же силами, буржуазия в лице пацифистов в ужасе и страхе начинает снова метаться перед неожиданно показавшимся призраком европейской войны, этой прелюдии социальных катастроф и крушения современного порядка».

Для выяснения всех условий, сделавших возможной катастрофу 1914 — 1918 г.г., было бы любопытно изучить ту психологическую обстановку, которая так облегчила задачу господствующих классов и дала последним возможность одурманить народные массы и даже пролетариат угаром шовинизма и ненависти к «внешнему врагу», о братании с которым сознательные рабочие, казалось, мечтали за несколько дней до войны.

Мировая война отшодь не явилась трагической неожиданностью, роковым сюрпризом для современников. В этом одно из ее отличий от многих предшествующих войн, от войны русско-японской, которая поразила многих как гром, — до того неожиданным показалось миллионам людей дерзкое нападение маленькой Японии на безграничную Россию. Да что говорить о миллионах обывателей! Хорошо известно, что за несколько часов до нападения японских миноносок на русскую эскадру в Порт-Артуре, на парижской бирже было вывешено по распоряжению Делькассе объявление, указывавшее на вздорность всяких слухов о возможности войны между Россией и Японией. Неожиданной была и война англо-бурская, ибо даже многим публицистам, внимательно следившим за южно-африканскими делами, не верилось, что «могучая, либеральная Англия, оплот европейской цивилизации и свободы, палладиум независимости слабых государств — Швеции, Норвегии, Голландии, Бельгии, — что эта Великобритания с ее более чем 300-миллионным населением откроет XX столетие чудовищным преступлением, именно вероломным нападением на крошечные южно-африканские республики, и оросит — в угоду нескольким акционерным компаниям — поля и ущелья Трансвааля и Оранжевой республики кровью буров, защищавших лишь свою территориальную неприкосновенность, право своего национального и государственного самоуправления, свой суверенитет. Неожиданной была и война франко-прусская, ибо известно, что накануне 1871 г. большая часть французских журналистов и государственных деятелей

верили в неизбежность соглашения и сближения между Францией и Германией по всем разделявшим эти страны вопросам и не допускали мысли о возможности кровавого столкновения между двумя великими нациями Европы.

Франко-прусская война 1871 г., англо-бурская 1899 — 1901 г.г., русско-японская война 1904-5 г., наконец даже обе балканские войны 1912 — 1913 г.г. явились неожиданностью для многих буржуазных публицистов и государственных деятелей, внимательно следивших за всеми событиями внешней политики. Тем более нужно сказать это о народных массах Европы, которые мало интересовались всеми этими балканскими, южно-африканскими, манджурскими вопросами и узнавали о наличности каких-то конфликтов в этих областях только тогда, когда начинали уже говорить ружья и пушки, и газеты трубили на весь мир о кровавых стычках и упорных сражениях.

Если франко-прусская война 1871 г., испано-американская 1898 г., англо-бурская 1899 — 1901 г.г., русско-японская 1904-5 г., балканские войны 1912 — 1913 г.г. явились неожиданностью для многих буржуазных публицистов и государственных деятелей, внимательно следивших за всеми событиями внешней политики, и тем более для миллионов обывателей, для широких народных масс Европы, того же нельзя сказать о мировой войне, в которой приняли участие величайшие государства Европы и всего земного шара. Буржазная пресса всех стран делала, с своей стороны, все от нее зависящее, чтобы внушить народным массам, глубоко вкоренить в их сознание идею о неизбежности кровавого конфликта между великими государствами Европы.

Чуть ли не каждый день в течение последних 44 лет перед мировой войной буржуазные газеты трубили о неотвратимости грозной войны, в которую будут втянуты все важнейшие страны Европы. И в течение этих 44 лет не раз бывали моменты, когда казалось, что война висит уже на волоске. Сколько раз казались неизбежными война англо-русская, война англо-германская, война англо-французская, из которых каждая в отдельности могла вызвать всеевропейский пожар! Но в течение последних лет, предшествовавших роковым событиям 1914 — 1918 г.г., вопрос о неизбежности мировой войны приобрел небывалую остроту и стал с особым усердием трактоваться в международной прессе.

Французская пресса ежедневно напоминала читателям о Танжере и Агадире и подчеркивала вызывающий образ действий германского правительства в марокканском вопросе; германская пресса не уставая писала о политике «окружения», об аркане, который Англия, Франция, Россия набрасывают на шею миролюбивой Германии, чтобы задушить последнюю.

Нельзя не видеть, что значительная доля ответственности за войну 1914 — 1918 г.г. лежит на тех писателях и публицистах, которые годами ревностно подготовляли к мысли о «неизбежности»,

о «неустранимости» надвигающейся войны. В психологии хорошо известен факт обратного воздействия: не только известное душевное настроение вызывает соответствующее выражение лица, то или другое расположение мускулов, но и движение мускулов вызывает соответствующее ему настроение души; когда в течение десятков лет пресса трубит о неизбежности войны, об опасности, грозящей со стороны соседнего народа, мысль о фатальной войне становится навязчивой, и наступает момент, когда ружья сами начинают стрелять.

Подчеркивая незадолго до войны ту опасность, которой грозит сохранению международного мира провокационная, алармистская кампания желтой прессы, автор цитировал слова одного миролюбивого коммерсанта, сказавшего одному французскому депутату, Морису Ажаму: «Я желал бы быть диктатором в течение 24 часов. Я приказал бы расстрелять 20 журналистов немецких и 20 французских. К этому числу я присоединил бы несколько важнейших дипломатов той и другой стороны, — и международный мир был бы обеспечен на 50 лет».

Само собой разумеется, что, подчеркивая роль желтой прессы в кровавых событиях 1914 — 1918 г.г., мы этим самым не закрываем глаза на колоссальное влияние тех экономических факторов, которые явились движущей пружиной всей этой кампании и были основной причиной страшной войны, в которую оказались втянутыми 13 государств. Буржуазный мир дышит войной и насилием, несет в самом себе зерна новых и новых конфликтов.

В опубликованных во французской социалистической газете «Л'Юманитэ» во время войны письмах одного немецкого рабочего своему французскому товарищу [1]) объясняется психология немецких рабочих в момент объявления всеобщей мобилизации в Германии. «На социалистических собраниях, где некоторые товарищи пытались произнести разумное слово, раздавались в ответ крики: «Измена, измена! Россия вооружается, а мы ждем. Нашей границе грозит опасность, казаки с пиками в руках собираются наводнить страну, а мы все чего-то колеблемся». Все мы были охвачены каким-то повальным безумием, нам столько говорили об опасности, что мы, наконец, поверили ей. Где же была истина? Нам недоставало вождей искренних, вдохновенных, сильных и решительных».

В этих словах: «Нам столько говорили об опасности, что мы, наконец, поверили ей» — ключ к пониманию психики тысяч и тысяч рабочих, которые совершенно не были настроены воинственно и вчера только мечтали о братских отношениях к пролетариям других стран. Те, кто толкал к войне, знали, что для того, чтобы вести страшную

---

[1]) Вышла отдельным изданием: «Une voix d'Allemagne. Lettres d'un ouvrier allemand à un de ses camarades français.» Edition de «L'Humanité». Paris, 1915. («Голос из Германии. Письма немецкого рабочего к одному из своих французских товарищей»).

войну в современных условиях, надо иметь массу на своей стороне и что даже передовые слои этой массы плохо разбираются в вопросах.

Не даром накануне мировой войны буржуазная пресса каждой страны с таким рвением сеяла панику в населении, рисуя призрак неизбежного нападения на «отечество» со стороны того или другого врага, не заикаясь, конечно, ни словом о собственных приготовлениях к нападению на соседа. Это усердие буржуазной прессы объяснялось, во-первых, тем, что страх населения перед неприятельским нашествием сделался выгодной статьей, которая приносила ежегодно громадные барыши металлургистам и пушечным королям, благодаря непрерывным и все возраставшим кредитам на новые и новые вооружения; во-вторых, самый этот страх народных масс перед перспективами кровавой бойни, мучительная неизвестность завтрашнего дня, длительный, казавшийся бесконечным, период всеобщей тревоги, порождали в широких слоях населения каждой страны глухое раздражение против «внешнего врага», разжигали и обостряли озлобление против соседнего государства и создавали крайне удобную психологическую почву для распространения всякого рода нелепых легенд о вражеских кознях, для массовых нервных припадков и неожиданных импульсивных движений, соответствовавших видам правящих классов. В этом отношении роль буржуазной прессы в провоцировании мировой войны была ужасающая. Вся свобода печати накануне мировой войны фактически выразилась в полной свободе для таких газет, как «Новое Время», «Русское Слово» и т. д. в России, «Матэн», «Журналь» и т. д. во Франции, «Берлинер Тагеблат» в Германии, «Таймс» в Англии, подготовлять кровавую баню, провоцируя один народ против другого сокрытием преступлений в области внешней политики правительства *своей* страны и подчеркиванием империалистических планов правительства другой. По своему моральному содержанию буржуазная свобода печати явилась таким же преступлением, как свобода торговать опиумом, спиртными напитками и другими опасными для жизни и здоровья населения продуктами. И в преступном деле провоцирования мировой войны, стоившей человечеству около 25 миллионов человеческих жизней и более 1.500 миллиардов франков на военные расходы, корреспонденты и сотрудники «Матэн», «Журналь», «Тан», «Берлинер Тагеблат», «Франкфуртер Цейтунг», «Нейе Фрейе Прессе», «Русского Слова», «Нового Времени» и т. д. старались не уступить друг другу в выдумке всякого рода сенсационных новостей, в разжигании национальных страстей, одним словом, в создании во всех государствах удобной психологической почвы для облегчения правительству возможности объявить войну соседней стране в любой момент. *Война 1914—1918 г.г. доказала, что сохранение мира между народами немыслимо без обуздания буржуазной прессы, без ограничения ее свободы отравлять народные массы ядом шовинизма и провоцировать массовые убийства в форме кровавых конфлик-*

тов, уносящих миллионы человеческих жертв в угоду Круппам, Тиссенам, Армстронгам и другим вдохновителям желтой печати.

И, таким образом, мы видели, как в дни, предшествовавшие объявлению войны со стороны Германии соседним государствам, России и Франции, и вероломному нападению на Бельгию, почти вся немецкая нация, от темных крестьян до сознательных пролетариев, от реакционных юнкеров до социал-демократов, обманутая Бетман-Гольвегами и даже социал-демократами, вроде Шейдемана, Носке и т. д., была охвачена одной оезумной idée fixe (навязчивой мыслью) о всемирном заговоре против Германии, о желании противников германской расы уничтожить последнюю, о необходимости для всех германских граждан борьбы не на жизнь, а на смерть с врагами фатерланда (отчизны), отнюдь не за ее гегемонию, как мировой державы, не за господство над морями, не за колонии, а за нечто дорогое всем немецким гражданам, за неприкосновенность государственной территории, за безопасность домашнего очага, за спасение всех близких и дорогих людей от ужасов казацкого нашествия. Пять миллионов человек, в том числе бесчисленное множество стариков и безусых юношей, почти мальчиков, записались в волонтеры, чтобы итти спасать отчизну против несметных врагов. И мы видели, как тысячи и тысячи немецких рабочих и работниц приносили свои золотые обручальные кольца в общества Красного Креста и меняли их на железные с надписью: «Я отдал золото за железо» (Gold gab ich für Eisen).

Какой жест страшного безумия и вместе с тем какой порыв горячего патриотизма! Не иметь ничего, кроме страдальческих глаз, измученных утомительной работой за иглой или ткацким станком, не иметь ничего, кроме этих глаз, чтобы оплакивать того, кто упадет там, на кровавых равнинах Бельгии, Франции, в болотах Восточной Пруссии и русской Польши, под фортами Льежа, Намюра, Антверпена, Ивангорода или Осовца, — и отдать это дорогое кольцо, милого свидетеля венчания с ушедшим на поле смерти, свидетеля нищеты, голодовки во время безработицы, стачки или локаута и вместе с тем драгоценного свидетеля редких моментов счастья!.. Не иметь ничего, кроме бледных зрачков, видящих надвигающийся уже призрак голода, и отдать на алтарь отечества в пользу раненых солдат единственную крупицу золота, которую в последнюю минуту можно было бы заложить, чтобы иметь в течение нескольких дней кусок хлеба и немного молока,—кто же, кто, кроме женщины-работницы, женщины-пролетарки, действительно убежденной в том, что муж ее идет защищать и ее самое, и всех ее товарок, и всю ее родню, и всю ее отчизну против «свирепых казаков» и негров-каннибалов, — кто же другой мог бы совершить такой геройский в своей простоте и самоотверженный акт?

И мы видели, как в Париже накануне мобилизации на всех улицах и в особенности около вокзалов Мон Парнас, Лионского, Северного и т. д. стояли кучки народа, и мы слышали один и тот же возглас, вырывавшийся из всех уст: «Il faut en finir, il faut en finir» (нужно с этим покончить, нужно с этим покончить). 44 года под-ряд ненавист-

ные немцы держат револьвер приставленным к нашему виску, 44 года под-ряд проклятые боши грозят нам новой войной, новым нашествием, более страшным, чем предшествующее, новой контрибуцией, новым расчленением. Будь, что будет,—пора покончить с этим невыносимым кошмаром. И среди этих кучек было немало провинциалов, рабочих, крестьян, лавочников, мелких и средних рантье, побросавших свои дела и приехавших в столицу узнать, что думают делать в Париже, готовится ли правительство дать отпор дерзкому пруссаку. И когда был отдан приказ о всеобщей мобилизации и объявлена война, мы слышали, как многие социалисты, а в особенности анархисты и анархо-синдикалисты, которые в течение нескольких лет под-ряд трубили о надвигавшейся войне и объясняли неизбежность этой грядущей войны интригами интернационального треста вооружений, международного консорциума финансистов, подпольной деятельностью Марокканского синдиката, кознями банков Лионский Кредит, Немецкий Банк и прочее, и прочее, как эти самые анархисты и анархо-синдикалисты стали писать о прусском юнкерстве и Вильгельме II, как о единственных виновниках разразившейся катастрофы, и провозгласили своим священным лозунгом борьбу не на жизнь, а на смерть с германским империализмом и милитаризмом во имя спасения европейской цивилизации и культуры от новых вандалов.

Если единственным виновником страшного преступления, совершившегося на наших глазах, является прусское юнкерство и немецкий милитаризм, почему же все те печальники народного горя и защитники классовых интересов пролетариата, которые в течение нескольких лет трубили нам о надвигающейся войне, полемизировали с буржуазной прессой и обманывали нас сказками о воинствующем русском правительстве, об империалистических планах французской буржуазии, об опасности марокканской авантюры, о кознях международной плутократии, о провокационной деятельности финансовых акул, металлургических и пушечных королей с целью обострения международных отношений? Почему клеветали они на миролюбивую буржуазию и шовинистски настроенное правительство своей собственной страны? Были ли тогда эти защитники трудящихся масс попросту наемными агентами Вильгельма II, как старались доказать «Ля Пресс», «Либр Пароль» и другие органы реакционной прессы, или сделались теперь из страха народного суда лакеями собственного правительства, прислужниками той самой буржуазии, опасный характер внешней политики которой они с таким рвением разоблачали в течение многих лет?

И когда были правы революционные ораторы и публицисты,— прежде ли, когда в противовес националистической прессе они доказывали, что грядущую войну подготовляют правящие классы всех капиталистических стран, не только «полуфеодальной» юнкерской Германии с ее надменным, кичливым девизом «Deutschland über Alles» («Германия превыше всего»), но и республиканской Франции с ее принципами братства, свободы, равенства и с ее

марокканской политикой, и либеральной Англии с ее планами раздела Средней Азии, с ее Греями, Чемберленами, Сесиль Родсами, наконец России с ее грандиозными захватными проектами на Ближнем и Среднем Востоке,—или впоследствии, когда те же революционеры прозрели и увидели, что единственной причиной европейского милитаризма, тяжкого для всех народов режима вооруженного мира и, наконец, мировой войны является империалистическая Германия, казарменный дух Пруссии, ее гегемония в центре Европы? И кто вообще прав, социалисты ли прежней школы, утверждавшие, что современный капитализм с его империалистической политикой, фатально толкает народы к мировой войне, которая, несмотря на все противодействие сознательного пролетариата, открыто подготовляется господствующими классами всех первоклассных государств, или правы вчерашние и сегодняшние реакционеры и некоторые видные нео-социалисты, заявляющие, что во вспыхнувшей войне виновно только правительство соседней страны?

Да, Германия первая начала войну 1914 г. По удачному выражению буржуазного французского писателя и ярого патриота Гюстава Ле Бона (Gustave Le Bon), Германия бросила в переполненную до краев чашу ту последнюю каплю, благодаря которой эта чаша, наконец, перелилась. Но ведь для объективного исследователя, как заметил правильно Ле Бон, вопрос заключается именно в том, кто наполнил эту чашу, а не в том, кто влил последнюю роковую каплю, вызвавшую страшное наводнение, разлившееся губительным потоком, океаном слез и крови по всему миру.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Военная подготовка и военные силы европейских государств накануне войны. Милитаризм и маринизм.

1. Военные силы Франции. Четверное согласие и Центральные державы.

В войне 1914 — 1918 г.г. Германия обнаружила поразительную мощь. Ни один военный специалист Франции или России не предугадал заранее, даже приблизительно, численность армии, которую Германия с первых же дней войны будет в состоянии поставить под ружье, ни один не предвидел, до каких чудовищных размеров в процессе войны будет доведена эта армия с ее резервами и запасными батальонами для непрерывного пополнения колоссальной убыли в действующих на боевых фронтах войсках. Ни один специалист по финансовым вопросам не предвидел, какую силу обнаружит Германия в финансовом отношении, ибо в литературе Двойственного Союза и Англии считалось чуть ли не аксиомой положение о неизбежности полного банкротства Германии прежде других стран в случае длительной войны в виду «финансовой бедности» Германии и ее финансовой неподготовленности к продолжительной кампании, особенно по сравнению с такой богатой золотом и накопленным капиталом страной, как Франция. Никто не подозревал, что Германия, замкнутая железным кольцом враждебных армий, посаженная в одиночное заключение на хлеб К-К, будет в состоянии выдержать четыре года войны, технически в поразительном изобилии и с большей роскошью, чем все ее враги, вооружить не только свои многомиллионные армии, но и армии своих союзников, сначала Австрии, затем Турции, наконец Болгарии, что она будет в состоянии поставить в момент страшнейшей и невиданной во всемирной истории по напряжению и кровавым жертвам войны все народное хозяйство на рельсы и спасти страну от экономических и финансовых потрясений, которые могли бы парализовать работу ее образцового военного аппарата в первый же год кампании. Можно сказать без преувеличения, что эта неожиданно проявившаяся наружу германская мощь захватила врасплох господствующие классы почти всех европейских стран и явилась для них большей неожиданностью, чем пресловутые немецкие победы в войнах 1866 и 1871 г.г., когда правительства некоторых государств, симпатизировавшие Германии и желавшие разгрома Австрии и Франции, оказались неприятно пораженными той

быстротой, с какой дружественная Германия разделалась со своими врагами. Накануне мировой войны считалось, что Двойственный Союз (Франция и Россия) и тройственная комбинация (Австрия, Германия и Италия) представляют собой приблизительно равносильные, уравновешивающие друг друга величины, и вдруг оказалось, что Германия и Австрия без Италии в состоянии бороться не только с Двойственным Союзом, с богатой и хорошо вооруженной Францией и 170-миллионной Россией, но и с могучей Англией, Бельгией, Сербией и Италией на придачу, и одержать такие победы в первый период войны, которые вовлекли в орбиту Германии новых союзников, вначале Турцию и затем Болгарию (окт. 1915 г.).

Обыкновенно для объяснения причин поразительной мощи, обнаруженной Германией в мировой войне, указывают на то, что Германия 44 года готовилась к нападению на соседние государства. Из этого аргумента можно сделать вывод, будто враждебные Германии страны не готовились к войне и не имели военных бюджетов. Подобное заключение было бы грубой ошибкой, и ясно, что причина могущества, обнаруженного Германией, лежит не в этой области.

Если сравнивать военные бюджеты только Франции и Германии, начиная с 1871 г., окажется, что в течение протекших с этого момента 44 лет были периоды, когда Франция тратила на свою армию и флот больше Германии. Накануне мировой войны этого факта не отрицали даже многие консервативные французские писатели. Известный публицист и депутат Жюль Рош в своей обстоятельной статье о военных бюджетах Франции и Германии, начиная с 1871 г., напечатанной в правой газете «Фигаро» (11 мая 1913 г.), делит историю военных бюджетов Франции за это время на три периода: от 1871 по 1886 г., от 1887 по 1893 г. и от 1894 по 1913 г.

В течение первых пятнадцати лет Франция затратила на свою армию больше, чем Германия, и содержала на мирном положении более многочисленную армию, чем ее противник. Вот таблица, которую приводит Жюль Рош:

	Численность армий:	
Годы:	В Германии.	Во Франции.
1872	369.378	373.802
1882	431.188	431 051
1886	406.626	422.954.

Естественно, что Франции приходится нести за этот период и большие военные расходы. Экстраординарные и ординарные военные бюджеты Франции и Германии за период 1871—1886 г.г. определяются:

В Германии.	Во Франции.
7.705 милл. франк.	9.148 милл. франк.

Итак, за этот период Франция израсходовала на свои военные нужды на $1^1/_2$ миллиарда франков больше, чем Германия.

Следующий период 1887 — 1893 г.г. мало изменяет положение вещей. Германия начинает расходовать больше Франции, но пока разница

ничтожна. За эти годы военные расходы Франции достигают цифры 4 миллиарда 338 миллионов франков, тогда как расходы Германии — 4 миллиарда 362 милл. фр. Итого Германия затратила за этот период на свои военные нужды на 24 милл. фр. больше, чем Франция.

С 1894 г. начинается новая эра. Законом 3 августа 1893 г. Германия увеличивает численность своей армии на 75.000 человек и соответственно с этим вздувает свои военные бюджеты. С этого момента Германия начинает побивать рекорд и постепенно обгонять Францию и по величине военного бюджета, и по численности мирного состава армии [1]). Два фактора мешают Франции угнаться за Германией по пути вооружения. Во-первых, уменьшение рождаемости населения во Франции, во-вторых, колониальная политика Франции. Первая причина действует на уменьшение ежегодного контингента новобранцев, вторая—отвлекает от государственных расходов значительные суммы на колониальные экспедиции, на покрытие ежегодных дефицитов по управлению и эксплоатации колоний. С особой силой действует первый фактор. Вот таблица рождаемости во Франции и Германии, начиная с 1872 г., принимая во внимание только число новорожденных младенцев мужского пола в обеих странах [2]):

Годы:	Франция.	Германия.
1872	500.000	770.000
1882	460.000	840.000
1892	445.000	930.000
1902	410.000	1.020.000
1912	385.000	990.000

В 1872 г. Франция и Германия имели почти одинаковое по численности население — 38 милл. французов против 41 милл. немцев. Тогда разница была невелика — всего 3 милл. С той поры Германия значительно обогнала Францию по численности населения и почти удесятерила эту разницу. Вот где лежит основная причина экономического и военного превосходства Германии над Францией.

---

[1]) Мы сравниваем численность армии только в метрополиях и не принимаем во внимание французские войска в Алжире, Тунисе, Индо-Китае, Мадагаскаре. Если принимать во внимание эти колониальные армии, в рядах которых насчитывались десятки тысяч туземцев и иностранцев (около 90.000 тех и других), Франция в 1903 г., т.-е. за одиннадцать лет до мировой войны, все еще имела, по вычислениям бывшего министра военных дел Мессими, численный перевес по составу мирного времени над Германией и являлась второй страной в мире после России по числу солдат, находящихся под знаменами на мирном положении (La paix armée. La France peut en alléger le poids, par Messimy deputé, стр. 34. Paris 1913. — Мессими, Мирная армия. Франция может снять с себя лишнее бремя). С той поры, как Мессими написал эти строки положение изменилось, и накануне войны Германия располагала армией, численно превышавшей французскую армию, включая в последнюю и колониальные войска. Однако, это не опровергает того положения, что именно французское военное министерство, в отличие от германского, всегда придавало чересчур громадное значение численности армии и не учитывало роли резервных войск в будущей войне.

[2]) См. статью Мессими: «Военная проблема» в «Журналь» 29 мая 1913 г., а также его вышеупомянутую брошюру «Мирная армия», стр. 29, 35 и др.

Немалую роль в ослаблении военной и экономической мощи Франции играла ее колониальная политика и колоссальные расходы, связанные с последней. Достаточно сказать, что только за период с 1907 г. по 1914 г., как раз в тот момент, когда Германия так лихорадочно усиливала свои вооружения и Франция старалась угнаться за ней, республика израсходовала на мароккскую авантюру более 700.000.000 фр., каковая сумма оказала бы больше пользы Франции в военном отношении и значительно увеличила бы ее оборонительные силы, если бы она ушла на покупку тяжелых орудий, обмундировку и вооружение резервных армий, укрепление беззащитной северной границы и т. д.

Но Франция была не одна. Чувствуя неспособность страны при уменьшении рождаемости ее населения бороться один на один с увеличивавшей ежегодно свое население Германией. Франция стала стремиться к союзу с многомиллионной Россией, каковой союз и был заключен скоро после того, как начала обнаруживаться для Франции невозможность угнаться в военном отношении за ее грозной соседкой. Образование Двойственного и Тройственного Союза дало сильный толчок дальнейшим вооружениям, и соперничавшие страны старались не отставать друг от друга по величине военных бюджетов.

В 1896 — 1897 г.г., когда был заключен франко-русский союз, обе военные комбинации — Двойственный Союз и Тройственный — израсходовали на свои флоты и свои армии 3 миллиарда 750 милл. франков, каковая сумма распределялась почти поровну между обеими группами. Через 16 лет, в 1912 г., обе группировки израсходовали уже 6 миллиардов 250 милл. фр. (не считая уплаты по государственному долгу и других побочных расходов), также распределявшихся поровну между обеими коалициями.

Если мы к расходам в 1912 г. пяти первоклассных европейских государств, входивших в Тройственный и Двойственный Союзы, прибавим цифру военного бюджета Англии за этот же год, мы получим цифру 8 миллиардов франков [1]), которую шесть важнейших европейских стран истратили на свои армии и флот. Эта сумма распределяется следующим образом между государствами. оказавшимися в 1914 — 1915 г.г. в двух враждебных лагерях. В 1912 г. израсходовали на свои военные бюджеты (армия и флот):

Четверное Согласие.		Центральные державы.	
Россия	1.924.863.669	Германия	1.647.886.560
Англия	1.765.175.000	Австро-Венгрия	587.892.893
Франция	1.217.031.929		2.235.779.453.
Италия	648.408.742		
	5.555.479.340.		

[1]) См. Мих. Павлович. «Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего». Сочинения, т. II-ой.

Таким образом, оказывается, что в 1912 г. державы Четверного Согласия затратили на вооружение на 3 миллиарда фр., почти в $2^1/_2$ раза, больше, чем Германия и Австро-Венгрия вместе взятые.

В 1913 г. Четверное Согласие и центральные державы израсходовали на свои армии и флоты:

Четверное Согласие.		Центральные державы.	
(В миллионах франков.)			
Россия	1.938	Германия	1.623
Англия	1.815	Австро-Венгрия	661
Франция	1.343		2.284,
Италия	638		
	5.734.		

Стало быть и в 1913 г. четыре державы, вступившие через год в войну с Германией и Австро-Венгрией, израсходовали на свои армии и флоты в $2^1/_4$ раза больше, чем враждебные им государства.

Если мы к расходам этих шести государств прибавим расходы их союзников, то и в этом случае отмеченная пропорция не изменится.

В 1913 г. израсходовали на свои сухопутные армии (в франках) [1]:

Союзники Четверного Согласия.		Союзники Центральных держав.	
Япония	250.000.000	Турция	476.000.000
Сербия	30.000.000	Болгария	40.500.000
Черногория	265.000		517.300.000
Бельгия	79.000.000		
Канада	38.000.000		
Австралия	11.000.000		
	408.265.000		

Турция, которая в 1911 г., накануне Балканской войны, израсходовала на свою сухопутную армию всего 9.000.000 тур. ф., затратила в 1913 г. более 27.000.000 турецких фунтов, т.-е. немногим менее $^1/_2$ миллиарда франков. И действительно, благодаря контролю младотурок и руководству агентов германского правительства, Оттоманская империя в значительной мере на французские деньги не в малой степени увеличила свои боевые силы. В общем, оба союзника центральных держав, Турция и Болгария, израсходовали на военные нужды в 1913 г. на 109 милл. фр. больше, чем союзники Четверного Согласия. Однако, эта цифра слишком мала наряду с колоссальными суммами, отмеченными выше, и потому она не изменяет указанной нами пропорции.

---

[1]) Эта таблица составлена мною на основании цифр, опубликованных в книге «Etat militaire de toutes les nations du monde». Paris. Librairie Berger Levrault. 1914. («Военное положение всех наций мира»).

2. Сухопутные вооружения Германии. Подготовка к объявлению войны к весне 1914 г.

В течение 40-летия со времени войны 1871 г. увеличение постоянного состава германской армии шло в определенной последовательности, но без особых чудовищных скачков, которые могли бы напугать ее соседей. Это обстоятельство было подчеркнуто французским премьер-министром Барту в его речи 25 июня 1913 г. в пользу закона о трехлетней воинской повинности. Барту указал, что в 1873 г. численность немецкой армии (рядовые и унтер-офицеры) равнялась 402.000 чел.; в 1910 — тридцать семь лет спустя — численность немецкой армии достигла 595.000 чел. Таким образом, за 37 лет германская армия возросла на 193.000 человек, между тем как всего за два года, с 1910 по 1912 г., численный состав немецкой армии возрос на 180.000 человек. Следовательно, Германия в течение двух последних лет сделала усилие, равное ее напряжению в течение 37 предшествующих лет [1]). Этот факт вызвал сильную тревогу во Франции.

Действительно, если взять наиболее критические моменты в жизни Германии, 1866 и 1870 г.г., когда она с напряжением всех своих сил готовилась к войне с Австрией, то и тогда требования военного министерства были куда скромнее, чем теперь. Накануне войны с Австрией постоянная армия Пруссии составляла всего лишь 184.000 чел. всех родов оружия. Готовясь начать войну, Мольтке потребовал увеличения мирного состава армии на 47.000 чел., которое было проведено вопреки отрицательному вотуму народных представителей. Накануне войны с Францией последовало увеличение состава мирных кадров на 73.000. Таким образом, накануне войны 1866 и 1871 г.г. прирост вооруженных сил был ничтожен по сравнению со скачком с 1910 по 1912 г.

Но на этом прыжке, на этом внезапном и стремительном росте вооружения Германия не остановилась. В марте 1913 г. германское правительство внесло в рейхстаг новый военный законопроект, который дал бы возможность увеличить численность немецкой армии на мирном положении к весне 1914 года приблизительно на 190.000 человек по сравнению с ее составом в 1912 г. Для покрытия расходов на эти экстраординарные вооружения потребовались героические средства в виде своеобразной военной контрибуции с населения, единовременного

---

[1]) «Journal Officiel». Chambre des Députés. Séance du 25 Juin 1913. «Журналь Оффисиель»).

Понятно, в этих выкладках Барту принимает во внимание лишь рост численного состава армии на мирном положении, безотносительно к расходам на армию, расходам, которые в Германии, как и в других странах, увеличились с большей быстротой, чем численность армии. С 1883 по 1910 г. военный бюджет Германии возрос с 571 до 1648 милл. фр., т.-е. на 266%, а бюджет ее союзника Австро-Венгрии с 318 до 747 миллионов франков, т.-е. на 119%, хотя численность армии в обеих странах увеличилась в значительно меньшей пропорции.

военного налога в миллиард марок. Благодаря энергичной поддержке со стороны прессы, которая подняла шумную кампанию по поводу агитации во Франции за возвращение к трехлетней воинской повинности и опасности с Востока, правительство Бетман-Гольвега получило большинство голосов в патриотически настроенном райхстаге, и закон об увеличении вооруженных сил Германии и о единовременном военном налоге с имущества и доходов был принят.

В своей сенсационной речи о международной политике в рейхстаге 25 марта 1913 г. Бетман-Гольвег, отстаивая законопроект об усилении мирного состава германской армии, с особым ударением говорил о «панславистской» опасности, усилившейся вследствие побед балканских стран над Турцией. Затем имперский канцлер подчеркнул опасность, угрожающую Германии со стороны Франции. Французы уже предвидят, как массы русской кавалерии и русской пехоты наводняют Германию, живому французскому воображению поражения турок представляются поражением и немцев. В этом они соприкасаются с панславистскими идеями. Во всем этом много иллюзий, но ведь увлеченная иллюзиями Франция однажды уже начала войну с Германией. (Курсив наш — *М. П.*) Итак, миролюбивый Бетман-Гольвег настаивал на необходимости вооружений только для того, чтобы помешать Франции напасть на Германию и отдалить призрак международной бойни. Однако, с этой официальной аргументацией германского канцлера резко расходилась мотивировка необходимости усиленных вооружений на столбцах некоторых органов немецкой прессы, осторожно подготовлявших страну к идее предупредительной (превентивной) войны, идее, которую впоследствии открыто взяла под свою защиту «Кёльнише Цейтунг» [1]) в сенсационной статье от 17 февраля 1914 г., статье, наделавшей столько шуму в Европе и доказывавшей, что так как Россия и Франция собираются атаковать Германию весной 1917 г., когда военные приготовления России при финансовом содействии Франции будут закончены, стало быть, Германии нечего откладывать дела в долгий ящик, а атаковать врагов, пока последние не успели закончить своих вооружений.

---

[1]) Статья в «Кёльнише Цейтунг», написанная в виде корреспонденции из Петербурга, что придавало ей особенно сенсационный характер, произвела такое сильное возбуждение в Европе, во-первых, потому, что эта газета считалась органом германского министерства иностранных дел, а во-вторых по той причине, что авторство этой статьи приписывалось германскому посланнику при русском дворе, графу Пурталесу. Был ли действительным автором этой статьи Пурталес или же совершенно частное лицо — постоянный корреспондент «Кёльнише Цейтунг» в Петербурге—г. Ульрих, во всяком случае, можно считать доказанным, что статья не была исключительно плодом собственных фантазий корреспондента, а была написана по инспирации немецкого посольства в Петербурге. Если эта статья не была прямо продиктована германским послом в России, во всяком случае, она была внушена последним.

Принятие германским рейхстагом военного законопроекта произвело сильное впечатление во всей Европе. Уже в этот момент многие публицисты стали доказывать неизбежность войны в самом близком будущем, при чем некоторые определяли даже дату, когда начнется война. Так, военный специалист «Речи» (офицер) в статье от 28 апреля 1913 г. доказывал, что «Германия готовится к важным событиям не далее весны 1914 г.; к этому времени соотношение сил будет наиболее выгодное для нашей могущественной соседки, и нет сомнения, что она не желает упустить время». Автор указывал, что весна 1914 г. явится кульминационным пунктом военного могущества Германии, что после весны 1914 г. соотношение морских сил Германии и Англии, как и сухопутных сил в отношении Франции, изменится к невыгоде Германии, и что поэтому предпринятое теперь чрезвычайное усиление сухопутной армии, приуроченное к той же весне 1914 г., не может не внушать тревог и опасений. Сотрудник «Речи» ошибся не на много. Война началась не весной 1914 г., а почти сейчас же после окончания весны. 1-го августа по новому стилю Германия объявила войну России, а через день Франции. Перчатку бросила не увлеченная иллюзиями и обладающая живым воображением Франция, а вечно пекущаяся о всеобщем мире Германия Бетман-Гольвега и Вильгельма II. В европейской прессе не было недостатка в прорицателях, указывавших на неизбежность войны в самом близком будущем. Да и среди немецких государственных деятелей, депутатов и публицистов было немало лиц, которые утверждали, что война вспыхнет не позже весны 1914 г. Так депутат Потгтофф из Дюссельдорфа писал в «Берлинер Тагеблат» от 2 апреля:

«Принимая во внимание военные законы 1911, 1912 и 1913 г.г., можно сказать, что Германия сразу увеличивает среди полного мира численность армии на 200.000 человек. Никогда Бисмарк в мирное время не предлагал рейхстагу законопроектов, которые могли бы сравниться с законами накануне трех великих войн (1864, 1866 и 1870 г.г.). Тем более никогда Бисмарк не вносил законопроекта, подобного предложенному Бетман-Гольвегом, законопроекта, увеличивающего численность армии на 200.000 человек.

Нужно сказать самым ясным образом: новый закон — это мобилизация посреди мира. Только в том случае, если имперское правительство уверено, что европейская война вспыхнет не позже весны 1914 г., подобные меры могут быть оправданы. В этом случае, очевидно, эти меры необходимы и было бы преступлением со стороны рейхстага не вотировать их.

Но только при этом условии проектируемые меры имеют оправдание, иначе эти законы преступны.»

Мы видим, в чем заключается прием. Объявляется во всеуслышание, что европейская война неизбежна. По чьей вине, — это явствует из намеков на «французские иллюзии», на «панславистские течения в России». Во всяком случае, Германия невинна, как агнец, которого

ведут на заклание. Обозначается даже дата: «не позже весны 1914 г.» и затем устанавливается среди мирного времени своего рода военная контрибуция, возлагаемая на население империи, принимаются роковые законопроекты, которые, действительно, делают неизбежным осуществление этих предвидений германского правительства и предсказаний Поттгоффа и других депутатов, всегда вотирующих миллиарды марок на новые вооружения, раз «фатерлянду» (отчизне) грозит опасность со стороны внешних врагов.

Действительно, характер этих вооружений отнюдь не представляется в виде «естественной эволюции» вооруженных сил, как это было в течение периода с 1871 по 1910 г., когда германская армия медленно возрастала в численном отношении: 402.000 солдат и унтер-офицеров в 1871 г., 440.000 — в 1881 г., 470.000 — в 1887 г., 500.000 — в 1893 г., 580.000 — в 1899 г., 595.000 — в 1910 г. Начиная с 1910 г., мы присутствуем при новом процессе. Это — пароксизм лихорадки вооружений, это — чрезвычайное напряжение, требуемое исключительными условиями минуты, накануне последней смертельной схватки. Немецкая армия, насчитывавшая в 1910 г. 600.000 чел., должна была иметь к весне 1914 г. в мирном положении 866.000, т.-е. увеличение за 4 года на 266.000 солдат.

3. Французская программа сухопутных вооружений Франции накануне войны. Разоблачения сенатора Эмбера. Мнение Жореса о военном плане Германии. Почему Франция оказалась неготовой к войне.

Само собой разумеется, что необычайный рост милитаризма не ограничивается одной Германией. Франция приступает к чрезвычайному увеличению своих вооруженных сил, и военное министерство выступает с обширной программой, требуя сверхсметных 800 миллионов франков немедленно и затем 600 миллионов в течение 3 лет. 26 марта 1913 г. французская палата депутатов вотирует военный бюджет в 1.409 франков на расходы по национальной обороне, при чем 655 милл. франков ассигнуются на расходы, связанные с введением трехлетней службы, а 754 милл. фр. на улучшение вооружения. В том же заседании вотируется 175 милл. фр. на экваториальную Африку; как будто недостаточно других колониальных расходов и тех 250 милл. фр., которые предусматривались в этом же году для Марокко.

14 марта 1914 г. сенат вотирует закон о кадрах французской армии, коим численность последней на мирном положении доводится до 769.000 чел., увеличение — по сравнению с численностью состава этой армии 1-го января 1913 г. при режиме закона двухлетней службы — на 221.000 солдат.

769.000 человек под ружьем, не считая колониальных войск, — такова численность французской армии после принятия сенатом нового закона о кадрах. «Это — величайшая военная сила, какой когда-либо обладала наша страна в мирное время»,—с торжеством восклицает сена-

тор Жерве, комментируя значение закона об увеличении численности армии [1]).

Сенатор Жерве, так и озаглавивший свою упомянутую передовую статью в «Матэн»: «769.000 человек под ружьем», и другие многочисленные сторонники закона о трехлетней службе не хотели понять, что военная мощь страны менее всего заключается в численности ее армии на мирном положении, а прежде всего в организации резервов активной армии и в техническом оборудовании как самой активной армии, так в особенности в вооружении миллионов граждан, которые в случае войны страна должна поставить под знамена для защиты границ.

Критикуя точку зрения французского военного министерства, сенатор Эмбер, докладчик комиссии по бюджету сухопутной армии, напоминает в своей сенсационной речи 13 июля 1914 г., стало быть, за 2 недели до войны, иронической фразу германского канцлера по поводу надежд, возбужденных во Франции законом о трехлетней службе.

«В иллюзии, в воображении Франция уже одержала победу над Германией».

И сенатор Эмбер критикует эти иллюзии. Он напоминает речи германских военных министров, генерала фон-Эрингена (8 апреля 1913 г.) и его преемника генерала фон-Фалькенгейма (26 ноября 1913 г.), указавших в рейхстаге, что немецкое военное министерство всегда стремилось на первом плане не к увеличению численности армии на мирном положении при всем серьезном значении этого фактора, а к улучшению вооружения и техническому оборудованию армии, имеющему несравненно большее значение для усиления военной мощи страны, чем простая наличность громадного количества солдат в казармах на мирном положении. Развивая свое положение, Эмбер обвиняет французский генеральный штаб в том, что последний обманывает страну, скрывая от нее истину, или давая неверные сведения, или прячась за военной тайной, и произносит в своей речи зловещие слова, которые как погребальный звон раздаются в сенате и вносят необычайное смятение среди присутствующих, разносясь на другой день громким эхом по всей Франции и Европе, слова, которые спустя пять недель после их произнесения, именно после битвы при Моранже (20 августа), битвы при Шарлеруа (22 августа), взятия немецкими войсками Лонгви в результате однодневной бомбардировки (27 августа) и поспешного отступления союзных войск перед немецким натиском, начинают каждый день, каждый час цитироваться в той или другой передаче, если не в прессе, то в частных разговорах всеми интеллигентными французами, как только речь заходит о роковых событиях, разыгравшихся на театре военных действий. Вот эти слова: «Если не говорить о пушке 75 *мм*, которая—и я повторяю это в третий раз — представляет собой первоклассное орудие, превосходящее немецкую полевую пушку, во всех

---

[1]) См. «Матэн» от 3 мая 1914 г.

остальных областях материальной организации наша армия стоит несравненно ниже немецкой. И наша очевидная теперешняя отсталость по сравнению с немецкой военной технической подготовкой соответствует через 44 года после войны 1870 года степени нашей отсталости в этот страшный год. Она (эта отсталость) проявляется в недостаточной подвижности нашей тяжелой и легкой полевой артиллерии, в ее недостаточной скорострельности и дальнобойности, наконец, особенно в ее слабой разрушительной силе» [1]).

Шаг за шагом, с цифрами в руках, в речи, вызывавшей каждым своим абзацем новое и все усиливавшееся волнение среди слушателей, докладчик комиссии все ярче подчеркивает полную техническую отсталость французской армии по сравнению с немецкой. Он указал на богатство германской армии боевыми запасами, снарядами и т. д. и на бедность Франции в этом отношении. Он показал, как предусмотрительно германское правительство в этой области, как оно в январе каждого года фиксирует количество снарядов, которое казенные и частные военные заводы должны доставить в случае войны, как оно постоянно проверяет, находится ли в магазинах частных и казенных военных заводов достаточное количество сырых материалов, средств производства и т. д., соответственно принятым обязательствам, как, наоборот, небрежно действуют в области контроля над частной и казенной военной индустрией правительство французское, предоставляя все случаю, что является, по словам Эмбера, государственным преступлением (см. там же. 1203). Он указал, что французская военная индустрия доставляет самые лучшие орудия и военные приборы всему миру, за исключением французской армии, для которой в 1914 г. были заказаны орудия устарелой системы, и иллюстрировал это утверждение, ссылаясь на то, что для итальянского форта Шабертон приготовляются во Франции орудия, бьющие на 12 километров, тогда как те же самые заводы изготовляют для Франции орудия, бьющие не далее 7,2 километра.

Возражая на речь Эмбера, военный министр Мессими объяснил все недочеты в техническом оборудовании и вооружении французской армии сравнительно слабыми якобы кредитами, вотированными в течение последних десяти лет на улучшение материальной части французской армии, и слагал всякую ответственность с членов военного министерства за техническую отсталость французской армии по сравнению с германской. Эта ссылка на «недостаточные кредиты» являлась постоянным аргументом в устах защитников милитаризма и увеличения военных бюджетов, когда речь заходила об этой слабой стороне в организации французской армии. В своем докладе об общем бюджете на 1914 г. Клемантель доказывал, что Германия за последние двадцать лет

[1]) «Journal Officiel», Sénat, Séance du 13 Julliet 1914, page 1201 («Журналь Оффисиель»).

истратила на $2^1/_2$ миллиарда франков больше на улучшение вооружения и всего военного аппарата своей армии, чем Франция, и привел относительно последнего десятилетия следующие цифры.

Расходы в миллионах франков:

Годы:	Франция.	Германия.
1903	35	105
1904	40	91
1905	59	137
1906	138	159
1907	92	193
1908	60	241
1909	72	205
1910	98	142
1911	93	142
1912	119	208
	806	1623.

Итак, за десятилетие 1903 — 1912 г.г. Германия истратила на улучшение вооружения своей армии на 800 милл. франков, т.-е. ежегодно на 80 миллионов фр. (30 миллионов рублей) больше, чем Франция. Однако, не следует забывать, что за этот же период Франция затратила на марокканскую авантюру и другие колониальные дела, грозившие международными осложнениями, более миллиарда франков, и что непоследовательно было со стороны военного министерства, вечно напоминавшего о немецкой опасности и говорившего о возможности близкой войны, затевать дорого стоющие экспедиции, когда армия была не готова к отпору «главного врага» Франции. С другой стороны, несомненно, что превышение немецких расходов на вооружение над французскими не было так велико, чтобы одним этим обстоятельством можно было объяснить ту поразительную отсталость французской армии, о которой говорил в своей речи сенатор Эмбер. И здесь уже, несомненно, сыграл свою роль тот фактор, который подчеркнул в своей книге «Faites le roi ou faites la paix» («Изберите короля или создайте мир») будущий министр Санба, доказывавший накануне войны невозможность для Франции бороться с Германией, между прочим, по той причине, что когда в Германии вотируется одна марка на армию, все знают, это эта марка действительно пойдет целиком на армию, тогда как во Франции надо быть довольным, если есть уверенность, что из вотированного франка только $^3/_4$ расползутся по карманам всяких плутов, а целых 25 сантимов пойдут на предназначенную цель. Несомненно, что Санба, делая такое заявление, несколько сгущал краски, но, во всяком случае, в его словах заключалась некоторая доля истины, которая объясняет нам многие темные стороны в организации и техническом оборудовании французской армии.

Как бы то ни было, несомненно, если даже признать значительное превышение германского военного бюджета над французским, что немецкая армия, насчитывавшая на мирном положении в 1871 г. 18 корпусов

(401.000 солдат, не считая унтер-офицеров и офицеров), оставалась в стационарном состоянии до 1880 г., что дальнейшие пять военных законопроектов (1880 — 1899) преследовали, главным образом, задачу улучшения вооружения и технического оборудования армии, и что только в последние годы, т.-е. почти накануне войны, когда весь технический аппарат и количественно и качественно был доведен до высшей степени совершенства, германское правительство начало лихорадочно увеличивать численность армии на мирном положении.

Речь сенатора Эмбера, произнесенная за 2 недели до войны, наряду с книгой Жореса «L'Armée nouvelle» («Новая армия»), опубликованной за год до войны, являются важнейшими документами для выяснения причин поражений французской армии в первых столкновениях с германскими полчищами. Для каждого, кто внимательно изучил речь Эмбера, станут ясными последующие события и сделается очевидным, что без сопротивления со стороны Бельгии, которая задержала немецкие войска в течение трех недель, без вмешательства Англии, высадившей за этот период около трех корпусов, т.-е. все свои экспедиционные войска, и оказывавшей затем военную поддержку Франции всеми силами, которые Великобритания могла двинуть в бой без содействия других важных факторов, а в особенности без помощи со стороны России, Франция в 1914 г. потерпела бы поражение более страшное, чем в 1871 г., и ее не спасли бы от разгрома ни «патриотизм и единение» ее населения, ни «героизм» ее солдат, ни таланты многих ее генералов — Жоффра, Манури, Сарайля, Фоша, Петена и др.

Правда, многие французы до сих пор не могут простить Эмберу его разоблачений и уверяют, будто последние ускорили войну, поколебав веру французов в силу армии и внушив немцам надежду на быстрый разгром Франции [1]). На самом деле, германский генеральный штаб прекрасно знал и без Эмбера состояние французской армии. Все, что говорил Эмбер, имеется в книге генерала Метро «Nos frontières de l'Est et du Nord» («Наши границы на западе и на севере») (3-е издание, Париж, 1904), причем генерал Метро заявляет, что он не выдает никаких военных секретов, ибо все, что он сообщает о состоянии французской артиллерии, он заимствует из книги, вышедшей в Берлине в издании Эрнста-Зигфрида Митлера и Сын., книге, предназначенной для офицеров германской военной академии и заключающей в себе самые обстоятельные сведения об артиллерии важнейших европейских государств, в том числе, конечно, России и Франции. Чтобы показать, какие точные сведения немецкий генеральный штаб имел о состоянии французских военных сил, генерал Метро рассказывает следующий факт:

[1]) Такое обвинение по адресу Эмбера бросил, между прочим, «Журналь де Женев» в передовице от 6 апреля 1915 г. В книге Henri Welschinger «Les leçons du livre Jaune» (Уроки Желтой книги) мы встречаемся также с тем же обвинением. От многих французов автору приходилось слышать уверение, будто накануне войны в Германии у всех немцев на устах только и было имя Эмбера, на которого и ссылались для доказательства, что Франция-де прогнила и не в состоянии оказать какого-либо серьезного сопротивления Германии.

«В 1906 г. военный министр прибыл в лагерь в Шалоне, чтобы присутствовать при стрельбе и маневрах нашей тяжелой пушки системы Римайо. Были приняты все предосторожности, чтобы никто не мог приблизиться к этому орудию, и даже я лично, несмотря на положение, которое я занимал в армии, должен был стоять в отдалении.

Несколько времени спустя сфотографированное орудие Римайо фигурировало в упомянутой книге, где можно видеть эту фотографию по сю пору» [1]).

«Вообще, — как рассказывает генерал Метро, — в упомянутой книге, изданной в Берлине, можно видеть удивительные фотографии орудий всех стран и в том числе французских».

Впрочем, даже не имея фотографий всех французских орудий и других подобных сведений, которые могли быть добыты лишь путем шпионажа, немецкому генеральному штабу нетрудно было прийти к заключению, что техническое оборудование французской армии накануне войны не стояло на уровне технического оборудования германской армии. Достаточно было знать общую сумму французского бюджета, колоссальные расходы Франции на колониальные авантюры, численность ее армии на мирном положении, чтобы сделать вывод о недостаточном вооружении этой армии. Ибо погоня за численным составом армии в мирное время, приблизительно равносильным немецкому, была idée fixe (навязчивой идеей) многих военных авторитетов Франции и большинства граждан III Республики за исключением социалистов, которые, признавая принцип защиты отечества и необходимости организации военных сил Франции для обеспечения независимости и территориальной целости страны, совершенно расходились с представителями господствующих классов во взглядах на наиболее целесообразный метод организации военных сил Франции для отпора нападения извне [2]).

Тщетно прозорливый Жорес, основываясь на изучении работ немецких генералов Бернгарди, Клаузевица, Фалькенгаузена, доказывал, что военный план Германии покоится не на принципе «внезапной атаки» (attaque brusquée), а на «массовом нападении», что Германия сразу двинет против Франции не только почти всю свою активную армию, но и сотни тысяч запасных, употребляя последних как на пополнение убыли в рядах действующей армии, так и прежде всего на создание из них самостоятельных боевых единиц, резервных дивизий и даже резервных корпусов. Тщетно и в своих парламентских речах, и в своей книге «L'Armée nouvelle» («Новая армия»), и в бесчисленных статьях в «Юманите» Жорес утверждал, что в первых же сражениях с французской армией с немецкой стороны будет участвовать самое меньшее 1.300.000 солдат, что на всех

---

[1]) Général Maitrot. «Les armées française et allemande». Paris Berger-Lecrault. 1914. (Генерал Метро, Французская и германская армии).

[2]) Во время войны очень много статей критике взглядов военных авторитетов Франции и защите точки зрения французских социалистов на организацию военных сил Франции посвятил известный генерал Персен. (См. статьи последнего в «Л'Юманите», в «Ле Боннэ Руж»).

маневрах в Германии происходят массовые упражнения резервистов, что германское военное министерство стремится не столько к тому, чтобы увеличить число солдат в казармах, а прежде всего к тому, чтобы иметь в стране возможно больше обученных солдат-резервистов; тщетно французский трибун призывал к осуществлению не на бумаге только, а на деле принципа вооруженной нации, идеи, которая так пугала многих консерваторов и рутинеров, и доказывал, что военная сила всякой нации заключается не в ее линейный войсках, а в ее резервной армии, и что поэтому закон о 3-летней военной службе является вредным, отвлекая и внимание страны, и ее рессурсы от резервов, которые составляют основу военного могущества всякого государства, — правительство и буржуазные партии стояли на своем, и все призывы Жореса остались гласом вопиющего в пустыне. Величайшие военные авторитеты Франции, генералы Метро, Бруно и т. д.—все члены высшего военного совета, одни ослепленные рутинной точкой зрения, другие робеющие перед самой идеей «вооруженного народа», утверждали, что в случае войны «вся немецкая активная армия», которая не нуждается ни в едином резервисте для того, чтобы начать кампанию, бросится на Лотарингию, разметая перед собой слабые французские прикрытия, и что для отражения этой армии нет нужды в многочисленных резервах, а достаточно сильной активной армии.

Под немецкой «внезапной атакой» французские авторитеты понимали оперирование с боевым составом исключительно мирного времени, нанесение французским войскам основного и решительного удара «активом» германской армии без всякого «резерва». Чтобы отразить этот внезапный удар и разбить немецкий план, оставалось-де лишь одно средство: увеличить численность активной французской армии, а так как в виду уменьшения численности населения было невозможно усилить ежегодный контингент рекрутов, — ввести трехлетний срок службы на место двухлетнего.

Мы знаем, что действительность оправдала предсказания Жореса. Германия не применила «внезапной атаки» по отношению к Франции, и германские войска ворвались сначала в Бельгию и лишь на 24 день войны прусские уланы впервые появились на французской территории около Рубе и Туркуана. Стало быть, Франция имела достаточно времени, чтобы подготовиться к этой «внезапной», «неожиданной атаке».

Но вся беда заключалась в том, что в то время как Германия бросила против Франции не 15 и даже не 21 корпус, — максимум, который ожидали встретить французы, — а целых 34 корпуса (21 активных и 13 резервных), которые затем были доведены до 52 корпусов, Франция в первый период войны оказалась совершенно неспособной мобилизовать значительные резервы, для которых в мирное время ничего не было готово. Между тем Жорес в своей книге «L'Armée nouvelle» («Новая армия») указывал на необходимость для успешного отражения возможного немецкого нашествия немедленной концентрации в случае войны вместе

с 2 классами активной армии 11 классов резерва, что дало бы возможность создать армию в 2 милл. человек, которую, «как гранитный утес», можно бросить на ворвавшиеся в старну неприятельские полчища.

Идея Жореса и социалистической партии были отвергнуты большинством палаты и сената, и Франция, таким образом, отказалась от единственного средства, которое могло бы самым решительным образом увеличить оборонительную мощь государства и этим предотвратить возможность нападения со стороны врага, осуществившего у себя на деле, а не на бумаге, принцип «вооруженной нации». Колоссальные кредиты, вотированные палатой депутатов в связи с законом о 3-летней службе, были расходованы бесплодно, и немецкие полчища, овладев всей Бельгией и десятью богатейшими департаментами Франции, были остановлены в своем наступательном движении и отброшены от Марны, из-под стен Парижа, только после того, как на помощь корпусам активной армии подоспели со всех концов Франции многочисленные резервные полки и дивизии, которые, к сожалению, не могли уже исправить роковой ошибки, допущенной в самом начале кампании по вине правящих классов Франции, и выбросить одним ударом из Франции немецкие войска, надолго засевшие в траншеях, куда германские легионы зарылись после битвы на Марне.

Таким образом мы видим, что если Франция в первый период войны оказалась неподготовленной к борьбе с Германией, случилось это не потому, что Франция затратила сравнительно мало финансовых средств на оборону страны, а в силу целого ряда причин, среди которых не последнюю роль играла слабая организация резервных войск в мирное время и излишнее увлечение приведением в полную боевую готовность актива армии в ущерб подготовке к войне многочисленных классов вышедших в запас армии граждан. Только после первых неудач при Шарлеруа, Моранже и т. д. и оккупация французской территории немецкими войсками, были призваны под ружье миллионы резервистов и скоро самое наименование «резервные» войска было отменено, чтобы показать этим, что во французской армии «резервные» корпуса, дивизии, полки и батальоны ничем не отличаются в боевом отношении от корпусов, дивизий и полков, так называемой, активной армии.

Характерно, что после первых же неудач французской армии (20 — 23 августа) в начале войны, сотни людей бросились искать книгу Жореса и пресловутый номер «Журналь Оффисиель» от 14 июля, где была напечатана речь Эмбера в сенате и возражения военного министра Мессими. оставившего свой пост 27 августа. Книги Жореса не было уже в продаже. а оставшиеся номера «Журналь Оффисиель» разошлись в несколько дней. и последние экземпляры продавались букинистами по большой цене. Во всяком случае, несомненно, что именно основные идеи. развитые Эмбером в его речи о важных технических упущениях в военном аппарате Франции, о недостаче тяжелой артиллерии, пулеметов, недостаче, оказавшей свое влияние на исход первых сражений, далее, взгляды Жореса по вопросу о роли многочисленных и хорошо вооруженных резервов

в современной войне легли в основу той критики, которая велась после первых же неудач на страницах французской прессы против Мессими и тех требований, с которыми общественное мнение обратилось к новому министерству Клемансо. «Виктуар», «Л'Юманитэ» и другие газеты в передовых статьях, отдельные граждане в тысячах писем в редакции газет требуют призыва под ружье всех годных к военной службе граждан; сотни унтер-офицеров спрашивают, почему их не посылают на фронт, и многие открыто в печати ставят вопрос: «Неужели правительство, загипнотизированное воспоминанием 71 г., боится вооружить народ?» Только под влиянием требований прессы правительство призвало под ружье те классы активного резерва и территориальной армии, которые были уже экипированы и вооружены, а затем неожиданно демобилизованы в первые недели войны [1]), и, таким образом, к битве на Марне Жоффр имел под своей командой 34 корпуса вместо 21, которые находились в его распоряжении в начале войны, т.-е. на 13 корпусов больше. Лихорадочная работа французской частной и казенной военной индустрии, а главным образом и прежде всего — свобода морей, благодаря которой с первого же момента войны к портам Франции, к Гавру, Бордо, Марсели и т. д. могли подходить новые и новые суда, днем и ночью разгружавшие тысячи лошадей, ружья, пушки, митральезы, снаряды, провиант вплоть до сена и овса в громадных количествах, дали возможность Франции с помощью английских войск восстановить на 35-й день равновесие сил и одержать победу на Марне, которая не была доведена до конца только потому, что в этот момент не все резервы французской армии были мобилизованы, что не хватило тяжелой артиллерии и обнаружился в последнюю минуту недостаток в снарядах. Как бы то ни было, если Франция сумела дать такой отпор немецким армиям на Марне и затем оказалась способной бороться в течение долгого времени с главными силами германской империи, случилось это наряду с другими благоприятными факторами и благодаря тому, что французский генеральный штаб под влиянием обстоятельств вынужден был отказаться от рутинной точки зрения и внести в дело обороны страны в той или другой форме новые принципы, которые отстаивал Жорес относительно роли «резервных армий» в современной войне.

4. Вооружения России накануне войны. Провокационные статьи в русской и французской прессе о вооружениях России. Большая военная программа ген. Сухомлинова. Мнение публициста Михайловского о программе Сухомлинова. Сухомлинов, Жюль Гейдеман, Стефан Лозанн и тому подобные.

От Германии и Франции не отставала, конечно, и царская Россия, шедшая давно по величине своего военного бюджета впереди других стран. С 1907 по 1912 г. было израсходовано на военные нужды в России

[1]) См. об этом наделавшую много шума статью Клемансо «На Сомме» в «Л'Ом Либр» 30 сент. 1914, написанную сейчас после появления немецких войск у берегов Соммы.

3.178 миллиардов рублей [1]). Русский военный бюджет на 1914 г. достигает колоссальной цифры 975 милл. рублей, или $2^1/_2$ миллиардов франков, и Стефан Лозанн в «Матэн» в статье от 11 января 1914 г. с гордостью подчеркивает, что «ни одна страна в мире не имеет подобного военного бюджета».

В таком же тоне пишут о нашем бюджете на 1914 г. и некоторые русские газеты, и «Утро России», рисуя блестящую картину нашей государственной обороны в статье «Наша военная готовность», восклицает: «Военный бюджет России в наступающем 1914 г. достигает колоссальной цифры почти в миллиард. Такого бюджета не имеет ни одно государство в мире». («Утро России» 16 января 1914.)

Военное министерство царской России в отличие от немецкого генерального штаба не публиковало данных о численности армии на мирном положении. Однако, благодаря сведениям, печатавшимся в нашей прессе, дебатам, происходившим в Государственной Думе, приблизительный численный состав русской армии на мирном положении не составлял секрета для людей, интересующихся вопросом и умеющих делать сложение и умножение. Германское военное министерство стояло на той точке зрения, что организация армии мирного времени отнюдь не составляет военной тайны. Поэтому численный состав германской армии в мирное время, число и штаты войсковых частей, дислокация армии составляли предмет гласного обсуждения в рейхстаге и в прессе. Зато мобилизационные планы и организация армии в военное время, а главное — численность резервов, которые подлежали призыву в случае войны, с такой тщательностью охранялись от взоров непосвященных, что за исключением высшего немецкого командного состава никто не знал, какие именно силы выставит Германия в случае войны и как эти силы будут организованы. Мы знаем, что действительность превзошла всякие ожидания. Только Жорес и немногие другие публицисты и общественные деятели предугадали, что германское правительство в будущей войне сразу бросит против врагов такие резервы, по сравнению с численностью которых состав армии на мирном положении окажется ничтожной величиной.

Численность русской армии, начиная с 1900-го года росла безостановочно и дошла накануне войны до колоссальной цифры 1.400.000 на мирном положении. Из ежегодно публиковавшихся сведений о контингенте новобранцев, призывавшихся в армию, явствует, что в 1899 году призывалось 291.000 человек, в 1900 году — 297.000, в 1901 г. — 308.000, в 1902 г. — 318.000, в 1903 г. — 320.000. Далее следуют годы войны, когда контингент сразу повысился: в 1904 г. — 447.000, в 1905 г. — 475.000. В 1906 г., по окончании

---

[1]) Из речи члена Государственной Думы г. Энгельгардта, представителя группы центра, на заседании 31 мая 1914 г. Цитировано по «Новому Времени» 1 июня 1914 г.

войны, призывается 469.000, в 1907 г. — 463.000. Ежегодный контингент рекрутов постепенно возрастает и достигает в 1914 г. 580.000, что составляет увеличение на 105.000 по сравнению с 1905 г. — годом русско-японской войны.

Вопрос об усилении численности русской армии, о создании новых трех (41 вместо 38) корпусов, об увеличении кадров резервных войск, об увеличении численности регулярной кавалерии, в виду того, что казаки не могут заменить собой последней, и соответствующем усилении французской военной мощи для борьбы с опасностью со стороны Германии служил предметом особого обсуждения во время приезда в Петербург в средних числах июля 1913 г. начальника французского генерального штаба генерала Жоффра, приехавшего в сопровождении более 10 офицеров различных родов оружия и оставшегося в России около недели.

Меры, которые принимала Россия для усиления своей боевой мощи, горячо приветствовались французской прессой, и в статье от 2 января 1914 г. главный редактор «Матэн» Стефан Лозанн подчеркивает, «что русская армия, имевшая 1 января 1913 г. на мирном положении 1.385.000 человек, — цифра, не имеющая прецедента в военной истории, — будет иметь на 115.000 чел. больше в нынешнем, 1914, году, на 90.000 больше в следующем 1915 г., затем снова на 90.000 в 1916 г. Следовательно, к 1 января 1917 г. русская армия на мирном положении будет насчитывать 1.730.000 человек (курсив Стефана Лозанна). В той же статье Стефан Лозанн доказывал, что Россия в данный момент в состоянии мобилизовать 5.600.000 человек и что в недалеком будущем, по осуществлении всех намеченных реформ и увеличении ежегодного контингента новобранцев, Россия в состоянии будет мобилизовать 7.000.000 человек [1]). В данном

---

[1]) На французском социалистическом конгрессе в декабре 1915 г. один из представителей «социал-патриотического» большинства, Бедус, устанавливая ответственность австро-немецкого правительства в мировой войне и доказывая, что центральные державы явились главными виновниками катастрофы, разразившейся над человечеством, указал, между прочим, что статьи, подобные статьям Стефана Лозанна, Жюля Гейдемана в «Матэн» значительно облегчили осуществление преступных планов правительств центральных держав. С одной стороны, говорил Бедус, в момент кризиса и крайнего обострения международных отношений за две недели до войны французский сенатор публично заявил о том, что Франция в данный момент совершенно не готова к войне, с другой стороны, некоторые органы прессы и прежде всего «Матэн» трубят о том, что в 1917 г. можно будет разбить Германию вдребезги. Более того, Жюль Гейдеман в сенсационной телеграмме из Петрограда «Матэн» от 18 июля приближает этот момент к началу 1916 г., когда Россия — по словам журналиста-провокатора — «будет обладать армиями, превосходящими численно армии всех европейских держав, вместе взятых». «Россия сделается к началу 1916 г. самой могущественной военной державой, какой еще не было в мире»,—телеграфирует Ж. Гейдеман через четыре дня после пессимистических разоблачений Эмбера.

Крайняя неосторожность и блёф идут в данном случае рука об руку. Нетрудно себе представить, каким удобным орудием для возбуждения тревоги в широких слоях населения Германии послужили в руках немецких шовини-

случае в высшей степени характерно, что Стефан Лозанн считал цифру 5.600.000 человек, мобилизованных в случае войны, колоссальной и был уверен, что русская армия в буквальном смысле затопит, наводнит Германию своей численностью, тяжестью своих тел. В официальных французских кругах никто не имел истинного представления о действительной численности резервов, которые Германия окажется способной вооружить с ног до головы и послать на фронт, ни о роли военной индустрии в будущей войне, ни, наконец, о тех колоссальных, буквально фантастических количествах снарядов, которые придется затратить в первых же битвах.

Как бы то ни было, по численному составу в мирное время русская армия представляла собой очень внушительную величину и не имела себе равной, превосходя германскую армию на 600.000 человек. Однако, принимая во внимание безграничное протяжение России (22 миллиона кв. километров против 540.000 кв. километров площади Германии и 536.000 кв. километров Франции), слабую организацию наших резервных частей, недостаточное развитие нашей железнодорожной сети и целый ряд других обстоятельств, придется признать, что этот численный перевес на мирном положении не мог играть серьезной роли в войне с врагом. так хорошо организовавшим заранее вооружение и призыв под знамена в случае войны миллионов и миллионов резервистов.

Ни русские, ни французские военные специалисты не имели истинного представления о тех резервах, которые обе воюющие стороны сумеют в случае конфликта выставить на поле сражения. В «Известиях Императорской Николаевской академии», № 39, были приведены в начале войны следующие данные о числе военно-обученных людей, которых могут призвать под знамена Австрия и Германия, с одной стороны, и Двойственный Союз — с другой. Вот эти цифры:

Россия	7.668.000 чел.	Германия	5.252.000 чел.
Франция	4.838.000 »	Австрия	2.243.000 »
Итого	12.506.000 чел.	Итого	7.495.000 чел.

Перевес на стороне Двойственного Союза на бумаге — колоссальный. Присоединение Италии с ее 40-миллионным населением, Англии, призвавшей под ружье миллионы волонтеров, далее, армий, призванных под знамена в Бельгии, Сербии, Черногории, должно было в значительной

стов статьи Стефана Лозанна и Жюля Гейдемана, статьи, которые были воспроизведены почти во всей немецкой прессе и цитировались несравненно чаще в Германии, чем во Франции. И неудивительно, что и сейчас же после опубликования фанфаронад Стефана Лозанна и Жюля Гейдемана и особенно с момента войны автору не раз приходилось слышать из уст французов же характеристику этих статей, как носивших провокационный характер и сыгравших на-руку германскому правительству и разбойничьим планам последнего. Деятельность Стефана Лозанна, Жюля Гейдемана и других мошенников печати ясно показывает, во что превращается «свобода печати» при буржуазном строе. Такая свобода прессы есть не что иное, как свобода среди бела дня подготовлять массовые убийства и резню, перед которыми бледнеют все ужасы самых страшных уголовных преступлений.

мере усилить этот перевес. Однако, беда в том, что эти миллионы и миллионы военно-обученных людей, имевшихся в России и Франции, нужно было экипировать, вооружить, непрерывно снабжать провиантом и колоссальным количеством снарядов и патронов. Ни русская, ни французская, ни английская военная и частная промышленность не оказались способными ответить быстро на задачи, выдвинутые современной войной. Между тем германская промышленность, мобилизованная с поразительной быстротой, не только сумела снабдить всем необходимым немецкую армию, но до истечения первого года войны доставила более миллиона ружей Австрии, а затем вооружила сотни тысяч людей в Турции и Болгарии. И таким образом и Германия, и Австрия сумели призвать под ружье в процессе войны несравненно больше солдат, чем предусматривалось военными специалистами Франции и Германии и, в частности, автором упомянутой заметки в «Известиях Императорской Николаевской Военной Академии».

Вообще организация и вооружение резервов представляли собой Ахиллесову пяту и в доктрине, и в системе национальной обороны Франции и России и, наоборот, самое сильное место, самый грозный таран в военном оборонительно-наступательном аппарате Германии. Несомненно, что военные агенты Двойственного Союза, изучившие на месте военную организацию Германии, и военные теоретики обеих стран «не заметили слона» в немецкой «кунсткамере».

Незадолго до начала мировой войны Михайловский в «Русском Слове» сделал расчет, насколько увеличились силы России сравнительно с другими державами, и доказал, что Германии и Австрии для уравнения численного состава своих армий с силами России остается только пойти по пути Франции и вернуться к трехлетней военной службе. Вот что писал по этому вопросу один из главных редакторов «Русского Слова»:

«Большая военная программа создает для России армию небывалой численности, далеко превосходящую соединенные армии целого ряда великих держав. Действительно, на основании закона 1913 г. германская армия в мирное время через два года должна быть доведена по численного состава в 784.000 нижних чинов. Армия габсбургской монархии, после проведения в жизнь закона об увеличении контингента новобранцев, принятых в текущем году, будет иметь мирную численность в 460.000 чел. Наконец, итальянская армия по мирному времени насчитывает 298.000 чел. Таким образом, соединенные армии тройственного союза к 1917 г. в мирное время будут насчитывать 1.542.000 солдат — на 104.000 чел. меньше летней численности русской армии. В зимнее же время наша армия по численности будет превышать соединенные армии тройственного союза, Японии (250 тыс. чел. в мирное время), Турции (220 тыс. чел.) и Швеции (78.000 чел. во время призыва резервистов); эти шесть держав 2.116.000 чел. русской армии могут противопоставить лишь 2.000.000 чел. Если бы состояние государственной обороны измерялось только мирной численностью армии, Россия свободно могла бы выдержать новое нашествие двунадесяти языков. Это, действи-

тельно, то наводнение, о котором несколько месяцев назад говорил с таким восторгом г. Стефан Лозанн на столбцах «Матэн»:

«Как и когда державы Тройственного Союза будут реагировать на осуществление новой программы ген. Сухомлинова, — пока невозможно предвидеть. Если действительно Германия и Австро-Венгрия вернутся к трехлетнему сроку службы, — соотношение сил между Россией и ее соседями вернется к прежнему уровню».

Итак, мы видим, что даже опытные публицисты и знатоки вопроса вроде г. Михайловского, не говоря уже о других, менее сведущих писателях, слишком поддавались гипнозу не только статей Стефана Лозанна и Жюля Гейдемана, строчивших свои статьи попросту по заказу из Петербурга, порой под диктовку Сухомлинова, но и некоторых отечественных произведений, носивших явный официальный штемпель. Кто не помнит нашумевшей статьи в «Биржевых Ведомостях» накануне войны: «Мы готовы»? Об этой готовности возвещал не кто иной, как пресловутый Ржевский [1]), писавший эту вызывающую статью под диктовку Сухомлинова в присутствии казненного впоследствии Мясоедова.

С какою целью г-да Ржевские, Мясоедовы и Сухомлиновы публиковали подобные тревожные статьи? Преследовалась ли этими фанфаронадами исключительно цель укрепить положение военного министра и его клевретов, или же Мясоедовы и другие стремились к осуществлению более грандиозных планов и имели в виду, во-первых, поднять боевое настроение в России и Франции, во-вторых, вызвать тревогу среди населения Германии и дать удобное оружие в руки Вильгельму II и его шайки для осуществления их преступных замыслов? Возможно, что авторы фанфаронад преследовали сразу обе эти цели. Как бы то ни было, несомненно, что деятельность русско-французских патриотов: Жюля Гейдемана, Лозанна, Ржевского и т. д. бросает своеобразный свет на роль так называемой желтой прессы в вопросе о происхождении и условиях возникновения нынешней войны.

Едва прошел месяц с того момента, как г. Михайловский поставил вопрос о выборе момента и о способах реагирования державами Тройственного Союза на русские вооружения, как ответ на этот вопрос был дан. И это был именно тот «ответ», о неизбежности коего писали «Речь» и «Берлинер Тагеблат» еще в апреле 1913 г.: германское и австрийское правительства не вернулись к трехлетнему сроку службы, а попросту объявили войну России и Франции и осуществили таким образом план, который, как указывала в упомя-

---

[1]) См. об этом «Речь» от 25 февраля 1916 г. и другие газеты за те же приблизительно даты. Пресса заговорила в этот момент об аферисте Ржевском, давно заклейменном уголовным судом, в связи с подготовлявшимся покушением на жизнь Распутина, покушением, в котором видная роль должна была принадлежать Ржевскому, Илиодору и некоторым другим лицам. Само собой разумеется, что инспираторами этого покушения являлись более высокие персоны.

нутой статье «Речь», был намечен немецким правительством уже в марте 1913 г., при чем уверенность германского генерального штаба в неизбежности разгрома России и Франции основывалась на убеждении, что ни России, ни Франции не удастся в течении войны, которая продлится самое большее несколько месяцев, организовать и вооружить многочисленные резервные армии. Лишь сопротивление Бельгии, а особенно вмешательство Англии, наконец, вторжение русских войск в Вост. Пруссию дали возможность Франции выиграть время и постепенно собрать под знамена новые и новые армии, с помощью которых эта страна в первый же месяц войны одержала победу на Марне, затем вторично вынесла на своих плечах поединок с перевооруженной и обновленной немецкой армией, отразив в шестимесячных боях под Верденом непрерывные дневные и ночные натиски германских войск, ослабившие военную мощь Германии и этим, в свою очередь, дала Америке, Англии и Италии возможность собрать большие силы для борьбы против центральных держав.

5. Вооружения Австрии. Статья Кассандера. Бесконечный винт.

От более сильных и богатых держав не отстают и другие страны — Австрия, Италия, даже Испания. Австро-венгерский военный министр Кробатин вносит в сентябре 1913 г. законопроект об ассигновке 400 милл. крон на новое увеличение состава австро-венгерской армии и на приведение ее в полную боевую готовность. Контингент новобранцев (180 тысяч в 1912 г.) должен быть увеличен ежегодно на 35 — 40 тысяч человек с таким расчетом, чтобы через три года, в 1916 г., мирный состав армии равнялся 600 тыс. человек. В апреле 1914 г., т.-е. как раз накануне войны, в делегации вносится новый законопроект о бюджете на будущий период (с 1 июля 1914 г. по 31 июня 1915 г.). На нужды военного министерства испрашивается бюджет в 754 м. крон. Выдвигается новая морская программа, требующая ассигновки 426 милл. крон, рассроченных на пять лет, для постройки четырех новых броненосцев, трех крейсеров и нескольких более мелких судов специально для плавания по Дунаю. Все эти непомерные требования, предъявленные делегациям, мотивируются в тронной речи «изменением военно-политического положения на Ближнем Востоке». В общих чертах последние вооружения Австрии сводятся к следующему:

1) Прежде всего признаются недостаточными укрепления Галиции на русской границе. Придерживаясь старого плана наступательных операций против России по направлению к Брест-Литовску, как редуту русских крепостей, австрийский генеральный штаб все же считает необходимым усилить оборону Галиции, чтобы спасти последнюю от наводнения многочисленными русскими войсками, которые могут захватить карпатские горные проходы и утвердиться в них. В виду этого обстоятельства новым бюджетом испрашивается 23 миллиона крон на усиление

крепостей Кракова и Перемышля и на сооружение фортов-застав во многих дефиле, ведущих из Галиции через Карпаты.

2) В ответ на усиление русских пограничных гарнизонов кавалерийскими частями приступлено к реорганизации венгерской кавалерии, на которую возлагается специальная миссия действовать против русской конницы в самом начале войны.

3) Согласно опыту последних русско-японской и балканской войн, доказавших важное значение т я ж е л о й артиллерии в полевой войне, всем действующим корпусам придаются тяжелые гаубицы в достаточном количестве.

4) Численность ежегодного контингента мирного времени увеличена на 34.000 для действующей армии, 10.000 для ландвера и 10.000 для гонведа (венгерский ландвер). Общая численность контингента составляет 262.000, которая распределяется на 159.000 от Австрии и 103.000 от Венгрии. Таким образом, по новому военному закону кадровый состав армии увеличивается на 50.000 человек, что должно довести мирный состав армии до 524.000 чел. [1]).

5) В виду усиления Сербии и тесного слияния этого государства с Черногорией проектируется затрата значительных средств на укрепление государственной границы Боснии и Герцеговины со стороны соседних балканских государств. Здесь приступлено уже к постройке батарей тет-де-понов (предмостных укреплений) по линии Савы и Дрины, укреплены подступы со стороны Сербии по направлению к Сараеву, где строятся крепости Зворник, Вышеград и Серебряники.

Настаивая на необходимости новых усиленных вооружений, наследный эрцгерцог при докладе бюджета на 1914 — 1915 г. в делегации заявляет без обиняков, что Австрия должна быть сильна д л я п р о в е д е н и я и м п е р с к о й п о л и т и к и на Балканском полуострове.

В общем, для осуществления всех этих проектов испрашивается обыкновенных расходов: на армию 485.184.415 крон (увеличение на $55^1/_2$ милл. по сравнению с прошлогодним бюджетом), на флот 76.266.710 крон. Специально же кредиты испрашиваются на нужды армии 81.310.000 кр., на флот 121.000.000 кр., итого на усиление боевой готовности Австрии требуется 854 м. крон, — сумма грандиозная для государства, обладающего весьма скудными финансовыми средствами.

Так австро-венгерское правительство ответило на призыв военного писателя, опубликовавшего под многозначительным псевдонимом Кассандера — от имени мрачной прорицательницы Кассандры — сенсационную статью: «Вооружение Европы и Австрия», заканчивающуюся следующими словами:

«В о о р у ж а й т е с ь, в о о р у ж а й т е с ь! Вооружайтесь для решительного боя. Балканы мы должны приобресть. Нет другого средства для того, чтобы остаться великой державой. Для нас дело идет

---

[1]) Срок службы в активе. двухгодичный для пехоты и трехгодичный в кавалерии и конной артиллерии.

о существовании государства, об избежании экономического краха, который, несомненно, повлечет за собой распадение монархии. Для нас дело идет о том, быть или не быть.

«Наше тяжкое экономическое положение может быть улучшено только тогда, когда мы приобретем Балканы, как исключительно нам принадлежащую колонию для сбыта нашего промышленного перепроизводства, вывоза излишка населения и нашего духовного перепроизводства.

«Вооружайтесь, вооружайтесь! Приносите деньги лопатами и шапками, отдавайте последний грош, переплавляйте кубки и серебро, отдавайте золото и драгоценные камни на железо. Предоставляйте ваши последние силы на вооружение неслыханное, какого еще свет не видел, ибо дело идет о последнем решительном бое великой монархии. Дайте ружье в руки отрока и вооружайте старца. Вооружайтесь беспрестанно и лихорадочно, вооружайтесь днем и ночью, чтобы быть готовыми, когда настанет день решения. Иначе дни Австрии сочтены».

«Какое несчастие, австрийская армия имеет на 30.000 человек личного состава меньше, чем нужно!» с глубокой тревогой восклицает военный министр Ауффенберг в своей патетической речи на заседании австро-венгерских делегаций 28 дек. 1911 г. И аналогичный скорбный крик повторяется ежегодно в делегациях Двуединой империи, вырываясь из груди каждого нового военного министра, варьирующего лишь цифры наличного состава армии, без которого государству грозит-де неминуемая гибель. И этот тревожный крик громким эхо разносится по всей Европе и находит себе звонкий отклик в чудовищных бюджетах, которые при грозном бряцании оружием вотируют народные представители Франции, России, Англии и всех других европейских государств на увеличение армии и флота.

Таким образом, военные мероприятия бесконечным винтом переходят из одной страны в другую, вызывая обострение нищеты, мук труда и рабства, и осложняя в то же время отношения между государствами.

Вслед за Австро-Венгрией тянется находящаяся с ней в формальном союзе, но враждебная Италия, которая без обиняков заявляет, что ее цель — не допустить усиления Австрии на Средиземном море и что для этого она будет вооружаться до последней крайности. Расходовавшая в 1906—1907 г.г. на содержание своей армии и флота 425 милл. лир, Италия ассигнует в 1913 — 1914 г. 965 милл. лир на армию и флот и таким образом за семь лет более чем удваивает свой бюджет военный, не считая при этом 200 миллионов на оборудование военной организации Триполи.

Даже несчастная Турция, еще не оправившаяся в финансовом отношении от двух последних войн — итальянской 1911 г. и балканской 1912 г.,—стоящая накануне полного финансового банкротства, приступает к полной реорганизации своих военных сил под руководством специальной немецкой военной миссии с генералом Лиманом фон-Сандерсом во главе и создает, как передают в осведомленных французских кругах,

грандиозный план перевооружения армии и доведения последней в случае войны — вместе с обученными военному делу резервами — до колоссальной для Оттоманской империи и внушительной для ее соседей цифры 1.400.000 человек, вполне приспособленных и по обучению, и по вооружению к ведению современной войны.

Эта широкая полоса вооружений, с необычайной интенсивностью захватившая все первоклассные государства, коснулась и таких стран, как Бельгия, Швеция, Норвегия, Испания и перебросилась за океан — в Австралию, Новую Зеландию, Канаду. В бельгийскую палату вносится проект о реорганизации национальной обороны, и во время дебатов по этому вопросу Гюман, вождь левой либеральной партии, отстаивая необходимость новых вооружений, восклицает на заседании 27 февраля 1913 г.: «Призрак войны, и, может быть, очень близкий, витает над нашими дебатами. Дело идет о положении Бельгии в Европе, об ее национальной чести и территориальной независимости страны» [1]).

Даже нищая Испания почувствовала вдруг недостаточность своих вооруженных сил и увеличила на 15% кадры мирного состава своей сухопутной армии. Кроме того, морской министр вносит в палату (25 апреля 1914 г.) законопроект о ежегодном в течение 9-ти лет ассигновании 36 милл. песет исключительно на морские вооружения, в видах предоставления постоянной работы испанским арсеналам и обеспечения развития морской промышленности («Речь»).

Даже далекая Австралия решает увеличить кадры своих войск и заготовить достаточные запасы боевой амуниции, чтобы не быть захваченной врасплох. Точно злым поветрием какой-то раж всеобщих вооружений охватывает все государства, за исключением таких стран, как Китай, Персия, и весь земной шар заковывается, как никогда, в броню, ощетинивается дулами тысяч и тысяч орудий и миллионами штыков.

6. Маринизм. Морские вооружения европейских государств.

I. Сравнительные данные о морском бюджете России и других стран.

Наряду с милитаризмом с необычайной быстротой растет и маринизм — сооружение военных флотов во всех государствах.

Каким темпом шла бешеная гонка вооружения в этой области, видно из следующей таблицы, указывающей на развитие маринизма

---

[1]) Новый военный закон, вотированный бельгийским сенатом 19 июня 1913 г., представлял значительный шаг вперед по пути введения всеобщей воинской повинности в королевстве. Он почти удваивал численность бельгийской армии на военном положении, доводя ее до 340.000 чел., вместо прежних 180 000, при чем теперь 150.000 чел. должны были составить полевую армию, 130.000 предназначались для защиты трех крепостей: Льежа, Антверпена и Намюра, и 60.000 образовывали вспомогательные войска. Однако война вспыхнула раньше, чем этот новый закон мог дать какие-либо положительные результаты, что в значительной степени затруднило бы вторжение германских войск в Бельгию.

в последние годы и касающейся морских издержек наиболее крупных государств.

Расходы в фунтах стерлингов.

	1907—1908 г.	1913—1914 г.	Прибавка.
Россия	8.850.240	24.249.454	15.399.214
Англия	31.251.156	46.809 000	15.058.144
Германия	14.225.000	23.039.194	8.824.194
Франция	12.486.798	20.847.763	8.360.970
Америка	21.260.732	29.498.867	8.238.135
Австро-Венгрия	2.713.540	6.600.551	3.887.011
Япония	7.371.771	9.860.912	2.489.135
Италия	5.661.822	10.157.846	4.496.024
	103.821.060	170.563.867	66.742.827

Как мы видим, в Японии расходы на флот за этот период увеличились на 33,7%, в Англии — почти на 50%, в Германии — на 61,9%, во Франции — на 67%, в Италии — на 79%, в Австро-Венгрии — на 143% и больше всего в России, именно на 173,9%.

В 1913 — 1914 г. больше России затратили на флот только два государства — Великобритания и С. Штаты. Даже на могущественные германский и французский флоты тратилось меньше, чем на возрождающийся русский флот.

На этом рост русского морского бюджета не остановился. Так в своем докладе по поводу морской сметы на 1914 — 1915 г. адмирал Бирилев указал, что «еще несколько лет тому назад мы стояли на седьмом месте по затратам на флот, в прошлом году мы стояли уже на третьем, а в нынешнем году перебрались уже на второе место, и только одна Англия тратит на свой флот больше, чем мы». Докладчик подчеркнул, что страна ничего не жалеет для своего флота, но морское ведомство должно помнить евангельское изречение: кому много дано, с того много и спросится. Наши военно-морские траты вместе с сверхсметными ассигнованиями доходят до миллиарда франков [1]).

За месяц до войны адмирал Русин сказал в Тулоне корреспонденту парижского «Журналь» о силе русского флота:

«У нас 12 дреднотов, частью готовых, частью в постройке. Кроме того, мы заложили в Балтийском море четыре громадных броненосца по 32.000 тонн со скоростью 29 узлов и вооруженных двенадцатью 350-миллиметровыми орудиями. Эти суда совершат пробную поездку в 1917 году. В Черном море должны быть закончены через $1^1/_2$ года три дредноута, а через два года — четвертый. Мы одновременно строим 10 легких крейсеров, 45 контр-миноносок и 30 подводных лодок. Как видите, мы не спим. Можно также надеяться, что в 1920 г., если все пойдет по-нашему, у нас будет эскадра из восьми дреднотов и четырех

[1]) Заседание Государственной Думы 11/VI 1914 г.

бронированных крейсеров, кроме 12 других больших броненосцев, находящихся в периоде вооружения и близких к окончанию».

Если наш военно-сухопутный бюджет является первым в мире, — наш морской бюджет является третьим в мире и вторым в Европе.

Расходы на флот в 1912 — 1913 г.

Страны:	В рублях.
Великобритания	414.496.078
Россия	159.261.424
Германия	105.694.950
Италия	79.961.127
Франция	52.742.368

Русский морской бюджет рос в течение последних лет накануне мировой войны с необычайной быстротой.

Годы:	Русский морской бюджет.
1908	92.032.157
1909	94.389.000
1910	97.465.283
1911	114.097.667
1912	159.261.424
1913	230.376.350
1914	250.397.540

При сопоставлении цифр русского морского бюджета обращает на себя внимание обстоятельство, о котором не раз писалось в русской прессе и говорилось в Государственной Думе и в Государственном Совете, это — непонятная дороговизна содержания русского флота... «Производит почти анекдотическое впечатление, — писал H. Ruchel в 1908 г.,—что японский флот требует 29 миллионов иен по обыкновенному бюджету, тогда как русский, даже и после его уничтожения, обходится в 104 милл. рублей, а в 1905 г. он стоил даже 117 милл. рублей» [1]).

Итак, Россия тратила на свой военный флот колоссальные суммы и собиралась тратить в будущем еще бо́льшие. У нас еще в более ярко выраженной форме, чем во всех остальных государствах, маринизм начинал с каждым годом отхватывать в свою пользу наибольшую часть бюджета и становился своего рода бочкой Данаид, куда бесследно уходили миллиарды рублей.

При анализе статей русского морского бюджета обращает на себя внимание мизерная сумма, расходовавшаяся накануне войны на сооружение подводных лодок, наряду с миллиардами рублей, ушедших на создание флота из крупных броненосцев. Впрочем, это явление, — предпочтение, оказывавшееся могучим эскадрам, снабженным тяжелыми орудиями, перед подводными лодками, — отнюдь не было характерно накануне мировой войны лишь для одной России.

---

[1]) H. Ruchel, «Die Finanzen Japan's» Essen, 1908 Г. Рухель, Финансы Японии).

Так флот воюющих европейских государств насчитывал в период кампании от 1-го августа 1914 г. по июль 1915 г. следующее количество крупных броненосцев (дреднотов, супер-дреднотов и др.) и бронированных крейсеров, с одной стороны, и подводных лодок — с другой.

Государства:	Броненосцы и бронир. крейсера.	Тоннаж.	Подводные лодки.	Тоннаж.
Англия	125	2.358.350	94	56.406
Франция	46	551.298	73	37.735
Россия	20	300.256	41	15.560
Италия	23	311.200	19	6.285
Германия	46	844.150	50	40.250
Австрия	19	216.045	10	5.660
Турция	5	54.540	1	1.200.

Любопытно, что этот флот на 284 крупных броненосных судов с тоннажем в 4.635.839 тонн имел всего 288 подводных лодок с тоннажем в 161.096 тонн. Итак, тоннаж надводного флота почти в тридцать раз превышал тоннаж подводного. При этом следует заметить, что в число подводных лодок во многих из указанных нами государств, например в России, в Италии, во Франции, были включены и такие устарелые суда, которые за невозможностью утилизировать их в современной войне не были даже мобилизованы, между тем как в числе крупных судов указаны лишь боевые единицы, имеющие действительно бо́льшую или меньшую военную ценность.

Само собой разумеется, что такая несоответствующая условиям современной войны пропорция между тоннажем крупного и мелкого боевого флота, такое предпочтение, оказывавшееся крупным надводным судам с толстой броней и с колоссальными дальнобойными пушками перед маленькими подводными лодками, объяснялось не признанием громадной военной силы первых и их решающей роли в морской войне, а интересами королей металлургической и военной индустрии, для которых выгоднее построить один левиафан в 30.000 тонн, чем 20 подводных лодок.

Но этот вопрос о надводном и подводном флоте, о морских великанах и пигмеях настолько важен для выяснения роли металлургии и военных заводов в развитии довоенного милитаризма и маринизма, что мы считаем необходимым более подробно остановиться на проблеме морской войны, на изучении сравнительной силы морских левиафанов и морской пыли.

II. Эволюция английского броненосного флота. Дредноты и супер-дредноты. Супер-дреднот «Королева Елизавета» и попытка форсирования Дарданелл.

В прежние времена, когда военные суда имели приблизительно одинаковые тоннаж и вооружение и ограниченное поле действия, факт

численного превосходства неприятельского флота одной или двумя боевыми единицами представлялся не имеющим особого значения. Между тем, незадолго до мировой войны мы были свидетелями того, как предполагаемое обновление турецкого флота одним броненосцем «Рио-де-Жанейро» вызвало неописуемый энтузиазм во всей Оттоманской империи, как будто последняя приобрела целый флот и несколько новых армейских корпусов, и, наоборот, усилило тревогу в Греции. И любопытно, что приобретение Турцией упомянутого броненосца вызвало тревогу не только в Греции. Так «Русское Слово» в передовой статье от 19 декабря 1913 г. писало:

«Весть о покупке Турцией бразильского дреднота «Рио-де-Жанейро» должна произвести тяжелое впечатление на тех, кто надеялся так или иначе на мирное разрешение ближневосточного кризиса... В течение двух с половиной лет господство на Эгейском море будет принадлежать турецкому флоту. Политическое значение такой перемены декорации для Греции ясно без дальнейших пояснений... К сожалению, приходится сознаться, что к турецкому флоту переходит господство также и на Черном море. Один «Рио-де-Жанейро» сильнее всей нашей черноморской бригады линейных кораблей».

Итак, накануне мировой войны многим казалось, будто слабая Турция, приобретя лишь один сверх-дредноут, сразу стала бы господином положения на обоих своих морских фронтах — на Эгейском и на Черном море, сразу сделалась бы в военно-морском отношении сильнее и России, и Греции в этих областях. Благодаря внезапно вспыхнувшей войне, Турции не удалось получить сверх-дредноута «Рио-де-Жанейро». Однако, теперь ясно, что если бы Россия имела на Черном море несколько флотилий подводных Давидов, — один-два надводных турецких Голиафа совершенно не были бы страшны русскому флоту. Во всяком случае, эпизод с «Рио-де-Жанейро» показывает, насколько переоценивалась до мировой войны роль сверх-дредноутов и насколько была недооценена роль подводных лодок.

Дредноты и супер-дредноты — своеобразный продукт военной техники современной нам эпохи. Вообще создание броненосных гигантов повело к революции в области сухопутной артиллерии, к появлению на полях сражений двенадцатидюймовых и более крупных орудий, которые сыграли такую огромную «моральную» роль в сражениях при Ляояне, Мукдене, и которые обнаружили такую реальную мощь в битвах в Бельгии, северной Франции и Галиции. Именно борьба между непробиваемой броней и всесокрушающим снарядом своими перипетиями заполняет историю последних десятилетий в развитии военной техники. Главным производителем современных морских чудовищ, классической страной военно-морской, а стало быть отчасти военной техники и индустрии вообще является Англия, которая создает лучшие броненосцы в мире и лучшие крупные морские орудия. Более того, до мировой войны считалось, что Англия создала и лучшие сухопутные

орудия из хромоникелевой стали [1]). Именно в Англии находится наибольшее количество могучих военных фирм, среди которых такие всемирно известные, как фирма Армстронга, Витвортса с капиталом приблизительно в 100.000.000 рублей, фирма Виккерса с капиталом в 85.000.000 рублей, фирма Джона Брауна, знаменитый Нобелевский динамитный трест и многие другие. Именно Англия дала первый толчок к морской мегаломании, к сооружению чудовищных левиафанов, стоящих десятки миллионов рублей, именно она создала впервые и строила самые большие броненосцы не только для собственного флота, но и для других государств: России, Турции, Испании, Китая, Японии, Бразилии, Чили, Аргентины. Итак, Англия является классической страной военно-морской индустрии, и потому мы ограничиваем свое исследование изучением эволюции английского флота в течение последнего десятилетия.

Хотя Англия накануне мировой войны имела небольшую сухопутную армию, ее военные расходы были колоссальны, и по величине своего военного бюджета она стояла только позади России. Важнейшая часть военного бюджета Англии шла на ее флот. Расходы на военный флот в течение последних лет растут с поразительной быстротой:

Морской бюджет Англии в фунтах стерлингов.

Годы:	
1907 — 1908	31.419.500
1908 — 1909	32.319.500
1909 — 1910	35.102.700
1910 — 1911	40.603.700
1911 — 1912	44.392.500

Морская смета на 1914 — 1915 г.г. превысила 50 миллионов фунтов стерлингов и достигла 51.550.000 фунт. ст., т.-е. приблизительно 515.000.000 рублей. В сравнении со сметой 1913 — 1914 г.г. она увеличилась на 27.000.000 рублей. А между тем уже относительно сметы 1913 г. канцлер казначейства (министр финансов) Ллойд Джордж сделал в палате общин на заседании 14 августа 1913 г. следующее предостережение, вызвавшее сенсацию в европейской прессе:

«Я отнюдь не огорчен тем обстоятельством, что внимание парламента привлечено к той опасности, которая грозит стране в результате непрестанного роста расходов на вооружения, — расходов, являющихся бедствием для цивилизации. Чтобы дать истинное представление о величине нашего морского бюджета, достаточно сказать, что в нынешнем 1913 году мы тратили на наш военный флот больше, чем расходовали на свои эскадры в 1886 г. все

[1]) См., между прочим, заключение совета русских министров по вопросу о передаче концессии на устройство артиллерийского завода в Царицыне. Мнение это, изложенное в «Журнале Совета Министров» от 8 апреля и 13 мая 1913 г., было опубликовано в европейской печати и резюмировано также в сообщении «Осведомительного Бюро».

государства вместе взятые, включая в число их и самое Англию. Это — поразительный факт...

Рост морских расходов в Англии объясняется причинами, общими для всех стран. Техника военного судостроения прогрессировала накануне мировой войны с умопомрачительной быстротой, и это явилось главным фактором чрезвычайного роста морских расходов во всех странах. Всего несколько лет перед мировой войной пресса с восторгом описывала разрушительную силу дредноутов, этих левиафанов, на сооружение которых правительства первоклассных государств затратили в течение семи лет миллиарды рублей. Но вот вчерашние гиганты в 18.000 — 20.000 тонн водоизмещения считаются уже пигмеями перед новыми морскими чудовищами, супер-дредноутами, водоизмещение которых начинает переходить за 30.000 тонн (американский супер-дредноут «Аризона»). Стоимость линейного корабля возросла за семь лет с 17 — 20 милл. рублей до 35 — 40 милл. руб., и пропорционально увеличились расходы по содержанию флота в плавании.

Тоннаж современного сверх-дредноута на 50% превышает тоннаж предшествующего ему типа крупного боевого судна. В течение целого двадцатилетия калибр крупных морских орудий не превышал 305 миллиметров и оставался в стационарном состоянии, хотя водоизмещение судов росло. Первый английский дредноут, так и называвшийся «Dreadnought» («Дредноут»), родоначальник нового типа крупных судов, господствовавших во флоте до 1912 г., был спущен на воду 10 февраля 1906 г. Его тоннаж равняется 17.960 тонн, — цифре, неизвестной до того времени, но скоро превзойденной. Едва прошло несколько месяцев с того момента, как был спущен на воду первый дредноут, как стало известным, что английские судостроительные заводы работают над сооружением трех дредноутов: «Беллерофон», «Сьюпёрб», «Темирэр», водоизмещением по 18.600 тонн, т.-е. на 700 тонн больше каждый по сравнению с их прототипом. Затем в 1908 г. появились новые мастодонты: «Ст. Винсент», «Кэнпингууд», «Вэнгард», водоизмещением в 19.250 тонн каждый, т.-е. на 850 тонн больше по сравнению с их предшественниками. В том же 1908 г. спускается на воду броненосец «Нептун» в 19.000 тонн. а в 1909 г. два гиганта «Геркулес» и «Колоссус», водоизмещением в 20.250 тонн. Уже само название, данное этим судам, как бы показывает, что их размер и сила не могут быть превзойденными. И, действительно, в тот момент многие специалисты высказывали мнение, что дальше в увеличении тоннажа боевых судов итти некуда.

Но уже в 1910 г. были спущены на воду 4 «Ориона», прототипы новых морских чудовищ — супер-дредноутов. Водоизмещение первого супер-дредноута равнялось 22.680 тоннам; превышение по сравнению с самым сильным дредноутом на 2.430 тонн. Но главное отличие супер-дредноута от предшествующего ему типа заключалось в увеличении калибра тяжелых орудий. На дредноутах калибр орудий не превышал 305 миллиметров. На «Орионе» калибр равнялся уже 343 мил-

лиметрам. Вес металла, который он мог сразу выбросить с одного борта, равнялся 5.670 килограммов (т.-е. 5,5 тонн) вместо 3.855, которые выбрасывал самый сильный дредноут. Итак, и в этом отношении сразу гигантский скачок вперед. По весу залпа тяжелых орудий с одного борта «Орион» был сильнее своего предшественника на 1.800 килограммов, т.-е. на 47%. В 1911 г. (январь, февраль) спускаются на воду четыре супер-дредноута типа «Король Георг V». водоизмещением в 23.500 тонн. Вес металла, выпускаемого сразу, равняется уже 6.350 килограммам (6,3 тонн).

В 1912 г. мы видим уже четыре супер-дредноута «Айбри Дьюк» с водоизмещением в 26.900 тонн, т.-е. на 3.400 тонн больше каждый, чем их предшественники. С увеличением разрушительной силы снаряда возрастает, конечно, и толщина брони. Борьба между броней и снарядом, заполняющая всю историю морской техники, не останавливается ни на минуту. На супер-дредноте «Айбри Дьюк» толщина брони равняется уже 343 миллиметрам вместо 305 миллиметров предшествующего типа.

В 1913 г. появляется пять новых супер-дредноутов типа «Королева Елизавета» с водоизмещением в 23.000 тонн. Новое судно представляет собой, по словам первого лорда адмиралтейства, соединение типа броненосца с крейсером. Это-де военное судно будущего. Его быстрота 25 узлов. Здесь броня еще толще, калибр орудий еще больше: 381 миллиметр вместо 343 миллиметров на «Айбри Дьюк». Несмотря на скудость сведений относительно нового орудия, — ибо английское адмиралтейство проявляло накануне войны скрытность большую, чем когда-либо, — нетрудно было составить себе представление об отличительных чертах пушки калибра 381 *мм*. Новое орудие весит 96 тонн, снаряд—885 килограммов, его первоначальная быстрота — 760 метров. Так как супер-дредноут 1913 г. имеет 8 тяжелых орудий вместо 10 предшествующего типа, стало быть вес залпа тяжелых орудий с одного борта равняется уже 7.080 кило (8 × 885).

На первый взгляд, все эти сведения кажутся крайне специальными, тем не менее они очень важны, ибо свидетельствуют о поразительной быстроте развития военно-морской техники и в определенном направлении. В самом деле, прогресс за десять лет умопомрачительный.

Название судов:	Годы.	Тоннаж.	Калибр тяжелых орудий.
Первый дредноут	1906	17.960	305 миллиметров.
Беллерофон	1907	18.600	305 »
Ст. Винсент	1908	19.250	305 »
Нептун	1909	19.900	305 »
Геркулес	1910	20.250	305 »
Орион (супер-дредноут)	1911	22.680	343 »
Король Георг	1912	23.500	343 »
Айбри Дьюк	1913	26.900	343 »
Королева Елизавета	1914	28.000	381 »

Величина и тяжесть снарядов, выпускаемых тяжелыми морскими орудиями, растет с поразительной быстротой.

Годы:	Вес металла, выпускаемого сразу тяжелыми орудиями с одного борта.
1910	3.855 килограммов.
1911	5.670 »
1912	6.350 »
1913	7.080 »

Итак, самым сильным типом английского флота в период мировой войны является супер-дреднот «Queen Elisabeth» («Королева Елизавета»). Известно, что один из таких супер-дредноутов принимал участие с февраля месяца 1915 года в бомбардировке Дарданелл. Насколько в английских морских кругах было сильно доверие к могуществу этого страшного мастодонта, видно из того, что английский адмирал, командовавший союзными эскадрами, решил прорваться через Дарданеллы без помощи сухопутной армии, рассчитывая прежде всего на силу орудий «Королевы Елизаветы», которые должны были с дальнего расстояния разрушить турецкие форты и расчистить таким образом дорогу остальным судам англо-французского флота. Самые серьезные английские и французские газеты, самые осторожные специалисты поддерживали эту фикцию [1]) и доказывали, что союзная эскадра, в состав которой входит грозный английский супер-дреднот, представлявший собой в начале 1915 г. самое могучее военное судно в мире, форсирует Дарданеллы без помощи экспедиционного корпуса. Тяжелые с у х о п у т н ы е орудия показали свою силу при бомбардировке Льежа, Антверпена, Мобежа, теперь очередь за орудиями м о р с к и м и, и нет сомнения, что чудовищные пушки «Королевы Елизаветы» превратят в порошок Дарданельские форты. Так рассуждали не только многие французские и английские специалисты по вопросам военно-морской техники, которых можно было бы заподозрить в том, что они принимают свои желания за действительность, но и авторитеты нейтральных стран — Голландии, Швеции, С. Штатов. Однако, известно, какими страшными потерями завершилась попытка применить эти идеи на практике. Форсирование Дарданелл помощью одного только флота, начавшееся 19 февраля, закончилось после 30-дневных попыток, сопровождавшихся немалыми потерями, катастрофой 18 марта, когда из 15 броненосцев и больших крейсеров, пытавшихся прорваться через проливы, три броненосца — «Буве», «Непреклонный» и «Океан» — пошли ко дну, потеряв более 3.000 человек экипажа, а из остальных судов десять потерпели очень сильные повреждения и вынуждены были отступить, не нанеся существенного вреда турецким фортам. Английский адмирал, командо-

[1]) «Тан», который позже так беспощадно критиковал попытку форсирования Дарданелл помощью одного флота, при первом известии о бомбардировке проливов высказывал очень радужные надежды.

вавший союзной эскадрой, был смещен, идея форсирования Дарданелл помощью одних только морских сил была признана утопией. В английском кабинете начались сильные трения, повлекшие за собой отставку некоторых министров и образование нового кабинета. Попытка форсирования Дарданелл была приостановлена, и только через пять недель, 26 апреля, началась снова атака проливов, но уже с помощью сильного экспедиционного корпуса. Как бы то ни было, вера в чудовищную силу колоссальных орудий «Королевы Елизаветы» и других подобных мастодонтов была разбита.

III. Флот надводный и подводный. Взгляды английского адмирала Перси Скотта.

Итак, действительность показала, что мощь всех этих дредноутов и супер-дредноутов была крайне раздута. Небольшая подводная лодка, которая может потопить устарелый броненосец типа «Абукир», с такой же легкостью взорвет на воздух современный супер-дредноут вроде «Королевы Елизаветы». И если до сих пор ни с одним из этих гигантов не случилось подобной катастрофы, то это объясняется не оборонительными и наступательными силами этих чудовищ, а попросту тем, что они лучше охраняются, чем более старые и менее дорогостоящие суда. Впереди супер-дредноута стоят другие броненосцы и крейсера, как бы закрывая их своими корпусами, наконец вокруг них снует бдительная стража из миноносцев, контр-миноносцев и подводных лодок, и, таким образом, от подводной лодки самый страшный супер-дредноут защищен не своей чудовищной броней, не своими тяжелыми и легкими орудиями, а стражей из небольших судов, пигмеев по сравнению с ним.

Уже в первые месяцы войны, стало быть до экспедиции в Дарданеллы, самому консервативному из морских министров первоклассных государств, именно английскому, стало как будто очевидно, что увлечение сооружением гигантских военных судов и пренебрежение к морским пигмеям было крупной ошибкой. В ноябре 1914 г. английские газеты напечатали официальное сообщение о приглашении на службу в морское министерство отставного вице-адмирала сэра Перси Скотта. Этот акт рассматривался, как имеющий известное симптоматическое значение. Кто такой Перси Скотт, какую роль играл он в английском флоте? Перси Скотт, вышедший в отставку в 1913 году, на 61 году от роду, является одним из самых выдающихся в Европе знатоков морского дела и специально артиллерийской части. Это он своими методами стрельбы, своим аппаратом для дальнего прицела реорганизовал морскую артиллерию, довел ее до высшей степени совершенства. Более того, он сумел сделать морскую артиллерию грозной и на суше, вдали от берегов. Именно он во время Трансваальской войны изобрел станок, который дал возможность утилизировать дальнобойные морские орудия при осаде Ледисмита.

Как известно, за несколько недель до начала войны, именно 5 июня 1914 г., Перси Скотт выступил в «Тан» с письмом о надводном и подводном флоте, — письмом, вызвавшим огромную сенсацию в Англии и возбудившим оживленную и памятную еще многим полемику во всей европейской, американской и японской прессе и специально военной литературе по вопросу о пригодности новейших морских чудовищ для целей морской войны, оборонительной или наступательной. По мнению Скотта, опыт последних английских и французских маневров обнаружил совершенное бессилие, беззащитность броненосцев, вообще надводного флота в борьбе с подводным и, следовательно, ненужность первого и крайнюю важность второго. «Эра дредноутов и сверх-дредноутов кончилась безвозвратно» — заявил Перси Скотт. Да и вообще смертный приговор подписан всякому флоту, плавающему на поверхности воды: дальнозоркие аэропланы и невидимые подводные лодки делают существование такого флота не только бесполезным, но и невозможным. Строить в настоящее время дредноуты — это значит бросать деньги в воду. Англии нужны не морские чудовища, ставшие бесполезными, а тучи аэропланов, тучи подводных лодок и многочисленный экипаж для них, хорошо обученный и молодой по возрасту, способный выдержать сильное нервное возбуждение. Подчеркивая абсолютную бесполезность в современной войне дредноутов и супер-дредноутов, Перси Скотт признает известное значение за быстроходными крейсерами. Однако, число последних должно быть очень ограничено.

Известно, что выступление Скотта вызвало сенсацию в морских сферах и с особым неудовольствием было принято печатью, защищавшей интересы судостроительного треста. Как и следовало ожидать, морская лига приняла заявление адмирала Скотта почти как государственную измену. С другой стороны, демократическая печать с восторгом приветствовала заявление Скотта и настаивала, чтобы адмиралтейство прекратило постройку новых, дорого стоящих дредноутов и крейсеров и строило многочисленный подводный флот. Как известно, тогда же некоторые газеты произвели анкету среди флотских офицеров. Почти все молодые офицеры, присутствовавшие на последних маневрах во Франции и Англии, присоединились к мнению Скотта. Зато бо́льшая часть старших офицеров отнеслась отрицательно к взглядам Скотта и справедливо увидела в его теории отходную для судов старого типа, для старых моряков и для всего старого морского опыта. Особенно жесткой критике подверглись взгляды Перси Скотта со стороны органов, преданных тресту вооружений, боявшемуся потерять выгодные заказы.

События морской войны, потопление 22 сентября в Северном море одной и той же немецкой подводной лодкой трех английских крейсеров: «Абукир», «Хог» и «Кресси», вооруженных каждый двенадцатью 15-дюймовыми орудиями в 45 калибров длиной, двенадцатью 7,6-дюймовыми орудиями в 40 калибров длиной и несколькими мелкими пушками, с экипажем на трех судах более чем в 2.000 человек: потопление 5 сента-

бря 1914 г. английского крейсера «Надзфайндер» у самых английских берегов немецкой подводной лодкой «U 21»; потопление русского крейсера «Паллада» 11 октября 1914 г. в Балтийском море; потопление английского крейсера «Хоок» 15 октября 1914 г.; потопление немецкого крейсера «Гела» у самых берегов Гельголанда английским миноносцем; потопление английского броненосца «Формидэбль» в Ла-Манше 1 января 1915 г.; потопление 18 июля 1915 г. в Балтийском море немецкого броненосца «Дейчланд» английской подводной лодкой и целый ряд других подводных подвигов со стороны морских пигмеев показали, что эта морская пыль может быть очень опасна современным левиафанам.

И в том обстоятельстве, что подводным лодкам удавалось пустить ко дну сравнительно небольшие крейсера и броненосцы, нельзя было не видеть доказательства необычайной деятельности этих миноносок. Ибо гораздо труднее потопить небольшое судно, чем большое, во-первых, потому, что первое занимает меньшую площадь и представляет меньшую мишень, во-вторых, потому, что самодвижущаяся мина, которая часто делает легкие уклоны в глубину, как бы ныряет, может пройти, не затронув дна неприятельского судна, если последнее не сидит глубоко в воде.

Итак, оказалось, что морской пигмей не только в состоянии бороться с морским гигантом, но что он порой способен атаковать неприятеля на большом расстоянии от своей базы.

Приглашение отставного адмирала Перси Скотта на службу в морское министерство являлось признанием того, что до войны английское адмиралтейство недостаточно оценивало роль подводного флота, и одновременно указанием, что оно теперь же примет самые энергичные меры, чтобы наделить английский флот эскадрами или, как выражался Скотт, «тучами» подводных лодок и далеко опередить в этом отношении немецкий флот.

Однако английскому адмиралтейству не удалось очень много сделать за первый год войны со времени приглашения на службу Перси Скотта. Во-первых, вся энергия английского правительства была направлена, главным образом, в течение первого периода войны, к увеличению численности своей сухопутной армии, а особенно к разрешению сложного и трудного вопроса о снабжении армии необходимым количеством снарядов и взрывчатых веществ; во-вторых (на что намекали многие английские специальные органы), вопрос о подводных лодках не разрешается только сооружением нескольких новых десятков этих судов. Главная трудность заключалась в подготовке достаточно многочисленного штата моряков, умеющих управлять этими сложными и опасными судами. А такой штат нельзя было создать в несколько месяцев. Таким образом Англия поплатилась во время войны за свое пренебрежение в мирное время к подводному флоту, и вот почему также союзная эскадра в Дарданеллах не могла в течение месяцев нанести особого вреда туркам. Напрасно Клемансо и другие видные французские и английские публицисты выражали свое изумление

по поводу бессилия союзного подводного флота в Дарданеллах и в других пунктах, где несколько подводных лодок, управляемых опытными моряками, могли бы нанести, особенно в первоначальный момент, страшный удар неприятелю. В такой стране, как Франция, где систематически дискредитировалась идея подводного флота и прославлялось могущество морских мастодонтов, где изобретатели субмарин, инженеры Гудо и Зеде, и их покровитель, бывший морской министр адмирал Об, преследовались как опаснейшие враги отечества и умерли нищими, где так травили Пельтана и не добили его, подобно его несчастным предшественникам, только потому, что он владел пером, был видным членом радикал-социалистической партии и мог постоять за себя, —в такой стране не могло выработаться достаточного количества моряков, способных управлять подводными судами. Тем более верно это относительно Англии, где морской министр, стоящий на точке зрения адмирала Оба или Пельтана, не продержался бы и трех месяцев, не то что трех лет.

IV. Большие и малые суда. Увеличение тоннажа военного судна и его боевая сила. Теория Уайта и Бертэна. Большие торговые суда и их экономическая невыгодность.

Помимо Перси Скотта, и притом до него, целый ряд самых выдающихся специалистов в области военно-морской техники высказывались против чрезмерного увлечения сооружением больших и дорого стоящих боевых судов.

Так, сэр Уильям Уайт, бывший главный директор, руководивший в течение четверти века сооружением английского флота, работавший столь долгое время над усовершенствованием и развитием морской силы Великобритании, в течение последних лет своей жизни не переставал собирать доказательства банкротства новой системы морских вооружений. Он, во-первых, доказывал, что Англия совершает непоправимую и преступную ошибку с точки зрения сохранения ее относительного морского могущества, создавая неожиданно новые типы военных судов, которые, по словам их же творцов, сразу сводят к нулю боевое значение всех прежних эскадр, стоивших десятки миллионов фунтов стерлингов и обеспечивавших неприкосновенность английской территории, а теперь годных лишь на слом для продажи в качестве старого железа; а во-вторых, что в основе дреднотов лежит ложная и опасная идея. По мнению этого эксперта, одного из самых глубоких и блестящих в Великобритании, а стало быть и на всем земном шаре, знатоков морского дела, увеличение водоизмещения военных судов выше 16 — 17 тысяч тонн не только не составляет преимущества в оборонительном и наступательном отношении, но, наоборот, ослабляет боевую мощь военного судна.

Бывший директор морских сооружений во Франции, Бертэн, известный специалист по вопросам военно-морской техники, путем самостоятельных изысканий и опытов пришел к тем же выводам. Так в своем сообщении, прочитанном на заседании французской Академии Наук (Académie des Sciences, 29 дек. 1913 г.), Бертэн, развивая свою теорию относительно результатов увеличения размера боевых судов, подчеркивает, что увеличение тоннажа судна даст возможность использовать все боевые свойства дредноута только в том случае, если не переходит границы приблизительно между 15.000 и 20.000. Бертэн тогда же обещал снова взяться за вычисления, которые им были прерваны в январе 1913 г. («Calcul de l'augmentation sur chargement de la vitesse obtenue par l'accroissement des dimensions d'un paquebot» («Вычисление увеличения скорости в зависимости от размеров судна», см. отчет заседания Академии Наук 6 января 1913 г.), и дать формулу для важнейших типов боевых судов. И, действительно, в апреле 1914 г. Бертэн выступил в Академии Наук с очень интересным и обстоятельным сообщением по данному вопросу [1]).

Крайне любопытны также исследования Бертэна относительно торговых пароходов. Бертэн доказал, что громадные торговые суда, которыми гордятся Англия и Германия, невыгодны с коммерческой точки зрения. Сооружение этих гигантов явилось результатом конкуренции между английскими и немецкими океанскими линиями. В своем преклонении перед всем «колоссальным», в своем стремлении доказать urbi et orbi (всему миру) торговую гегемонию Германии на морях, немцы стали создавать невиданные дотоле по водоизмещению и скороходности суда, как, например, «Фатерланд» — 54.000 тонн, «Император» — 52.000 тонн, «Бисмарк» — 56.000 тонн, «Кайзер Вильгельм II», «Фридрих Великий» и т. д., которые совершали плавание между Гамбургом и американскими портами и задержаны теперь в С. Штатах [2]). Англия приняла вызов, брошенный ей Северо-Германским Ллойдом (Nord Deutscher Lloyd) и Гамбург-Американской линией, и стала строить большие по размерам суда. Так создавались чудовища вроде «Титаника», потонувшего с громадным экипажем от столкновения с морской льдиной, или несчастной «Лузитании», так преступно потопленной немецкой подводной лодкой. Но, как утверждал незадолго до этих катастроф Бертэн, оба эти судна были убыточны с финансовой точки зрения, и компании, эксплоатировавшие их, получали ежегодно субсидию от английского адмиралтейства на погашение значительной части стоимости угля, поглощаемого этими прожорливыми морскими гигантами. То же самое верно относительно громадных немецких океанских пароходов, которые так поражали воображение

[1]) Comptes rendus hebdomadairis de l'Académie des Sciences. 14 Avril 1914. («Еженедельные Отчеты Академии Наук»).

[2]) Стоимость всех германких судов, задержанных в американских портах, определяется в 550.000.000 франков.

людей, не знавших, что все эти красивые титаны играют попросту роль рекламы и сами по себе приносят лишь убыток германским мореходным компаниям. Чтобы поддержать этот «блёф», долженствовавший свидетельствовать о морском могуществе Германии и поощрять компании строить все более гигантские суда, правительство немецкое выдавало Гамбург-Американской линии и Северо-Германскому Ллойду специальные субсидии на сооружение морских гигантов и погашение убытков, благодаря эксплоатации последних. Как формулировал Бертэн, с увеличением размеров торгового судна выше определенной нормы прибыль на каждую тонну уменьшается. Дело в том, что с увеличением размеров судна тяжесть корабельного корпуса, представляющего собой тяжесть мертвую, растет несравненно быстрее, чем водоизмещение судна. В результате полезная тяжесть, груз, уменьшается в соответствующей пропорции. В прежние времена при переходе от судна в 5.000 тонн к судну в 10.000 тонн достигали увеличения груза в пять раз. Ныне при переходе судна в 20.000 тонн к судну в 40.000 достигают увеличения груза только в $2^1/_2$ раза, что не возмещает увеличения в расходах на уголь, ибо с увеличением судна сила мотора не возрастает в той же степени, и, таким образом, требуется большая затрата энергии для преодоления сопротивляемости воды. Торговое судно в 90.000 тонн не сможет взять никакого груза. Судно же большего тоннажа не сможет плавать даже б е з в с я к о г о г р у з а. Таковы выводы, к которым на основании тщательных вычислений приходит Бертэн. Итак, мы видим, что великолепные колоссы, которыми гордятся английские и германские мореходные компании, старающиеся перещеголять друг друга красотой, размерами и быстроходностью своих трансатлантических пароходов, крайне убыточны с коммерческой точки зрения и служат прежде всего целям рекламы. В той же мере, в какой сооружение всех этих «Титаников», «Лузитаний» и т. д. и предпочтение, оказываемое этим большим торговым судам перед меньшими пароходами, не оправдывается само по себе преимуществами в эксплоатации этих морских гигантов, — сооружение десятков бронированных мастодонтов и предпочтение, оказываемое им перед боевыми судами меньших размеров, не оправдываются с военной точки зрения и объясняются мотивами, лежащими вне требований морской тактики и стратегии.

V. Г е р м а н и я и е е б р о н е н о с н ы е э с к а д р ы. М а л е н ь к а я б е л ь г и й с к а я а р м и я и б о л ь ш о й н е м е ц к и й ф л о т. С р а в н и т е л ь н а я р о л ь м о р с к о й и с у х о п у т н о й с и л в с о в р е м е н н о й в о й н е. М о р с к о й и с у х о п у т н ы й б ю д ж е т ы.

Разочарование в период мировой войны в полезности броненосного флота проявилось с особой силой в Германии. «Морская Лига», насчитывавшая накануне войны несколько десятков тысяч членов, собиравшая постоянные пожертвования на флот, столько трубила о зна-

чении для Германии сильного флота из крупнейших боевых судов, сам Вильгельм столько нашумел по всей стране своими фанфаронадами о немецкой морской силе и своими напыщенными речами о том, что будущность Германии лежит на воде, что затем немецкому правительству не приходилось удивляться жалобам верноподданных бюргеров по поводу бесполезно брошенных в море сотен миллионов марок, которые пригодились бы для чего-нибудь другого.

Эрою немецкого флота надо считать вступление на престол Вильгельма (1888 г.). Именно с этого момента начинается быстрое возрастание военно-морского бюджета Германии. В 1888 — 1889 г. расходы на флот равнялись всего 60 миллионам марок, в 1889 — 1890 г. — 63 милл. мар., в 1890 — 1891 г. — 98 милл. мар., в 1896 — 1897 г. — 107 милл. мар., в 1897 — 98 г. — 147 милл. мар., в 1898 — 1899 г. — 162½ милл. мар., в 1890 — 1900 г. — 185 милл. мар., в 1900 — 1901 — 240 милл. мар. Итого за период с 1888 по 1901 г. Германия истратила на свой флот более 1½ миллиарда марок[1]). Эти лихорадочные вооружения, эти колоссальные расходы вызвали сильную тревогу в Англии, которая с своей стороны ответила усиленными вооружениями.

Рост ежегодных расходов на флот не останавливался в течение последующего периода и достиг в 1903 году громадной цифры 467.000.000 марок. Всего же за период с 1901 по 1914 г. Германия затратила на свой флот — по сведениям английского ежегодника «Navy League» («Морская Лига») — около 4½ миллиардов марок. Таким образом, со времени вступления на престол Вильгельма до начала мировой войны Германия израсходовала на свою морскую силу более 6 миллиардов марок, из которых более 95% ушли на создание крупных военных судов. В результате, к началу мировой войны Германия обладала первоклассным флотом из 21 дредноута, 20 броненосцев предшествующего типа, 38 бронированных крейсеров и т. д. Но что дал Германии этот громадный флот из крупных боевых судов с точки зрения интересов ее национальной обороны? Несмотря на кичливые слова Вильгельма: «Unsere Zukunft liegt auf dem Wasser» («Наша будущность на воде»), слова, которые так часто цитировались в немецкой прессе и пангерманской литературе, немецкой надводный флот, создание которого обошлось приблизительно в 6 миллиардов марок, т.-е. почти в полтора раза больше пресловутой контрибуции, взятой с Франции в 1871 г., боялся выйти из своих нор, чтобы под ударами английских и французских эскадр не взлететь на воздух или против своей воли не превратиться в флот «подводный».

Вместо того, чтобы тратить миллиарды франков на броненосный флот, — писали многие немецкие специалисты, — лучше бы своевременно употребить эти колоссальные суммы на сотню лишних подводных лодок, на усиление сухопутной армии, на сооружение новых крепостей и укрепление Восточной Пруссии, которая два раза с начала войны под-

[1]) Точно — 1.564½ миллиона марок.

верглась нашествию русской армии, в виду-де того, что германская сухопутная сила не оказалась в начале войны достаточной для борьбы на оба фронта, и весь немецкий броненосный флот не оказался способным отвлечь хотя бы один английский корпус от защиты французской и бельгийской территорий.

«В германском обществе ропот по поводу бесполезности и бездействия броненосного флота все усиливается, и таким образом возможно, что морское министерство окажется вынужденным, в конце концов, рискнуть на какой-нибудь отчаянный шаг, который не улучшит морского положения Германии, но, вероятно, приведет к неизбежной катастрофе, к окончательному уничтожению всех военно-морских сил немецкой империи, к какой-нибудь страшной битве с соединенными англо-французскими флотами»,—писал я в сентябрьской книге «Северных Записок» за 1915 г. Действительно, в конце концов, именно 31 мая 1916 г. немецкий флот оказался вынужденным выйти в море, и в результате он был обращен к германским берегам, не осуществив своей задачи и потеряв часть судов, стоимость которых американская пресса определяла в 51 миллион долларов.

Вопреки мнению многих германских патриотов, бездеятельность немецкого броненосного флота на западном театре не представляла собой ничего странного. Во всех морских войнах между двумя неравными по силе противниками значение слабейшего флота фактически сводится к нулю. С этой стороны все расходы, производившиеся до войны, порой в течение десятилетий, на создание морской силы государства, оказываются в конечном счете абсолютно бесполезными. В Крымскую кампанию русские сами потопили свой флот, чтобы он не мог достаться противникам.

Слабая по численности бельгийская армия не побоялась вступить в бой с немецкими полчищами и в течение более двух недель собственными силами задерживала германские войска на своей территории и, дав возможность Франции закончить мобилизацию, спасла, по словам французов, их страну от разгрома. Сопоставим активную роль маленькой бельгийской армии, которая в течение чуть ли не года ведет борьбу с немецкими войсками, то задерживает их, то сама переходит в наступление совместно с англо-французскими войсками, с вынужденной бездеятельностью немецких и австрийских броненосных флотов, спрятавшихся в свой поры и совершенно бесполезных для своих стран, и мы поймем, насколько даже с чисто военно-стратегической точки зрения являются брошенными в воду и совершенно непродуктивными те миллиарды, которые идут на создание броненосного флота, когда нет никакой надежды обзавестись флотом, по крайней мере равносильным флоту противника.

При этом оказывается, что наступательная сила сильнейшего флота тоже очень ограничена и распространяется только на открытое море. Англичане господствовали в Северном море, но они были бессильны против Гамбурга и Бремена; французы являлись господами на Среди-

земном море, но это не мешало австрийскому флоту находиться в полной безопасности.

Итак, мы видим, что морская сила далеко не играла той роли в мировой войне, какую приписывали этой силе некоторые теоретики [1]), панегирики могучих флотов с грандиозными супер-дреднотами.

Между тем содержание военного флота из крупных судов обходится необыкновенно дорого современным государствам. Газета «Тан», которую никто не заподозрит в антимаринизме, в кампании против сооружения крупных боевых судов, и которая, наоборот, так рьяно травила Пельтана и единомышленников последнего, подсчитала сравнительные расходы европейских государств на армию и флот, и пришла к следующим выводам («Тан», 27 ноября 1914):

«Если мы возьмем 6 важнейших государств, участвующих в нынешней войне и обладающих военным флотом (стало быть, мы исключаем Бельгию и Сербию), и подсчитаем их ежегодные расходы на флот и сухопутную армию в мирное время, мы увидим, что военно-сухопутный бюджет этих государств определялся накануне войны в $5^1/_2$ миллиардов франков, тогда как расходы на флот определялись в 3 миллиарда 200 милл. франков. Стало быть, пропорция морских расходов по отношению к сухопутным, 57%, пропорция, несомненно, крайне высокая, ибо мирный состав флота составляет $^1/_{10}$ численности сухопутных армий, именно 400.000 моряков против 3.900.000 солдат... Эта пропорция становится особенно великой, если мы примем во внимание, что во время войны мобилизация увеличивает численность сухопутной армии в два, даже в три раза, тогда как флотский состав увеличивается во время войны всего на $^1/_8$».

Из этих цифр, которые дает «Тан», мы видим, что в то время как содержание в мирное время одного солдата обходилось государству приблизительно в 1.500 фр., содержание одного моряка обходится в 8.000 фр. в год, т.-е. более, чем в пять раз дороже. Эта дороговизна содержания моряка обусловливается прежде всего расходами по сооружению всех этих грандиозных крупных судов. Что было бы, если бы через каждые пять, десять лет государство разрушало все казармы и на место последних воздвигало бы новые здания для солдат? Насколько это удорожило бы содержание армии? А ведь одно боевое судно, которое продается на слом, как старое железо, стоило когда-то в 20, 30 раз дороже, чем самое приличное каменное здание. И, в конце, подсчитывая расходы на флот в мирное время, даже «Тан» ставит вопрос: «Оправдала ли боевая деятельность современного флота в нынешней войне колоссальные расходы на содержание и сооружение боевых эскадр современных государств?».

Не подлежит сомнению, что господство на море дало союзникам громадные преимущества в борьбе с австро-германской коалицией.

[1]) Основной работой, на которую ссылаются эти теоретики, является книга известного американского писателя Mahan'a: «Influence of see power upon History» (Мэхэн, «Влияние морской силы в истории»).

Прежде всего оказался обеспеченным на все время войны безопасный транспорт во Францию и Бельгию вспомогательных войск не только из Марокко, Алжира, Англии, но даже из таких отдаленных стран, как Индия, Австралия, Канада... Далее, удалось совершенно отрезать Германию от ее колоний, прервать все ее торговые сношения с американским континентом и с Китаем, установить полную блокаду австро-германских берегов и, таким образом, если не вполне, то почти замкнуть огненное кольцо вокруг обеих стран.

Однако можно поставить вопрос, насколько Англии и Франции было необходимо для обеспечения этого владычества на море тратить буквально миллиарды рублей на постройку новейших морских чудовищ, всех этих небывалых по величине дредноутов и супер-дредноутов, которые пока ничем особенным на проявили своего существования. Даже многие из вчерашних поклонников дредноутов и супер-дредноутов сожалеют теперь о том, что французское и английское правительства не считались со взглядами Перси Скотта (Бертэна, Уайта) и не обратили достаточного внимания на всю важность «морской пыли» в будущей войне.

VI. Мнение принца Генриха Прусского о кризисе военных флотов. Борьба немецкого морского министерства против увлечения крупными военными судами. Пресса и дредноуты. Роль подводного флота в войне. Супер-дредноуты и береговые укрепления.

Итальянский морской инженер маркиз Лоренцо д'Адда опубликовал в майской книге швейцарского журнала «Bibliothèque universelle» («Универсальная Библиотека») за 1916 г. очень интересную статью о «кризисе военных флотов», где он между прочим рассказывает о своей беседе с братом Вильгельма II, главным адмиралом германского флота, принцем Генрихом Прусским, о роли подводного и надводного флота в нынешней войне.

«В первых числах декабря 1914 г. [1]), — рассказывает маркиз Лоренцо д'Адда, — я находился в Киле. Принц Генрих Прусский очень любезно пригласил меня к себе на завтрак в свой королевский замок и спросил меня:

« — Что вы думаете о наших дредноутах, о наших последних субмаринах, нашем арсенале? Скажите откровенно».

« — Позвольте мне воспользоваться вашим разрешением и ответить вам откровенно, — заявил Лоренцо д'Адда. — Ваши подводные лодки удивительны. Ваш арсенал великолепно оборудован, но что касается ваших дредноутов, — сколько бесполезно израсходованных

---

[1]) Стало быть, это было еще до вступления Италии в войну.

денег! Что вы сделаете с этими гигантами? Никогда вы не рискнете отправить их далеко от берегов».

« — Кому вы это говорите! — воскликнул горячо принц Генрих.— Но разве вы не знаете, что я всегда боролся против этой злосчастной идеи сооружать дредноты, не соответствующие нашей морской политике. Однако, меня никогда не хотели и слушать. Я требовал лишь сооружения бронированных крейсеров для крейсерской войны, судов для закладки мин, и подводных лодок, — побольше подводных лодок. Вы видите, в каком мы находимся теперь положении. Наши дредноты увязли здесь и в Вильгельмсгафене, число наших субмарин совершенно недостаточно, хотя мы строим их лихорадочно, а где мы возьмем крейсера, чтобы продолжать и умножать подвиги «Эмдена»? Где мы возьмем эти крейсера? Ах, эти дредноты! Это — мой кошмар. Пусть Англия сооружает их, я это понимаю. Она достаточно богата, чтобы позволить себе подобную роскошь, притом на ее стороне численность. Она может даже потерять 25% числа своих самых больших единиц, ее морской безопасности ничего от этого не будет грозить. Но чтобы более слабые державы совершали подобную ошибку и концентрировали в небольшом количестве морских единиц почти всю свою морскую силу, — смысла этого увлечения я не могу понять. Будучи в прошлом году в Буэнос-Айресе, я сказал аргентинцам: «Что вас побуждает строить два столь больших дреднота, как «Мсрено» и «Ривадавиа»? Вы попросту с ума сошли. Одна неприятельская подводная лодка, одно маленькое судно, положившее мину, очень легко потопит вас, и вы потеряете в несколько минут без сражения 80% всей силы вашего флота».

«— Слабейшие морские державы должны раздроблять риск войны, распылять опасность, вместо того чтобы концентрировать всю свою силу в людях и боевом материале на нескольких единицах, которые могут быть уничтожены самодвижущейся миной, стоящей всего несколько тысяч марок. Но вы видите, что то же самое повальное увлечение, то же самое безумие охватило все морские державы, даже второстепенные: Россию, Австрию, Италию, Испанию, Бразилию, Аргентину. Даже в Голландии собираются вотировать новые кредиты для сооружения крупнейших военных судов».

Дальнейшие события войны вполне оправдали пессимистический взгляд принца Генриха Прусского на роль немецких и австрийских дредноутов в современной войне.

«Не говоря уже о суммах, израсходованных на сооружение 20 линейных кораблей до-дреднотовского типа, — говорит Лоренцо д'Адда, автор упомянутой статьи, — и принимая во внимание лишь стоимость 25 дредноутов, приходится заключить, что Германия в течение 6 лет израсходовала почти $1^1/_2$ миллиарда марок, чтобы создать флот, который невозможно утилизировать в войне, между тем как на те деньги можно было бы соорудить 40 броненосных крейсеров-корсаров, которые можно было бы пустить по всем морям до объявления войны для охоты на торговые суда по методу «Эмдена», т.-е. рыцарским и человеческим обра-

зом[1]). Сверх этого, Германия могла бы, по меньшей мере, построить 100 субмарин, предназначенных для настоящих военных действий, а не для потопления беззащитных торговых судов и подвигов вроде с «Лузитанией».

Лоренцо д'Адда приводит следующую статистику потерь, нанесенных военным флотам союзников немецкими и австрийскими подводными лодками. Приводим ее целиком:

1914 г.

5 сентября. Английский крейсер «Пасзфайндер», 3.000 тонн, экипаж 220 человек.

22 сентября. Бронированные английские крейсера «Абукир», «Кресси», «Хог», всего 12.000 тонн, с экипажем в 1.500 человек.

Конец сентября. Английский броненосец «Одэшёс», в 23.500 тонн (потери не опубликованы).

11 октября. Русский крейсер «Паллада», 8 тысяч тонн, с экипажем в 550 человек.

15 октября. Английский крейсер «Хоок», в 7.500 тонн.

31 октября. Английский крейсер «Гермес», в 5.500 тонн.

1915 г.

1 января. Английский броненосец «Формидэбл», в 15.200 тонн, с 600 человек экипажа.

11 марта. Вспомогательный английский крейсер «Бэнно» (180 погибших).

27 апреля. Бронированный французский крейсер «Леон Гамбетта», в 12.000 тонн, с экипажем в 600 человек.

1 мая. Английский разрушитель «Рекрут», в 350 тонн, с экипажем в 39 человек.

25 мая. Английский броненосец «Триумф», в 12.000 тонн, с экипажем в 250 человек.

27 мая. Английский броненосец «Мэджестик», в 15.000 тонн (потери не опубликованы).

10 июня. Английские миноносцы №№ 10 и 12, с тоннажем 250. Погибших 47 человек.

7 июля. Итальянский бронированный крейсер «Амальфи», в 10.400 тонн. Погибших 600 человек.

18 июля. Итальянский бронированный крейсер «Джузеппе Гарибальди», в 7.400 тонн. Погибших 300 человек.

---

[1]) Известно, что английское правительство и английская пресса очень лестно отзывались о командире немецкого крейсера «Эмдена», фон-Мюллере, который, хотя и потопил 16 английских торговых судов, 1 русский крейсер, 1 английский миноносец и взял в плен 5 торговых судов, но, в то же время не обнаружил бессмысленной жестокости и спас экипажи и пассажиров всех потопленных им судов. Преследуемый 70 военными судами, «Эмден», в конце концов, был настигнут в Индийском океане австралийским крейсером «Сидней» и потоплен.

Конец июля. Итальянская подводная лодка «Медуза», в 300 тонн.
8 августа. Вспомогательный английский крейсер «Индия».

1916 г.

2 февраля. Французский бронированный крейсер «Амираль Шарнэ», в 4.700 тонн. Погибших 400 человек.

Март. Вспомогательный французский крейсер «Прованс II», в 12.500 тонн. Погибших 1.500 человек.

17 марта. Французский контр-миноносец «Ренодэн».

С сентября 1914 г. по март 1916 г. немецкие и австрийские подводные лодки потопили 23 военных судна с общим тоннажем в 200.000 тонн и с экипажем в 8.000 человек. За этот же период немецкий и австрийский подводный флот потеряли потопленными или взятыми в плен 40 единиц с водоизмещением в 22.000 тонн и с экипажем в 600 — 700 человек. Итак, потери австро-германского подводного флота в водоизмещении и численности погибшего экипажа в д е с я т ь раз меньше урона, нанесенного ими неприятельскому надводному флоту. Что касается торгового флота союзных держав, в этой области удары, нанесенные неприятельскими подводными лодками, также были весьма ощутительны. За период от начала войны (июль 1914 г.) по конец ноября 1915 г. немецкие подводные лодки потопили 568 торговых судов с водоизмещением в 1.079.403 тонны [1]).

Уже из этих цифр видно, какой страшный урон могли бы нанести союзникам центральные державы, если бы миллиарды, затраченные последними на сооружение броненосного флота, оказавшегося совершенно бесполезным для Австрии и Германии, ушли на создание могущественного подводного флота в десять, двадцать раз более сильного, чем тот, с которым Австрия и Германия начали войну.

Относительно немецкого морского министерства нужно все-таки признать, что первоначально оно стояло на точке зрения признания целесообразности для Германии военного флота предпочтительно из небольших судов; лишь под влиянием металлургистов и находящейся в услужении последних прессы, германское правительство вынуждено было волей-неволей пойти по стопам Великобритании, хотя и не было никакой возможности угнаться за последней. Морское министерство в эпоху Тирпица, начиная с 1897 г. и до последнего момента, обнаруживало явные тенденции сооружать суда преимущественно небольшого водоизмещения.

Так, первые крупные суда, появившиеся в 1904 — 1906 г.г., 5 судов типа «Брауншвейг» и 5 судов типа «Дейчланд» имели всего по 13 тысяч тонн водоизмещения (быстрота хода 18 узлов).

---

[1]) Здесь речь идет лишь о судах, потопленных подводными лодками. До 30 апреля 1916 г. торговый флот союзных держав потерял погибшими от подводных лодок и от мин 769 судов с водоизмещением в 1.730.573 тонны. Но особенно страшные потери понес торговый флот союзных держав за 2-й период, именно 1916 — 1918 г.г. Итог этих потерь будет подведен нами в книге «Мировая война и ее итоги».

Сооружение подобных «карликов» (!) вызвало язвительные насмешки со стороны рептильной прессы, действовавшей по указке металлургического треста. Десятки продажных газет подняли гвалт на всю Германию о выброшенных бесцельно в воду миллионах марок. Даже серьезный «Берлинер Тагеблат» писал: «Хорошими делами занимаются в нашем морском министерстве. Что оно нам дает? Суда в 13.000 тонн, когда другие государства сооружают гигантские броненосцы в 18.000 тонн».

Но вот в 1908 г. и в Германии появляются 4 судна типа «Нассау» в 18.000 тонн, быстрота 18 узлов, вооружение — 12 орудий в 28 *см* Но это в данный момент уже не удовлетворяет металлургистов. Суда выстроены, деньги за них получены. Надо придумать что-нибудь новое. Пресса опять поднимает гвалт, указывая на Англию, где в том же году спущен на воду броненосец «Нептун» в 19.900 тонн. Пресса требует, чтобы германское морское министерство не отставало от английского, а наоборот — опережало последнее. «Если мы не можем строить столько же судов, сколько Великобритания», — кричат органы металлургической прессы, — «будем, по крайней мере, сооружать бо́льшие суда, чем английские». Продажная печать требует, чтобы ей подали что-нибудь «colossal» («колоссальное») в области морских сооружений.

В 1909 г. появляются 4 судна типа «Гельголанд» в 23.000 тонн, быстрота 21 узел, вооружение — 12 орудий в 305 миллиметров.

В 1910 г. 5 судов типа «Кайзер» в 24.000 тонн; быстрота 23 узла, вооружение — 10 орудий в 305 миллиметров.

3 судна типа «Маркграф», следующие за «Кайзером», отличаются теми же чертами.

Наконец, появляются броненосцы «Эрзац Ворт» и «Эрзац Бранденбург». Сооружением этих гигантов морское министерство как бы публично кается в своих заблуждениях и провозглашает на всю Германию «mea culpa» («моя вина»), сразу переходя к орудиям в 305 миллиметров вместо 181 миллиметра предшествующего типа. Вес снаряда этих орудий — 760 килограммов, быстрота стрельбы — один выстрел в минуту.

И когда весь этот с таким трудом и с такими громадными денежными затратами создавшийся флот, после почти двухлетнего бездействия в период войны, — в течение которого немецкая сухопутная армия, не отдыхая ни одного часа, днем и ночью боролась на всех фронтах против грозных соперников — рискнул, наконец, в первый раз выйти в море, он вынужден был после страшных потерь бежать обратно под прикрытие береговых укреплений, чтобы спастись от английских эскадр. В этом сражении при Ютланде, имевшем место 31 мая 1916 г., германский флот, по английским официальным данным, понес следующие потери:

	Тоннаж.		Тоннаж
2 дредноута	47.900	5 легких крейсеров	24.500
1 воен. судно (типа Дейчланд)	13.200	6 миноносцев	4.800
1 военный крейсер («Лютцов»)	28.000	1 субмарина	8.000
		Общий тоннаж	119.200.

Здесь отмечены лишь те потери, очевидцами которых были англичане. В действительности же потери были значительно выше. Кроме судов, пошедших ко дну на глазах английского флота, один дреднот, два линейных крейсера и три контр-миноносца получили такие сильные аварии, что они едва ли могли доплыть до берегов (см. рапорт адмирала Джеллико о битве при Ютланде). По позднейшим голландским сообщениям, на германских верфях находились для исправления 15 военных судов, получивших сильные аварии в битве при Ютланде, аварии, надолго выведшие эти суда из боя.

Таково существенное различие между морской и сухопутной войной. Германский флот численно и качественно не представлял quantité négligeable (ничтожной величины) по сравнению с английскими эскадрами. И на бумаге, и в действительности он был внушительной величиной. Однако, как мы указали выше, когда этот флот, после двухлетней подготовки во время войны, рискнул, выбрав удобный для себя момент, выйти в море, он должен был бежать перед сильным противником через несколько часов после начала боя. Между тем при том же количественном и качественном соотношении слабейшая сухопутная армия могла бы долгие месяцы и порой годы отстаивать территорию от сильнейшего противника, как мы видели на примере Бельгии и Сербии в мировую войну, южно-африканских республик в Трансваальскую войну.

Конечно, надводный флот Согласия был значительно сильнее надводного флота центральных держав, но все-таки, несмотря на этот крупный перевес сил на стороне Согласия, многие австро-германские морские специалисты уверяли накануне войны, что в случае вооруженного конфликта с державами Согласия австро-германский броненосный флот сумеет показать свою силу противникам. Более того, многим еще памятно, с каким усердием и английская, и французская, и, в особенности, немецкая пресса разрабатывали вопрос о возможности высадки германской армии на английских берегах.

Автор лично никогда не разделял этих англо-французских опасений, и в одной из статей, «Англо-германская распря и будущая война», автор доказывал техническую невозможность войны один на один между Англией и Германией, как войны между «китом» и «слоном».

«Англия не может атаковать с шансами на успех берега Германии. Неизвестно, сумеет ли она уничтожить или хотя бы даже ослабить немецкий военный флот, ибо последний, в случае нежелания принять бой, укроется под защиту береговых укреплений в Боркуме, Вильгельмсгафене и т. д. С другой стороны, можно ли говорить серьезно о высадке немецких войск в Англии? Трудно себе представить, чтобы немецкий флот мог собраться незамеченным и мог проскользнуть, как небольшая лодка, среди английских сторожевых постов, среди всех этих миноносцев, крейсеров, дредноутов, день и ночь крейсирующих вдоль берегов Великобритании. Достаточно было бы первому английскому судну, торговому или военному, заметить неприятельскую армаду, и тотчас же последняя была бы настигнута английскими эскадрами и взята в плен, уничтожена.

Вспомним только ту поразительную быстроту, с какой во время пресловутого Гульского инцидента были мобилизованы не только береговая и Ламаншская, но и атлантические эскадры» [1]).

Все это было слишком очевидно даже слепому. Однако, нужно же было чем-нибудь оправдать сооружение этих, оказавшихся ныне бесполезными, морских гигантов, всех этих германских дредноутов и супердредноутов. И вот готовая к услугам металлургистов пресса и специальная военная литература рисовали картины, как немецкий флот неожиданным нападением разобьет вначале одну английскую эскадру, затем другую, потом вступит в бой с третьей эскадрой и, в конце концов, уничтожит всю морскую силу Великобритании, заставив гордую владычицу морей пасть на колени перед всесокрушающей Deutschland über Alles (Германия превыше всего).

В момент объявления войны Англия, Франция и Россия (последняя на Балтийском море) располагали 81 броненосцем, 6 бронированными крейсерами и 75 крейсерами, всего 224 крупными боевыми судами, между тем как центральные державы располагали 47 броненосцами, 20 бронированными крейсерами и 44 крейсерами. Соотношение сил равнялось, таким образом, 2 к 1. Правда, если брать за базу сравнения тоннаж флотов обеих коалиций, — пропорция в пользу Согласия получается еще бо́льшая. Тоннаж крупного боевого флота трех держав Согласия равнялся в момент объявления войны 2.676.540 тоннам, тогда как тоннаж флота центральных держав всего 1.026.250 тонн, что составляет всего 3% первого. Флот Согласия был сильнее не только численно, но и качественно, что явствует из тоннажа.

Как бы то ни было, если надводный флот Согласия и был сильнее надводного флота центральных держав, все-таки вынужденное бездействие крупных германских и австрийских судов в мировой войне на западном фронте представляет собой столь бьющий в глаза факт, что с ним в некоторых странах вынуждены будут считаться после войны многие ярые сторонники морских «левиафанов».

С другой стороны, самым неожиданным фактом в мировой войне для мно́гих специалистов и не-специалистов было то, что могучие англо-итальяно-французские эскадры были не в состоянии овладеть не то что каким-нибудь Фиуме, но даже жалким портом вроде Дедеагача или турецкими гаванями на малоазиатском берегу, что могло бы оказать колоссальную помощь сухопутным армиям и решительно повлиять на быстрый и счастливый исход военных операций на балканском и турецком театрах действий. В борьбе с самыми ничтожными береговыми укреплениями все могучие флоты союзников оказались совершенно бессильными, и в этом отношении четырехлетний опыт войны особенно ярко подчеркнул банкротство крупных бронированных судов.

Германский подводный флот был малочислен в начале войны, и тем не менее он сумел нанести серьезный урон врагам Германии.

---

[1]) «Современник». 1911 г. Кн. VII, стр. 324.

Как пишет Б. Жерве в своей книге «Значение морской силы для государства» (Пгр. 1922), количество германских подводных лодок, участвовавших в «беспощадной подводной» войне, было далеко не так велико, как это считали ее враги во время войны. Следующие цифры дают представление о численности германского подводного флота за все время мировой войны: Германия начала войну, имея всего 28 подводных лодок. В течение 1914 года в строй вступило 5 новых подводных лодок и погибло также 5. Таким образом, к началу 1915 года Германия снова обладала всего 28 подводными лодками.

В течение 1915 года в строй вступило 54 подводных лодки, а погибло 19. Таким образом, к началу 1916 года германский подводный флот возрос до 63 подводных лодок.

В течение 1916 года в строй вступило 87, а погибло 25. Таким образом, к началу 1917 г. германский подводный флот возрос до 115 подводных лодок.

В течение 1917 года в строй вступило 78, а погибло 66. Таким образом, к началу 1918 года германский подводный флот возрос до 137 подводных лодок, т.-е. всего на 12.

В течение 1918 года (по октябрь, до заключения, 9 ноября, перемирия) в строй вступило 74, а погибло 70; т.-е. за последний год войны германцам удалось увеличить свой подводный флот всего на 4 подводных лодки.

Несмотря на малочисленность германского подводного флота, подводная война дала, по выражению Жерве, «ошеломляющие» результаты.

Достаточно сказать, что сами англичане в литературе, посвященной мировой войне, признают, что операции германских подводных лодок поставили гордую владычицу морей в 1917 г. в такое близкое к гибели положение, в котором Англия ни разу не находилась за последние 200 лет. Потребовалось громадное напряжение почти неограниченных технических ресурсов Англии и Соединенных Штатов Америки, чтобы создать всю ту колоссальную систему средств борьбы с германской подводной войной, которая только в 1918 году дала, наконец, решительный результат, устранив нависшую над Англией угрозу.

Следующие цифры характеризуют результаты подводной войны Германии против морских сношений ее противников.

Потери Англии и других государств в коммерческом флоте от германских подводных лодок во время «беспощадной» подводной войны (в тысячах тонн водоизмещения):

	1917 год.			1918 год.		
	Английские потери.	Потери прочих.	Общие потери.	Английские потери.	Потери прочих.	Общие потери.
1-я четверть года .	912	708	1620	698	446	1144
2-я » » .	1362	875	2237	631	331	962
3-я » » .	952	541	1494	512	403	915
4-я » » .	783	490	1273	—	—	—

Из этой таблицы видно, что уже во второй половине 1917 г. размер потерь в коммерческом флоте от германских подводных лодок стал падать. Это, несомненно, объясняется результатом усилий, проявленных Антантой по созданию больших средств для борьбы с «германской подводной опасностью». Но в течение всего 1917 года опасность еще не была ликвидирована; хотя размеры потерь в коммерческих судах, поддерживавших необходимые для Англии и ее союзников морские сношения с внешним миром, со второй половины этого года и стали уменьшаться, но они все еще значительно превышали количество тонн водоизмещения вновь строившихся коммерческих судов; таким образом в течение всего 1917 года общее количество коммерческих судов, которое могло поддерживать морские сношения Антанты, непрерывно уменьшалось.

VII. Подводные лодки и металлургический трест во Франции.

Я упомянул выше, что и во Франции, подобно тому как мы это констатировали по отношению к Англии, России и т. д., подводные лодки не пользовались особым престижем в глазах морского министерства и руководящих национальной обороной кругов и считались лишь вспомогательным орудием, так сказать, третьего порядка. Судьба известного французского радикал-социалиста, бывшего министра Камилла Пельтана, скончавшегося в июне 1915 г., через несколько дней после гибели под ударами немецких подводных лодок двух английских броненосцев «Триумф» и «Мэджестик», является яркой иллюстрацией к истории борьбы французской металлургической промышленности против идеи создания сильного подводного флота во Франции.

Среди деятелей французской демократии не было другого человека, которого реакционная пресса преследовала бы с таким упорством и злостью, как Пельтана. Вокруг его имени создалась целая легенда. Его изображали, как самого неряшливого человека во Франции, который будто бы никогда в своей жизни не брал мыла в руки. Юмористические листки рисовали Пельтана в самом непривлекательном виде, в кафе-шантанах на Монмартре в течение 10 лет под-ряд распевались грязные и глупые песенки о «вшах Пельтана». Все это было отвратительно и мерзко, но находилась многочисленная публика, которая с засосом читала и бешено аплодировала, слушая пошлые песни.

Правда, Пельтан был человеком, который больше следил за изяществом своей парламентской речи и элегантностью своих газетных статей, чем за изысканностью своих костюмов, но все-таки он одевался не хуже сотен других своих коллег по парламенту и сенату; разве что большая борода была у него всегда всклокочена от того, что он любил запускать в нее свои руки; но дело было, конечно, не в бороде, а в чем-то другом, из-за чего реакция с таким упорством вышучивала, осмеивала Пельтана, стремясь унизить его в глазах общественного мнения. Рассказывали и писали, будто Пельтан никогда не употреблял носового платка, да

и мало ли чего не употреблял Пельтан, согласно создавшейся вокруг его имени легенде.

Из-за чего же загорелся весь этот сыр-бор, почему реакционная и консервативная пресса с таким упорством вела кампанию против Пельтана, почему даже в день похорон [1]) этого радикал-социалиста, в этот момент «национального перемирия», «Тан» и другие органы консервативной прессы с такой строгостью писали о деятельности Пельтана, как государственного человека, как экс-министра Франции?

Пельтан был единомышленником и сподвижником Комба, стало быть сторонником отделения церкви от государства и противником клерикализма. Но не в этом заключалось главное преступление Пельтана. Многие столь же и даже более тяжкие «преступники», виновные в покушении на власть папы во Франции, давно прощены и амнистированы самыми ярыми клерикалами; но вина Пельтана страшнее, чем преступление франкмасонов и других врагов духовенства и святого отца, сидящего на троне в Риме. Пельтан зашел так далеко в своей борьбе с консервативными порядками, что осмелился поднять руку против металлургического треста, распоряжавшегося национальной обороной республики. Пельтану можно было бы простить борьбу против синдиката католических священников, этих «черных воронов», стремившихся подчинить Францию власти иностранца, пребывающего в Риме и осмелившегося взять под свою защиту Германию и Австрию [2]), но невозможно было простить покушение на дивиденды нескольких истинно-французских металлургических баронов, державших в своих руках всю военную индустрию Франции.

Начиная с 1902 по 1905 г., т.-е. в течение трех лет под-ряд, Камилл Пельтан был морским министром Франции. И вот с того момента, как Пельтан сделался министром, его не переставали забрасывать грязью. Это он был дезорганизатором морской силы Франции, он уничтожил могучий когда-то боевой флот Франции, он низвел республику на степень третьестепенной морской державы. И долго после отставки Пельтана все несчастья, которые происходили во французском военном флоте, сваливались на бывшего морского министра. Шло ли какое-нибудь судно ко дну, садился ли какой-нибудь крейсер на мель, взрывался ли на каком-нибудь броненосце паровой котел, во всем виноват этот бывший морской министр, «вшивый», «вечно пьяный» Пельтан.

В чем же заключалось преступление Камилла Пельтана, почему реакция с таким ужасом говорит о «мрачном периоде» его руководства организацией морской силы Франции? Пельтан был противником догмы, которая гласит, что могущество флота определяется почти исключительно числом входящих в его состав броненосцев и крейсеров. Он придавал громадное значение подводным лодкам и за время своей деятельности

---

[1]) Камилл Пельтан скончался 5 июня 1916 г. в Париже.

[2]) Известно, какое негодование во всей Франции и Бельгии вызвало интервью редактора «Либертэ» с папой, отказавшимся выразить свое осуждение немецким подвигам в Бельгии.

в качестве морского министра он уменьшил число сооружаемых ежегодно крупных военных судов, гигантских броненосцев и крейсеров, этих морских левиафанов, стóящих десятки и сотни миллионов франков; зато он стремился к созданию многочисленного флота из мелких военных судов, миноносцев и контр-миноносцев и подводных лодок.

Опыт мировой войны блестяще подтвердил идеи Пельтана. Гигантские немецкие броненосцы, стоившие по 40 — 50 миллионов марок, трусливо прятались в Кильском канале и не смели носа показать наружу, между тем как немецкие подводные лодки сновали по всем европейским морям. Но разве идеи Пельтана могли прийтись по вкусу стальным королям и продажной прессе, находящейся у них на откупу? Как один человек, поднялись против Пельтана все металлургические бароны, как непобедимая всесокрушающая сила встал против него трест судостроительных заводов, и началась дикая травля. Как! Этот бунтовщик, этот «беспросыпный пьяница», этот «невежа» хочет заставить военные заводы заниматься постройкой маленьких дешевых судов, не имеющих даже брони, когда миллионы наживаются так легко на постройке одного броненосца, стóящего 40, 50 и 100 миллионов франков каждый. Ату его! Изменник, сумасшедший, пьяница! И вся желтая пресса, подкупленная золотом металлургических баронов, запела в один тон: «Изменник, пьяница, долой его, гони его в шею!»

После отставки Пельтана, дело, начатое им, было окончательно дезорганизовано. Сооружение подводных лодок было приостановлено, и этим делом перестали интересоваться во Франции, этой стране, где была изобретена подводная лодка. Специальная военная литература стала с усердием подчеркивать значение морских гигантов и с презрением писала о морской «пыли», о морских «пигмеях». Пельтан вооружил против себя, во-первых, весь корпус адмиралов, тщеславию которых льстит командование левиафанами, вооруженными гигантскими орудиями и покрытыми броней чудовищной толщины. Эти адмиралы, считавшие, что для них может быть достойным пьедесталом только броненосец самое меньшее в 20 — 30 тысяч тонн, спрашивали себя, что будет с ними, если идеи Пельтана восторжествуют, и гигантские военные суда будут признаны бесполезными. Понятно, что эти адмиралы не могли примириться с новым морским министром и явно фрондировали против последнего. Таким образом Пельтан оказался вынужденным отставить от службы за время своего министерства ряд адмиралов, в том числе известного реакционного адмирала, морского префекта Тулона, Бьенеме. Все это усиливало вражду в реакционных кругах против Пельтана. Но самым опасным противником Пельтана и подводных лодок явились металлургические бароны, которые наживали десятки миллионов франков на постройке громадных военных судов, особенно на фабрикации брони, громадных морских орудий и тысяч снарядов для них. Таким образом металлургический и судостроительный тресты решили не только свалить Пельтана, но и добить окончательно этого человека раз навсегда, чтобы он уже никогда не мог подняться и начать

свою «преступную» работу, явно направленную к подрыву дивидендов военно-судостроительных компаний и фабрик брони и морских орудий.

Именно эта попытка Камилла Пельтана пойти наперекор своекорыстным интересам могущественного металлургического треста была причиной того, что, сброшенный коалицией капиталистов со своего министерского поста, Пельтан уже никогда не мог подняться до своего прежнего положения и занять ответственный пост в правительстве. И та клеветническая кампания, которая с таким усердием велась против бывшего министра не только в «серьезной» и «сатирической» желтой прессе, но и на подмостках кафе-шантанов, имела целью во что бы то ни стало помешать возврату Пельтана на пост министра, где он снова взялся бы за свою старую и столь опасную работу.

По странной иронии судьбы, Пельтан умер с пером в руке от сердечного припадка в то время, как он корректировал свою последнюю статью для газеты «Радикаль». И в этой статье Пельтан говорил о своей излюбленной теме, о подводных лодках и о броненосцах, о том, что война подчеркнула полное банкротство морских мастодонтов и доказала могущество морских лилипутов. Пельтан был мелкий буржуа по своему миросозерцанию. Социалистический идеал был ему чужд и недоступен. Но, подобно Комбу, он был безусловно честным человеком, и металлургический трест не мог подкупить его ни за какие деньги. Вот почему стальные бароны так ненавидели его и вот почему после его отставки, по поводу его «преступной» деятельности в качестве морского министра, была учреждена парламентская следственная комиссия. Правда, эта парламентская следственная комиссия прервала свои работы, не доведя их до конца, но как характерно, что даже во Франции, этой стране, где была изобретена подводная лодка, металлургическому тресту удалось привлечь к суду государственного деятеля, осмелившегося сомневаться в полезности гигантских броненосцев и потому не особенно усердно содействовавшего их сооружению.

Зато идеи Пельтана были, если не вполне, то, по крайней мере, отчасти подхвачены в Германии. И мы видели, какие страшные удары союзному военному и торговому флоту нанесли немецкие субмарины. А что было бы, если бы германское морское министерство истратило те миллиарды марок, которые ушли на сооружение бесполезных броненосцев, на постройку нескольких сот подводных лодок? В этом случае Германия, действительно, сумела бы совершенно блокировать Англию, прервать ее сношения и с С. Штатами и с Францией и поставить своих противников в очень критическое положение. К счастью для правящих классов Англии и Франции, германский металлургический трест в своекорыстных интересах помешал слишком усердному сооружению немецких подводных лодок, значение которых в будущей войне предвидел уже Энгельс, и этим самым патриотический немецкий трест обессилил империалистическую Германию в борьбе с ее грозными врагами.

Камилл Пельтан не был первым и единственным морским министром во Франции, жестоко пострадавшим за свою борьбу против грандиозных затрат на сооружение гигантских военных судов. Он пошел лишь по пути, намеченному одним из его предшественников, славным французским моряком, бывшим морским министром, адмиралом Обом, доказывавшим, что будущее в морской войне принадлежит миноносцам, подводным лодкам и вообще небольшим судам. Само собой разумеется, что Об, боровшийся против увеличения толщины брони и размеров военных судов, не мог долго удержаться на своем посту. Пробыв министром всего один год (1886 — 1887), он был сброшен коалицией адмиралов и металлургистов и подвергся жестокому преследованию. Сторонники больших судов объявили Обу непримиримую войну и затравили его насмерть, по выражению Пельтана. После своей отставки Об не мог получить скромной официальной должности и умер в крайней бедности. Более того, все те морские инженеры, которым он покровительствовал, также подверглись жестоким гонениям. Когда изобретатель подводной лодки Зеде обратился к бывшему министру, этому адмиралу, украшенному всякими отличиями за боевые заслуги не только в морских боях, но и в сухопутных кампаниях (битвы вокруг Безансона и Орлеана в 1871 г.), с письмом о защите и покровительстве, Об ответил ему: «Увы, я такой же затравленный зверь, как и вы». Другой инженер, Губе, которого также поддерживал в качестве морского министра Об, был окончательно разорен врагами подводных лодок и умер в полной нищете, после того как его с помощью судебного пристава заставили возместить все расходы по сооружению изобретенной им подводной лодки. Так металлургический трест расправлялся со всеми, кто бессознательно или сознательно боролся против увеличения его дивидендов.

Металлургическая военная индустрия в высшей степени заинтересована в увеличении тоннажа военных судов и калибра их пушек. Дилетанту, незнакомому с техникой военного дела, может показаться странным утверждение, что увеличение калибра пушек, находящихся на броненосце, на каких-нибудь три-четыре сантиметра может принести громадные барыши военной индустрии. На самом деле, в этом нетрудно убедиться. Правда, военная пресса не любит заниматься подобными выкладками и не считает опубликование таких вычислений соответствующим интересам «армии и флота», но иногда и осторожные специалисты проговариваются и дают возможность и непосвященным увидеть то, что обычно прячется за покрывалом Изиды. Так в 1913 г. некоторые специальные французские органы в связи со спуском на воду новых гигантских броненосцев «Бретани» и «Прованса», законченных в 1914 г., поставили вопрос о том, в какой мере увеличение мощи данного судна в зависимости от увеличения калибра пушек оправдывает неизбежно связанное с ним громадное возрастание стоимости данного судна. Калибр пушек броненосцев предшествующего типа «Пари» (в 23.500 тонн водоизмещения) равняется 305 миллиметрам, калибр орудий «Бретани» и «Прованса» 340 миллиметров — разница $3^1/_2$ *см*

Если мы возьмем оба броненосца, калибр орудий которых отличается на каких-нибудь $3^1/_2$ сантиметра, мы увидим, что разница в стоимости по сооружению и содержанию каждого судна получится колоссальная. Не только водоизмещение броненосца с более тяжелой артиллерией должно быть больше, не только каждое орудие будет стоить дороже, но и каждый выстрел будет обходиться гораздо дороже, как в зависимости от увеличения размеров снаряда, так и в зависимости от более быстрой порчи орудия при увеличении его калибра. Вот итог, который получается при сравнении стоимости выстрела с двух броненосцев в 23.500 тонн (калибр орудий 305 *мм*) и в 24.000 тонн (калибр орудий 340 *мм*):

	Калибр орудия 305 *мм*.	Калибр орудия 340 *мм*.
Стоимость снаряда	1470 фр.	1890 фр.
Стоимость пороха, расходуемого на каждый выстрел	1320 »	1480 »
Порча орудия при каждом выстреле	1900 »	2400 »
	4690 фр.	5770 фр.

Итак, разница в стоимости одного выстрела в первом и втором случае 1080 франков, т.-е. приблизительно 400 рублей. Пропорционально ли это удорожание стоимости судна уже при самом его сооружении на многие миллионы и десятки миллионов франков, когда речь идет об увеличении водоизмещения на тысячи тонн, а затем и при каждом выстреле, каждом упражнении и вообще движении судна,—пропорционально ли это громадное увеличение расходов действительному увеличению военной мощи судна, — вот вопрос, который ставили перед собой даже многие сторонники возможно больших по размерам супер-дредноутов. Мы не говорим уже о тех специалистах по вопросам военно-морской техники, которые стоят на той точке зрения, что увеличение тоннажа боевых судов выше 15.000 — 20.000 тонн понижает их оборонительную и наступательную силу, и приходят на основании всякого рода выкладок к заключению, что боевая сила судна в 100.000 тонн будет равна нулю.

Но какое значение имеют все эти вопросы и сомнения для металлургических заводов и частных военных фирм? Уже потому, что более крупное судно поглощает сразу больше металла, иногда на тысячи и тысячи пудов, уже потому, что более крупные орудия и портятся скорее, и потребляют при каждом выстреле и упражнении большее количество дорого стоящего пороха; уже потому, что увеличение калибра орудий на каких-нибудь $3^1/_2$ сантиметра, или приблизительно на $1^1/_2$ дюйма, вызывая увеличение тоннажа судна, а стало быть и его более глубокую осадку, требует порой переустройства всех военных портов государства [1]), — военная индустрия будет стоять всегда

[1]) Увеличение калибра морских орудий с 305 миллиметров до 340, т.-е. на $3^1/_2$ сантиметра, или 1,3 дюйма, вызвало необходимость углубления Тулонского рейда с 10 метров до 11 метров, т.-е. на один метр.

за сооружение все более и более гигантских супер-дреднотов. Совершенно справедливо многие английские и французские специалисты по вопросам военно-морской техники, как, например, французский военный инженер Жоффруа, утверждают, что преклонение перед наиболее гигантскими орудиями и наиболее толстой броней является концепцией военных фабрикантов и металлургистов, а отнюдь не idée fixe (навязчивой идеей) военных инженеров[1]).

Однако, все эти соображения едва ли побудят сторонников металлургических конвенций отказаться от своей точки зрения. Наоборот, сейчас же после войны стали раздаваться голоса, что и нынешние супер-дредноты недостаточно мощны. В самом деле, ведь теперь существуют уже такие береговые укрепления батарей, которые могут снести, как карточный домик, любую английскую эскадру из самых сильных супер-дреднотов. И мы знаем то, что многие английские алармисты для доказательства необходимости сооружения новых невиданной силы морских чудовищ ссылались на американские укрепления у Панамского канала, на неудачу форсирования Дарданелл силами одних морских эскадр и т. д. Строящаяся в строгой тайне на американском заводе гигантская пушка, которая будет защищать Панамский канал, имеет, по сообщениям некоторых английских газет, калибр 406 миллиметров, т.-е. почти 16 дюймов. Ее вес равняется 180.000 килограммов. Вес снаряда равен 1.000 *кг*, или одной тонне. Длина снаряда 1 *м*, т.-е. средний рост человека. Дальность полета 37 километров. Пущенный вверх снаряд из этого орудия перелетел бы через два Монблана, поставленные один на другой. Но эта пушка признана уже устарелой, и рядом с ней поставят новое орудие. Очевидно, что идея успешной борьбы самых могущественных морских орудий с сильными береговыми укреплепиями нелепа, а опыт русско-японской войны и дарданелльской экспедиции лишний раз подтвердил это положение. Порт-Артур, при всем несовершенстве своих сооружений, устоял бы и против десяти японских эскадр с их грозными в морских боях 12-дюймовыми пушками, если бы в дело не вмешалась сухопутная армия, которая долгие месяцы вела осаду этой крепости и, потеряв десятки тысяч людей, заставила, наконец, последнюю сдаться. Тем более очевидно бессилие морских эскадр по отношению к Дарданеллам.

Металлургический трест не может отказаться от пропаганды в пользу сооружения грандиозных дреднотов и супер-дреднотов, несмотря на какие бы то ни было невыгоды с точки зрения «национальной обороны», связанные с предпочтением, оказываемым грандиозным военным судам перед морской пылью. В самом деле, шесть, например, супер-дреднотов, в 30.000 тонн каждый, стоят 480.000.000 фр. и имеют экипаж в 6.000 человек. Эта эскадра поглощает баснослов-

---

[1]) Le Correspondant 10 Avril 1913. «La question du calibre» par de Geoffroy, ingénieur des constructions navales. (Жоффруа, Вопрос о калибре).

ное количество угля, керосина, жировых веществ. На сооружение каждого такого морского мастодонта требуется много металла. Так, на сооружение корпуса одного только броненосца «Севастополь», первого русского дредноута, спущенного на воду в 1911 г., пошло около миллиона пудов чугуна, стали и других металлов. Английские супер-дредноты 1913 — 1914 г.г. поглощают еще большее количество металла. Еще один шаг в этом направлении — и скоро корпус каждого отдельного судна типа «супер-дреднот» будет поглощать по миллиону и более пудов стали. Понятно, в какой мере угольные бароны, металлургические короли и т. д. заинтересованы в сооружении дредноутов и супер-дредноутов.

За те же 480 миллионов франков можно в Англии построить 100 подводных лодок, для управления которыми потребуется экипаж в 6.000 человек. Эти сто подводных лодок не поглотят того же количества металла, угля, керосина, что и шесть супер-дредноутов. Специально для этих подводных лодок не придется углублять портов, создавать громадные и дорого стóящие запасы снарядов в 305, 340, 380, 406 и т. д. миллиметров, стóящие каждый немалые суммы денег.

И едва эти 6, 18, 30 дредноутов или супер-дредноутов, стоивших от одного до трех миллиардов фр., прослужили 6 — 10 лет, потребовав на свое содержание в течение этого периода еще несколько миллиардов, как уже приходится продавать эти суда на слом, как старое железо, и строить новые чудовища, стóящие еще дороже и все-таки столь же бесполезные, как и предшествующие им левиафаны.

Однако, милитаризм с маринизмом имеют свою собственную логику развития. И нет никакого основания предполагать, что благодаря урокам мировой войны сооружение гигантских супер-дредноутов остановится. Наоборот, из тех статей, которые некоторая часть прессы воюющих стран уделила спущенному (в июле 1915 г) на воду американскому супер-дредноту «Аризона», тоннаж которого (31.400 тонн) превышает более чем на три тысячи тонн водоизмещение самого большого английского супер-дредноута, видно было, что многие французские и английские специалисты сожалеют о том, что во флоте их страны нет подобных гигантов. «Подумайте, четырехбашенный броненосец с 12 пушками в 356 миллиметров, с броней в 457 миллиметров, со скоростью в 21 узел и с экипажем в 1.000 человек. Это не то, что какой-нибудь английский супер-дреднот, в роде пресловутой «Королевы Елизаветы». Ах, если бы английский и французский флот имели в своем составе несколько гигантов, подобных «Аризоне», Дарданеллы были бы давно взяты». И находятся люди, писали мы в 1918 г., которые, несмотря на все уроки мировой войны, верят подобным глупостям. Как констатирует с глубоким сожалением известный знаток военно-морского дела, бывший директор морских сооружений во Франции, Бертэн, уже теперь в английских и французских морских кругах поговаривают о новых невиданных гигантах, которые будут стоить по 120—150 милл. фр. каждый и будут иметь пушки сильнее, чем самые тяжелые сухопут-

ные немецкие орудия. Очевидно, что какие бы то ни было уроки мировой войны и все жертвы, понесенные трудящимися массами, не заставят определенные круги отказаться от их своекорыстных интересов и рутинных взглядов.

Милитаризм и маринизм — произведение современного капиталистического строя — имеют свою собственную логику движения. Милитаризм и маринизм неизбежно толкают государства к непроизводительным расходам даже с точки зрения национальной обороны, к напряжению всех финансовых сил страны в интересах увеличения армии и флотов, наконец к кровавым войнам, разрушающим моральные и материальные ценности, накоплявшиеся человечеством в течение веков.

Борьба против милитаризма и маринизма должна иметь свою логику развития. Она должна быть направлена не против крайностей милитаризма, которые характерны лишь как логическое последствие политики вооруженного мира, железными узами связанной со всем современным экономическим укладом, — эта борьба должна быть направлена против всего капиталистического строя, со всем его социальным и экономическим укладом, с его политикой вооруженного мира, с его тайной дипломатией, с его оборонительными и наступательными союзами, с его таможенной войной и т. д.

К каким же выводам приходим мы из анализа морской политики империалистических держав и опыта мировой войны по вопросу о нашем Красном флоте? Морская сила играет громадную роль в войне, и нам необходимо укрепить Красный военный флот для охраны морских границ нашего социалистического отечества, авангарда и оплота мировой революции. Но мы не можем сооружать всех этих морских мастодонтов, дреднотов и супер-дреднотов, которые стоят каждый в отдельности десятки миллионов рублей золотом. Вся наша энергия должна быть направлена на создание мощного Красного флота из подводных лодок, миноносцев и легких крейсеров. При поддержке воздушного флота, на развитие которого обратила уже внимание наша страна, наш морской флот будет непобедимым в обороне морских границ нашей республики, и самые многочисленные англо-итальяно-французские броненосные эскадры, которые не были в состоянии овладеть не только Дарданеллами или значительно менее укрепленным природой австрийским Фиуме, но даже жалким портом в роде Дедеагача или турецкими гаванями на мало-азиатском берегу, не рискнут подойти близко к нашим берегам.

Возрождающийся Красный флот — могучая защита морских границ первой социалистической республики в борьбе против хищнического империализма и мировой контр-революции.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПЕРЕД УГРОЗОЙ НОВЫХ ВОЙН

Грядущие войны.

I. Буржуазные пацифисты и грядущие войны.

В течение всей мировой войны 1914 — 1918 г.г. буржуазные писаки и социал-патриоты в каждой стране в один голос заявляли, что эта война является «последней» войной, после которой наступит вечный мир. Эта война покончит-де с агрессивными планами и провокационной политикой вражеской страны и обеспечит навсегда возможность мирного развития родины. В бесчисленных листовках, газетных статьях и специально написанных для солдата брошюрах развивалась мысль о том, что победа над врагом даст возможность значительно сократить в будущем численность армии и флотов, уменьшить в несколько раз тяжесть налогов на военные цели и посвятить все силы страны задачам мирного строительства. Сотни тысяч и миллионы малосознательных рабочих и крестьян в каждой стране верили этим лживым уверениям и были убеждены в том, будто бы они умирают во имя интересов грядущих поколений, будто своим героизмом на полях сражений они избавляют своих детей и внуков от необходимости снова взяться когда-нибудь за оружие для защиты страны от нападения хищного врага. Теперь мы уже не слышим из уст буржуазных писателей и социал-патриотов речей о наступлении или хотя бы близости эры мира. Наоборот, многие буржуазные экономисты и политики вынуждены признавать ту истину, что ныне во всем мире, в экономической конъюнктуре и международном положении великих империалистических держав действуют факторы, рождающие войну, факторы более могущественные, чем те, которые вызвали страшную бойню 1914 — 1918 г.г. Ныне для мировой войны больше причин, чем было накануне 1914 года.

Что положение крайне тревожное, даже с буржуазной точки зрения, явствует хотя бы из необычайно быстрого роста в результате войны всякого рода буржуазных пацифистских организаций.

Тов. А. Лозовский, участвовавший в Международном Конгрессе Мира в Гааге, констатирует, что всевозможные пацифистские общества

выросли после войны, как грибы. Так, на съезде фигурировали представители Униона Международных Ассоциаций, Бельгийского Национального Совета Мира, Международного Союза Обществ Мира, Униона Демократического Контроля, Союза: «Никогда больше войны», Международного Союза дружественных отношений между различными церквами, Международной Женской Лиги за мир и свободу, Международного Бюро Мира, Английского Совета для борьбы против голода и реконструкции Европы, Немецкой Лиги Прав Человека, Федерации Пацифистских Об-в в Германии, Международного Союза Пацифистских Об-в, Международного Союза бывших солдат и жертв войны, Союза франк-массонов «К Восходящему Солнцу», Французской Лиги защиты Прав Человека и Гражданина, Союза Национальностей, Лиги Республики.

Конечно, если бы не было опасности войны, все эти буржуазные общества не росли бы, как грибы. Значительная часть буржуазии боится войны, как пролога к социальной революции, и пытается пацифистской болтовней если не уничтожить навсегда, то, во всяком случае, отдалить призрак грядущей катастрофы. Но так как буржуазные пацифисты боятся проявления всякой самодеятельности со стороны пролетариата в борьбе с призраком надвигающейся войны, — в результате вся деятельность буржуазных пацифистов и социал-пацифистов, т.-е. деятелей 2 и $2^1/_2$ Интернационалов, для предотвращения мировой войны носит характер пустой и лицемерной болтовни, ибо только революционная пропаганда в войсках, работа по созданию комитетов действия, по организации и сплочению пролетариата — согласно тактике, предложенной коммунистами на Гаагском конгрессе мира, — могли бы предотвратить новую мировую войну [1]).

Страх перед надвигающейся войной, чувство ее неизбежности с особой силой проявляется в книгах бывшего премьера Франции Кайо и недавнего итальянского премьера Нитти. Последний видит основной фактор надвигающейся войны в безумии правительств Антанты, в понижении морального уровня правящих кругов Европы. «Уже много веков, — говорит он, — как ни одно европейское правительство не запятнало себя такими абсурдными и бессмысленными преступлениями, как победоносная Антанта, та самая Антанта, которая в момент опасности торжественно заявляла, что она борется за принципы демократии, справедливости и свободы...» «Наступит день, когда будет заклеймена позором вся эта жадная банда рассеянных по лицу Европы авантюристов, из которых могли бы получиться средневековые грабители», — пишет тот же Нитти о контрольных комиссиях, которые Антанта понасадила во всех побежденных странах. Нитти опасается, что это безумие и моральное разложение правящей Антанты приведет

---

[1]) О буржуазном пацифизме см. Мих. Павлович. Сочинения, т. I: «Империализм», курс лекций, читанных в акад. ген. штаба в 1922—1923 г. См. также нашу статью «Буржуазный пацифизм» (журн. «Печать и Революция», 1923, книга третья).

всю Европу к катастрофе, к новой войне, более страшной, чем кровавая война 1914 — 1918 г.г. «Наши сыновья, — восклицает он, — переживут трагедию, еще более страшную, чем испытания, выпавшие на долю нашего поколения» [1]).

Книга Нитти — это «сигнал бедствия с тонущего судна», крик ужаса перепуганного представителя господствующих классов перед картиной несомненного разложения и распада существующего строя, выражение скорби и страха перед перспективой надвигающейся войны, социальной революции и диктатуры пролетариата, призрак которой грозно подымается во всем мире.

Нитти видит главную угрозу миру, основную причину будущей войны в безумии правящих классов Антанты, в их моральном разложении, в развитии духа насилия, в неудержимом и ничем не ограничиваемом стремлении к грабежу побежденных народов, грабежу, отвратительные формы которого напоминают, по его словам, «худшие пережитки средневековья».

Гораздо глубже к вопросу подходит Кайо. Ведь само это стремление к разнузданному и порой бессмысленному грабежу, само это «безумие» правящих классов является выражением того, что капиталистический строй зашел в тупик, и одновременно продуктом объективных экономических факторов, и, прежде всего, того крайне тяжелого положения, в котором наравне с побежденными странами очутились страны-победительницы.

Прежде всего, Кайо, отнюдь не будучи марксистом, подчеркивает все же, что главными виновниками обострения международных конфликтов и войн являются национальные и интернациональные тресты, синдикаты, картели, которые заменили борьбу и конкуренцию между разрозненными отдельными капиталистами, — национальными, коллективными конфликтами, сделав войны между народами неизбежными. Разыгрывающиеся ныне события, Рурский конфликт, возникший на почве борьбы между двумя могучими концернами: угольно-железным концерном Стиннеса и других магнатов немецкой металлургической промышленности, с одной стороны, и французским металлургическим синдикатом де Трокера — с другой; борьба между английским синдикатом Ройэл Дётч Вель и американским Нефтяным Трестом—Standard Oil C°— из-за месопотамской нефти и целый ряд других фактов из областей столкновения между интернациональными трестами — убедят не одного Кайо в правильности марксистской точки зрения на роль картелей и концернов в обострении международных конфликтов, в усилении военно-сухопутных и морских вооружений, в подготовке будущей войны.

Но главный интерес книги Кайо заключается в характеристике финансового и экономического положения, сложившегося в результате мировой войны.

---

[1]) См. Нитти: «Европа без мира». Петроград, 1923 г.

Во время Консулата общий долг всех цивилизованных стран не превышал 15 миллиардов. Он достиг 35 миллиардов к моменту Венского конгресса и 41 миллиарда ко времени Крымской кампании. Этот долг дошел до 110 миллиардов в 1875 году и равнялся 220 миллиардам накануне мировой войны.

Таким образом за период с 1875 по 1914 г. мировой пассив удвоился. Но при этом следует принять во внимание, что значительная часть этого долга обусловливалась производительными расходами на железные дороги, каналы и т. д. Посмотрим теперь, что произошло после мировой войны. Долг дошел до 1500 миллиардов; таким образом, в течение нескольких лет мировой пассив возрос на 1300 миллиардов, израсходованных исключительно на разрушительные цели. История не знает, говорит Кайо, другого подобного примера столь феноменального расточения богатств. В результате — производство парализовано и труд обременен колоссальным пассивом, созданным в промежутке между 1914 — 1921 г.г.

О величине этого пассива можно судить по тому, замечает Кайо, что общая сумма прибылей всех предприятий на земном шаре значительно ниже этой страшной цифры 1300 миллиардов. Одна Франция увеличила свой пассив на 270 — 280 миллиардов. В результате этого колоссального пассива, легшего неравномерным бременем на отдельные государства, — так что в то время как Франция должна 300 миллиардов, соседняя с ней страна имеет долг всего в 15 миллиардов, в результате чего возникло совершенно неодинаковое налоговое обложение граждан в двух соседних государствах, — все совершенно перепуталось, и экономические связи между различными государствами, переход капиталов из одной страны в другую, натолкнулись на непреодолимые препятствия. В результате мировой войны возникла система крайнего протекционизма. Таким образом, заключает Кайо, капитализм сам наносит себе рану. Не желая перейти к национализации производства, от которой он может умереть, капитализм отказывается вместе с тем от одного из важнейших резонов своего собственного существования. Капитализм был великой колесницей прогресса, потому что он сумел организовать подвижность богатства. С того момента, как эта подвижность богатства наталкивается на препятствия, вся система глубоко потрясена. Тресты и синдикаты, иронически замечает Кайо, хорошо поработали: они разрушили мировое равновесие, которое существовало в 1914 году.

Государственный долг Франции к началу 1921 года превышал 300 миллиардов. Годовой дефицит в 1921 г. равнялся 2.800.000.000. Чтобы покрыть дефицит, в ближайшие годы предполагалось ввести новые налоги в сумме от 6 до 8 миллиардов.

Протекционисты думали выйти из этого тяжелого положения, продавая товары, но ничего не покупая. Кайо доказывает, конечно, всю нелепость этого плана. Эта система протекционизма повела только к тому, говорит Кайо, что Франция очутилась совершенно в изолирован-

ном положении. Один за другим, говорит Кайо, различные мировые рынки закрываются перед Францией. До войны Франция пользовалась благоприятными тарифами во всех странах мира. После победы и исключительного положения, которое заняла Франция в результате победы, ее коммерческое положение в большей части стран скомпрометировано, и по отношению к ее продуктам и изделиям принимаются неблагоприятные меры. В течение последних двух лет ни один торговый договор Франции с каким-либо государством не ратифицирован. Все договоры могут быть отвергнуты, и французская промышленность может очутиться перед заградительной стеной, воздвигнутой против нее во всех странах. Эта экономическая война обусловливается тем крайним протекционизмом, который ввела сама Франция, установившая необычайные таможенные тарифы против других государств. Даже Англия ввела протекционный тариф, направленный специально против Франции. И когда мы жалуемся, замечает Кайо, нам отвечают словами Болдуина, английского министра торговли, который сказал в палате общин 11 августа 1921 г.: «Те, которые поставили бульдога у дверей своей лавки, не могут жаловаться на то, что мы поместили кошку в нашей кухне».

Что же предлагают Нитти и Кайо для улучшения положения Европы, для смягчения грозных международных и классовых конфликтов, для предотвращения надвигающейся мировой войны и социальной революции? Здесь и Нитти и Кайо обнаруживают все свое скудоумие. Поскольку критическая часть их работ, направленная против захватной и таможенной политики правящих классов Антанты, сильна, постольку меры, предлагаемые ими для борьбы с темными сторонами современной действительности, с призраком надвигающейся войны, обнаруживают всю импотентность буржуазной мысли.

Нитти питает надежду, что унизительная форма европейской жизни закончится и что процесс европейского разложения остановится. «Этот час поворота еще не близок, — говорит он, — и все же мы не так далеко от него, как в тот момент, когда во имя права победителей подготовлялась прикрытая циничным языком риторики программа европейского развала. В настоящее время пришло сомнение, а сомнением всегда начинается то духовное беспокойство, которое предшествует великим критическим моментам в жизни человечества и которое делает возможным новый процесс творчества». Свою книгу Нитти заканчивает следующими лирическими, но едва ли очень осмысленными словами: «Истина победит. Для этого ей нужно только время. Сегодня на небе нависли свинцовые тучи, но придет день, и они рассеются. Даже самые упрямые души услышат тревожные сигналы кризиса, который угрожает Европе и волнует глубины. Пока еще Европа охвачена сомнением, но после криков ненависти и слепой злобы сомнение — уже большой шаг вперед. После сомнения явится истина».

Что касается Кайо, последний признает, что Европа агонизирует, что необходимы радикальные меры, но, как истинный представитель

буржуазной мысли, он боится насилий, боится революции, боится восстания масс. «Человечество будет спасено, — так заканчивает Кайо свою книгу, — несколькими людьми высокого интеллекта, имеющимися в различных странах, — людьми, которые остались верными себе в момент разгула разыгравшихся аппетитов. Эти люди имеют громадную мощь, эти люди просветят общественное сознание и разоблачат перед всеми современное положение Европы. Они увлекут за собой других и спасут Европу от агонии и смерти». Таков вывод, к которому приходит Кайо [1]).

Те силы, на которые возлагают все свои надежды Кайо и Нитти и которые могут-де помешать развалу Европы и будущей войне, слишком ничтожны и имеют такой малый удельный вес, что едва ли выводы, к которым приходят оба выдающихся представителя буржуазного пацифизма, могут кого-либо успокоить. В самом деле, кто может верить, что «сомнение», из которого родится «истина», в состоянии устранить международные конфликты, вызываемые глубокими экономическими причинами, или что замена Пуанкаре, Муссолини, Керзона и т. д. такими добрыми, мягкосердечными и дальновидными людьми, понимающими весь ужас и всю опасность войн, как Кайо и Нитти, в состоянии спасти человечество? Но ведь Кайо и Нитти были уже в свое время руководителями судеб своих стран и тем не менее они не могли помешать ни обострению международных конфликтов, ни войне, ни развалу Европы. Не исключено, что Нитти, Кайо и их единомышленники при благоприятном для них повороте событий снова возьмут бразды правления в свои руки. Это будет эпоха керенщины, о возможности которой говорил в свое время т. Троцкий. Но очевидно, что при первой же серьезной попытке обуздать магнатов промышленности и положить предел агрессивным вожделениям могучих металлургических, нефтяных и др. трестов, борющихся за монополизацию мировых рынков и мировую гегемонию, великие буржуазные реформаторы и утописты, мечтающие, при сохранении капиталистического строя, установить на земле вечный мир, будут сброшены с своих постов и, может быть, попадут в тюрьму, как это случилось уже раз с Кайо, обвиненным всей буржуазной прессой, находящейся в услужении трестов и синдикатов, в государственной измене, в преступных сношениях с внешними врагами.

Та многочисленная буржуазно-пацифистская литература, которая появилась на европейских книжных рынках со времени Версальского мира, все эти писания, посвященные изображению ужасов прошлой и будущей войн, тот громадный успех, которым книги Кайо, Нитти, Кейнса пользуются в определенных кругах буржуазных классов, наконец, те наивные и часто лицемерные проекты, которые выдвигают пацифисты для предотвращения грядущей войны, — все это свидетельствует лишь об одном, именно, что современный капиталистический порядок всеми своими порами, еще с большей интенсивностью и непреодо-

---

[1]) J. Caillaux: «Où va l'Europe. Où va la France». Paris, 1923, стр. 293. (Ж. Кайо. «Куда идет Франция. Куда идет Европа». Париж, 1923 г.).

лимостью, чем это было в период, предшествовавший капитализму 1914 — 1918 г.г., стремится навстречу новой мировой войне, и что та часть буржуазии, которая не желает войны и боится последней, прежде всего как пролога к социальной революции, не имеет никаких средств для предотвращения неотвратимо надвигающейся катастрофы.

II. Основные факторы грядущих конфликтов.

Четыре основных фактора толкают капиталистический мир навстречу новой войне:

Это, во-первых, нарушение экономического равновесия, кризис капиталистической системы и вытекающая отсюда обостренная экономическая борьба между всеми государствами, в том числе и находящимися если не в союзных, то во всяком случае в договорных, дружеских отношениях между собой.

Во-вторых, нарушение политического и военного равновесия между государствами и балканизация Европы.

В-третьих, необычайное обострение национального движения не только на Востоке, но и в центре самой Европы в связи с разнузданной политикой Антанты, стремящейся к полному порабощению таких высоко-культурных народов, как германские и австрийские немцы, венгры, болгары и т. д., к превращению целых стран в роде Германии, Австрии, Венгрии, Болгарии в настоящие колонии, наподобие Туниса, Алжира, Марокко, Индо-Китая, Кореи и т. д. Таким образом, на ряду с опасностью мировой войны, перед нами встает призрак войн национальных, при чем никто не может предсказать, вызовет ли какая-нибудь национальная война всеобщий империалистический пожар или, наоборот, в результате войны между двумя империалистическими хищниками вспыхнет ряд национальных войн, направленных здесь против того или другого из борющихся между собой хищников.

В-четвертых, необычайный рост милитаризма и маринизма, который сам по себе является производным всех предшествующих факторов, но который имеет тенденцию превращаться из следствия в причину, могущественно обостряющую международные конфликты и обостряющую взрыв вооруженной схватки.

1. Таможенная война всех против всех. Нарушение экономического равновесия.

Выше мы отметили, что одним из основных факторов, толкающих к новой войне, является острая экономическая борьба между всеми государствами. Мы указали, что факт этой острой борьбы и торжества системы крайнего протекционизма признает Кайо. Но последний, подобно всем буржуазным реформаторам, видит путь спасения, путь преодоления воинствующего империализма в возврате вспять к свободной

торговле, к эпохе либерального капитализма, всеобщего мира и пацифизма, тогда как с точки зрения революционного марксизма путь преодоления империализма и устранения опасности новой мировой войны лежит не позади, в возвращении назад к эпохе манчестерства, а впереди — в революционном преодолении империализма свержением капиталистического строя и коммунистической организацией мирового хозяйства.

Капитализм в своем развитии, особенно в современном его состоянии, не может во внешних отношениях не вызывать международных конфликтов, как он не может во внутренних отношениях не обострять классовых антагонизмов, не толкать к величайшим социально-политическим переворотам.

Несмотря на то, что в данный момент мы видим в результате мировой войны необычайный рост всякого рода буржуазных пацифистских организаций и слышим более часто, чем прежде, речи о необходимости мира между народами, о соглашениях между правящими классами всех стран, о сотрудничестве классов, о вреде таможенных войн и т. д., мы ныне присутствуем при таком обострении классовых антагонизмов и международных конфликтов, какого не знала довоенная эпоха. В области внутренних отношений во всех государствах идет бешеное наступление капитала против рабочих организаций, повсюду поднимает голову фашизм, реакция открыто организуется и вооружается для того, чтобы при первом удобном случае покончить со всеми завоеваниями «демократии», с парламентами и т. д., которых, конечно, никто защищать не будет; в области внешней политики конфликты между Англией и Францией, Англией и Америкой, Америкой и Японией, Италией и Юго-Славией, и в общем — столько причин и поводов к мировой войне, сколько их не было перед роковым 1914 годом. И само собой разумеется, что как только в воздухе запахнет порохом, всякого рода пацифистские организации, боящиеся войны как чумы, как пролога к социальной революции, все же будут призывать рабочие массы к защите «родной территории», к священной войне до конца, и будут доказывать, что война вызвана исключительно правительством враждебной страны.

Наконец, в торгово-промышленных отношениях между государствами мы являемся свидетелями такой острой экономической войны, какой в момент самых тяжелых кризисов не знала эпоха до 1914 года.

До мировой войны международные экономические отношения регулировались торговыми договорами на принципе наибольшего благоприятствования. На этом базировались, например, торговые сношения держав между собой.

Версальский, с.-жерменский, севрский, трианонский мирные трактаты поставили Германию, Австрию, Болгарию и Турцию в исключительное положение, лишив их права пользования преимуществами благоприятствования со стороны победителей, которые, однако, с своей стороны, правом этим пользуются в отношении побежденных. На этом основании Франция может ввозить свои шелка, шампанские вина и пр.

в Германию, но Германия должна мириться с целым рядом запретов ввоза ее товаров во Францию.

В нынешней, охватившей весь мир, экономической борьбе Соединенные Штаты занимают авангард.

Подписанный 21 сентября 1922 г. Гардингом, принятый американским конгрессом новый таможенный тариф является попыткой перейти от слов к делу. Новый таможенный тариф во многих отношениях представляет настоящую непроницаемую перегородку на экономическом фронте Соед. Штатов. Не вдаваясь в подробности только-что принятого конгрессом таможенного тарифа, укажем лишь вкратце, что шерсть и шелк обложены в 34 — 50% их стоимости на месте производства, фарфор и стекло — в 47 — 61%, сахар — в 68%, предметы роскоши — в 38 — 184% и т. д.; до сих пор обложение сахара составляло лишь 17%, вместо установленных новым таможенным тарифом 68%. Это составляет повышение ровно в 4 раза.

Указанными цифрами, однако, не исчерпывается характеристика нового таможенного тарифа С. Штатов. Агрессивность его выступает еще гораздо ярче из особого полномочия, которым снабжен теперь президент республики, полномочия, на основании которого он в праве, не запрашивая конгресс, по своему усмотрению повысить утвержденные конгрессом ставки до 50%, в зависимости от степени угрозы, представляемой тем или иным импортным товаром отечественной промышленности. Его полномочия распространяются еще дальше — до права установки такого обложения, которое соответствует внутренним ценам товара американского происхождения.

Но Соединенные Штаты не составляют исключения из общего правила. Борьба с иностранной конкуренцией на внутреннем рынке в самой обостренной, хотя и далеко не в такой степени, как Соед. Штатами, ведется всеми без исключения государствами, частью в форме повышения таможенных ставок для конкурирующих товаров, частью путем полного запрета ввоза одного или целой группы товаров. Даже Англия, бывшая накануне войны самой либеральной страной в этом отношении, совершенно почти распростилась с принципами свободы торговли. Система наибольшего благоприятствования все быстрее и быстрее вытесняется сепаратными соглашениями взаимного благоприятствования, диктуемыми интересами двух договаривающихся сторон. На таких основах заключен, например, недавно франко-испанский договор. Поэтому мы сделались теперь свидетелями сравнительно частого отказа от возобновления старых торговых договоров, которые в довоенное время автоматически возобновлялись. За короткое время нам довелось наблюдать несколько таможенных столкновений, чтобы не сказать войн, например, испано-норвежское, франко-датское, германо-испанское.

Мировая экономическая война всех против всех ведется самыми разнообразными орудиями, в зависимости от рессурсов обороны и наступления, которыми обладает данная страна. Тут мы встречаемся

со всем разнообразием наступательных и оборонительных способов экономической борьбы всех против всех, не исключая и своих бывших союзников. Со времени окончания войны Англия окружила себя настоящей заградительной сетью таможенных пошлин, направленных главным образом против германских дешевых товаров, но вместе с тем и против французской, американской и т. д. конкуренции. Япония и Китай, Швейцария и Голландия, — все отказываются от торговых договоров на принципе взаимного благоприятствования и переходят к системе крайнего протекционизма.

Само собой разумеется, что эта таможенная война всех против всех является одним из самых мощных факторов, подготовляющих новые войны.

До мировой войны между всеми капиталистическими державами существовали самые тесные хозяйственные связи. Весь мир, особенно вся Европа представляла как бы один хозяйственный организм. Быстро возраставший экспорт из одной европейской страны в другую (Англия и Германия, Германия и Россия, Германия и Франция и т. д.) укреплял связи между передовыми европейскими странами. Экспортировались не только товары, но и капиталы. Если Германия вкладывала свои капиталы во французскую металлургическую промышленность в Бретани, — Франция имела свои капиталы в немецкой химической индустрии в Рейнской области. Все европейские банки были тесно связаны между собой. Накануне мировой войны товарный экспорт Англии во Францию, Германию и С. Штаты равнялся 22% ее общего экспорта и выражался в сотнях миллионов фунтов стерлингов, экспорт Германии во Францию, С. Штаты и Англию равнялся 33% ее общего экспорта, экспорт Франции в Германию, Англию и Соединенные Штаты — приблизительно 45% и, наконец, экспорт Трансатлантической республики в три важнейшие западно-европейские государства превышал 50% ее общего экспорта на мировые рынки.

В этом развитии торговли и экспорта капиталов между передовыми промышленными странами Бебель видел лучшую гарантию мира, на этом расширении товарообмена и экспорта капиталов, на этом усилении экономических связей между первоклассными державами буржуазные пацифисты Фредерики Пасси, Нормапы Анджело и другие строили все свои надежды на постепенное изживание экономической борьбы между европейскими странами и на близкое наступление «вечного мира» между сильными державами.

На чем еще теперь могут строить свои воздушные замки «вечного мира» в капиталистическом строе, дышащем ныне более чем когда-либо войной и насилием, господа пацифисты?

Товарообмен между капиталистическими странами не может развиваться при существовании и усилении непроходимых таможенных проволочных заграждений; все экономические связи порвались, кровообращение нарушено, и «все перепуталось», — как выражается Кайо, — все смешалось в один хаос, при котором никакое восстановление хозяй-

ства немыслимо. При таком положении очевидно, что у правящих классов сильной военной державы, в роде Англии или Франции, которые, конечно, не для «игры в солдатики» увеличивают свои сухопутные армии, усиливают свои морские и воздушные флоты, умножают и совершенствуют все свои средства обороны и нападения, может явиться соблазн мечом разрубить гордиев узел экономических затруднений, сохранить у себя таможенную стену, оставить своих бульдогов у каждой лавки, но истребить всех кошек в кухне соседа, огнем своей артиллерии и взывчатыми веществами с своих воздушных флотов разрушить все проволочные заграждения, мешающие проникновению отечественных товаров в соседнюю «дружественную» страну.

2. Нарушение политического равновесия. Африканский континент. Ближний Восток. Европа. Дальний Восток.

Перейдем теперь к вопросу о политическом равновесии. До мировой войны европейский мир покоился на равновесии сил борющихся сторон. Германия и Австрия, вместе взятые, были очень сильны и в военном, и в экономическом отношении, но, с другой стороны, франко-русский союз, опиравшийся в последние годы до войны на «сердечное согласие» (Entente Cordiale) с Англией, представлял также грозную силу. Война была сопряжена с необычайным риском для каждой стороны, и вот почему нелегко было отважиться на разрыв мирных отношений. Равным образом нападение на малые государства: Бельгию, Швейцарию, Данию, Румынию, Сербию и т. д. было сопряжено с таким же риском, ибо за каждым из этих государств стояла какая-нибудь комбинация держав, заинтересованная в неприкосновенности данного малого государства в целях сохранения равновесия сил, и потому нападение на самое малое государство грозило войной с коалицией первоклассных государств. Само собой разумеется, что нападение Германии на Данию или Голландию было бы началом мировой войны, как нападение Австрии на Сербию явилось началом войны 1914 — 1918 г.г. Равным образом нападение царской России на Румынию или Швецию вызвало бы также всеобщий пожар. После франко-прусской войны, начиная с 1872 года, Европа наслаждалась благами вооруженного «мира», если не считать войны 1877 г. и балканских войн 1911 — 1912 г.г., ведшихся против Турции. Но и война 1877 г., война России против Турции вызвала мобилизацию английского флота, угрозу войной со стороны Англии в случае продвижения русских войск к Константинополю, и, в результате, пресловутый Берлинский конгресс, который лишил царскую Россию всех плодов ее побед. Таким образом, уже эта война с Турцией показала, что никаких изолированных войн между двумя государствами на европейском континенте быть не может, что как бы ни кончилась такая война, результаты ее будут определены соотношением сил всех государств, прямо или косвенно заинтересованных в данном вопросе, а отнюдь не результатами военных действий

на полях сражений между двумя фактически воюющими с оружием в руках державами.

Относительное равновесие, существовавшее до мировой войны в Европе, кажется в настоящее время многим представителям буржуазии настоящим земным раем по сравнению с нынешним положением.

Так известный английский министр Уинстон Черчилль, идеолог и практик английского империализма, он же герой Архангельска, в следующих очень розовых тонах изображает европейское равновесие накануне мировой войны.

«Накануне катастрофы мир был великолепен («were brilliant»). На обоих полушариях земли народы, увенчанные своими властителями... Обе европейские системы (Двойственный и Тройственный союзы) спокойно противостояли друг дружке во всем их великолепии. Их связывала вежливая, благоразумная, мирная и, в общем и целом, искренняя (!) дипломатия... Было достаточно какой-либо ноты, замечания посла, секретной фразы в парламенте, чтобы изо дня в день приводить в состояние равновесия эту огромную систему. Учитывались слова, даже шушуканья. Какой-нибудь жест мог стать многозначительным...»

Конечно, Черчилль слишком идеализирует старый порядок. Никакой гармонии интересов, никакой идиллии в том виде, как рисует Черчилль, само собой разумеется, не было в предвоенной Европе, иначе не произошло бы мировой бойни. Однако, существовало все же известное равновесие, хотя и неустойчивое. Теперь старое равновесие, вместе с порабощением Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и выходом России из семьи капиталистических держав, совершенно разрушено, нового же равновесия не создалось.

Мировая война и Версальский договор привели к нарушению равновесия не только в самой Европе, но и в Азии, и на африканском континенте.

Африка. Война привела к такому переделу мира и разделу колоний, которые совершенно нарушили и без того неустойчивое равновесие, существовавшее до мировой войны, и, таким образом, создала более могущественные, чем прежде, факторы будущих вооруженных конфликтов. В период, предшествовавший мировой войне, весь африканский материк был разделен между тремя великими империями — Англией, Францией и Германией. По англо-германскому договору 1912 г. о разделе Черного континента, Германия должна была получить бо́льшую часть португальских колоний — Анголу и Мозамбик. Этим проектом правительства обеих хищнических держав пытались установить равновесие на Черном континенте и устранить опасность войны.

Мировая война и Версальский мир совершенно разрушили равновесие на африканском континенте и создали здесь крайне неустойчивое положение, чреватое грозными последствиями. Версальский договор отдал Англии до 2.000.000 кв. километров германских владений в Африке, и в настоящее время африканская империя Великобритании занимает площадь немногим более $11^1/_2$ миллионов кв. километров

с 60-миллионным населением. Африканская империя Франции после присоединения большей части германских колоний, Того и Камеруна, занимает площадь в 10 милл. кв. километров с населением в 40 миллионов душ.

Нарушение равновесия в пользу Англии создалось не в результате того, что Англия получила бо́льшую площадь территории, чем Франция, а в силу стратегического значения и богатства приобретенных Англией новых владений, обеспечивающих гегемонию Великобритании на всем африканском континенте, за исключением северо-западной части последнего, где Франция, владеющая Марокко, Алжиром и Тунисом, имеет перевес сил на своей стороне. Зато все восточное побережье Африки от Каира до Капштадта перешло во владение Англии, которая, таким образом, имеет возможность осуществить теперь проект великого рельсового пути Каир — Капштадт, который пройдет исключительно по английским владениям. С другой стороны, французское владычество в северо-западном углу Черного континента не может считаться прочным и безраздельным, пока здесь держится и усиливается Испания, за спиной которой стоит Англия, подкладывающая всякого рода мины французскому влиянию в этой части африканского материка требованием интернационализации Танжера и т. д. На африканском континенте Англия и Франция пришли в соприкосновение в целом ряде пунктов; противоположные интересы обеих держав сталкиваются в этой части света с большей силой, чем сталкивались интересы Германии и Англии, Германии и Франции до мировой войны. В общем положение здесь напоминает период, предшествовавший Фашоде, когда Англия мобилизовала все свои эскадры, чтобы остановить движение французского экспедиционного отряда полковника Маршана в верховьях Нила. В 1922 году Англия перевела громадный флот из пятидесяти судов — супер-дредноутов, дредноутов, крейсеров и т. д., охранявших когда-то Великобританию против Германии, в Средиземное море для охраны великой английской торгово-военной Средиземной дороги против возможных опасностей со стороны Франции и для утверждения на этом пути безраздельной английской гегемонии.

Франция, с своей стороны, принимает меры для усиления своего положения на африканском континенте.

Так много дебатировавшийся во французской печати до мировой войны и не осуществленный до сих пор проект великого транс-сахарского рельсового пути [1]) снова стал в порядок дня во Франции. Целый ряд военных и других писателей посвящают доклады [2]), журнальные и газетные статьи вопросу о необходимости срочно приступить к сооружению этого пути. Недавняя экспедиция Кегресса на гусеничных тракторах Цитроэна, которой удалось в 15 этапов пересечь на расстоянии

[1]) См. об этом нашу книгу: «Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего».

[2]) См., например, доклад, сделанный в Париже ген. Этьеном 6 февраля 1923 г. на заседании под председательством маршала Петена.

2.500 километров всю пустыню, необычайно оживила вопрос о транссахарской рельсовой колее и привлекла к идее этого пути внимание широких кругов. Само собой разумеется, что рельсовая колея, пересекающая голую пустыню на протяжении тысяч километров, будет необычайно убыточной в финансовом отношении и никаких непосредственных экономических выгод Франции не сулит. Но умысел тут другой. Значение проектируемого пути прежде всего военно-стратегическое. Дорога эта должна усилить позиции Франции на африканском континенте и дать ей возможность, пользуясь ее громадными военными резервами в Алжире, Марокко, Сенегале и т. д., перебрасывать войска к угрожаемым пунктам, т.-е. к точкам соприкосновения с Англией. Мы знаем, какую роль в обострении международных отношений и в ускорении мировой войны сыграл великий немецкий проект рельсового пути на Багдад, проект, явившийся стержнем, вокруг которого вращалась вся международная политика в течение последних десятилетий перед мировой войной. Знаем также, какую роль великий сибирский путь с его разветвлением через Манчжурию сыграл в обострении наших отношений с Англией, Америкой, Японией и в самой японо-русской войне. Рельсовый путь через Сахару грозит при данных обстоятельствах и данной международной конъюнктуре крайне обострить англо-французские отношения.

Ближний Восток. В еще более острое столкновение, чем на африканском континенте, пришли интересы Англии и Франции на Ближнем Востоке. Здесь гегемония в проливах и в Константинополе перешла безусловно в руки Англии, и английский главнокомандующий распоряжается в этой части Турции, как в великобританской колонии. В результате — Франция в осуществлении своих планов в бывшей Оттоманской империи встречает со стороны Англии противодействие более грозное и непобедимое, чем было соперничество Германии, которая никогда не держала Константинополя и проливов военной силой в своих руках и не имела многочисленных армий в Малой Азии, подобно Англии. Неудивительно, что Франция вступила в тайное соглашение с Кемалем, снабжала последнего оружием и сделала все возможное, чтобы помешать осуществлению англо-греческих планов в Оттоманской империи.

Здесь интересно остановиться на основных мотивах английской ближне-восточной политики, на связи последней с основным планом английского империализма. Разгром Германии, ее насильственное устранение от всякого влияния на судьбу африканского континента и Ближнего Востока, отказ Советской России от всяких захватных планов по отношению к Малой Азии и всему Востоку, казалось, разрушили все преграды, стоявшие на пути к реализации тех проектов, которые уже давно увлекали английских джингоистов.

Мы уже не раз отмечали в наших работах, какую роль в происхождении мировой войны сыграл вопрос о великих мировых путях. Знаменитым трем Б (бе-бе-бе) — Берлин — Византиум (Византия, Константинополь) — Багдад — царская Россия противопоставила два П

(пе-пе) — Петербург — Персидский залив (первоначально Пешавер), т.-е. проект индо-европейского и трансперсидского пути, который должен был превратить всю Персию в зону русского влияния и усилить экономическую и политическую мощь России в Афганистане, Персидском заливе и на подступах к Индии. Этим проектам Англия противопоставила пресловутые три К (ка-ка-ка)—Капштадт—Каир—Калькутта,— железную дорогу, которая должна была при помощи своих ответвлений соединить в одно целое всю восточную Африку от юга до севера (включая Египет), затем Палестину, Аравию, Сирию, Месопотамию, южную Персию и 300-миллионную Индию. Для осуществления этого плана Англия после разгрома Германии и заключения Севрского договора фактически захватила в свои руки весь район бывшей Оттоманской империи, по которому должен был пройти проектируемый рельсовый путь, и подчинила своему полному протекторату всю южную Персию. Сбив в одно целое железным обручем, связав одной цепью все эти территории, изобилующие хлопком (Египет), нефтью (Месопотамия и южная Персия) и другими подпочвенными богатствами, Англия, с одной стороны, подводила громадный сырьевой фундамент под свое промышленное здание, с другой стороны, необычайно усиливала свои стратегические позиции, получая возможность в случае повреждения Суэцкого канала обеспечить быструю переброску войск в Индию и обратно.

Само собой разумеется, что овладение этими территориями с помощью рельсового пути давало Англии базу для дальнейших продвижений в Анатолию, северную Персию и необычайно усилило бы мощь Англии во всей Средней Азии, в Тибете, Афганистане и вообще на всем желтом континенте.

В результате мировой войны Англия, казалось, обеспечила осуществление своего великого плана, о котором только недавно могли лишь мечтать английские империалисты. Англия получила мандат на Палестину, мандат на Аравию, мандат на Курдистан.

Пока Великобритания имела шансы захватить весь южно-азиатский район между Суэцким каналом и Индией в свои руки, она могла спокойно смотреть на усиление французской гегемонии на европейском континенте.

Имея основным правилом своей внешней политики сосредоточивать все свои силы в данный момент на одной цели, Великобританское правительство позволяет Франции осуществлять свои захватные планы в Центральной Европе, овладевать железными и угольными резервуарами района между Мозелем и Рейном, уверенное, что в удобный момент оно сумеет, собрав силы, отбросить Францию назад, как в свое время оно заставило последнюю уйти из Судана, куда направлялся отряд французского полковника Маршана (Фашода). Обеспечив осуществление грандиозного плана рельсовой колеи Капштадт — Каир — Калькутта, овладев богатейшими нефтяными источниками Турции и Персии, захватив гегемонию жидкого топлива в свои руки, переведя значительную часть своего флота на нефтяное отопление, далее, держа в своих

руках все важнейшие морские базы в водах, омывающих европейский континент, Африку и южную часть азиатского материка, а именно: Суэцкий канал, Дарданеллы, Гибралтар, Капштадт, господствуя самодержавно на Персидском заливе, в Индийском океане, на Средиземном море и Атлантическом океане, — Англия достигла абсолютного владычества на морях; утвердившись в этих важнейших районах, Великобритания получала возможность отрезать метрополию Франции от всей ее колониальной империи, перерезать все французские водные, торговые и военные пути к Алжиру, Марокко, Тунису, Мадагаскару, Индо-Китаю и, таким образом, завершала морское окружение Франции в такой степени, в какой не удавалось Англии это даже по отношению Германии Вильгельма. Увлеченная этой мечтой, империалистическая Англия могла спокойно смотреть на временное усиление французской гегемонии в Европе, покоящееся на песке, пока Англия удерживает владычество на морях в своих руках.

Но самая крепкая цепь не может быть крепче самого слабого своего звена. Ахиллесова пята английского проекта, как всех подобных мегаломанских планов, заключалась в необеспеченности подступов к району, по которому должна была пройти великая рельсовая колея, пересекающая территории, богатые нефтью, хлопком и т. д. Хотя Германия была уничтожена, как великая держава, и выброшена из Малой Азии, но все же англичане не могли считать себя спокойными, пока подступы к району проектируемого рельсового пути и к богатейшим нефтяным источникам Месопотамии находились в руках Анатолийской Турции, стремившейся к высвобождению из-под иностранного гнета. Вот почему Англия поставила своей задачей уничтожить Турцию Ангорского Национального Собрания, которая могла нанести удар английским планам в самом уязвимом месте, порвать великобританскую стальную цепь в слабом ее звене, в районе Моссула и Багдада, куда не так трудно было бы при благоприятных обстоятельствах добраться турецким войскам. Отсюда этот план уничтожения Ангорской Турции и вся эта греческая авантюра, так позорно кончившаяся для английского престижа. Отсюда, именно из этого стремления обеспечения подступов в Месопотамии, исходили английские планы образования буферного армянского государства, которое изолировало бы Турцию, и одновременно Россию, от Месопотамии. Отсюда, помимо стремления захватить бакинскую нефть, план создания Закавказских республик, чтобы отрезать Советскую Россию от Турции и лишить последнюю поддержки со стороны первой. Отсюда также план создания «независимого» Курдистана, нового буферного государства, в состав которого должен войти как персидский, так и турецкий Курдистан. Англия энергично ведет пропаганду идеи «независимого» Курдистана. В Моссуле два раза в день выходит курдская газета, которая на английских аэропланах рассылается в районы, населенные курдами. Англия снабжает курдских вождей пулеметами и аэропланами, имеющими

особое значение в горной войне. «Независимый» Курдистан, создание которого предусмотрено в Севрском договоре, должен, по английским планам, служить преградой одновременно и против возможного наступления России по направлению к Персидскому заливу, и против наступления турок на Месопотамию. Несомненно, что скоро мы еще услышим о курдском вопросе.

Строя все эти планы и работая над их осуществлением, английские империалисты не учли одного маленького обстоятельства — факта существования Советской России и отражения героической борьбы Советской России с мировым империализмом на судьбах всего Востока и, в частности, на подъеме энергии и веры в торжество своего дела в Анатолийской Турции. Греция оказалась разбитой, и в английском парламенте ставился уже вопрос об эвакуации английских войск из Месопотамии и даже из Палестины. Английские империалисты со всеми своими мегаломанскими планами насчет образования единой империи от Каира до Бомбея и Калькутты стоят у разбитого корыта.

Европа. Но именно потому, что план овладения Малой Азией с ее нефтяными источниками и подступами к Персии и Кавказу рухнул, Англия, в интересах сохранения равновесия своего положения, как мировой державы, должна с особым вниманием следить за всем тем, что происходит на европейском континенте, где с каждым днем усиливается военная гегемония Франции. Опираясь на свою громадную сухопутную армию, на союз с Бельгией, Чехо-Словакией, Польшей, Румынией, из которых обе последние являются военными полуколониями Франции, чем-то в роде европейских Сенегалов, обязанных предоставить в полное распоряжение Франции в случае каких-либо осложнений все свои военные силы, французская империалистическая республика является полным гегемоном в Центральной Европе и твердо преследует свою основную цель — расчленения Германии, образования из Рейнской области отдельного государства под протекторатом Франции и захвата всех железных и угольных богатств бывшей Германской империи.

Мы уже подчеркивали неоднократно, какими опасностями Англии грозит осуществление французских захватных планов относительно Германии. Воссоединив в одну хозяйственную единицу великий железный бассейн Лонгви — Брией, самый богатый по залежам руды, Эльзас-Лотарингию с ее железными рудниками и угольными копями, Рурский бассейн и Рейнскую область, наложив свою руку на пресловутые пушечные заводы в Эссене (Крупповские заводы), на химическую индустрию Германии, Франция явно стремится необычайно усилить свою промышленную гегемонию, путь к которой ей открывает овладение Руром [1]).

---

[1]) Подробнее об этом см. нашу работу «Империализм» (Курс лекций, читанных в академии генерального штаба Красной армии в 1922 — 1923 г.) («Сочинения», т. I).

Само собой понятно, насколько овладение пушечными заводами Круппа и особенно химической индустрией Германии усилит военную мощь Франции. Целый ряд военных французских специалистов, как, например, подполковник Мюссель во французском военном обозрении («Revue Militaire Française»), уже задолго до оккупации Рурского бассейна указывали на необходимость захвата этого района именно в целях овладения всеми химическими ресурсами Германии. Мюссель доказывал, что Германия, удерживая в своих руках Рейнскую область, обладает в три раза бо́льшими механическими и в пять раз бо́льшими химическими возможностями, нежели Франция, а посему эта область должна быть отторгнута у Германии.

Но особенного внимания заслуживает для уяснения планов французского империализма труд майора Лефебюра: «Загадка Рейна. Химическая стратегия в мирное время и во время войны», посвященный роли химической индустрии в минувшей войне и ее роли в будущей.

«Химическая борьба была впервые применена Германией. 22-го апреля 1915 года германцы впервые применили газовую атаку под Ипром, и действие ее оказалось ошеломляющим. Потери союзников при этом оказались более 5.000 убитыми и громадное число тяжело отравленными. Однако, в то время германское командование недооценило всей силы этого нового фактора борьбы, не использовало в полном объеме его значения и дало союзникам возможность оправиться и выработать контр-меры. В дальнейшем военным фактором борьбы являются снаряды, начиненные различными ядовитыми газами. Постепенно союзники перенимают от Германии этот новый метод борьбы.

Одна Франция за время войны израсходовала около 17 миллионов газовых снарядов, различного содержания и действия. Французы выработали за время войны около 50.000 тонн различных ядовитых газов и применили их для борьбы. Для борьбы с газами противника одна Франция изготовила более 5 миллионов специальных масок улучшенной системы.

Использование химических факторов борьбы английской армией было неменьшим.

По утверждению майора Лефебюра, инициатива химической борьбы и доминирующее значение оставалось почти до самого окончания войны за Германией, и только ее истощение дало возможность сломить ее сопротивление.

Американцы с самого начала учли все важное значение химической борьбы и немедленно развили широкую деятельность в этой борьбе. В настоящее время Америка продолжает усиленные работы в этом направлении и готовит крупнейшие химические сюрпризы для будущей войны».

В частности, американские потери за время войны выразились общей цифрой около 275.000 человек убитых и раненых, из которых более 80.000 приходилось на долю жертв газов. Америка настолько ясно отдает себе отчет в крупнейшей роли химической борьбы в будущей

войне, что ныне создала даже специальное «Управление для химической войны».

В результате своего исследования майор Лефебюр приходит к следующему заключению:

«Вследствие безграничных комбинаций, заключающихся в химии, и многообразных возможностей методов исследования и производства, химическая война может явиться решающим фактором для переустройства мира».

В заключительной части книги майор Лефебюр касается вопроса военного обессиления государства и приходит к выводу, что без разрушения монополии и мощи химической промышленности, в частности Германии, невозможно обеспечение мира.

Автор считает германский химический трест угрожающей опасностью для Франции и видит единственный способ борьбы в новом распределении химической промышленности и мировых запасов каменного угля, как первоисточников для нее.

Мысли и заключения майора Лефебюра являются выражением военной мысли руководящих сфер Франции и исчерпывающе объясняют современную оккупацию Рурской области.

Англия не может примириться с французскими захватными планами, с перспективами дальнейшего усиления французской военной мощи. Начиная с Вашингтонской конференции, правящие круги Англии не раз ставили вопрос о сокращении французского подводного флота, об опасности, которой грозит Англии французский милитаризм и маринизм. В последнее время английская печать и английские государственные деятели все чаще и чаще подчеркивают факт усиления французского воздушного флота, который с помощью новых химических снарядов явится страшной угрозой для Англии. Во время недавних дебатов в палате лордов о воздушном флоте, после речи герцога Сётерлендского, который от имени правительства откровенно признался, что Англия беспомощна против Франции, лорд Биркенхед (Birkenhead) в пламенной речи заявил следующее: «Если Франция пожелает, она может в одно прекрасное утро, хотя бы завтра, без предупреждения разрушить Лондон и все английские промышленные центры... Где та опасность, укажите мне ее, которая делает для Франции обязательным быть в восемь раз сильнее нас в воздухе? У нас устали от попугаечьих заверений в нашей преданности Франции... Еще никогда французская печать не была так враждебна Англии, как ныне. Я не хочу, наподобие страуса, зарывать голову в песок и не считаться с тем фактом, что очень многие влиятельные французские генералы ежедневно подчеркивают свое недоверие и недоброжелательство по отношению к Англии... Стремления Франции как в политической, так и в экономической области решительно осуждаются Англией... Франция позволяет себе колоссальные расходы на вооружение, но нисколько не думает приступить к уплате своих долгов... Против кого напра-

влены эти вооружения? Если мне скажут, что Франция проводит их не как непосредственную угрозу против нас, а только как средство усиления своей дипломатии, то я отвечаю, что Англия в течение веков никому не позволяла такого обращения с собой».

Со своей стороны лорд Хальдэн (Haldane) заявил, что он отказывается верить, будто Франция готовится к нападению на Англию, но, во всяком случае, Великобритания должна увеличить свои воздушные силы, чтобы быть готовой ко всяким неожиданностям.

Конечно, нереминады английских милитаристов насчет беспомощности Англии перед Францией не должны быть приняты за истинную монету. Все эти вопли отчаяния имеют целью возбудить в стране панику и заставить правительство и парламент вотировать новые бюджеты на усиление военных сил Великобритании.

Как бы то ни было, только благодаря полному нарушению равновесия в Европе Франция могла осуществить свой план хотя бы и временной оккупации Рурского бассейна и подготовлять отторжение Рейнской области от Германии. В данный момент Англия, связанная по рукам и ногам ближне-восточными затруднениями, не в силах помешать осуществлению французских планов на европейском континенте. Но что значительная часть английской буржуазии находит необходимым активное английское вмешательство для борьбы с этими планами, видно хотя бы из вотума палаты общин по вопросу о политике правительства в рурском вопросе, когда за правительство высказалось большинство, превысившее оппозицию всего на 25 голосов. Почти половина палаты высказалась против политики невмешательства в рурский конфликт. Крайне интересна для выяснения позиции английского правительства в рурском вопросе речь Керзона в палате лордов 20 апреля 1923 года. В этой речи Керзон сказал, между прочим, следующее:

«Нынешнее положение вещей берет свое начало с того момента, когда Германия в июле прошлого года предъявила требования о продлении мораториума. По отношению к германским репарациям наша цель заключалась в том, чтобы получить от Германии возможный максимум. Однако французский план, предложенный нам в январе, оказался совершенно неприемлемым. Бонар-Лоу на Парижской конференции отражал мнение всего английского народа, и его поведение послужило основой для всей дальнейшей английской политики.

«Когда началась оккупация Рура, мы начали с того, что предписали нашим представителям в Рейнской области и в репарационной комиссии воздержаться от участия в вынесении каких-либо решений, которые непосредственно связаны с оккупационными маневрами Франции и Бельгии. Несколько раз мы решались на вмешательство с целью предупредить столкновение между Францией и Германией, а также с целью ограждения своих собственных интересов. Все подобные попытки наши всегда встречали поддержку как Франции, так и Германии, которая выражала вполне определенное удовлетворение присутствием наших войск в Рейнской области.

«Если бы мы приняли сторону Франции, то нам пришлось бы стать косвенными участниками оккупации и быть ответственными за

действия, в благоразумии которых мы сильно сомневаемся. Если же мы станем на сторону Германии, то тем самым мы окажемся на позиции нелояльной и враждебной по отношению к Франции, нашей союзнице.

«Мы все время руководились одной идеей, — что Антанта должна быть сохранена. Таким образом, наша нейтральная политика была в сущности, политикой положительной».

Далее Керзон подробно остановился на отрицательных экономических последствиях оккупации, подчеркнув, что Франция нисколько не приблизилась до сих пор к тем целям, которые ставила себе, приступив к оккупации. Однако, последствия оккупации Керзону не представляются столь серьезными, как этого можно было ожидать, так как Германия оказалась стойкой и выявила волю к дальнейшим лишениям, несмотря на крайне тяжелое положение внутри страны.

Предложение о передаче рурского конфликта Лиге Наций, заявил министр, внушает нам определенную тревогу. Репарационная проблема, согласно мирному договору, передана на разрешение других инстанций. Нужно иметь в виду, что Соединенные Штаты и Германия в Лиге не представлены, и что серьезная постановка рурского вопроса в Лиге может привести к тому, что из состава Лиги уйдет сама Франция.

Точно так же праздными считает Керзон надежды на возможность активного вмешательства Америки. Что касается предположения о договоре, который гарантировал бы безопасность Франции, то и в этом отношении Керзон не усматривает реальной возможности быстрого разрешения вопроса. В действительности, по его мнению, разрешение рурского вопроса заключается в том, кто сделает первый шаг.

«Британское правительство, — заявил Керзон, — все время находится в теснейшей связи как с Францией, так и с Германией, на чем настаивает манифест рабочей делегации; однако, за все это время мы не слышали от Франции никакого реального предложения, кроме деклараций, заключавшихся в речах Пуанкаре и других французских министров. Что же касается Германии, то если она действительно намерена уплатить союзникам сумму, которая будет точно определена соответствующими инстанциями, и если она даст достаточные гарантии этой своей готовности, то здесь возможно кое-чего добиться».

Эта речь ясно свидетельствует, что правительство Англии совершенно не сочувствует оккупации Рура и возлагает большие надежды на стойкость и упорство Германии в борьбе против французских планов, не считая удобным для Англии в данный момент выступить открыто против Франции.

Рурские события явились лакмусовой бумажкой, которая проявила полное нарушение равновесия в Европе, дающее возможность одной державе, именно Франции, мечтать о захвате гегемонии на всем континенте в свои руки. Не даром Англия обращается к Америке и зовет

последнюю в Европу, чтобы соединенными силами восстановить порядок на континенте.

В самой Франции, в предвидении возможного образования враждебной коалиции Англия — Германия — Россия или Англия—С. Штаты—Германия, идут поиски нового равновесия в двух направлениях. Одни мечтают о создании блока Франция — Италия — Бельгия — Малая Антанта — Польша. Другие видят единственное средство восстановления европейского равновесия в скорейшем возобновлении старого русско-французского союза, хотя бы даже и при большевиках. Есть и третье мнение: Франция упрочит свое положение и ей не будут страшны никакие английские козни и угрозы, при условии сближения Франции с Германией на основе образования объединенного франко-германского угольно-железного синдиката. Эта последняя идея имеет сторонников во французских промышленных и финансовых кругах. Был момент, когда соглашение между Люберзаком с французской стороны и пресловутым Стиннесом — с немецкой было близко к осуществлению, но, в конце концов, во Франции победила политика крутых мер и насильственной оккупации Рура.

Вопрос о «континентальном блоке» в связи с оккупацией Рура и обострением англо-французского антагонизма находится в центре внимания западно-европейской печати. Само собой разумеется, что идея такого блока крайне пугает английских империалистов. Консервативный английский еженедельник «Spectator» («Спектэтёр») уверяет, что так как союз Франции, Италии, Бельгии и т. д. был бы только блоком «третьего класса», посему французские дипломаты преследуют план вовлечения в этот блок и России, что привело бы к полной изоляции и окружению Англии. «Спектэтёр» возлагает последние надежды на Америку, которая должна-де сделать соответствующее предостережение Франции, заставить последнюю уйти из Рура и отказаться от захватнических планов. Более того, орган Керзона «Дейли Телеграф» уверяет, что такое предостережение сделано уже Франции: «Из американских кругов было указано г. Пуанкаре, что С. Штаты не могут остаться безразличными к такой перегруппировке, которая была бы направлена против Англии».

Дальний Восток. Уход России из коалиции империалистических держав привел к нарушению равновесия не только на европейском континенте и Ближнем Востоке, но и на Дальнем Востоке. Здесь Япония за время мировой войны и гражданской войны в России необычайно усилила свои стратегические и экономические позиции, не только в ущерб России, но, равным образом, Англии и С. Штатам. Пока европейские державы и С. Штаты были заняты европейской войной, империалистическая Япония глубоко внедрилась в Китай, захватила здесь важнейшие стратегические и экономические позиции в ущерб Англии, и прежде всего — С. Штатам. Версальский мир, отдав в руки Японии немецкие колонии в Микронезии, именно Марианские, Каролинские и Маршальские острова, вместе с пресловутым островом Яп, необычайно

усилил стратегическое положение Японии, приобревшей новые опорные военные пункты в бассейне Тихого океана. Неожиданно дальневосточная проблема предстала перед господствующими классами Америки в зловещем свете, в виде перспективы неизбежной войны с Японией. В военном отношении, в силу своего географического положения, близости к Китаю и возможности в шесть дней перебросить дивизию из Токио в Пекин, наконец благодаря своему могучему флоту, Япония представляет необычайно грозного врага для С. Штатов в борьбе за господство на Тихом океане. Но как промышленная и финансовая держава, Япония гораздо слабее Трансатлантической республики, и это значительно ослабляет шансы ее победы в борьбе с Америкой, тем более, что последняя может опереться на поддержку Австралии, Новой Зеландии и значительной части Китая. Как бы то ни было, война потребовала бы напряжения всех сил обеих стран, притом исход ее не может быть предугадан ни одним человеком. Тем не менее, как японские, так и американские империалисты уже два года говорят о неизбежности войны не на жизнь, а на смерть, если противная сторона не откажется от своих захватных планов. Вся американская печать в один голос утверждает, что единственным средством ослабления промышленного кризиса, царящего в Америке, является завоевание тихоокеанских рынков и прежде всего Китая с его 450-миллионным населением. Но здесь Америка наталкивается на самое энергичное противодействие и грозную конкуренцию Японии, для которой Китай является главным рынком, поглощающим фабрикаты японской промышленности, и главным районом приложения японских капиталов.

Мы достаточно обстоятельно осветили вопрос о японских захватах на Дальнем Востоке в наших предшествующих работах [1]). Укажем лишь, что в период, предшествовавший Вашингтонской конференции, японо-американские отношения настолько обострились, что война между обеими странами казалась неотвратимой; американская и японская печать посвятили немало статей и отдельных книг вопросу о перспективах будущей войны между обоими государствами (см., например, книгу японского генерала Сато о японо-американской войне: «Of Japan and America Fight», Tokyo 1921. — «Японо-Американский поединок»).

На Вашингтонской конференции Америка сделала попытку победить Японию дипломатическим путем и заставить последнюю признать гегемонию Америки на Тихом океане. Япония вынуждена была пойти на уступки в вопросе о вооружениях, в шандуньском вопросе и отказаться от своих планов захвата всего Китая, но Вашингтонская конференция явилась лишь временным перемирием между обеими державами, борющимися из-за Тихого океана, и на другой день после ее окон-

---

[1]) См. нашу статью о Вашингтонской конференции в сборнике «От Вашингтона до Генуи» (издание Высшего Р. В. Совета, Москва, 1922). См. также наши работы: «Советская Россия и капиталистическая Америка», Госиздат, 1923, и «Советская Россия и капиталистическая Япония», издат. «Красная Новь», Москва, 1923 г.

чания началась борьба между японским и американским империализмом в форме вооруженной войны между двумя китайскими генералами У-пей-фу и Джан Цзо-Лином, при чем первый получал поддержку деньгами и оружием от С. Штатов и Англии, второй — от Японии.

Япония под влиянием требований С. Штатов эвакуировала Шандунь, приобретенный ею в результате мировой войны. Но теперь уже ставится вопрос китайским правительством и всеми классами Китая об очищении японцами Порт-Артура и всего Квантунского полуострова, захваченного Японией в результате мировой войны. Таким образом, империалистическая Япония стоит перед перспективой постепенной потери ею всех плодов ее захватной политики, достигнутых в результате минувших войн с Китаем, царской Россией, Германией; японские империалисты открыто обвиняют в провале своей азиатской политики С. Штаты, значение которых в азиатских делах Япония недооценила. Многие японские государственные деятели соглашаются с оценкой положения, данной генералом Сато, подчеркнувшим в своей книге, что результаты американской политики по отношению к Японии гораздо серьезнее для последней, чем были результаты русской дальневосточной политики перед войной 1904 года. Сторонники группы «Сацу бацу», группы маринистов, стоящих на платформе примирения с Советской Россией и постепенного сокращения военно-сухопутных сил империи, настаивают на необходимости напряжения всех сил Японии для сохранения и усиления морского могущества страны в виду надвигающейся войны с Америкой, а может быть с Англией [1]).

Несмотря на Вашингтонскую конференцию, Япония и Америка идут навстречу вооруженному конфликту. Вашингтонская конференция так же мало может помешать войне между Японией и Америкой, как мало помешало обострению отношений между царской Россией и Германией пресловутое Потсдамское соглашение, или другие подобные соглашения между Англией и Францией и т. д. Более того, многие японские публицисты высказывают мнение, что «Союз Четырех» (С. Штаты, Англия, Франция, Япония), созданный на Вашингтонской конференции, является по существу союзом, острие которого направлено против Японии, попавшей под контроль трех государств, руководимых врагом Японии — Америкой. Японские империалисты считают виновником всех своих поражений на азиатском континенте Америку и высказывают убеждение, что пока влияние С. Штатов на Тихом океане не будет сломлено, Япония постепенно будет терять все плоды своих побед и, в конце концов, вынуждена будет отказаться от роли первоклассной державы. Японские газеты часто цитируют слова адмирала Като, заявившего в нашумевшем интервью, что «Вашингтонская конференция была лишь затишьем перед бурей», и что Япония может обеспечить свои интересы лишь силою оружия.

[1]) Подробнее об этом см. нашу книгу «Советская Россия и капиталистическая Япония», стр. 80 — 105.

Тот же адмирал Като заявил, что будущая война не ограничится лишь действиями на Тихом океане и что поэтому Япония должна использовать предоставляющуюся ей Вашингтонским постановлением возможность постройки флота. И действительно, Япония не только сооружает новый вспомогательный флот, но и укрепляет свои морские базы, вооружая их новыми батареями и возводя новые сооружения. Американская пресса бьет тревогу по поводу этих новых японских вооружений. Так, только недавно Нью-Йоркский «Уорлд» напечатал тревожную статью по поводу официального сообщения американского военного министерства о том, что Япония энергично занялась постройкой легких крейсеров и подводных лодок. Как известно, эти единицы флота не подходят под категорию запрещенных, согласно решениям Вашингтонской конференции. Между тем ясно, что усиление одного из флотов великих держав такими кораблями опрокидывает морское равновесие, установленное в Вашингтоне. Если эта программа (японская), — пишет «Уорлд», — будет выполнена, тогда пропорция 5 : 3, установленная на конференции для кораблей крупного калибра, станет через несколько лет выгодной для Японии. Такой способ действий будет способствовать усилению подозрительности в американо-японских отношениях. Газета предлагает созвать особую смешанную конференцию для урегулирования этого вопроса.

Но приходится сомневаться, чтобы новой конференции удалось достигнуть того, что оказалось не под силу «исторической», «миротворческой» Вашингтонской конференции.

Интересно сопоставить статью «Уорлд» с сообщением «Чикаго Трибьюн» из Пекина, в котором указывается, что японцы во многих областях вытесняют американцев из Китая. Американский посол в Пекине Шерман заявил делегации американских финансистов, что следует принять срочные меры для прекращения финансирования японских предприятий в Китае американским капиталом, так как это становится опасным для американского влияния и «престижа в Китае».

С своей стороны, японские империалисты не могут примириться с тем, что С. Штаты противодействуют японским планам не только по отношению к Китаю, южной Манчжурии и т. д., но и по отношению к Сахалину и Камчатке. Известно, какую сенсацию в Японии вызвало в свое время сообщение о пресловутой Вандерлиповской компании на концессии. Ныне вся японская пресса волнуется из-за вопроса о концессии Синклера на Сахалине. Само собой разумеется, что японское правительство против этой концессии.

По сообщению «Джапан Таймс», японское правительство отправило японскому послу в Вашингтоне инструкции следующего содержания: «Япония оккупировала Сахалин, как гарантию николаевского долга; она не признает никаких прав и интересов, полученных державами на оккупированной территории. Японское правительство категорически отрицает право правительства Д.В.Р. сдавать в аренду земли и вообще концессии. Если американское правительство оказывает под-

держку обществу «Синклер», Япония готова решительно выступить против этого».

Итак, мы видим, что Вашингтонская конференция и созданный ею «Союз Четырех» не уничтожили опасности войны между Америкой и Японией.

Теперь, когда результаты Вашингтонской конференции налицо, очевидно, что последняя не разрешила, да и не могла разрешить тихоокеанской проблемы в смысле упрочения и укрепления постоянной дружбы между империалистическими державами, заинтересованными в этой проблеме. Подобно Алжезирасской конференции 1906 г. и франко-германскому соглашению 1911 г., предшествовавшим мировой войне, Вашингтонская конференция показала, что мировые хищники видят опасность войны и стремятся отдалить последнюю. Однако Ахиллесова пята всех подобных соглашений заключается в том, что установленный определенный компромисс между враждующими державами, отдаляющий вооруженный конфликт на некоторое время, почти всегда умножает точки соприкосновения между соперничающими государствами и этим самым создает новые поводы к столкновениям. В результате такого рода соглашений, вооруженный конфликт отдаляется на короткий срок, в лучшем случае, хищники переваривают каждый в отдельности доставшуюся на его долю добычу, и затем, когда процесс пищеварения закончен, антагонизм интересов разгорается с удесятеренной интенсивностью, и мнимые друзья, оскалив зубы и выпустив когти, бросаются друг на друга в последний смертный бой за обладание всей добычей.

Какой характер будет носить война на Тихом океане, каковы ее перспективы? В высокой степени интересны те несколько страниц, которые в своем докладе IV конгрессу Коммунистического Интернационала посвящает будущей войне на Тихом океане тов. Радек. Вот что он пишет:

> «Литература, освещающая стратегическое положение на Дальнем Востоке, дает вполне ясную картину. Эта литература тем ценнее, что авторы ее принадлежат к различным нациям и армиям. Сюда относятся: работа английского морского писателя Байватера об условиях стратегической борьбы на Тихом океане и о развитии американского и японского флотов [1]), работа американского морского офицера Иокса под заглавием «Исчезновение американского флота» и интересная работа двух бывших офицеров русской армии, генерала Головина, бывшего начальника штаба 8-й армии Колчака и адмирала Бубнова. Все эти работы приводят к следующим выводам: Англия и Америка имеют значительный перевес над Японией в числе линейных кораблей. Однако, в морской войне первостепенное значение имеет расстояние военных баз данного флота от места сражения. Все японские первоклассные военные базы находятся на расстоянии 500 или 700 морских миль от места будущего сражения, так что потерпевший аварию японский корабль может быть в течение одного-двух дней доставлен на буксире в док.

---

[1]) Тов. Радек имеет в виду известную книгу «Sea Power in the Pacific. A study of the American-Japanese Naval problem by Hector C. Bywater». Стр. 334. London, 1921. (Морская сила на Тихом океане.)

Плавучие японские доки находятся под руками. Таким образом Япония в состоянии использовать свой флот так, как если бы он был фактически в три раза сильнее. Что касается Америки, то она вообще располагает очень малым числом баз. Из наиболее важных для борьбы на Тихом океане американских баз одна база на Гавайских островах находится на расстоянии в 3350 морских миль от следующей базы на Филиппинах, которая явится первым объектом борьбы. В свою очередь, эта последняя находится на расстоянии в 1500 морских миль от предполагаемого места морского сражения и не может быть достаточно сильно укреплена, так как там, по географическим условиям, нельзя оборудовать большой гавани. Таким образом, в случае войны, американский флот будет находиться в самых невыгодных условиях. Американские, английские и русские стратеги согласны в том, что пока американский флот, после объявления войны, сосредоточит достаточные силы на месте сражения и обеспечит себя нефтью, углем и т. д., на что потребуется месяц времени, Филиппины будут захвачены Японией, и это случится уже на третий день. Если принять в расчет возможность совместных действий Англии и Америки против Японии, то нужно указать на то, что у Англии имеются очень сильные морские базы, а именно одна в Сингапуре, а другая в Гонконге, при чем они удалены от места сражения меньше американских, но больше японских. Из этих двух баз одна — Гонгконгская — не вполне надежна: ее можно обойти с суши. Вот почему милитаристическая Япония пошла на переговоры с Сун-Ят-Сеном, вождем южно-китайской революционной партии; она сделала это, чтобы заручиться поддержкой Юга против Англии (Гонконга). Базой вполне безопасной может считаться только Сингапур. Если принять во внимание значение аэропланов и подводных лодок и то громадное количество мелких судов, которыми располагает Япония, то ясно, что она может беспрерывно беспокоить американский флот, прежде чем он появится на месте решительного сражения. Все эти соображения приводят писателей-стратегов к единодушному мнению, что Японию нельзя победить на море. Северные подступы к Японскому морю находятся в руках Японии, проход в Японское море с юга закрыт с того момента, как Порт-Артур очутился в руках Японии. И если бы даже соединенный английский и американский флот ворвался в Желтое море, то доступ в Японское море был бы для него труднее, чем в Дарданеллы. Но Япония не имеет железа, угля, нефти, она располагает недостаточным количеством риса, и если Англия и Америка объединятся, то они в состоянии будут блокировать Японию с моря. Судьба японского империализма зависит от того, сумеет ли Япония в этом случае получать необходимые ей припасы сухим путем из Китая или России. Тут японская политика попала в тупик. Политикой захвата, политикой 21-го условия Япония создала против себя в Китае ненависть, объединяющую все живые силы пробуждающейся к новой жизни китайской нации; захватническая политика Японии в Сибири восстановила против Японии русский народ, и японская политика стоит перед историческим решением: или японская буржуазия, победив аграриев и милитаристов, сумеет повести либеральную империалистическую политику, или Япония будет разбита по тем же причинам, по каким была разбита Германия. Поражение Германии в мировой войне обусловливалось многими причинами. Но главной причиной победы союзников над Германией было то обстоятельство, что старые юнкерские и аграрные слои Германии не были в состоянии создать политические и психологические предпосылки победы германского империализма. Если прочесть воспоминания одного из самых умных германских политических деятелей, адмирала Тирпица, то можно установить, что уже в первые дни войны он отмечает в своей записной книжке следующее:

«Мы будем разбиты, несмотря на первоклассную армию и флот, ибо у нас нет политического руководства». Прусская феодальная клика и ею ассимилированные буржуазные элементы не умели руководить политикой страны. Они позволили политически изолировать себя, хотя имели множество возможностей заключить союз не только с такими мертвецами, какими были старые Турция и Австрия. А внутри страны они сумели восстановить против себя не только пролетарские массы, но и другие слои населения, и, в конце концов, Германия была разбита. Японская буржуазия могла бы руководить развитием Китая, и на деле она, зная Китай лучше, чем западные капиталистические державы, являясь его близкой соседкой, могла бы получить от него добром и уголь, и железо. Она могла бы стать во главе движения желтой расы, ее борьбы за равноправие. Но японская военщина, привыкшая приказывать, знающая только разбой, восстановила Китай против себя»[1]).

3. Перед угрозой национальных войн.

Кроме призрака войн империалистических, перед капиталистическим миром встает призрак войн национальных. Тов. Зиновьев на XII Партийном Съезде цитировал на этот счет следующие слова Ленина из статьи последнего «Полемика с Юниусом» (псевдоним Розы Люксембург), напечатанной в сборнике «Против течения» в 1916 году:

«Что данная империалистическая война 1914 — 1916 г.г. превратится в национальную, это в высокой степени невероятно, ибо классом, представляющим развитие вперед, является пролетариат, который объективно стремится превратить ее в гражданскую войну против буржуазии, а затем еще потому, что силы обеих коалиций разнятся не очень значительно, и международный финансовый капитал создал повсюду реакционную буржуазию. Но невозможным такое превращение объявить нельзя: если бы пролетариат Европы оказался лет на 20 бессильным, если бы данная война кончилась победами в роде наполеоновских и порабощением ряда жизнеспособных государств; если бы внеевропейский империализм (японский и американский — в первую голову) тоже лет 20 продержался, не переходя в социализм, например, в силу японо-американской войны, — тогда возможна была бы великая национальная война в Европе. Это было бы развитием Европы назад на несколько десятилетий. Это невероятно. Но это не невозможно, ибо представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно».

Тов. Зиновьев справедливо характеризует эти слова, как «замечательное предвидение» и указывает, что тов. Ленин учитывал конкретную обстановку в те времена и предвидел ситуацию, которая сейчас приобретает, несомненно, известную актуальность.

---

[1]) См. Карл Радек, «Ликвидация Версальского мира». Издание Коминтерна, 1922 г. Стр. 52 — 55.

Вся политика Франции и ее союзников и вассалов — Польши, Румынии, Юго-Славии — ведет к обострению национальных антагонизмов в Европе и к новым войнам, подобно тому как политика Англии на Востоке ведет к могучему национальному движению на всем Ближнем и Среднем Востоке. Франция, Польша, Юго-Славия и Румыния превращают все угнетаемые ими области в новые Ирландии. С особой силой и в крайне резких тонах рисует политику Франции и Малой Антанты Нитти в своей книге «Европа без мира». Еще до рурской оккупации и эссенской бойни Нитти писал о политике Франции по отношению к Германии и неизбежных последствиях этой политики следующее:

«Без всякой необходимости, просто в целях издевательства, германское население подвергается моральной и физической пытке, какой не знали прошлые века... То, чему мы сейчас являемся свидетелями, не знает примеров в истории. Уже много веков, как ни одно европейское правительство не запятнало себя такими абсурдными и бессмысленными преступлениями, как победоносная Антанта. Никогда в прошлом ни Германия, ни другие победившие страны не совершали в час победы ни одного из тех абсурдных и преступных деяний, которые окончательно подорвали моральный авторитет победителей, утверждавших в своем заявлении от 30 декабря 1916 г., что они объединились для защиты свободы народов».

«... Германия возродится, когда она преодолеет скорбный период лишений. И никто не знает, какую политику поведут немцы, если не будет создано средство создать прочный мир и новый общественный строй. Наши сыновья переживут еще более страшную трагедию, чем испытания, выпавшие на долю нашего поколения... (Курсив наш — *М. П.*)

Ныне польский барьер разделяет два народа Европы — Россию и Германию. Библейская легенда рассказывает, что при переходе евреев через Красное море воды расступились, но потом тотчас же сомкнулись снова. Можно ли предположить, что подобное нелепое разделение двух народов продлится долго?»

Нитти предсказывает неизбежность крушения планов относительно закабаления Германии и Немецкой Австрии. Особенно резко Нитти осуждает националистическую политику второго союзника Франции — Польши, которая, по его словам, сама готовит себе гибель. И мы знаем, действительно, что в Польше самым жестоким образом подавляются все национальные меньшинства. Верхняя Силезия, Восточная Галиция, Литва, «Данцигский коридор», — все это таит в себе угрозу войны.

Нитти написал свою книгу до рурских событий, когда он все еще мог тешить себя надеждами, что правящие классы Франции и Малой Антанты одумаются, что «из сомнения родится истина», которая спасет Европу от надвигающейся войны. Теперь этим пацифистским надеждам нанесен новый и жестокий удар. Десятки миллионов людей в Германии, Австрии, Венгрии, Польше, Юго-Славии горят чувством жгучей национальной ненависти к поработителям, повсюду разжигается национальная вражда и снова подымается по всей Европе призрак национальных войн за освобождение Германии, Венгрии и т. д.

4. Рост вооружений в послевоенную эпоху.

Таким образом в двух частях мирового горизонта — и там, где солнце восходит, и там, где оно опускается, — встает призрак вооруженных конфликтов: англо-французского и японо-американского, франко-немецкого, венгро-румынского, сербо-болгарского и т. д. И ни один из этих конфликтов, когда он вспыхнет, не будет носить ограниченного характера поединка только двух борцов. Подобно тому как прежний англо-германский конфликт привел вначале к европейской войне, а затем и к мировой, в которую постепенно втянулись все великие и малые державы Старого и Нового света, в том числе даже Китай, японо-американский конфликт сразу превратился бы в грандиозный пожар, который охватил бы весь Китай, Австралию, Канаду и затем бы перебросился в Европу. Равным образом англо-французский конфликт грозит войной, в которой на одной стороне могут сразу подняться рядом с Англией, Италией — Испания, Германия, Греция и т. п., на другой — рядом с Францией — Польша, Чехо-Словакия, Юго-Славия, Турция и т. д. И насколько правительства всех государств не уверены в завтрашнем дне и видят перед собой призраки войны, видно, с одной стороны, из всех этих конференций: Вашингтонской, Каннской и т. д., с другой — из небывало лихорадочных вооружений, перед которыми совершенно бледнеют по своим размерам вооружения государств накануне мировой войны. В самом деле, в то время как в 1914 г. С. Штаты тратили на военные расходы 49 миллионов фунт. стерл., военный бюджет Трансатлантической республики в 1920 г. равнялся 501 милл. ф. стерл., т.-е. возрос более чем в десять раз; за этот период военные расходы Англии повысились более чем в три раза (77 милл. ф. ст. в 1914 г., 230 милл. ф. ст. в 1920 г.), равным образом за тот же период утроились военные расходы Японии и Франции [1]).

Секретарь военного министерства Англии Эванс в заседании нижней палаты 26/VII — 21 сообщил следующие данные о соотношении между военными расходами Англии, С. Штатов, Франции и Японии в 1913 — 1914 и в 1921 г.г.:

	1913 — 1914 г.г.	1921 г.
Соединенные Штаты . . .	316.000.000 долл.	11.845.000.000 долл.
Англия	28 416 000 ф. ст.	164.750 000 ф. ст.
Франция	916.750.000 франк.	4.952.000.000 франк.
Япония	97.645.515 иен.	230.000.000 иен.

От великих держав не отстают и малые — Польша, Чехо-Словакия, Юго-Славия, Румыния, которые напрягают последние силы, лишь бы увеличить численность своих армий и улучшить вооружение последних.

---

[1]) Неизбежность лихорадочного роста милитаризма и маринизма в результате мировой войны была предсказана нами еще во время последней. См. выше: «Военная индустрия во Франции», § 7, стр. 120 — 122.

В Польше постоянная армия (в 1923 г.) состоит из 300.000 человек. В самой что ни на есть милитаристической Пруссии в довоенное время один вооруженный приходился на 100 человек, в царской России—один вооруженный на 150 человек населения; в Польше же один солдат приходится на 90 человек населения.

Увеличение расходов во всех странах Антанты объясняется не столько численным ростом армий, сколько усилением техники вооружений. Однако непосредственно после мировой войны и Версальского мира выросла и абсолютная цифра армий по сравнению с довоенным периодом. По данным т. Троцкого на III Конгрессе Коминтерна, 1 января 1914 года, т.-е. в момент наивысшего напряжения «вооруженного мира», во всем мире стояло под штыками 7.000.000 солдат. В январе 1921 года под штыками стояло около 11 миллионов солдат. Самую большую армию из европейских государств держала под ружьем Франция, этот оплот мировой контр-революции; численность ее армий к 1 января 1922 г. исчислялась в 880.000 человек, включая офицеров и колониальные гарнизоны. За ней следует Великобритания, численность армий которой в метрополии, колониях (Индии, Египте, Африке) и на различных театрах (Месопотамия, Персия, Константинополь), определялась к 1 января 1922 г. в 740.000 солдат. 3-е место в Европе по численности армии занимала Польша, стоящая накануне банкротства, Польша, у которой стояло под ружьем 500.000 солдат. Далее следует в порядке последовательности Италия (350.000 солдат), Испания (250.000 солдат), Греция (225.000 солдат), Швеция (170.000 солдат), Юго-Славия (150.000 солдат), Бельгия (130.000 солдат в январе 1922 г. вместо 42.000 солдат 1 августа 1914 года), Германия (100.000 солдат).

За 1921 — 1923 г.г. многие государства уменьшили численность своих армий, но зато увеличили расходы на усиление техники вооружений: на авиацию, на введение новых дальнобойных пушек, применение газов в войне и т. д. В справочниках читатель найдет обстоятельные сведения о вооружениях капиталистических держав, о расходах на армии и флоты. Мы ограничимся интересной характеристикой роста милитаризма и маринизма в результате Версальского договора и наступления эры мира, которую дает нам Нитти в своей новой книге «Вырождение Европы».

«У Франции — армия, равной которой по ее величине еще не было в новейшее время. Включая и колониальные полки, она больше довоенной германской армии, хотя у Франции меньше двух третей населения Германии, которая до войны принуждена была иметь армию для двух фронтов: восточного — против России, и западного — против Франции.

«У всех побежденных государств численность армии не достигает 180.000 человек, что едва достаточно для поддержания внутреннего порядка. У них нет артиллерии, нет танков, нет воздушного флота, нет военных школ и военных заводов. И все-таки страны-победительницы и вновь образованные государства содержат колоссальные армии. Польша, напуганная больше Россией, чем Германией, содержит армию, большую чем австро-венгерская армия до войны. У Греции, для выполнения ее безумных авантюр в Малой Азии, армия больше, чем у Ита-

лии. Румыния, которая не в состоянии платить своим кредиторам и находится в состоянии банкротства, содержит армию большую, чем армии побежденных стран, вместе взятые. Юго-Славия и Чехо-Словакия держат под ружьем больше солдат, чем Соединенные Штаты.

«Наиболее резко бросающийся в глаза факт — это колоссальный рост всякого рода морских вооружений, особенно подводных лодок. У побежденных стран нет военных судов. У Германии еще есть морская граница, но все другие потеряли выход к морю. Подводных лодок у Германии нет, и она не смеет строить их. Даже говоря о мире, победоносные государства Европы куют новые и ужасные орудия для убийства — подводные лодки, воздушные корабли, ядовитые газы и т. д. Возможно, что никакой новой войны не проектируется, но в случае, если война разразится, — разрушительные орудия невероятной силы уже готовы. Против кого ведут эти подготовления победители, если побежденные разоружены и не имеют морских берегов? Или государства Антанты, которые называют себя союзниками, уже соперничают друг с другом? Какая новая опасность вызывает эту лихорадочную деятельность?

«В течение войны Германию со всех сторон обвиняли в применении подводных лодок против торговых судов. Негодование было справедливым, но во время войны все начали строить подводные лодки в самых широких размерах.

«Обеспокоенные этим Соединенные Штаты созвали конференцию в конце 1921 года для обсуждения вопросов мирного интереса. Эта конференция продолжалась с 12 ноября 1921 года по 5 января 1922 года. Вопросы, обсуждавшиеся здесь, касались, главным образом, Тихого океана и ограничения морских вооружений и применения в войне ядовитых газов и подводных лодок. Требования Франции относительно морских вооружений и позиция, занятая ею в вопросе о подводных лодках, вызвали изумление и тревогу одновременно в Америке и Англии. Соглашение по вопросу о морских вооружениях было принято с величайшими затруднениями. Относительно же подводных лодок и ядовитых газов, хотя и были выработаны некоторые правила, несомненно, ценные, но все же это было далеко от решения этой проблемы.

«Но что характерно для сегодняшней Европы, — непосредственно после Вашингтонской конференции производство этих орудий нападения и разрушения продолжалось в еще больших размерах, чем до конференции.

«Все страны с полным отсутствием доверия друг к другу поддерживают гражданскую авиацию, имея ее в виду, как средство для подготовки военного воздушного флота. Теперешние громадные воздушные транспорты могут легко быть превращены в аэропланы для бомбометания.

«У Франции самые крупные военные воздушные силы в Европе. У нее около 3.000 аэропланов, из которых не меньше 800 годны для бомбометания. По программе 1923 года число аэропланов повышается до 4.000. Гражданская авиация, которая насчитывает треть всех аэропланов, развивается колоссально. Расходы на авиацию во Франции больше, чем в какой-либо другой европейской стране.

«В Англии имеется около 3.900 аэропланов, включая резервы и 32 воздушных эскадрона, из которых девятнадцать находятся в колониях, где авиация, вследствие полученных удовлетворительных результатов, также показывает тенденцию к развитию. На некоторое время Англия ограничила свои расходы по авиации.

«В Италии гражданской авиации не имеется, и она владеет только 12 бомбометными аэропланами, семидесятью наблюдательными и восьми-

десятью разведывательными. В последние два года не было предложено новой авиационной программы, и авиация находится в пренебре-

[redacted]

«Германия, не имея права держать военных воздушных сил, развивает гражданскую авиацию и установила, может быть, больше воздушных линий, чем все другие страны. Германии мы обязаны наибольшим прогрессом и самыми смелыми попытками в авиации.

«Главным вопросом, который привлекает к себе лихорадочное внимание всей Европы, являются попытки найти взрывчатые вещества с наибольшей разрушительной силой и газы, которые могут причинить наибольшие разрушения. После орудий, употреблявшихся в 1918 году, стало ясно, что ведение войны должно итти тем же методом, что и раньше, — нанесением врагу возможно больших потерь. Газ в последнем периоде войны оказался более разрушительным оружием, чем взрывчатые снаряды. Каждый день изобретаются все новые газы, вызывающие слезы, ожоги, раздражение легких и чихание. Изобретены бомбы такой ужасной силы, что они могут разрушить корабль не попадая даже в него, а только создавая около него ураган. Уже спроектированы новые методы ведения войны. С одной стороны, имеются подводные лодки, которые стали еще ужасней, чем раньше, и с другой — употребление аэропланов и газов делает сухопутную войну все более кошмарной. Возможность послать несколько сот аэропланов в два или три центра врага, разрушить в течение нескольких часов громаднейшие города ядовитыми газами самой чудовищной силы — уже изучается с величайшей настойчивостью. Вопрос о природе ближайшей войны уже обсуждается в европейских военных кругах: как сразу парализовать противника, как быстро разрушить его величайшие центры и как предупредить всякое движение, свести на-нет одним ударом всю его активность.

«Старое соперничество в сухопутных и морских вооружениях продолжается среди победителей, но в еще более предательских формах, угрожая существованию Европы.

«Перетасовка всего европейского континента и борьба между морскими и воздушными силами произвели в политических теориях полную революцию.

«Такого рода вопросы исключены из программы работ комиссии. Я поэтому заявляю просто, но решительно: что если, к примеру, русская делегация предложит комиссии заняться этим вопросом, такое предложение будет встречено не только оговорками, не только протестами, но обдуманным, категорическим, решительным и окончательным отказом французской делегации.

«В Европе сейчас под ружьем больше людей, чем до войны. Побежденные разоружены, но победители вооружаются все больше и больше. То же самое делают вновь образованные государства и те, население которых увеличилось за счет побежденных. Чем больше применяется насилие, тем больше армии. Несправедливость, совершенная по отношению к побежденным, ставит победителей во все более затруднительное положение».

Уже один рост милитаризма и маринизма в государствах Антанты, в С. Штатах и Японии, тратящих, несмотря на глубокий промышленный кризис, переживаемый всеми странами, главную часть своих государственных доходов и займов на армии и флоты, является фактором, приближающим момент наступления войны. С еще большей интенсивностью, чем это было накануне миро-

вой войны, военные расходы во всех странах-победительницах растут со сказочной быстротой.

«Все государства одно за другим втягиваются в какой-то заколдованный круг, в котором одно звено связано с другим, и где расходы одного государства немедленно же вызывают соответствующее финансовое напряжение в целом ряде других государств. Страшная работа бесконечного винта не останавливается ни на одну минуту, с демонической, непреоборимой силой вовлекая всю Европу, затем Америку, Австралию, Японию в бешеную гонку из-за новых сухопутных и морских вооружений. Этот безумный танец миллиардов начинает порой казаться наблюдателю игрой его собственного больного воображения. Однако, эта сарабанда — не плод больной фантазии: цифры иронические, жестокие, беспощадные стоят перед глазами и говорят о той страшной работе бесконечного винта, который фатально вовлекал одно государство за другим в пропасть разорения и, в конечном счете, привел их к страшной войне 1914 — 1918 г.г.».

Эти строки, которые мы писали в 1917 году, характеризуя рост милитаризма и маринизма в период, предшествовавший мировой войне [1]), вполне применимы к переживаемому нами моменту. Рост милитаризма и маринизма в каждой отдельной стране имеет свои пределы и свою логику. Англия не станет ждать, пока Франция, захватив Рур, отторгнув Рейнскую область от Германии, подведя мощный угольно-железный фундамент под здание своей империи, превратится в промышленного и военного гегемона и сумеет поставить Великобританию на колени. Германия начала войну летом 1914 г. не потому, что она была вполне готова к победоносной войне с Антантой, а потому, что дольше ждать ей нельзя было, если она желала сохранить свое положение сильнейшей державы, имеющей право наступать другому на ноги. Уже в апреле 1913 г. военный сотрудник «Речи» доказывал, что война вспыхнет не позже весны 1914 года. Другие специалисты, изучавшие вопрос о моменте взрыва мировой войны, одни за год, другие за $1^1/_2$ года до начала войны 1914 — 1918 г.г., также доказывали, что Германия начнет войну не позже весны или лета 1914 г., ибо с 1915 г. перевес сил начнет решительно склоняться на сторону Антанты. «Весна 1914 г. явится кульминационным пунктом военного могущества Германии, а после весны 1914 г. соотношение морских сил Германии и Англии, как и соотношение сухопутных сил Германии и ее союзников, с одной стороны, России и Франции — с другой, начнет изменяться не в пользу Германии, а потому последняя не пожелает «упустить время» — доказывали те, кто уже в 1913 г. предсказывал неизбежность войны в середине или конце 1914 г.

Мы, конечно, не можем предсказать, когда приблизительно вспыхнет англо-французская война при условии дальнейшего обострения

[1]) См. нашу книгу: «Милитаризм, маринизм и война 1914 — 1918 г.г.» (Военные бюджеты и военные силы европейских государств накануне войны). Москва, 1918, стр. 124. См. предисловие.

англо-французского конфликта. Одно несомненно, что и английской военщине приходится задумываться над вопросом: **не позже какого момента надлежит начать военные действия** против чрезмерно усиливающегося соперника, дабы не упустить время и не потерять в случае промедления все шансы на своей стороне [1]). Несомненно также, что тот же роковой вопрос об опасности чрезмерной оттяжки начального момента вооруженной борьбы с Америкой встает и перед теми представителями японской военщины, которые считают войну с С. Штатами неотвратимой.

В результате мировой войны, ни одна великая держава не считает себя «насыщенной». Империалистическое государство всегда находится в стадии расширения. От этого расширения своей территории не желают отказаться ни Япония, которая выдвигала доктрину **неуклонного расширения**, ни С. Штаты, ни Англия, ни тем более Франция, ни Польша, ни Италия, ни Юго-Славия, ни Греция, ни даже Румыния.

Мировая война надвигается со стихийной силой, и только энергия и революционное сознание народных масс, объединенных под знаменем III Интернационала, могут предотвратить новую страшную бойню между трудящимися массами всех стран путем всеобщей гражданской войны и свержения буржуазии во всем мире. Равным образом, только социальная революция и может предотвратить взрыв национальных войн в Центральной Европе, призрак которых уже встает на горизонте.

Вместе с тем, то тревожное состояние, которое переживает весь капиталистический мир, промышленный кризис и медленное, но неуклонное обострение классовых противоречий во всей Европе и Америке, наряду с ростом революционно-национального движения на всем Востоке, в частности, в Индии, Турции и Персии, заставляет нас «быть на чеку» по отношению к враждебной нам коалиции империалистических держав в виду возможности всяких осложнений. В такие периоды мыслимы всякие авантюры, хотя бы и самые рискованные.

Прежде чем броситься друг на друга, великие империалистические державы могут пойти по «линии наименьшего сопротивления».

Раньше чем рискнуть на бой с Францией, империалистическая Англия, Англия Керзонов и Бонар-Лоу, может перейти в решительное наступление против нашей республики, чтобы окончательно утвердить свою гегемонию в Персии, Афганистане и обеспечить свой тыл и подступы к Индии, Месопотамии, Персидскому заливу. Более того, громадное влияние, которым наша Советская республика пользуется не только на Востоке, но и во всех сознательных слоях революционного пролетариата Европы и Америки, является предпосылкой, делающей вполне возможным временный союз Англии, Франции и других государств в целях интервенции в России для уничтожения главного оплота международной революции и обеспечения «внутреннего тыла» в капиталистических странах.

---

[1]) Только отказ Франции от Рура может ослабить опасность войны между Англией и Францией.

Поездки Фоша в Польшу и Румынию, тесные связи, установившиеся в последнее время между Англией и той же Румынией, великобританские интриги против нас в Афганистане, Хиве, Бухаре и поддержка английским золотом басмаческого движения, систематическая провокация против Советской России, ведущаяся английскими агентами в Латвии, Финляндии и т. д., — все это показывает, что мы не вышли из периода серьезных международных осложнений и внешних опасностей. Поэтому, наряду с заботами о восстановлении и развитии нашей тяжелой промышленности, без которой мы не в состоянии будем обеспечить независимость нашей страны, нам необходимо напречь все силы, чтобы довести до полной боевой готовности нашу Красную армию, наш воздушный и морской флот и быть в состоянии в любой момент отразить новое нападение стервятников империализма на границы Советского государства, этого передового аванпоста, выдвинутого далеко вперед укрепленной линии, защищающей позиции не только русского, но и всего международного пролетариата и вообще трудовых масс Востока и Запада.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ХИМИЧЕСКАЯ ВОЙНА И ХИМИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

1. Применение удушливых газов в прошлом.

Литература о химической войне все более разрастается заграницей, особенно в Англии, Америке и Франции. У нас в С.С.С.Р., кроме переводов двух капитальных книг: майора Лефебюра — «Загадка Рейна. Химическая стратегия в мирное время и во время войны» (183 стр., издание «Военного Вестника»), и А. Фрайса и К. Веста — «Химическая война» (506 стр., издание В.В.Р.С.), мы имеем целый ряд статей о перспективах применения химии в будущей войне в наших специальных журналах: в «Военном Вестнике», в «Военной Мысли и Революции», в «Военном Зарубежнике» и т. д. К сожалению, наша периодическая литература неспециального характера совершенно не останавливалась до сих пор на вопросе о применении химии в будущей войне [1]), — вопросе, который — на фоне современных международных отношений и наростающего антагонизма между целым рядом капиталистических государств, равно как возможности нападения той или другой группы, если не великих, то малых, держав на С.С.С.Р. — приобретает все более острый характер.

Если верно, что применение ядовитых газов во время мировой войны ведет свое начало с 22 апреля 1915 г., когда германцы в битве при Ипре сделали первую газовую атаку с применением баллонов хлора, давно и хорошо известного газа, — совершенно неправильно думать, будто химический способ войны, отметивший новую эру в современных методах войны, ведет свое начало от германцев. Как рассказывает А. Фрайс: «Первая попытка одолеть неприятеля посредством выпуска ядовитых и удушливых газов, как кажется, была сделана во время войны афинян со спартанцами (431 — 404 до нашей эры), когда, при осаде городов Платеи и Белиума, спартанцы пропитывали дерево смолой и серой и сжигали его под стенами этих городов с целью удушить жителей и облегчить себе осаду. О подобном же применении ядовитых газов упоминается в истории средних веков. Действие их было похоже

---

[1]) С той поры, как были написаны эти строки, наша журнальная и газетная литература обогатилась, благодаря деятельности Доброхима, многочисленными очерками о будущей химической войне.

на действие современных удушливых снарядов; их выбрасывали при помощи шприцов или в бутылках, подобно ручным гранатам. Сказания передают, что Претер Джон (около XI столетия) наполнял медные фигуры взрывчатыми и горючими веществами, дым которых вырывался изо рта и ноздрей этих фантомов и производил большое опустошение в рядах противника».

Чтобы не заходить далеко в глубь истории, укажем, что идея борьбы с противником путем применения газовой атаки намечалась в 1855 г. во время Крымской кампании английским адмиралом лордом Дэндональдом. В своем меморандуме от 7 августа 1855 г. Дэндональд предложил английскому правительству проект взятия Севастополя при помощи паров серы. Этот документ настолько любопытен, что мы приводим его целиком:

«Краткое предварительное замечание.

«При осмотре серных печей в июле 1811 г. я заметил, что дым, который выделяется во время грубого процесса плавки серы, сначала, вследствие теплоты, подымается кверху, но вскоре падает вниз, уничтожая всю растительность и являясь на большом пространстве губительным для всякого живого существа. Оказалось, что существует приказ, запрещающий людям спать в районе 3-х миль в окружности от печей во время плавки.

«Этот факт я решил применить для нужд армии и флота. По зрелом размышлении мною был представлен меморандум его королевскому высочеству принцу-регенту, который соизволил его передать (2-го апреля 1812 г.) в комиссию, состоящую из лорда Кейса, лорда Эксмаутса и генерала Конгрева (впоследствии сэра Уилльяма), которые дали о нем благоприятный отзыв, а его королевское высочество соизволили приказать держать все дело в совершенной тайне».

Подписано: «Дэндональд».

7 августа 1855 г.

«Меморандум.

«Материалы, необходимые для изгнания русских из Севастополя: опыты показали, что из 5 частей каменного угля выделяется одна часть серы. Состав смесей из угля и серы для употребления в полевой службе, в которых весовое отношение играет очень важную роль, может быть указан проф. Фарадеем, так как я мало интересовался сухопутными операциями. Четырехсот или пятисот тонн серы и двух тысяч тонн угля будет достаточно.

«Кроме этих материалов, необходимо иметь некоторое количество смолистого угля и тысячи две бочек газовой или иной смолы, чтобы сделать

дымовую завесу перед укреплениями, которые должны быть атакованы или которые выходят во фланг атакуемой позиции.

«Необходимо также заготовить некоторое количество сухих дров, щепок, стружек, соломы, сена и других легко воспламеняющихся материалов, чтобы при первом благоприятном, устойчивом ветре быстро развести огонь.

Дэндональд.

7 августа 1855 г.

«*Примечание:* В виду специального характера поставленной задачи, вся ответственность за успех возлагается на лиц, руководящих ее выполнением.

«Предполагая, что Малахов курган и Редан являются целью атаки, необходимо окурить Редан дымом угля и смолы, зажженных в каменоломне, чтобы он не мог более обстреливать Мамелон, откуда следует открыть атаку сернистым газом, чтобы удалить гарнизон Малахова кургана. Все пушки Мамелона должны быть направлены против незащищенных позиций Малахова кургана.

«Не представляет никакого сомнения, что дым окутает все укрепления от Малахова кургана до Бараков и даже до линии военного корабля «12 Апостолов», стоящего на якоре в гавани.

«Две внешние русские батареи, расположенные по обе стороны порта, должны быть окурены сернистым газом при помощи брандеров, и их разрушение будет закончено военными судами, которые приблизятся и станут на якорь под прикрытием дымовой завесы».

«Меморандум лорда Дэндональда, вместе с объяснительными записками, был передан английским правительством того времени комитету, в котором главную роль играл лорд Плейфар. Этот комитет, ознакомившись со всеми деталями проекта лорда Дэндональда, высказал мнение, что проект является вполне осуществимым и обещанные им результаты, несомненно, могут быть достигнуты; но сами по себе эти результаты так ужасны, что ни один честный враг не должен воспользоваться таким способом. Поэтому комитет постановил, что проект не может быть принят, и записка лорда Дэндональда должна быть уничтожена. Каким путем сведения были получены теми, кто так неосторожно опубликовал их в 1908 г., мы не знаем: вероятно, они были найдены среди бумаг лорда Панмюра. Адмирал лорд Дэндональд, без сомнения, не принимал никакого участия в их опубликовании».

Конечно, проект, предложенный Дэндональдом, был отвергнут совсем не потому, что «ни один честный враг не должен воспользоваться таким способом». Из переписки между лордом Пальмерстоном, главой английского правительства в момент войны с Россией, и лордом Панмюром явствует, что успех способа, предложенного Дэндональдом, возбуждал сильнейшие сомнения, и лорд Пальмерстон вместе с лордом

Панмюром боялись попасть в смешное положение в случае неудачи санкционируемого ими опыта. Если принять во внимание уровень солдат того времени, не подлежит сомнению, что неудача опыта выкурить русских из их укреплений с помощью серного дыма не только бы рассмешила и подняла дух русских солдат, но еще в большей мере дискредитировала бы английское командование в глазах союзных войск (англичан, французов, турок и сардинцев). Следует заметить, что немецкий удар на Ипре, который произвел ошеломляющее впечатление на французские войска, впервые подвергшиеся газовой атаке, и вывел из строя 5.000 человек убитыми и громадное число тяжело отравленными, не был использован до конца и не дал желаемых результатов отчасти по той причине, что сама немецкая армия не была подготовлена к использованию нового способа войны. Совершенно правильно майор Лефебюр, объясняя неудачу немецкого плана, указывает, что идея химической войны, подготовка удара на Ипре была разработана несколькими немецкими учеными, сама же германская армия, настроенная скептически, оставалась в выжидательном положении. Десятки тысяч немецких солдат, принимавших участие в сражении на Ипре, после десяти месяцев тяжелой войны, которая в самом начале казалась им легкой «военной прогулкой» к Парижу, перестали уже верить всяким рассказам о возможности закончить войну одним ударом и крайне скептически относились к новому оружию. Более того, каково бы ни было мнение химиков, главных инициаторов опыта, германский генеральный штаб, относился к проектируемому опыту с некоторой осторожностью и не верил в необычайные успехи, которые предсказывали ученые.

Между тем, многие французские и английские командиры утверждают теперь, что если бы немцы сумели использовать до конца свой успех на Ипре, они прорвали бы фронт и открыли себе путь к Ламаншу, что могло бы быстро привести к окончанию войны.

Если предположить, что в таком утверждении есть немалая доля преувеличения, все же из опыта на Ипре можно сделать один вывод. Если, с одной стороны, всякое новое могущественное изобретение, применяемое в войне, может дать реальный результат, поскольку оно является полной неожиданностью для неприятеля, то, с другой стороны, успех нового способа борьбы зависит, наоборот, от степени подготовки к этому способу применяющей его впервые армии и от степени уверенности последней в целесообразности нового средства нападения или борьбы.

Химический способ борьбы не ведет своего начала от германцев, от битвы на Ипре в апреле 1915 г. Однако, не случайно, что впервые этот способ борьбы был именно Германией применен в широком, невиданном дотоле, размере и положил начало новому, чреватому глубочайшими последствиями этапу в истории военного дела.

2. Химическая промышленность в Германии. Химическая индустрия и война.

Накануне мировой войны Германия была первой страной в Европе по развитию своей химической промышленности. Эта отрасль немецкой индустрии была одной из важнейших основ экономического могущества Германии и главным фактором немецкой промышленности и торговой гегемонии на мировых рынках. Уже в 1897 г. общая ценность продукции химических фабрик определялась, по официальным данным, в 1 миллиард марок.

Среди других отраслей немецкой промышленности, работавших на иностранные рынки, химическая промышленность Германии занимала четвертое место, и в течение тридцати лет немецкие химические фабрикаты были вне конкуренции. Сумма экспорта немецких химических фабрикатов, достигавшая 278 миллионов марок в 1891 г., равнялась 408 миллионам марок в 1901 г., 753 миллионам марок в 1911 г., 812 миллионам марок в 1912 г. Немецкие химические фабрикаты шли во все страны Европы, при чем одна Франция импортировала в 1912 г. из Германии химических фабрикатов на сумму 60.944.000 франков.

Именно гигантское развитие немецкой химической промышленности, в частности красильного производства, дало возможность Германии начать химическую войну в широком масштабе. Мы знаем, что главным продуктом, на переработке которого основан ряд важнейших отраслей химической промышленности, является, так называемая, газовая смола или каменноугольный деготь. От этой густой, черной, дурно пахнущей жидкости, как от центра, ведет свое начало фабрикация бесчисленного множества красок (анилиновых, ализариновых, азокрасок, сернистых красок и др.), поражающих взор красотой, яркостью и разнообразием оттенков; от него же исходит получение большого числа медикаментов, из которых достаточно назвать столь популярные: антифибрин, салициловую кислоту, аспирин, салол, фенацетин, антипирин, сальварсан и мн. др. Из каменноугольного дегтя фабрикуются и важнейшие взрывчатые вещества, применяемые и в военной технике, и в горном деле (пикриновая кислота, тротилы, нитронафталины и др.). Важнейшие взрывчатые вещества, те самые, которые являются наиболее действительными материалами для начинки снарядов (пикриновая кислота, тротил, нитронафталины и пр.), получаются из того же самого исходного материала, который служит и для получения искусственных красок и лекарств — из жидких продуктов сухой перегонки каменного угля.

Значительная часть химических операций, производимых на заводах, изготовляющих краски и лекарства, сохраняет свое значение и для

фабрикации взрывчатых веществ, удушающих газов и т. п. Для получения пикриновой кислоты, например, этого сильнейшего взрывчатого вещества, приходится раньше готовить карболовую кислоту, которая сама применяется в медицине и из которой на заводах готовят далее салициловую кислоту, салол, аспирин, — всем известные лекарства. Для получения другого взрывчатого вещества (тротила) из бензола готовят анилин, который, в свою очередь, служит материалом для приготовления ряда красок (фуксин, метил-фиолет, метиленовая синь и много др.) и таких лекарственных препаратов, как антифебрин, антипирин, сальварсан и др.

Благодаря этому, представляется возможным, путем сравнительно небольшого переустройства и, главным образом, дополнительного оборудования, превратить заводы мирного характера в заводы взрывчатых веществ (а также удушающих средств).

Одним из вопросов, волнующих французских и отчасти английских империалистов, является вопрос о контроле над производством химического оружия в Германии. Очень легко контролировать производство танков, ружей, пулеметов, тяжелых и легких орудий и т. д. в Германии, ибо изготовление этого оружия требует сложных установок, которые трудно скрыть. Но как контролировать, как ограничить изготовление химического оружия? Чтобы отнять у Германии возможность готовиться к химической войне, необходимо попросту уничтожить крупную промышленность мирного времени, красильную промышленность, производство фармацевтических веществ и др. Мы знаем, что химические заводы, служащие мирным целям, в одно мгновение могут быть превращены в военные арсеналы.

Производство химических препаратов непохоже на производство пушек, танков и т. п.

«Производство какого-нибудь химического военного состава может сделать необходимым применение четырех фаз или сложных операций, четырех превращений, из которых только последнее дает ядовитое вещество. Здесь контроль совершенно невозможен. Три первых реакции почти всегда будут иметь тесную связь с важным в коммерческом отношении веществом, красками, лекарствами, химическими препаратами и пр. Поэтому продукты этих реакций легко могут быть положены в склады и сохраняться готовыми для быстрого производства последней реакции. Даже и эта последняя операция может быть осуществлена, и полученное вещество может быть легко спрятано в какой-нибудь резервуар, скрытый в большей или меньшей степени. Чтобы быть действительным, контроль должен вмешиваться в технические тайны заводов; легко впасть в заблуждение еще и потому, что промышленная химия находится на пути постоянного развития. Число необходимых инспекторов и контролеров работы и жизни заводов превысило бы личный состав, обслуживающий заводы.

«Заводы Леверкузена, например, обнимают целый ряд различных производств: они рационально организованы, и место каждой составной

части точно определено. Такое методическое устройство безусловно делает осуществление здесь контроля более благоприятным, чем где бы то ни было. Тем не менее, его осуществление остается очень трудным. Каждый из двадцати громадных корпусов завода содержит несколько отделов и предназначен для производства промежуточных или конечных веществ. Для обнаружения ядовитых составов, о которых идет речь, наблюдение за двумя первыми корпусами было бы бесполезно, так как вещества для мирных целей и для нужд войны идентичны. Дифференциация будет иметь место в других зданиях, предназначенных для производства готовых продуктов. Но в каждом из этих громадных корпусов можно одновременно вырабатывать более ста различных веществ, и каждое из них может потребовать двух, трех или четырех различных операций. Однажды члены одной официальной комиссии потребовали, чтобы им показали завод, где вырабатывался парамидофенол, важный состав, применяемый в красильной и фотографической химии. Их повели в большое здание, наполненное различными установками: проводники сказали им: мы не имеем специального завода для производства этого вещества; мы изготовляем его в этом здании вместе с большим числом других веществ; наш принцип — не иметь заводов, предназначенных для производства только одного вещества, а, наоборот, иметь заводы, способные быстро приспосабливаться для производства различных веществ. Кроме того, во многих процессах производства вещества после их доставки на завод невооруженному глазу не видны и, под давлением своей собственной тяжести, переходят из одного закрытого аппарата в другой. Для осуществления контроля важно производство экспертиз в каждой фазе производства. Трудность контроля, даже при наличии более благоприятных обстоятельств, бесспорна; для этого понадобится значительный личный состав; кроме того, заводы Рейна — не больше, как уголок мировой промышленности. Наконец, и шансы на успех минимальны. В большинстве случаев противник, располагающий развитой органической химической промышленностью, не имеет никакой необходимости предпринимать производство в мирное время. Он сможет начать производство на заводах даже с началом войны».

Затем подымается вопрос о применении химических веществ. Новое химическое вещество решающего значения может установить новый образец химического снаряда. Оно может также применяться в баллонах, бомбах и проч.

«Газомет Ливенса, имеющий большое значение, уже измененный германцами и могущий быть еще более усовершенствованным, без особого труда вырабатывается на заводах, изготовляющих трубы и трубки, где возможно также и производство снарядов. Действительно, одной из особенностей химической войны является то обстоятельство, что для целей ее нет необходимости в большой меткости, откуда — и упрощение производства минометов. Из сказанного вытекает, что с помощью

контроля, обреченного на неудачу, никакая охрана достигнута быть не может. Необходимо искать другие средства.

«Существует большая разница в подготовке механической и химической войны. Эта разница имеет свое значение с точки зрения разоружения. Механические средства войны в общем очень сложны: пушка Левиса, например, имеет бесчисленное число частей; тяжелые орудия снабжены сложными механизмами и пр. . . Это вызывает необходимость особого производства и наличия специальных заводов. Что же касается работ и опытов по их усовершенствованию, то к ним надо приступить в широком масштабе. В этих условиях контроль осуществляется легко. Сложность и точность оружия имеют следствием необходимость тщательного подбора личного состава; в настоящее время нужно много времени, чтобы подготовить хорошего артиллериста или пулеметчика, который должен не только уметь пользоваться своим оружием, но должен также быть в состоянии разбирать его и производить мелкие исправления. Следовательно, условия для формирования личного состава уже сами по себе представляют затруднения для каждого государства, пожелавшего неожиданно расширить свое вооружение.

«Но подготовка химического способа действий носит совершенно другой характер. Ценность вещества заключается в его воздействии на человеческий организм и в тех разрушениях, которые оно производит. Конечно, если конструкция пушки сложна, то и состав какого-нибудь вещества может быть также сложным, но средства применения во втором случае значительно проще, и необходимый контроль гораздо труднее.

«Открытие наиболее важных во всем мире химических составов может быть осуществлено при помощи самых простых лабораторных средств: несколько колб, несколько чашек и мисок и небольшое количество обыкновенных составов; достаточно, чтобы со всем этим оперировал ученый специалист. Какова бы ни была структура вещества, атомная или молекулярная, она не мешает предпринимать опыты в широком масштабе. Неправильно было бы говорить, что можно провести параллель между сложностью молекулы и заводом, который ее произвел. Сложные мышьяковые вещества Синего Креста изготовлялись в Германии на заводе, который был олицетворенной простотой по сравнению с отличнейшим оборудованием, созданным для производства олеума, сгущенной формы серной кислоты и основного вещества при производстве взрывчатых составов. Вместо того, чтобы строить громадный токарный станок, кузницу или сложные установки, вы самым простым способом устанавливаете известную температуру или давление, или изменяете среду, в которой происходит реакция. Конечно, вопросы тех или иных установок имеют свое значение в промышленной химии, но их размеры, сложная конструкция не имеют ничего общего с составом химической молекулы; наоборот, производство орудий механической войны так же сложно, как и сами эти орудия. Кроме того, мы полагаем, что эта разница в будущем только увеличится.

«Таким образом, мы видим, что химическое оружие имеет тенденцию, как общее правило, уклониться от каких бы то ни было ограничений, которые для механического оружия остаются, наоборот, вполне возможными.

«Известно, с какой легкостью и какой быстротой могли быть мобилизованы германские заводы красильных веществ для производства ядовитых газов в широких размерах. Понадобилось более сорока лет, чтобы создать эти заводы, но в продолжение 40 дней, даже часов, они могли производить огромное количество ядовитого газа. В некоторых случаях, еще задолго до войны, они вырабатывали вещества, пригодные для изготовления боевых припасов. Заводы, когда-то изготовлявшие индиго, отравляли во время войны армию противников страшным горчичным газом».

Таким образом, чтобы отнять у Германии возможность вести в будущем химическую войну, остается лишь уничтожить немецкую химическую промышленность, убить в корне производство в Германии красок, лекарств, всякого рода кислот и т. д. Эту цель открыто ставят перед собой французские империалисты.

3. Мировая гегемония немецкой химической промышленности и борьба с последней англо-французско-американских химических трестов.

С самого начала мировой войны английские и французские империалисты всеми силами старались доказать, что единственным средством предотвратить в будущем новую войну является уничтожение немецкой металлургической промышленности и, прежде всего, заводов Круппа.

В своей лекции «Борьба за право», прочитанной 18 июля 1915 г. в Королевском колледже в Лондоне, главный редактор отдела иностранной политики в «Таймсе», Стэд, доказывал, что для того, чтобы помешать повторению в будущем новой катастрофы вроде той, что разразилась ныне над Европой, нужно раз навсегда сокрушить могущество Германии, а для этого, во-первых, надо отнять у Германии эльзас-лотарингские безграничные залежи угля и железа, которые она аннектировала в 1871 г., а во-вторых, угольные копи в Вестфалии, в-третьих, разрушить ее крупные металлургические заводы, вроде Круппа.

Стэд, конечно, был уверен в том, что если первая металлургическая страна в Европе, Германия, будет сведена на-нет на мировом металлическом рынке, от этого выиграет, прежде всего, вторая на европейском континенте «металлургическая» держава, именно Великобритания с ее Бирмингамом, Шеффильдом, Лидсом и другими центрами тяжелой индустрии. Если будет сокрушен Крупп, не выиграют ли от этого Армстронги, Виккерсы и другие английские пушечные короли,

выстроившие уже во время войны сотни новых многоэтажных зданий для изготовления оружия, притом зданий из самого крепкого материала на самом прочном фундаменте. Английские империалисты предвидели, что этим новым фабрикам предназначено просуществовать и работать на славу британского оружия, в интересах английского милитаризма и маринизма, еще много лет после окончания мировой войны.

Или вот что знаменитый английский романист Уэльс, автор «Войны миров» и других нашумевших произведений, писал в предисловии к «Иллюстрированной войне» о роли германской военной индустрии в мировой войне:

«Прусский империализм в течение сорока лет являлся чумой для всей Европы. И эта чума с каждым днем принимала все более опасный характер. Германские государственные деятели, германские профессора открыто проповедывали циничную доктрину господства силы над правом и хвастливо подчеркивали, что «кровь и железо» явились цементом германского единства... Вся Германия заражена этим преклонением перед грубой силой, этим политическим материализмом... Рядом с императором над всей Германией господствует фирма Круппа, эта вторая голова германского генерального штаба. На ступенях самого трона расположился трест вооружений, эта организованная разбойничья банда, которая в своей ненасытной жажде новых и новых барышей подкапывается под основы всей цивилизации, грозит культуре и безопасности государств, вдохновляет национальную литературу и развращает своим тлетворным влиянием университеты и школы.

«Мы увидели слишком поздно, что человечество совершило безумный акт, позволив частным предприятиям извлекать свои барыши из подготовления к войне...

«Нынешняя война есть война за мир. Ее цель — разоружение. Ее цель — достижение такого порядка, который положит конец вооружениям. Всякий солдат, который сражается ныне против Германии, сражается против войны. Нынешняя война, самая грандиозная из всех войн, не является войной, подобной предшествующим, ибо она является последней войной.

«Не будет более кайзера, не будет более Круппа. Мы твердо решились добиться этого. Нужно положить конец этому безумию».

Знаменитый романист был безусловно прав, подчеркивая растлевающее влияние Круппа и германского треста вооружений на всю внутреннюю жизнь Германии, на ее внешнюю политику, на ее литературу, на ее университеты, на ее дипломатию, но он умолчал о том, что если война поведет к тому единственному результату, что немецкий Крупп будет уничтожен согласно планам французских и английских империалистов, но зато останутся непрежнему и не будут одновременно стерты с лица земли Армстронги, Виккерсы, Шнейдеры и др. английские и французские пушечные короли и бароны, — никто не выиграет от

разрушения крупповских заводов, кроме английского и французского металлургических трестов и синдикатов.

В результате мировой войны и Версальского мира германская металлургическая и специально военная промышленность понесла тяжелый урон. Германская армия сокращена до 100 тысяч человек, немецкий военный флот сведен фактически к нулю. Немецкая военная промышленность, имевшая в самой Германии Вильгельма обширный внутренний рынок, державшая в своих руках мировую гегемонию, накануне войны снабжавшая своими тяжелыми орудиями, снарядами и т. п. не только многочисленную немецкую армию и флот, но и целый ряд стран: Турцию, Болгарию, Румынию, отчасти Италию, Россию, Голландию, Швецию, Японию и южно-американские государства, не имеют теперь ни внешнего, ни внутреннего рынка. Немецким заводам Круппа, Тиссена, Эргарда запрещено изготовлять орудия разрушения, Германия не должна иметь ни военной авиации, ни тяжелой артиллерии. Производство в Германии пушек, танков, аэропланов, пулеметов, винтовок находится под строжайшим контролем союзных военных контрольных комиссий. Теперь Англия и Франция, не боясь немецкой конкуренции, могут снабжать всем необходимым военным материалом те страны, которые являлись до войны верными клиентами Германии. Английские и французские тресты вооружений могут торжествовать свою победу на мировом рынке: грозный конкурент Шнейдера (Крезо), Армстронга, Виккерса и друг. — Крупп — уничтожен. Но этого было мало победителям. За время мировой войны в Англии, Франции, Америке создались сотни новых химических заводов.

Во Франции химическая промышленность за время мировой войны значительно развилась.

Уже наполеоновские войны были исходным пунктом расцвета некоторых отраслей промышленности. Заказы для армии дали сильный толчок развитию металлургической и текстильной индустрии и повели к созданию многочисленных новых фабрик и заводов. Но и это влияние войны в индустриальном отношении было сравнительно ограничено, несмотря на громадные армии, которые в течение многих лет стояли под знаменами и предъявляли новые и новые требования к фабрикам и заводам. Несравненно более важное значение имели войны XIX ст. в качестве создательниц совершенно новых отраслей промышленности. Континентальная блокада явилась исходным пунктом целого ряда изобретений, поведших к созданию совершенно новых отраслей промышленности и преобразовавших экономическую жизнь Франции. Известно, как создалась сахарная индустрия во Франции и на всем континенте. Лишенные колониального сахара, благодаря бдительности английского флота, континентальные государства стали стремиться к фабрикации собственного сахара на место тростникового. Химики указали на свекловицу, как на растение, которое может заменить тростник. Были созданы обширнейшие плантации, были выбраны породы свекловицы, богатые сахаром, и молодая сахарная индустрия, созданная

«на всякий случай» в качестве подсобной отрасли промышленности, сделалась, в конце концов, настолько цветущей и могущественной, что она превратилась в грозного конкурента колониальной сахарной индустрии, которую она в результате совершенно победила.

Введение свекловичной культуры подняло плодородие тех участков, где культура свекловицы чередовалась с культурой прежних растений. Свекловица подымает плодородие почвы для культуры зерновых хлебов, и таким образом необычайная доходность зерновых участков северных и северо-западных департаментов Франции явилась результатом создания континентальной сахарной промышленности, которая, в свою очередь, была создана наполеоновскими войнами.

Равным образом, долгие годы европейских войн были исходным пунктом создания крупной химической индустрии.

Блокада, лишившая Францию колониального сахара, лишила ее и других не менее полезных продуктов. Она лишила ее, например, чилийской селитры, необходимой для фабрикации пороха, и едкого натра, столь необходимого для бесчисленных применений в индустрии.

Едкий натр привозился из Аликанте и в особенности с некоторых берегов Африки, где его добывали сжиганием корней некоторых растений. Чтобы заменить этот продукт, импорт которого сделался невозможным, Леблан изобрел свой знаменитый способ, который заключался в обработке поваренной соли серной кислотой. И он получил не только едкий натр в форме углекислой соли, но и соляную кислоту в таком количестве и по такой небывало низкой цене, что это явилось настоящей революцией в технической области, в виду бесчисленных применений изобретенного им продукта. Однако, чтобы утилизировать индустриальным образом метод Леблана, нужно было разрешить проблему массового производства серной кислоты, которую до той поры добывали с помощью сицилийской серы, которую также было невозможно получить. Таким образом пришли к обжиганию сернистого колчедана, что позволило одним ударом создать крупную индустрию (серной кислоты). Стало быть, уже в наполеоновскую эпоху потребности войны явились исходным пунктом создания совершенно новых отраслей промышленности, вызвавших глубокие трансформации экономической жизни.

Мировая война со всеми ее ужасами и разрушением народного хозяйства в целом ряде стран имела в области химической промышленности ту положительную сторону, что она содействовала развитию этой отрасли индустрии. До мировой войны вся химическая индустрия находилась во всех странах в руках Германии.

В мировой войне, в которой химия играла такую роль, приходилось всем странам сделать гигантские усилия, чтобы производить самим, чего нельзя было достать заграницей.

Индустрия жидкого хлора, совершенно несуществовавшая до войны, была создана заново, равным образом индустрия бромистого калия, поваренной соли и всех красящих веществ, необходимых для текстильной промышленности. В Германии создалась индустрия азота для замены

нитратов, которые перестали импортироваться в Германию из Африки и которые являются основным элементом при фабрикации взрывчатых веществ.

Наряду с новыми химическими заводами создались и новые металлургические. Неожиданно из-под земли выросли новые чугуноплавильные заводы и электрические для изготовления стали.

Чтобы пустить в ход это громадное количество новых машин, пришлось, за недостатком и крайней дороговизной угля, которого во Франции и в мирное время было недостаточно и который во время войны повысился в цене в несколько раз, — искать новых источников энергии. И таким образом утилизация гидравлической силы во Франции сделала за несколько месяцев такие успехи, каких в мирное время она не сделала бы, вероятно, за четверть века. На склонах гор тысячи и тысячи паровых лошадиных сил стали работать для индустриальных целей, и американская миссия, посетившая в сентябре 1916 г. электрические заводы в Сагойе и Дофинэ, с изумлением констатировала, что по утилизации водной силы Франция во многих отношениях опередила даже Америку, бывшую до войны первой страной по эксплоатации гидравлической силы.

Франция временно трансформировалась благодаря войне. Центры индустриальной деятельности, когда-то ограниченные несколькими областями, расширились и умножились. Если в области Альп и Монса сильно двинулась вперед техническая, химическая и электрометаллургическая индустрия, в других областях организовались новые отрасли. В Париже и в его окрестностях развилась механическая индустрия, в Марсели — мануфактурная. В Руане и Нормандии создались некоторые индустрии, которые процветали раньше на севере в департаментах, занятых немцами, около нормандских железных рудников поднялись чугунолитейные заводы.

Даже Юг двинулся вперед, и в Тулузе, например, в несколько месяцев вырос из земли целый индустриальный квартал, где задымились фабричные трубы, и днем и ночью раздавался шум фабричных машин и станков.

Однако, по окончании мировой войны многие из фабрик и заводов, создавшихся за время войны и поддерживаемых искусственно, благодаря дорого оплачиваемым заказам правительства, закрылись. Все же толчок, данный развитию химической промышленности во Франции, не мог пройти бесследно.

Что касается С. Штатов, здесь расцвет химической промышленности за время мировой войны приобрел сказочный характер. Так, по данным, опубликованным в американских «Бюллетенях» в апреле 1918 г. (№ 14), только в течение ноября месяца 1917 г. в С. Штатах открылось 25 новых компаний для фабрикации лекарств, химических продуктов и красок. Утвержденный капитал, вложенный в эти предприятия, достиг 54.777.000 долларов. Эта цифра приблизительно

в 9 раз превосходит общую сумму за октябрь, когда она достигла 6.022.000 долларов.

Сказочный характер развития химического производства в Соединенных Штатах с начала войны нашел своего барда в лице министра внутренних дел Лэна, в годовом отчете которого мы находим следующие места:

«Америка всегда была поставщиком сырых материалов. Наша гордость заключалась в том, что мы можем производить миллионы тонн стали, угля, миллионы боченков масла или миллионы футов строевого леса. Мы вели свои громадные обороты теми продуктами, которые нам щедро отпускала природа и в таком виде, в каком они лежали в ее обширных складах, не думая и не беспокоясь о том, сколько таинственных ценностей они скрывали.

«Но война заставляет нас приняться за усиленное изучение того, на что мы способны. Мысль и работа — вот ответ на проблемы, которые поставлены перед нами ограниченностью материальных рессурсов. Рост химической промышленности в Соединенных Штатах с 1914 года был феноменален. Фабрики не только принялись за производство тех продуктов, которые раньше служили предметом ввоза, но большого развития достигли даже те производства, которые удовлетворяют увеличившемуся спросу на все химические продукты. В настоящее время страна производит буквально все, что требуется от различных отраслей химического производства. О росте капитала, помещенного в химическую промышленность, можно судить по следующим данным: в 1915 г. он достигал 65.565.000 долларов, в 1916 г. — 99.244.000 долларов, и к сентябрю 1917 г. он превышал цифру предыдущего года на 65.861.000 долл. Новые химические индустрии открываются в настоящее время с невиданной быстротой, благодаря потребностям, вызываемым войной, и энергии американских химиков и физиков. До начала войны 90% всего количества химических красок и красящих составов ввозилось, и было только 5 или 6 предприятий, которые работали с 400 человек рабочих и производили 3.300 тонн в год. В настоящее время у нас есть свыше 90 предприятий, из которых каждое вырабатывает особые сорта красок, и 100 предприятий, работающих над сырыми и полуобделанными фабрикатами».

Само собой разумеется, что короли создавшейся в результате мировой войны химической промышленности в Англии, С. Штатах и Франции не желали, в упоении победой Антанты, примириться с фактом существования могучей химической промышленности в побежденной Германии, которая все же осталась в целом ряде отраслей индустрии грозным конкурентом Антанты. Английский майор Лефебюр, в своей талантливой, но необычайно циничной книге, недвусмысленно поставил вопрос о необходимости уничтожения немецкой химической промышленности, борьба с которой не под силу французским и английским фабрикам. Подобно тому как Уэльс, Стэд и другие английские патриоты во время мировой войны писали о необходимости в случае победы окончa-

тельного разрушения заводов Круппа в интересах сохранения мира, теперь под тем же предлогом поставлено было требование об уничтожении немецкой химической промышленности. Карфаген должен быть разрушен. Немецкая химическая промышленность, этот хамелеон, который из мирного, безобидного существа может неожиданно превратиться в хищное и опасное животное, не имеет права на существование.

«Кому из нас, например, неизвестно, — пишет Лефебюр, — что немцы возлагали больше всего надежд на применение газов для обеспечения успеха своего большого наступления в марте 1918 г., которое должно было изменить судьбы народов. Между тем, сам Людендорф говорит нам, в какой степени он рассчитывал на решительность их результатов. Много ли найдется людей, способных понять, что операции 1918 г. потеряли характер войны при помощи взрывчатых веществ. В этот период германские пушки выпускали более 50% снарядов, начиненных газами и ядовитыми составами. Внимательное изучение этих фактов приводит нас к открытиям, еще более знаменательным. Весь мир знает о грандиозности национальных мероприятий, предпринятых для выполнения нашей программы по заготовке взрывчатых веществ. Для того, чтобы удовлетворить настоятельным нуждам, возникли внезапно химические заводы в размерах, до того неслыханных, в Англии, которые выростали, как грибы после дождя. Какой соответствующий эквивалент имела Германия и где находились те громадные резервуары газов и химических веществ, которыми снаряжалось бесчисленное количество снарядов? Крупп в Эссене казался великим в глазах каждого гражданина, каждого союзного солдата: там находилась одна из скрытых сил, которая приводила в движение чудовищный механизм. Но пушки без своих посланий были бесполезны. Кто готовил эти смертоносные послания? Для того, чтобы ответить утвердительным образом на этот вопрос, необходимо изучить многочленное германское общество I. G. (Interessen Gemeinschaft — Объединение Интересов), самое большое предприятие в мире в области органической химии, монополия которого грозила закончить войну нашей гибелью. И вот, эта могучая организация выходит из войны с приростом новых сил. Наши великолепные, но импровизированные заводы истощили во время войны лучшие силы народа, и мы видим теперь их заброшенными и бесполезными. В Германии же, напротив, опыт химической войны точно влил свежую струю в старые заводы, которые кажутся ныне чрезвычайно окрепшими, точно под влиянием благотворной прививки. И этот прирост сил в будущем она может применить против нас. Я не утверждаю вовсе, что эта организация преследует в настоящее время какую-либо определенную экономическую или военно-политическую цель, направленную против всеобщего мира. Но факты красноречиво говорят сами за себя. Последующие страницы докажут, что одно лишь существование в Германии автономной химической монополии, в виде всей совокупности рессурсов I. G., уже само по себе представляет серьезную опасность, кпе всякой

зависимости от образа мыслей и нравственных убеждений руководителей этой обширной организации. Последнюю можно сравнить с миной, плавающей по волнующемуся океану всеобщего мира и постоянно угрожающей взрывом, которую не успели еще убрать. Существование этой гигантской монополии возбуждает ряд неразрешенных экономических и военных вопросов жизненной важности, которые представляют настоящую «загадку Рейна».

Итак, ларчик просто открывается. Оказывается, что вся политика Франции на Рейне, захват Саарского бассейна, оккупация Рурского бассейна и т. п., имеет главной целью овладение химическими рессурсами Германии [1]).

В подкрепление своих взглядов об опасности, с точки зрения сохранения мира, факта существования в Германии могучей химической промышленности Лефебюр ссылается на Митчеля Пальмера, уполномоченного по делам иностранной собственности в С. Штатах, который следующим образом характеризует в своем официальном отчете германские методы экономического наступления:

«Я не сочувствую каким-либо мерам бойкота, мести или репрессий за убытки, причиненные Соединенным Штатам. Я не хочу продолжать войну после войны. Я — приверженец мира. Я убежден, что наиболее ярким результатом этой войны является сознание, что почти вечный мир будет царствовать отныне между народами вселенной. Но я хотел бы помочь этому сознанию превратиться в твердую уверенность путем отказа Германии в средствах, дабы они не оказались использованными для враждебных целей, раз мир уже заключен. Сокрушающие удары союзников разрушили военный аппарат Германии, но территория ее осталась нетронутой. Если после войны она пострадала территориально, то она может снова восстановить прочное управление и вновь завоевать господство на своих заграничных рынках, при помощи столь же вероломных и предательских способов, которые она не побоялась применить на полях сражений, и мы принуждены будем принести еще новые гекатомбы. Изменятся, быть может, приемы борьбы, но цель останется та же самая, которую Германия пре-

---

[1]) Овладев Руром, французы оккупировали химические заводы в Людвигсгафене (Бадише Анилин Верке), в Биберихе, в Урдингене и т. д. Оккупация была произведена под предлогом невыполнения Германией обязательства доставлять 25% своего химического производства. Директоры этих заводов были арестованы и высланы в неоккупированную Германию. Химические продукты были вывезены во Францию. Таким образом германским директорам не помогли их договоры, в силу которых они продали французам национальные химические секреты.

следовала и раньше, в роковой день июля 1914 г., когда она готовилась завоевать весь мир».

Здесь Митчель откровенно выбалтывает затаенные мысли Лефебюра, этого агента английского химического треста. Опасность сама по себе, принятие мер предосторожности против военного усиления Германии само по себе, а пока все-таки основная цель—борьба с конкуренцией Германии на заграничных рынках. Здесь-то и зарыта собака.

Неудивительно, что такие горячие патриоты, как пресловутый бандит маршал Фош и «верный союзник и друг» последнего—английский фельдмаршал Хенри Уильсон, пишут восторженные предисловия к книге Лефебюра.

Заметим здесь в скобках, что автор русского предисловия к книге Лефебюра, Г. Попов, не совсем понял смысл предисловия «выдающихся военных деятелей Англии и Франции», поставивших свои визы на книге Лефебюра.

4. Загадка Рейна. Тайна книги Лефебюра.

Маршал Фош и фельдмаршал Уильсон совсем не потому в восторге от книги Лефебюра, что она «написана с большим знанием дела, с всесторонним освещением фактической стороны и трезвым взглядом на будущие химические войны» (см. Лефебюр. «Загадка Рейна». Предисловие Г. Попова, стр. 3). Мало ли выходит книг по военным вопросам, написанных действительно с большим знанием дела, всесторонним освещением фактической стороны и т. д.? Не ко всякой такой книге столь высокие особы, как Фош и Уильсон, написали бы предисловие, тем более — восторженное. Суть, конечно, не во всестороннем освещении вопроса, а в циничной, открыто бандитской точке зрения Лефебюра, заключающейся в проповеди новой войны против Германии, войны мирным или «насильственным путем» до полного уничтожения химической промышленности в Германии, войны до окончательного разрушения всех рессурсов экономического возрождения и без того ограбленной и беспощадно эксплоатируемой страны. Я уверен, что даже буржуазные пацифисты вроде Кайо и Нитти нашли бы книгу Лефебюра книгой разбойничьей по ее духу и преследуемым ею целям, а вот Г. Попов главного-то в этой работе не заметил. Основная идея Лефебюра заключается в самом титуле его книги: «Загадка Рейна. Химическая стратегия в мирное время и во время войны». Цель Лефебюра не столько описать, что будет происходить во время войны, какой характер будет носить химическая война, сколько обратить внимание на то, что нужно сделать во время мира «против самой угрозы химической войны» (стр. 16), на те «предупредительные меры» против Германии и «соответствующие предосторожности», которые необходимо-де принять, чтобы предотвратить возможность обороны Германии против союзников путем химической войны. Конечно, с точки зрения Лефебюра, провоцировать будущую войну может только

Германия. Все технические подробности о слезоточащих газах, об огнеметах, об облаках фосгена и проч., и проч., о которых рассказывает Лефебюр в своей книге, имеют основной целью взбудоражить общественное мнение в Англии, Франции, Америке, напугать миллионы обывателей в этих странах перспективами новой страшной войны, которую снова подготовляет побежденная, но еще не уничтоженная Германия, и заставить находящуюся под влиянием желтой прессы толпу сказать свое решительное: «Добей его». Как же добить Германию, как и когда вырвать у последней страшные химические зубы, которые были оставлены ей непредусмотрительными и слишком великодушными врагами? На этот вопрос Лефебюр отвечает так:

«Основная причина возможности химического способа войны заключается в неправильном и опасном мировом распределении органическо-химической промышленности. До тех пор, пока не будет спешно произведено нового справедливого распределения ее, она будет являться слабым местом всякого плана всеобщего разоружения» (стр. 17).

Вот здесь и лежит весь секрет пресловутой «Загадки Рейна». Подполковник французской службы Мюссель в статье «Химия после войны в Германии и Франции», напечатанной в «Ревю Милитэр Франсэз». №№ 14 и 15 за 1922 г., рекомендует Франции обратить сугубое внимание на развитие своей химической промышленности, приняв во внимание следующее: Германия, владея Рейнской областью, обладает в три раза большими механическими и в пять раз большими химическими возможностями, чем Франция. В настоящее время Франция держит под своей угрозой $^2/_3$ механической и $^4/_5$ химической мощи Германии. Франция должна удержать за собой Рейнскую область. В этом-то, очевидно, и должно заключаться то новое справедливое распределение «органическо-химической промышленности», о котором говорит Лефебюр.

Заметим, что книга Лефебюра была написана в то время, когда англо-французские отношения не носили того обостренного характера, какой они приняли за последнее время, и когда многие английские империалисты были уверены в том, что Великобритания сумеет осуществить все свои разбойничьи планы на Черном и Желтом континентах, главным образом, в Малой Азии, при поддержке Франции, путем отдачи последней на разграбление всей Германии и, главным образом, предоставления полной свободы действия г-дам Мильерану, Пуанкарэ, Фошу в их рейнской политике. Но этот план сорвался, главным образом, благодаря сопротивлению той части английской буржуазии, которая не могла согласиться с программой добровольного «ухода из Европы», программой, которую отстаивали слишком рьяные сторонники азиатской и заокеанской политики, потерпевшие поражение на декабрьских выборах 1923 г., приведших к власти правительство Макдональда.

Восторгаясь книгой Лефебюра, английский фельдмаршал Уильсон пишет: «Майор Лефебюр взялся показать в своей книге, что никакие конвенции, гарантии или договоры о разоружении не смогут помешать не признающему их противнику использовать ядовитые газы, особенно если этот противник открыл для них новый сильно действующий состáв или если он располагает, подобно Германии с ее богатой и хорошо организованной химической промышленностью, средствами, позволяющими ему немедленно по получении приказа изготовить в больших размерах нужные продукты».

Итак, богато и хорошо организованная химическая промышленность Германии представляет страшную угрозу международному миру, давая возможность Германии в подходящий момент начать химическую войну против союзников, которые только и пекутся о том, как бы осуществить на земле царство вечного мира. Что же такое представляет «химическая стратегия во время мира» и сама химическая война, каковы перспективы в надвигающемся конфликте, в котором, по всей вероятности, оба вчерашних друга и союзника, английский и французский маршалы, очутятся по разным сторонам баррикады?

5. «Химическая стратегия в мирное время». Германский химический синдикат (I. G.) и его гегемония в мировой химической индустрии. Немецкие химические фирмы.

Мы указали выше, что основная идея книги Лефебюра заключается не столько в описании форм и характера самой «химической войны», сколько в подчеркивании всей важности «химической стратегии в мирное время». В чем же заключается суть этой «химической стратегии в мирное время», о которой Лефебюр пишет не только сотни раз в самой книге, но и в титуле последней? Формулированная сжато программа Лефебюра сводится к следующему: один Крупп, пушечный, уничтожен. Но рядом с ним существовал до войны и существует до сих пор в Германии другой Крупп, более страшный, именно химический, в лице треста I. G. Его необходимо уничтожить.

Разве мы не знаем, как Людендорф советовался одновременно и с I. G., чтобы выработать свою широкую программу снабжения боевыми припасами? Очень немногие отдают себе отчет в том, что I. G. в действительности было вторым Круппом. В самом деле, было бы довольно любопытно видеть Германию, принимающую участие в своей монополии красильных веществ. Между тем это единственное решение, гарантирующее абсолютную безопасность. До тех пор, пока единственные источники производства этих веществ будут в руках Германии или всякой другой страны, никакой проект разоружения не будет покоиться на солидном основании.

Мы опять возвращаемся к тому же пункту, к признанию, что весь вопрос заключается в обладании средствами производства. Производство, как мы сказали, может быть контролируемо, например, в отношении танков; но в отношении производства военных химических веществ

контроль не может быть осуществлен. Лига Наций не может рассчитывать на такую монополизацию их, как I. G., которое и при наличии Лиги Наций и без нее является постоянной угрозой миру.

Не нужно скрывать от себя правду: переговоры при заключении договора, как и сам договор, не переставали предвидеть изменчивую природу химической войны. Мы знали, что азотные заводы Мерзебурга и Оппау представляют единственную в своем роде угрозу. Мы понимали, какая опасность заключается в оставлении в руках преступной Германии монополии на производство ядовитых газов. И тем не менее договор, оставаясь глухим ко всем аргументам, совершенно не учел этих опасностей. Даже теперь суть дела уразумела только половина из числа тех, кого оно больше всех интересует.

Таково новое оружие, применение которого требует долгих исследований и производства в широком масштабе. С исследованиями ничего не поделаешь, что же касается производства, то мы показали, что контроль не сумеет ему помешать. Тем не менее три особенности этого оружия требуют, чтобы в отношении его были приняты радикальные меры в целях разоружения.

Прежде всего, химическое разоружение есть ключ ко всем остальным. Все наступательное оружие, исключая штык, в большей или меньшей степени зависит от военных химических веществ.

Во-вторых, химическая война сама по себе так важна, что всякий проект разоружения, не принимающий ее в расчет, прежде всего не больше, как простая насмешка.

Наконец, никогда ни одно государство не обеспечивало себе почти исключительной монополии на какое-нибудь оружие, как это сделала Германия в отношении химического оружия. Стремление к установлению равновесия боевых средств обоих противников, проявившееся по мере продолжения войны, не коснулось в этом отношении германских привилегий.

Что же такое представляет собой I. G., этот второй германский Крупп, более страшный, чем первый? I. G. (Interessen Gemeinschaft)— это гигантский синдикат, объединяющий все крупнейшие заводы немецкой красильной и фармацевтической промышленности.

К концу XIX столетия массовая выработка красильных веществ была почти монополизирована шестью большими фирмами:

1) Баденской анилино-содовой фабрикой в Людвигсгафене на Рейне, известной под именем Баденской;

2) фабрикой красок Фридриха Байер и К° в Леверкузене, известной под именем Байер;

3) Акционерным анилиновым обществом в Берлине;

4) заводом красок бывш. Мейстера, Люциуса и Брюнинга, часто называемой Гехст;

5) Леопольда Касселя во Франкфурте;

6) Акционерным о-вом Калле и К° в Биберихе.

Каждая из этих шести фирм достигла уже огромных размеров производства еще задолго до войны. Только две другие фабрики могут быть сравниваемы с ними: химическая фабрика Григсгейм-Электрон во Франкфурте, поглотившая несколько других предприятий меньшего значения, и химическая фабрика б. Вейлертер-Меер в Юрдингене.

Известно, что все эти заводы, исключая одного, расположены на Рейне и его притоках. Их проспекты являются историей их развития. Гехст, основанный в 1863 году, начал работу с 5 рабочими. В 1912 г. там работали 7.680 рабочих, 374 подмастерья, 307 дипломированных химиков и 74 первоклассных инженера.

Баденская анилино-содовая фабрика занимает едва ли не первое место на земном шаре среди химических фабрик. Основанная в 1865 г. в Мангейме, она была перенесена через два года на другой берег Рейна, в Людвигсгафен, где был сооружен грандиозный завод, занимающий 250 гектаров территории. Первоначальный капитал предприятия, равнявшийся при основании фабрики 1.400.000 флоринов, вырос последовательно до 36 миллионов марок. Персонал, занятый в Людвигсгафене в 1912 г., состоял из 2 директоров, 5 помощников директора, 26 уполномоченных, 412 инженеров и химиков, 8.000 рабочих. Число рабочих на Баденской анилино-содовой фабрике со времени основания росло следующим образом:

1865	30	рабочих.
1896	4.800	»
1898	5.127	»
1909	6.207	»
1912	8.000	»
1914	11.000	»

Первым успехом Баденской фабрики было открытие в 1869 г. искусственного способа производства красной ализариновой краски. Производство искусственного ализарина нанесло смертельный удар культуре марены, процветавшей, между прочим, во Франции. Для поощрения этой культуры Наполеон ввел красные штаны во французской армии [1]). До открытия искусственного ализарина годовая продукция марены во Франции оценивалась в 30 миллионов франков. В настоящее время культура марены во Франции исчезла.

Открытие синтетического ализарина сопровождалось целым рядом открытий в той же области химиков Баденской фабрики (синяя ализариновая краска, черный ализарин, синяя антраценовая и т. д.). Другим величайшим открытием Баденской фабрики был способ приготовления искусственного индиго, найденный после тщательных и долгих изысканий, продолжавшихся около 20 лет (с 1880 по 1897 г.г.). Искусственное индиго постепенно начало вытеснять с мировых рынков индиго натуральное, $^4/_5$ продукции которого добывалось в английской Индии

[1]) Louis Bruneau, «L'Allemange en France». Париж, 1914. См. стр. 255. (Луи Брюно, Германия во Франции).

и $^1/_5$ в голландских колониях и в Центральной Америке. В 1897 г. Германия импортировала естественное индиго на 26 миллионов фр., а экспортировала искусственного индиго на 8 миллионов франков. Но это было только началом борьбы между искусственным и натуральным индиго.

Накануне мировой войны Германия импортировала натурального индиго всего на 560.000 франков, а экспортировала на 69 миллионов франков искусственного индиго. Таким образом искусственно индиго убило культуру натурального индиго, как искусственный ализарин убил культуру марены. Несомненно, что та же участь ожидает все другие естественные краски животного или растительного происхождения. Марена исчезла в самое короткое время. Естественное индиго уже выходит из употребления. Дорогая кошениль (добывается из высушенных самок насекомых вида Coccus cacti) уступила место более дешевым пунцовым азокраскам; желтое дерево почти совершенно вытеснено желтым ализарином, галлофлавином и т. д. Экстракт из дерева «красный сандал», применявшийся при крашении хлопка, в ситцепечатании и т. д., заменяется теперь красными азокрасками. Орсель или персион, приготовлявшаяся из некоторого вида лишаев (с Канарских островов, из Индии, Южной и Центральной Америки) и игравшая до введения искусственных красок видную роль в крашении шелка и шерсти, почти совершенно вытеснена теперь многими превосходящими ее искусственными красками.

Баденская фабрика имела свои отделения во всей Европе и, между прочим, одно отделение в Париже. Кроме того, эта фирма имела во Франции свой химической завод в Невилле на Сонне, что открывало для немецкой промышленности обширный рынок во Франции.

Во Франции существует предположение, что на Баденской фабрике производятся втайне изыскания новых взрывчатых веществ. В 1921 г. произошел невиданной силы взрыв на заводе анилино-содового общества. Сейчас же явилась мысль, что там готовили новое, страшной силы вещество. Это было о ф и ц и а л ь н о опровергнуто. На заводе имелись сравнительно невинные вещества: аммиачная селитра, серноаммиачная соль и небольшое количество аммонали. Соли предназначались для целей удобрения почвы. Но официальному сообщению не поверили. Из 1600 лиц. бывших на заводе, никто не уцелел, погибли все. От завода осталась яма, наполнившаяся водой и образовавшая озеро в 30 метров глубины и 130 × 90 метров по площади. Некому было подтвердить официальную версию.

Фирма «ф а б р и к и к р а с о к Ф р и д р и х а Б а й е р а и К° в Л е в е р к у з е н е», основанная в 1881 г., имела накануне войны персонал в 10.000 служащих и рабочих, занятых на ее немецких предпредприятиях (Бармен, Эльберфельд, Дюссельдорф), равно как на ее фабриках в России, Франции, Бельгии и С. Штатах.

При капитале в 36 миллионов марок она получила в 1911 г. чистый доход в 14 миллионов марок и распределила между своими акционерами

дивиденд в 25%. Фирма эта имела во Франции свое отделение: «Анонимное общество продуктов Фридриха Байера и К°», построившее громадный химический завод около Лилля.

Фирма Байера специализировалась на фабрикации фармацевтических продуктов. Так, мировой известностью пользовался «аспирин» Байера. Кроме того, фирма вырабатывает все химические продукты и специально искусственные краски.

Новейшим очень важным открытием на фабрике Байера, о котором рассказывает, между прочим, проф. М. Чиликин («Успехи в области текстильной химической промышленности на Западе», «Известия», 6 мая 1923 г.), является евлан — вещество типа шерстяного красителя, но бесцветное, задачей которого является сделать шерстяное волокно несъедобным для моли. Моль совершенно не трогает волокна, пропитанного евланом. Фабрика Байера ставит себе широкую задачу борьбы с молью — этим вредителем носильного платья. Целая научная лаборатория посвящена этой цели, ряд химиков и биологов работает в этой области. Был собран богатейший материал о жизни, размножении и разрушительной работе этих маленьких вредителей. От них работа перешла и в другие области борьбы с маленькими паразитами и вредителями. Имеются уже средства для борьбы с головными вшами и отчасти даже с платяной вошью — этим ужасным русским бичом и распространителем сыпного тифа. Эта область еще не до конца изучена, и результаты еще не такие блестящие, как в области борьбы с молью, головной вошью и даже с чесоточным паразитом. С молью вопрос можно считать почти решенным. Шерсть, шерстяная ткань, будучи при крашении пропитаны также и евланом, становится недоступной для моли за всю свою службу человеку; легкая чистка и стирка не вредит этому свойству. Даже бывшие в употреблении вещи или готовые изделия, ковры и др., можно, пропитав раствором евлана, сделать также несъедобными для моли; при этом не происходит никакого изменения в цвете, нет какого-либо сильного запаха или вредного для здоровья влияния. Понятна та громадная экономия, которая может быть достигнута в интендантском деле, если шерстяная ткань и сделанные из нее вещи будут недоступны для моли. Так же важно, чтобы окраска этих вещей была особенно прочной. В германской армии уже перешли на крашение шерсти особенно прочными кубовыми красителями, очень хорошие образцы выработаны красочными фабриками.

«Акционерное Анилиновое Общество» (A. G. für Anilin Fabrication) образовалось в 1873 г. из слияния двух фирм: «Анилиновая фабрика Марциуса и Мендельсона-Бартольди» в Берлине и «Фабрика красящих веществ д-р Жордана» в Трептове. «Анилиновое Общество» имеет в Германии фабрики в Рюммельсбурге, в Трептове, Биттерфельде, Верндорфе, Кикемале и занимает 4.000 рабочих. Эта фирма также имела свою фабрику во Франции.

Фирма красок Люциуса и Брюнинга в Гехсте, основанная в 1862 г. Вильгельмом Мейстером, Люциусом и Мюллером,

владела первоначально одной маленькой фабрикой, производившей 5 килограммов фуксина в день. В 1879 г. фирма превратилась в анонимное общество, капитал которого исчислялся в 1911 г. в 36 миллионов марок. Накануне войны на фабриках этого общества в Гехсте было занято 300 химиков, 80 инженеров, 600 служащих и около 7.000 рабочих. Чистый доход общества в 1911 г. равнялся 16.136.000 марок и дал возможность распределить акционерам дивиденд в 30%. Заводы в Гехсте производят до 8.000 различных видов искусственных красок. Среди медицинских средств, фабрикуемых на этих заводах, всемирной известностью пользуется антипирин. Наконец в 1892 г. в Гехсте была учреждена бактериологическая станция для производства туберкулина Коха, затем антидифтеритного серума Беринга.

Фирма Мейстера, Люциуса и Брюнинга имела свои отделения в большей части стран земного шара. Во Франции она имела агентства в Париже, Лионе, Марселе, С.-Этьене, Амьене, Нанте, Реймсе и свое отделение: «Парижская Компания Анилиновых Красок». Эта компания построила в Крейне химический завод, который накануне войны изготовлял, между прочим, «неосальварсан», якобы чисто французский продукт, в отличие от немецкого «сальварсана», пресловутого «606», открытого Эрлихом.

Фирма Леопольда Касселя во Франкфурте специализировалась на производстве искусственных красок и имела свои отделения или агентства во многих странах, между прочим, филиал в Лионе, под именем «Лионская мануфактура красящих веществ», представлявший акционерное общество.

Фирма Калле в Биберихе снабжала Германию и многие страны иодолем, ментол-иодолем, этолем и т. д.

Накануне мировой войны более 30 крупных химических заводов Германии занимались фабрикацией красящих веществ и производили 90% мирового производства красящих веществ. Ценность производства одних только анилиновых красок возросла с 1879 г. по 1898 г. с 30 до 150 миллионов франков. В 1912 г. Германия экспортировала за границу 1.250.000 метрических квинталов красящих веществ на сумму 230 миллионов марок. В 1913—1914 г.г. ценность красящих веществ, выработанных во всем мире, определялась, по французским данным, в 600 миллионов франков золотом, при чем из этой суммы на долю немецкой химической промышленности приходилось 500 миллионов фр., т.-е. $^{5}/_{6}$ мировой фабрикации красящих веществ.

Постепенно крупные немецкие химические фирмы начали объединяться. В 1904 г. появились два химических треста. В состав одного вошли синдикаты Байера, Баденская и Анилиновое Акционерное Общество. В состав другого вошли: Гехст, Кассель и Калле. Процесс горизонтальной концентрации не остановился на этом. В 1916 г. оба

синдиката объединились с Гриссгейм-Электроном (Франкфурт-на-Майне), с химической фабрикой Вейлертер-Меер (Юрдинген) и другими меньшими предприятиями и образовали один гигантский химический трест I. G. (Interessen Gemeinschaft) с капиталом в 400.000.000 марок. Этот трест фактически монополизировал в своих руках всю германскую химическую промышленность.

Трест I. G. фактически держал в своих руках мировую монополию красящих веществ. Не лишены основания следующие строки, которые мы читаем в бюллетене «Французского Национального Синдиката Красящих Веществ», создавшегося в период мировой войны, в ноябре 1916 г.:

«Подобно другим странам, Франция в области потребления красящих веществ находилась в полной экономической зависимости от Германии. Последняя не только импортировала во Францию громадное количество химических продуктов, но сверх того имела, под французскими этикетками, отделения своих крупнейших фабрик во многих пунктах Франции, именно: Леопольда Касселя и К° (из Франкфурта) в Лионе; Баденская Анилиновая и Содовая Фабрика (из Людвигсгафена) в Невилле на Сонне; фабрика Байера и К° (из Леверкузена) во Флере (на севере Франции); Акционерное Анилиновое Общество (Берлин) в С.-Фу (на Роне); фабрика Мейстера, Люциуса и Брюнинга в Крейне (под Парижем); фабрики Вейлертер-Меер (из Юрдингена) в Туркуане (сев. Франции)».

С помощью своих отделений, создавших в самой Франции ряд фабрик, перерабатывавших немецкие полуфабрикаты, немецкие химические заводы освобождались от необходимости платить высокие пошлины при импорте фабрикатов во Францию. Само собой разумеется, что германский химический трест имел свои фабрики не только во Франции, но также в Англии, России, Австро-Венгрии, Италии и даже в С. Штатах. Так как Германия посылала на свои заграничные химические фабрики для переработки лишь полуфабрикаты, секрет изготовления которых тщательно сохранялся и был известен лишь немногим лицам в самой Германии, немецкая химическая промышленность сумела сохранить тайну приготовления своих важнейших химических и фармацевтических препаратов, и не было оснований опасаться, что благодаря открытию немецких фабрик в других странах Германия создает себе за границей могущественных конкурентов в области химической индустрии. Наоборот, именно благодаря своим зарубежным фабрикам, немецкая химическая промышленность фактически захватила мировую монополию в свои руки.

Разгром Германии и Версальский мир не убили немецкой химической промышленности. Как пишет проф. М. Чиликин в цитированной нами выше статье:

«Германская красочная промышленность внешне благоденствует. Все фабрики работают полным ходом, завалены заказами. Все страны

света закупают краски в Германии, и, кроме того, 25 проц. производства идет в пользу стран-победительниц. На фабриках видна оживленная деятельность, видны вновь отстраиваемые корпуса. Несмотря на покупаемый дорогой уголь, на потерю важных промышленных областей, работа идет полным ходом, и краски можно покупать по ценам не выше довоенных. Чем объясняется эта картина, сами немцы объяснить затрудняются, но, очевидно, это все покоится на искусственно поддерживаемых дешевых внутренних ценах и на малой заработной плате.

«Швейцарская красочная промышленность, чрезвычайно сильно развившаяся за время войны и увеличившая в несколько раз свои американские отделения, сейчас находится в печальном затишьи. Дешевая германская краска не дает им работать. Теперь они подготовляют себе торговые рынки ко времени поднятия немецких цен до нормального уровня, чтобы вступить в конкуренцию. При посещении мною одной такой швейцарской фабрики ряд отделений был совершенно заперт на замок, другие работали только частично, в очень малом масштабе. Имеется указание на начало производства ализарина и индиго. Относительно национальной красочной промышленности Англии имеются мало утешительные сведения. С октября 20 года дела пошли плохо, в начале 21 года фабрики позакрылись, лабораторные химики были распущены, исследования остановлены.

«Не то было в Америке. Здесь, по официальным отчетам, дела до сих пор обстоят блестяще. Уже в 1917 году было многое сделано для развития красочной промышленности, и 1.733 химика были заняты в этой отрасли при 17.910 рабочих. На работы по исследованиям было истрачено $2^1/_2$ миллиона долларов. Сырые продукты — все своего производства, исключая антрацен. Большого труда стоило заставить промышленников интересоваться выделением антрацена. Отчет 1921 года дает значительное увеличение числа фирм, занимающихся производством смолы; улучшено коксование, все заботы направлены к увеличению улавливания побочных продуктов. Ввозится только 10% краски от веса своего производства, а вывозится 6%. Это представляет уже громадный успех».

«Известия»
6 мая 1923 г.

6. Междусоюзный химический синдикат для борьбы с немецкой монополией. Военные тайны немецкой химической промышленности и Версальский договор.

Могущество германской химической промышленности, которую не могли поколебать даже тяжелые условия Версальского мира, потеря саарского и силезского угля, залежей фосфористых железных руд и общая экономическая разруха в Германии, естественно, побудило усилившихся и чрезмерно разбогатевших за время войны королей химической индустрии в Англии, Франции, С. Штатах и т. д. искать новых путей

к уничтожению немецкой мировой гегемонии в области химической индустрии. В 1919 г. организовалась м е ж д у с о ю з н а я конференция ассоциаций по чистой и прикладной химии, которая в качестве химической секции вошла в состав «Международного Совета по исследованиям». Ее официальное название — «Union internationale de la chimie pure et appliquée» («Международный Союз по чистой и прикладной химии»).

Вот что проф. В. И. Тищенко пишет о задачах этого Международного Союза (см. ст. «Химическая промышленность и война» — «Журнал Русского Физико-Химического Общества при Петроградском Университете», т. XIV. Госуд. Изд. 1923):

«Задачи этого союза следующие:

1. Усиливать между союзными народами связи уважения и дружбы, которые уже укрепились за время войны.

2. Организовать постоянное сотрудничество (кооперацию) химических ассоциаций различных стран.

3. Согласовать их научную и техническую деятельность.

4. Содействовать успехам химии во всех ее отраслях.

Первый съезд союза (конфедерации) состоялся в Лондоне с 14 по 18 июля 1919 г., и члены съезда принимали участие в торжествах по случаю заключения мира. Второй съезд был в Риме, в Academia del Lincei с 21 по 24 июля 1920 г. Кроме союзных государств, в члены союза (конфедерации) приняты единогласно: Канада, Дания, Греция, Чехо-Словакия и Польша.

В числе своих ближайших и постоянных задач союз ставит поддержание постоянной связи между химическими группами государств, вошедших в союз; координацию их работ для производства общими силами некоторых оригинальных исследований; объединение химической номенклатуры, классификации, мер и систем единиц, методов анализа, технической и промышленной стандартизации и проч. Предполагается также организация центральной библиотеки, в которой было бы собрано все написанное по химии (отдельные сочинения и работы, периодические издания, привилегии и т. д.), а также музея исходных материалов и готовых химических продуктов. Эта библиотека и музей будут представлять полную историю чистой и прикладной химии. С другой стороны, союз ставит своей неотложной задачей издание периодических обзоров химической литературы, крупных руководств и журналов на французском и английском языках, чтобы и в этом отношении избавиться от немецкой зависимости.

Параллельно с этим идет объединение промышленности. Однородные или близкие промышленные предприятия объединяются в крупные промышленные группы.

Выше было указано образование германского азотного синдиката Stickstoff Syndicat. В 1916 г. восемь крупнейших фирм по химической и красочной промышленности объединились в другую гигантскую группу I. G.—«Interessen Gemeinschaft» («Интерессен Гемейн шафт»)—с общим капиталом в 1.200.000.000 марок. В начале 1920 г. в Соедин. Штатах велись переговоры об объединении четырех крупных фирм: General Chemical C°, the Barret C°, Sement Solvay C° и National Anilin C°. (Генеральная Химическая К°, Бэррет К°, Симент Солуэ К° и Национальная Анилиновая К°). Общий капитал их составляет около 300.000.000 долларов.

Хотя это и не в духе французских и английских промышленников, привыкших вести дело в одиночку, тем не менее, объединяются промышленные предприятия во Франции и Великобритании, и это объединение считается прямо жизненным вопросом. Руководители

английской химической промышленности неустанно указывают на необходимость объединения.

Так, на заседании лондонского отделения О-ва Химической Промышленности (London Section of the Society of Chemical Industrie) в начале 1920 года д-р Ормонди предупреждал членов: «Если британские химические фирмы останутся верны своей системе работы отдельными разрозненными единицами, то будет лишь вопросом времени, когда Германия вернет свое первенство не только в химической промышленности, но и в производстве железа и стали».

На этом заседании Э. В. Ивенс (E. V. Evans) в конце своего доклада о положении британской красочной промышленности и ожидающей ее германской конкуренции напомнил, что будущее принадлежит не той нации, которая успешнее всех повторяет старые, уже известные процессы, а той, которая открывает новые линии прогресса. Другими словами, все нации начинают прогрессировать (выдвигаться вперед) с новой отправной точки, и та, которая имеет больше веры в научные исследования и не жалеет на них средств, должна обеспечить себе первенство между остальными».

И эта последняя мысль о необходимости научных и особенно химических экспериментальных исследований становится всеобщей. В Англии, Соедин. Штатах, во Франции, Италии, Японии, — везде стремятся покровительствовать наукам, способствовать их развитию, особенно химии. Везде устраиваются исследовательские институты, реорганизуется на научных основах земледелие и промышленность, ассигнуются крупные суммы на расширение университетского, особенно химического преподавания. А различные новые научно-исследовательские ассоциации союзных стран возглавляются «Международным Исследовательским Советом».

В то же время, все государства стремятся обеспечить себя в отношении основных химических производств, чтобы в случае войны не нуждаться в привозе самых необходимых материалов. Работы учреждений и лабораторий, связанных с войною, не прекращаются. Учреждения эти из временных превращаются в постоянные, ибо все убеждены, что в будущих войнах химические средства войны будут играть еще более важную роль. Горе тому государству, которое об этом забудет: si vis pacem, para bellum —хочешь мира, будь готов к войне».

Основная цель организаторов «Международного Союза по чистой и прикладной химии», в число членов которого, конечно, не была приглашена Германия, заключалась в борьбе с химической немецкой промышленностью и, прежде всего, с германским трестом.

Точку зрения руководителей этого «международного» союза химических королей и шовинистически настроенных ученых Франции. Америки, Англии, Бельгии с поразительной выпуклостью и беззастенчивым цинизмом формулировал в своей книге Лефебюр, требующий под предлогом борьбы с всемогущим I. G. фактического уничтожения германской химической промышленности.

Прежде всего Лефебюр настаивает на выполнении немцами статьи Версальского договора, «в силу которой германцы должны сообщать нам все секреты своего производства взрывчатых веществ, все свои приемы

изготовления ядовитых газов. в конечном счете — все военные секреты. составляющие их силу».

«Параграф 172 гласит: «По истечении трехмесячного срока, начиная со дня вступления в силу настоящего договора. германское правительство предоставит. . . виды и способы производства всех взрывчатых веществ, ядовитых составов или других химических веществ, изготовленных или для войны, или с целью применения на войне».

«Необходимо, чтобы этот пункт был строго соблюдаем. В продолжение всего напряженного периода химической войны германцы безусловно должны были иметь в запасе новые вещества. помимо тех. которыми они пользовались. Крайне важно получить все желательные сведения в этой области.

«Тут обнаруживается одно поразительное обстоятельство. 1915. 1916 и начало 1917 года видели производство химических составов, применявшихся германцами на фронте. Все изыскания и другие подготовительные работы должны были быть поэтому выполнены задолго перед тем. Какие же сюрпризы приготовили для нас германские лаборатории после 1917 г.? Были ли они обнаружены в силу договора?

«Наиболее важным обстоятельством с точки зрения толкования 172 параграфа является раскрытие способа Габера. Его значение для производства взрывчатых веществ так велико. что всякая небрежность в этом отношении с нашей стороны составляет прямую угрозу против мира. Этот способ безусловно спас Германию в 1915 году, и в значительной степени благодаря ему мы пережили три года тяжелых испытаний. Он не должен избегнуть подчинения обстоятельствам договора только в силу желания представляться скорее способом производства химических удобрений. чем средством для производства взрывчатых веществ. Уступить в этом отношении, как бы поводы к тому ни казались убедительными, значит уступить в деле еще более важном: в мире. Эта статья, как рассматривающая только результаты деятельности во время войны, не может быть, впрочем, рассматриваема, как серьезная гарантия для будущего. Она является последствием нашей победы и результатом нарушения германцами своего обязательства. Но Версальский договор содержит в себе признание значения химической войны в будущем. Действительно, параграф 171 гласит: «Так как применение удушливых, ядовитых или подобных им газов так же, как и применение всех жидкостей, составов и средств этого рода, запрещено, производство их и ввоз в Германию строго запрещается. Эти положения применяются к материалам, специально предназначенным для производства, для сохранения или для использования указанных веществ или способов».

Защищая необходимость требования от Германии строжайшего выполнения параграфа 172 Версальского договора, Лефебюр в то же время доказывает, что никакие гарантии не помешают Германии снова начать при первом удобном случае химическую войну. В самом деле. аргументирует Лефебюр:

«Параграф 170 запрещает ввоз в Германию всех видов боевых припасов. С точки зрения химических боевых составов, этот пункт ровно ничего не значит, так как Германия, далекая от мысли ввозить что-либо, остается самым крупным экспортером мира. Кроме того, кто поручится нам, что союзные правительства сами бессознательно не поддержат германского вывоза. Лорд Мультон говорит в одной речи, произнесенной в Манчестере в 1914 году: «Предположим, что наш военный министр, по финансовым соображениям, приобретал в течение последних лет свои боевые припасы на рынке по самой низкой цене. Весьма вероятно, что он покупал бы боевые припасы Круппа в Эссене. Не подвергли ли бы его за это три месяца тому назад суду Линча?» Мы далеки от подобных геройских решений минувших дней. Но если нам, знающим подлинный военный характер этого второго Круппа, не удастся развить нашей собственной военной химической промышленности, это предостережение может стать пророчеством.

«Параграф 171 запрещает Германии производство удушливых газов и подобных им составов.

«Имеет ли этот пункт какую-нибудь ценность при отсутствии действительного контроля? Если принять во внимание легкость превращения веществ, о которой мы уже говорили, какое значение может иметь это запрещение для Германии, когда война объявлена?

«Правда, в случае поражения она навлечет на себя кару за нарушение договора. Но разве возможность этого нарушения не допущена смыслом начала 171 параграфа: «Так как применение ядовитых газов запрещено» и т. д.

«Поэтому трудно понять, каким образом может нас защитить в будущем параграф 171, если не будут установлены определенные кары за допущенные уже нарушения. Можно произвести многочисленные сравнения между доводами этого параграфа и действительным значением других параграфов, которые должны были бы между тем усиливать его значение.

«Редакторы договора полагали, что нужно было упомянуть специально о химической войне, и они обнародовали против нее специальный закон. Само собой разумеется, что меры, применяемые к средствам производства различных видов оружия, должны быть предметом обсуждения тех, кто составлял параграфы, относящиеся к разоружению. Заключается ли в договоре прямая угроза специальным заводам ядовитых газов? Мы боимся, что ее нет, а наоборот — имеется преимущество реальной неприкосновенности».

«Где можем найти мы помощь помимо договора? Всеобщий мир зависит от разоружения, но настоящий мир придет к нам после коренного изменения индивидуальных мнений. Само собой разумеется, что силы, действующие в этом направлении, воздвигнут здание мира. Тем не менее, Лига Наций может сделать многое и предполагает ограничение производства оружия всех видов. Слабое место всех этих проектов, как мы уже говорили, вызвано суще-

ствованием органической химической промышленности. Без нового распределения этого рода производства, разоружение будет не больше, как насмешкой, лишенной смысла, так как Германия будет продолжать и в будущем пользоваться своей монополией так же, как она пользовалась ею и в прошлом».

Лефебюр безусловно прав, поскольку он доказывает, что только уничтожение немецкой химической промышленности может лишить Германию возможности вести химическую войну в будущем. Крайне любопытны следующие строки, в которых проф. Ипатьев указывает на теснейшую связь между производством красок и производством военных химических материалов.

«За время войны все государства торопились развить у себя производство искусственных красок, составлявшее ранее монополию Германии. Во Франции, Англии, а особенно в Соедин. Штатах, эта отрасль промышленности твердо укрепилась, приготовилась к германской конкуренции: но дело это старались развить у себя и более слабые в промышленном отношении государства, которые не могут надеяться на успех борьбы с Германией. Такая, казалось бы, нерациональная промышленная политика объясняется заботою об обороне государства. Иметь хорошо развитое производство красок — значит иметь хорошо развитую химическую промышленность, которая в любой момент может обратиться к производству массовых количеств взрывчатых веществ и других современных военных химических материалов. Держать большие запасы их нерационально. Их трудно хранить, неразумно держать в них непроизводительно большой капитал; как показала минувшая война, слишком много их надо, и все-таки нет уверенности в том, что их окажется достаточно. Чтобы показать близкую связь их с красками, приведем один пример ряда простых химических превращений. Бензол, при действии на него хлора, дает хлорбензол; хлорбензол при нитровании превращается в динитрохлорбензол; динитрохлорбензол, при обработке щелочами, дает динитрофенол. При действии на динитрофенол сернистого натрия получается черная сернистая краска; при дальнейшем нитровании он превращается в тринитрофенол или пикриновую кислоту, которая красит шелк и шерсть в желтый цвет; с другой стороны, пикриновая кислота есть одно из сильнейших взрывчатых веществ, известное в различных государствах под названием мелинита, лиддита, пертита, экразита, шимозы. Если на пикриновую кислоту опять действовать хлором, можно

получить из нее хлорпикрин, одно из самых сильных удушающих средств».

Идея создания единого междусоюзного фронта для борьбы с «монополией» немецкой химической промышленности, легшая в основу образования «Международного Союза по чистой и прикладной химии», потерпела фиаско. План уничтожения могучего немецкого химического треста I. G. и создания на его развалинах международного химического консорциума не мог иметь успеха уже потому, что сами союзники перессорились между собой, и Антанта постепенно разбилась на враждебные друг другу державы и союзы держав. Идеи Лефебюра о необходимости уничтожения немецкой химической промышленности и немецких химических концернов могли иметь некоторый успех в Англии, Италии, Канаде, Бельгии и т. д. в то время, когда образовался «Международный Союз по чистой и прикладной химии», в медовый месяц антантовской дружбы.

В настоящее время борьба с немецкой химической промышленностью и всемогущим германским химическим трестом уже не соблазняет английской буржуазии. Как сообщал в своем докладе представитель американской фирмы Р. Ф. Гриф и К°, Роберт Гриф, совершивший деловую поездку по Европе, «британские коммерческие круги почти совсем отрешились от порожденных войной враждебных чувств по отношению к Германии. Они смотрят на дело с чисто коммерческой стороны и готовы покупать товары у кого угодно, лишь бы подешевле, хотя бы у Германии».

7. Англо-германское сближение в области химической промышленности.

В настоящее время (апрель 1924 г.) английская пресса сочувственно комментирует соглашение между Британской Корпорацией Красящих Веществ и Германским Анилиновым Концерном. «Германская опасность» уже не страшит английской буржуазии, и перед последней встает более действительный и грозный призрак французской опасности в виде многочисленных французских воздушных эскадр, готовящихся к бомбардировке в случае войны Лондона и разрушению столицы Англии с помощью взрывчатых веществ и удушающих газов, выработанных на французских химических заводах.

«Хотя английская химическая промышленность развивается довольно быстро и успешно и в прошлом году было вывезено химических продуктов на 25,7 млн. ф., на 20 проц. более, чем в 1922 г., при чем количество вывезенных красок увеличилось на 168 проц., тем не менее Брит. Корп. Крас. Вещ. считает для себя выгодным объединение с Герм. Анил. Концерном. «Возможно, — пишет «Экономическая Жизнь» (15 — IV — 24), — что одним из существенных обстоятельств, побуждающих к этому, являются конкуренция химической промышленности С. Штатов и угроза со стороны Франции. Брит. Корп. Кр. Вещ. органи-

зована в 1919 г. при значительном участии правительства. Капитал ее превышает 9 млн. ф., такой же суммой определяется ее участие в союзных компаниях. Корпорация объединяет около 75 проц. всего английского производства красок. Анилиновый Концерн представляет собой полное объединение анилинового производства в Германии. Работа специализирована между отдельными заводами. Теперь ставится задача распределения работы по странам вместо непроизводительной конкуренции. Ближайшие выгоды объединения для обеих договаривающихся сторон таковы: Анил. Концерн избавляется тем самым от репарационных поставок, а Брит. Корп. Кр. В. приобретает содействие немецких специалистов. Этот проект вызывает крайнее беспокойство двух других английских организаций — Брит. Ассоциации химич. промышленников и Ассоциации торговцев химич. продуктами и красящими веществами, интересам которых сильно угрожает предполагаемое соглашение».

Как бы то ни было, английская буржуазия собирается очевидно применить «химическую стратегию в мирное время» не против Германии, как проповедывал Лефебюр, а, наоборот, в союзе с Германией против Франции.

Да, в то время, когда английский маршал Генри Уильсон рядом с Фошем писал свое предисловие к книге Лефебюра, обоим маршалам и на мысль не приходила возможность соглашения немецких и английских химических трестов для борьбы с «французской опасностью» и американской конкуренцией. Тем более не приходила английскому маршалу Уильсону и на мысль возможность очутиться вместе с Фошем друг против друга в двух воюющих вооруженных лагерях. А эта возможность отнюдь не устранена, и, может быть, в близком будущем мы будем свидетелями подлинной «химической войны» между Англией и Францией после того как обе державы начали применять друг против друга «химическую стратегию в мирное время».

8. Новые теории о войне масс в прошлом и будущем. Взгляды полковника Гийе.

Мы не будем подробно останавливаться на описании самих форм и методов химической войны, так как этот вопрос с достаточной обстоятельностью освещен в литературе (см., между прочим, упомянутую работу Фрайса и Веста, затем Лефебюра, не говоря уже о многочисленных статьях в наших военных журналах «Военный Вестник», «Военная Мысль и Революция», «Военный Зарубежник», в сборнике «Военно-химическое дело» и т. д.).

Прежде всего нужно отметить, что в настоящее время имеется в Европе и Америке ряд военных специалистов, которые считают, что война масс отжила свое время и агитируют за то, чтобы всю подготовку к войне сосредоточить исключительно на развитии воздушного и химического оружия.

Виднейшим представителем этой школы, придающей исключительное значение роли воздушно-химического оружия в будущей войне, является итальянский полковник Гийе.

«Война масс, — говорит он, — достигла в истекшую войну своей кульминационной точки, завершив этим свою историческую роль. На смену ей ныне рождается война совершенно иного вида. Еще и в настоящее время многие считают, что будущая война опять будет борьбой масс, и, исходя из этого убеждения, толкуют о физическом развитии всей нации, о спортивном образовании молодежи, о привлечении, с другой стороны, к делу войны всех сил страны в самых широких размерах, в виде мобилизации промышленности, земледелия и т. п., одним словом, рисуют себе картину, подобную истекшей войне.

«Но так ли это будет в действительности? Сейчас, конечно, трудно дать безошибочный прогноз формы будущей войны. Слишком еще сильно в нас воспоминание об истекшей войне со всеми ее характерными чертами.

«Война 1914 — 1918 г.г. ознаменована появлением совершенно нового могущественного вида борьбы, борьбы воздушно-химической. Только этот вид борьбы носит действительно отпечаток новизны и своеобразности. Ни крупно-калиберные орудия с их всесокрушающим действием, ни танки (несмотря на поднятую вокруг них шумиху) не внесли, в конце концов, ничего нового и необычайного. Этим орудиям были противопоставлены другие, еще более могущественные, против танков — противотанковые орудия.

«Только авиация и газовая борьба открыли действительно новые горизонты в военном деле».

Нельзя не согласиться с полк. Гийе, что воздушно-химическое оружие выступит в будущей войне в качестве грозного, могущественного фактора, и что выгодными его отличительными свойствами являются:

а) независимость от условий местности и водных пространств,

б) громадная сфера действия,

в) очень большая скорость передвижения,

г) выдающаяся разрушительная сила и необычайный моральный эффект.

Подчеркивая именно этот моральный эфект (в особенности среди мирного населения), полк. Гийе говорит, что правильно сорганизованная воздушно-химическая борьба представляет собой силу, которая одна сама по себе сможет сыграть роль решающего фактора в войне.

«Представим себе.— говорит полк. Гийе, — что Италия вовлечена в войну с каким-либо соседним государством при том условии, что она, не имея крупной армии, обладает могущественным воздушным флотом в противоположность своему противнику, обладающему как раз крупной армией. Ясно, что из этой борьбы Италия должна будет выйти побе-

дительницей, так как ее воздушный флот, сея ужас и панику в войсках и по всей стране противника, не даст ему возможности использовать своей мощной армии».

«Во время мировой войны, — говорит полк. Гийе, — авиация достигла выдающихся успехов в отношении увеличения сферы действия, скорости полета, грузоподъемности и обстрела наземных целей. И она продолжает развиваться безостановочно. Уже сейчас находятся в стадии осуществления 8 — 10-тонные бомбы, аэропланы, сделанные целиком из металла, аэропланы, вооруженные 75-миллиметровыми пушками и десятками пулеметов, со скоростью полета в 300 *км* в час.

Англия, для морского флота которой авиация является опаснейшим соперником, обращает свое внимание на развитие у себя этого рода оружия, внимательно следя при этом за успехами авиации в других странах. Недавно даже была послана в Америку английская комиссия для ознакомления с последними достижениями в области воздушно-газовой борьбы.

Далее Гийе говорит об испытании меткости воздушного бомбометания, произведенном в Англии.

Бомбы метались аэропланами по судну среднего водоизмещения с высоты 15 метров (минимальная высота, при которой летят уже как раз над мачтами судна) при скорости полета равной 200 *км* в час. Попадания были в количестве 90%. Правда, на судне не было зенитных орудий, но при упомянутой скорости и при такой малой высоте полета вряд ли огонь зенитных орудий оказался бы действительным.

Англия, господство которой на море неоспоримо, решила превратить Гибралтар в могущественную авиационную базу. Мало того, она придала своей армии, находящейся в Месопотамии, небольшую эскадрилью, оказавшую войскам ценные услуги как в смысле чисто оперативном, так и в смысле морального воздействия на население. К тому же эскадрилья эта, по произведенным расчетам, должна сэкономить Англии 14 миллионов фунтов стерлингов.

Что касается химической борьбы, то германцы в мировую войну показали, что и здесь открываются широчайшие горизонты. Изученные и частично испытанные средства газо-борьбы очень многочисленны. В настоящее время в Америке, особенно интенсивно работающей в этой области, изобретены такие ядовитые и стойкие газы, которые, быть может, решат исход будущей войны. Самым смертоносным газом, из числа испытанных в арсенале Эджеууда (в провинции Мериленд) является «левизит», убивающий и сжигающий всякое живое существо, попадающее в сферу его действия. Никакая маска и никакая специальная одежда не могут защитить от него.

Нет сомнения, что в будущую войну воздушно-химическая борьба приобретает самое грозное значение.

Защищая свою точку зрения, полк. Гийе выдвигает доводы и финансового характера.

«Переход от сухопутной армии к воздушной, — говорит он, — дает возможность значительно сократить военные расходы. Из итальянского военного бюджета 1921 — 1922 г.г. мы видим, что один солдат обходился государству в 3.213 лир в год. Считая, что численность современной армии будет не менее 200.000 человек, воздушной же, во всяком случае, не выше 50.000 человек, мы увидим, что государство сделает экономию весьма значительную (160 миллионов вместо 643). Но это еще не все. Офицерского состава в настоящее время у нас числится 14.000 человек, что обходится государству в 160 миллионов. И эта цифра расходов, в виду сравнительного небольшого офицерского состава воздушных армий, соответственно сильно уменьшится. Наконец отпали бы совершенно или, во всяком случае, были бы сильно сокращены и остальные расходы: на организацию и на физическое воспитание войск; на производство маневров; на учебные стрельбы; общие расходы по содержанию учреждений и различных служб армии; по перевозке материальной части и т. д.

«Что касается расходов по приобретению и содержанию нужного числа летательных аппаратов и вооружения их, таковые, понятно, не превысят расходов на приобретение и содержание материальной части (пушки, ружья, пулеметы, патроны и снаряды) современных армий. Кроме указанных выгод финансового характера, государство от перехода к воздушной армии извлечет еще другую пользу: в виду уменьшения личного состава армии, большое количество населения останется непризванным на военную службу и, продолжая работать по своей специальности, будет способствовать росту экономического благосостояния страны».

Несомненно, что выводы полковника Гийе страдают чрезмерной переоценкой роли воздушно-химического оружия в будущей войне. Как бы велико ни было значение авиации и химии в грядущих конфликтах, едва ли можно предполагать, что прежде всего в применении этих боевых средств и будет заключаться война будущего, что именно воздушно-химическое оружие явится единственным и решающим средством борьбы. Подобно тому как изобретение и усовершенствование огнестрельного ружья лишь ослабило, а отнюдь не уничтожило значения холодного оружия и специально роли штыка, а усовершенствование артиллерии, применение пулеметов, танков и т. д. не уничтожило значения винтовки, — всякое новое изобретение и усовершенствование в области военной авиации и газовой войны все же не в состоянии будет свести к нулю роль в сражении основных боевых факторов последних войн — винтовки и пушки. Война будет происходить, главным образом, на земле, а не в воздухе, и наряду с газами еще долго сохранят свое значение на полях сражений пули и орудийные снаряды. Царицей сражения в будущих боевых столкновениях все же останется пехота, а не авиация.

Тем не менее, не подлежит сомнению, что в грядущей войне воздушно-химическое оружие будет играть колоссальную роль, далеко

более значительную, чем та, которую оно сыграло в мировой войне 1914 — 1918 г.г. А этого одного уже достаточно, чтобы заставить нас поставить на должную высоту химическую оборону нашего Союза.

9. Газовая война. Влияние новых методов войны на изменение условий обороны страны.

Очень красочное описание начала химической войны мы находим в книге Фрайса:

«Употребление ядовитых газов во время мировой войны ведет свое начало с 22 апреля 1915 года, когда германцы сделали первую газовую атаку, с применением баллонов с хлором, давно и хорошо известным газом. Судя по последним опытам союзников, выполнение такой атаки должно было потребовать нескольких месяцев предварительных подготовок. Предложение воспользоваться ядовитыми газами для военных целей приписывается профессору Берлинского университета Нернсту (Аульд. «Газ и пламя», стр. 15). Полевые опыты происходили под руководством проф. Габера из берлинского физико-химического Института имени императора Вильгельма. Некоторые ученые считают, что для разрешения вопроса об изготовлении газов нужны были годы, а не месяцы, и в подтверждение своего мнения указывают на употребление газов в промышленных целях. Но тот факт, что первая газовая атака не была особенно успешной, хотя никаких мер против нее принято не было, и результаты ее не были достаточно хорошо оценены неприятелем, опровергает предположение о продолжительности подготовительного периода, который, если и имел место, то разве только с большими перерывами. Указанное обстоятельство было большим счастьем для союзников, потому что если бы германское верховное командование знало настоящее положение дел в конце первой газовой атаки или если бы атака была более решительной, то исход войны 1914 г. мог бы стать совершенно иным и наступил бы значительно раньше.

Первое сведение о готовящейся газовой атаке поступило в британскую армию благодаря показанию одного немецкого дезертира, который утверждал, что германское командование намеревается отравить своего врага облаком газа, и что цилиндры с газом уже установлены в траншеях. Никто не обратил внимания на его рассказ потому, что вся эта операция казалась совершенно невозможной.

Этот рассказ появился в сводке разведок главного штаба и, как говорит Аульд, был причислен к сведениям, не заслуживающим доверия. Но показание дезертира оказалось правдивым, и утром 22 апреля, при идеальных условиях, был впервые применен «газовый способ войны». Подробности первой газовой атаки почти отсутствуют по той простой причине, что люди, которые могли бы рассказать о ней, лежат все на полях Фландрии, где теперь цветут маки.

Выбранный для атаки пункт находился в северо-восточной части Ипрского выступа, на том месте, где сходились французский и английский фронты, направляясь к югу, и откуда отходили траншеи от канала близ Безинге.

Правый фланг французов составлял полк тюркосов, на левом фланге англичан стояли канадцы. Аульд описывает атаку в следующих словах:

«Попытайтесь вообразить себе ощущения и положение цветных войск, когда они увидали, что огромное облако зеленовато-желтого газа поднимается из-под земли и медленно двигается по ветру по напра-

влению к ним, что газ стелется по земле, заполняя каждую ямку, каждое углубление и затопляет траншеи и воронки. Сначала удивление, потом ужас и, наконец, паника охватили войска, когда первые облака дыма окутали всю местность и заставили людей, задыхаясь, биться в агонии. Те, кто мог двигаться, бежали, пытаясь, — большею частью напрасно, — обогнать облако хлора, которое неумолимо преследовало их».

Естественно, что первое чувство, которое внушил газовый способ войны, был ужас. Потрясающее описание впечатления газовой атаки мы находим в статье О. С. Уоткинса (Лондон). «После бомбардировки города Ипра, продолжавшейся от 20 до 22 апреля, — пишет Уоткинс, — среди этого хаоса вдруг появился ядовитый газ».

«Когда мы вышли на свежий воздух, чтобы отдохнуть несколько минут от душной атмосферы окопов, наше внимание было привлечено стрельбой на севере, где фронт занимали французы. Очевидно, шел горячий бой, и мы энергично принялись исследовать местность нашими полевыми биноклями, надеясь уловить что-нибудь новое в ходе сражения. Тогда мы увидали зрелище, заставившее остановиться наши сердца, — фигуры людей, бегущих в смятении через поля».

«Французов прорвали», — вскричали мы. Мы не верили своим глазам... Мы не могли верить тому, что услыхали от беглецов; мы приписывали их слова расстроенному воображению: зеленовато-серое облако, спустясь на них, становилось желтым по мере своего распространения и опаляло на своем пути все, до чего касалось, заставляя растения гибнуть. Никакой самый мужественный человек не мог устоять перед подобной опасностью.

«Среди нас, шатаясь, появились французские солдаты, ослепленные, кашляющие, тяжело дышащие, с лицами темно-багрового цвета, безмолвные от страданий, а позади них в отравленных газом траншеях остались, как мы узнали, сотни их умирающих товарищей. Невозможное оказалось только справедливым.

«Это самое злодейское, самое преступное деяние, которое я когда-либо видел».

Следует, однако, указать, что все это произошло только потому, что французы не имели никакой защиты против газа. На самом деле, газовый способ войны далеко не является настолько страшным, если обе стороны подготовлены к защите и нападению. Медицинские отчеты показывают, что из 100 американцев, отравленных газами, умирало не более двух и, насколько можно судить по опыту четырех лет, очень мало лиц получило неизлечимые повреждения. Из всех американцев, пострадавших на войне от огнестрельного оружия, более 25% умерло и от 2 до 5% было искалечено, ослеплено, изуродовано на всю жизнь. Различные виды газов, как будет показано в следующих главах, действуют на зрение или отравляют легкие только тому, кто не носит масок, но они не убивают.

«Таким образом, — неожиданно заключает Фрайс, — газовая борьба не только не является самой ужасной, но скорее должна считаться наиболее гуманным способом при условии соответственной подготовки с обеих сторон».

Газовая война пользуется всевозможными действиями, производимыми на человеческий организм разного рода химическими соединениями. В зависимости от характера физиологических явлений эти вещества можно подразделить на несколько категорий. При этом некоторые из них могут быть одновременно отнесены к разным категориям, соединяя

в себе различные свойства. Таким образом, по производимому действию газы делятся на:

1) удушливые, вызывающие кашель, раздражающие органы дыхания и могущие причинить смерть от удушья;

2) ядовитые, проникающие в организм, поражающие тот или иной важный орган и производящие, вследствие этого, общее поражение какой-нибудь области; например некоторые из них поражают нервную систему, другие — красные кровяные шарики и т. п.;

3) слезоточащие, вызывающие своим действием обильное слёзотечение и ослепляющие человека на более или менее продолжительное время;

4) гноящие вызывающие своей реакцией или зуд, или же более глубокие накожные изъязвления (например водянистые пузыри), переходящие на слизистые оболочки (особенно дыхательных органов) и причиняющие серьезный вред;

5) чихательные, действующие на слизистую оболочку носа и вызывающие усиленное чихание, сопровождаемое такими физиологическими явлениями, как раздражение горла, слезоточивость, страдание носа и челюстей.

Вещества удушливые и ядовитые были во время войны объединены под общим названием «ядовитых», так как все они могут вызвать смертельный исход. Тоже самое можно отметить относительно некоторых других смертоносных веществ, хотя их главное физиологическое действие проявлялось в гноящей или чихательной реакции.

Германия использовала во время войны все физиологические свойства газов, непрерывно увеличивая таким образом страдания сражающихся. Газовая война началась 22 апреля 1915 года с применения хлора, который в жидком виде помещался в цилиндре, а из последнего при открывании небольшого крана выходил уже в виде газа. При этом значительное количество газовых струй, выпускавшихся одновременно из многочисленных цилиндров, образовывало густое облако, которому было дано название «волны».

В июне 1915 г. было применено другое удушливое вещество — бром, употреблявшийся в минометных снарядах; появилось также и первое слезоточащее вещество: бромистый бензил, соединенный с бромистым ксилиленом. Этим газом наполнялись артиллерийские снаряды. В первый раз употребление газов в артиллерийских снарядах, получившее впоследствии такое широкое распространение, отчетливо наблюдалось 20 июня в Аргонских лесах; но уже за несколько месяцев до того (в частности, с марта) замечалось применение германцами в отдельных случаях снарядов, начиненных слезоточащими газами.

В 1915 и последующих годах была выпущена целая серия нормальных газов.

Некоторые из этих газов применялись в отдельности, но большинство—в соединениях. Так, фосген употреблялся и в чистом виде (в минах) и в соединениях (в артиллерийских снарядах).

Впервые фосген был применен немцами в декабре 1915 года на итальянском фронте.

При комнатной температуре, фосген — бесцветный газ, с запахом подгнившего сена, обращающийся при температуре — 8° в жидкость. Перед войной фосген добывался в больших количествах и служил для изготовления различных красок для шерстяных материй.

Фосген очень ядовит и кроме того действует, как вещество, сильно раздражающие легкие и вызывающее повреждение слизистых оболочек. Опасность его еще увеличивается и тем, что действие его обнаруживается не сразу: иногда болезненные явления появлялись лишь через 10 — 11 часов после вдыхания.

Вследствие незначительного испарения при нормальной температуре, фосген обычно применялся в смеси с другими удушливыми газами, например с хлором.

Сравнительная дешевизна и простота приготовления, сильные отравляющие свойства, затяжное действие и малая стойкость (запах исчезает через $1^1/_2$ — 2 часа) делает фосген веществом очень удобным для военных целей.

Употребление фосгена для газовых атак предлагалось еще летом 1915 г. нашим морским химиком Н. А. Кочкиным (немцы применили его только в декабре). Но предложение это не было принято царским правительством.

Вначале газ выпускался из специальных баллонов, но уже к 1916 г. стали применять в бою артиллерийские снаряды, снаряженные ядовитыми веществами. Достаточно вспомнить кровавое побоище под Верденом (Франция), где было выпущено до 100.000 химических снарядов.

Наиболее распространенными в бою газами были: хлор, фосген и дифосген. Германия, как наиболее развитая в промышленном отношении страна, могла шире остальных воюющих государств использовать применение газа на фронте.

Всякое действие вызывает противодействие. Газовая война вызвала противогазовую оборону. Сперва с газами боролись тем, что бойцам надевали особые маски (респираторы). Но долгое время система масок не совершенствовалась. Современная американская противогазовая маска лучше предохраняет жизнь.

Однако условия войны заставляют помнить также о коллективной защите.

Все государства работают над разрешением задач газовой войны в секрете, и для нас многое впереди неизвестно. Бойцы в будущих войнах не должны подвергаться панике и быть такими же неосведомленными в химии, как их предшественники в империалистических войнах. В этом задача нашей пропаганды.

За время европейской войны отмечено около 60 разных химических веществ и элементов в разнообразных соединениях, умерщвля-

вших человека или делавших его совершенно неспособным к продолжению боя. Среди применявшихся на войне газов следует отметить газы раздражающие, т.-е. вызывающие слезотечение и чихание, против которых были недействительны принятые в войсках противогазовые маски, затем газы удушливые, отравляющие и отравляюще-обжигающие, которые, проникая через обувь и одежду, вызывали ожоги на теле, подобные ожогам от керосина.

Обстрелянная и пропитанная этими газами площадь не теряла своих обжигающих свойств в течение многих дней, а иногда целых недель, и горе человеку, попадавшему на такое место: он выходил оттуда пораженный ожогами, и его одежда до того пропитывалась этим страшным газом, что одно только прикосновение к нему поражало дотронувшегося человека частицами выделяемого газа и вызывало такие же ожоги.

Обладающий такими свойствами, так называемый, «горчичный газ» (иприт) немцы прозвали «царем газов» [1]).

Это было пределом того, что дала нам европейская война в рассматриваемой области. Наряду с этим были изобретены снаряды большого калибра, наполненные особым веществом, загорающимся от соприкосновения с воздухом; это горючее вещество при взрыве разбрасывалось на большое пространство, и тушение его, вследствие весьма высокой температуры, было очень трудно.

Размеры применения химических снарядов может иллюстрировать табличка, показывающая общее количество снарядов, изготовленных в одной лишь Франции во время войны, а также количество химических снарядов, доставленных во французскую армию за последние месяцы войны.

Количество химических снарядов, изготовленных во время войны:

75-миллиметровых снарядов	12.829.480
Снарядов других калибров	4.044.459
Ручных гранат	1.140.000

Доставлено в армию снарядов:

	К 75-миллиметр.	К тяжел. орудиям.
17 августа 1918 г.	322.338	207.975
17 сентября 1918 г.	607.343	241.098
17 октября 1918 г.	330.780	72.759.

К моменту перемирия Франция еще не прекращала изготовления химических снарядов.

Что касается изготовления химических снарядов в Германии, то об этом могут дать некоторое представление следующие данные. Высчитано.

---

[1]) Подробно об этом газе см., между прочим, статью проф. Г. Попова, «Король газов» («Военная Мысль и Революция», ноябрь — декабрь 1923 г.).

что 22 июня 1916 года немцы выпустили не менее 100.000 химических снарядов и столько же 11 июля того же года. В 1917 году, приготовляя оборону против французского наступления 20 августа, немцы применяли химические снаряды, начиненные «ипритом»; на фронте шириной в 30 километров и глубиной в 4 километра было выпущено 300 тысяч снарядов.

Во время войны практическим путем были выведены условия и приемы тактического применения химических снарядов. Так, снаряды, начиненные медленно испаряющимися ядовитыми веществами, имеют применение, главным образом, в случае необходимости не дать противнику в течение долгого времени занять какой-нибудь район или в целях изгнания неприятельских батарей из какого-либо района. Применение таких снарядов полезно при обстреле лесов, просек, зарослей и долин в тылу противника. Особенно действительны снаряды, начиненные «ипритом», действие которого при благоприятных условиях продолжается до 10 дней, а иногда и долее [1]).

Снаряды, начиненные быстро испаряющимися веществами, применяются только, когда в местности, которую желательно обстрелять, предполагается присутствие крупных живых сил противника. Для действия против войск противника стараются обстрелять их прежде, чем они успеют надеть противогазовые маски. Если считать, что для надевания маски требуется от 20 секунд до 4 минут (если маска лежит в ранце или походной сумке), то отсюда ясно, что для того, чтобы действием газов застигнуть противника врасплох, необходим обстрел в продолжение 4 минут. Практически установлено, что для такого обстрела цели, занимающей по фронту 100 метров, независимо от расстояния до нее, необходимо выпустить 75-миллиметровых снарядов от двухсот до четырехсот, а 155-миллиметровых от 50 до 100.

Отбрасывая в сторону всякие преувеличения насчет роли в будущей войне авиации и химического оружия, необходимо признать, что уже из опыта минувшей войны можно сделать вывод о громадной роли воздушно-химического оружия в грядущих войнах. Не даром ни одна отрасль военного дела сейчас не пользуется таким исключительным вниманием и заботами военных министров всего мира, как авиация. В лихорадочной подготовке к новым войнам, милитаристические государства-победители 1918 г. увеличивают свои воздушные бюджеты, соперничая между собой, деятельно работают над научным использованием воздушного опыта минувшей войны. От развития и совершенства авиации в сильной степени зависит победа или поражение данной страны. Трудно себе представить, какие формы примет воздушная война будущего. Во всяком случае, боевые воздушные силы враждующих стран сразу же

---

[1]) В очень теплую погоду иприт испаряется в продолжение двух-трех дней. В холодную и сырую погоду, при медленном испарении, опасное действие иприта продолжается до 10 дней; при сильном холоде действие иприта может продолжаться целый месяц и долее.

появятся в глубоких тылах противника. Они будут стремиться парализовать военную промышленность, разрушать крупные политические и жизненные центры, гавани, узлы путей и т. п. Это должно привести к тому, что внутреннее сопротивление народа будет быстро сломлено, и правительство должно будет покорно сложить оружие перед победителем.

Военные аэропланы будут действовать с помощью снарядов, заряженных сильнейшими взрывчатыми веществами или долго действующими ядовитыми газами.

«В одну прекрасную ночь, — читаем мы в докладе председателя комитета воздушной обороны при английском парламенте, — четыреппять тысяч беспумно идущих аэропланов, не дожидаясь никому ненужного объявления войны, ринутся на наши города, со скоростью 200 — 300 километров в час, идя на такой высоте, что они будут невидимы. Каждый такой аппарат сможет сбросить бомбу, содержащую до 50 пуд. тринитротолуола (взрывчатое вещество). Одной такой бомбы достаточно, чтобы уничтожить целые кварталы Лондона. Точность бомбометания такова, что с аэроплана, находящегося на высоте 6.000 футов, можно попасть в трубу военного корабля».

В таком же тоне описывают некоторые военные специалисты разрушительное действие ядовитых газов, которые будут применяться в будущей войне. «Сейчас нужно считаться, — пишет немецкий генерал фон-Даймлинг, — с существованием таких ядовитых газов, действие которых превышает во сто крат действие сильнейших газов, примененных во время мировой войны».

В подтверждение своих слов генерал ссылается на опубликованную недавно статью о «Войне при помощи ядовитых газов», принадлежащую перу приват-доцента (по химии) берлинского университета Гертруды Воккер. Оказывается, что против изобретенного в Америке газа «левизит» не могут защитить никакие маски. Достаточно 12 больших бомб, наполненных этим газом для того, чтобы в кратчайший срок уничтожить всякие признаки жизни в таком городе, как Чикаго или Берлин. Даже в погребах нельзя найти себе спасения, ибо этот газ тяжелый, он стелется по земле и проникает под землю. Он уничтожает всякую растительность и отравляет воду.

Американцы называют левизит «росой смерти» в предположении, что он будет распыляться с аэропланов.

Совершенно правильно Н. Бородачев указывает, что появление и развитие воздушного флота в связи с применением химического оружия совершенно изменило взгляд на оборону государства (см. Н. Бородачев. «Организация воздушной обороны страны». «Военная Мысль и Революция», 1923 г., книга третья).

«До мировой войны 1914 — 1918 г.г. понятие об обороне государства связывалось с представлением об обороне государственных границ: сухопутных — помощью сухопутной армии и морских — помощью морского флота и береговой обороны. При достаточном наличии обоих

упомянутых видов вооруженной силы, т.-е. сухопутной армии и морского флота, территория государства считалась обеспеченной от враждебных действий противника. Но мировая война выдвинула на поле сражения новую боевую силу — воздушный флот. Крайне быстро развиваясь как во время войны, так и после нее. воздушный флот в настоящее время представляет собой чрезвычайно мощное боевое средство и некоторыми авторитетами даже признается за третий вид вооруженной силы. Поэтому появление и развитие воздушного флота совершенно изменило взгляд на оборону государства.

«Действительно, даже при наличии преобладающей сухопутной армии и преобладающего морского флота территория страны не обеспечена от нападения на нее с воздуха. Воздушные силы могут легко проникнуть над линией фронта, обороняемой полевой армией, и над линией побережья, обороняемого морским флотом или береговой обороной, хотя бы армия и флот и имели свою собственную сильную авиацию. Последняя не сможет даже при господстве в воздухе безусловно прекратить воздушную деятельность противника, который всегда сумеет в нужном ему направлении бросить превосходные силы. При преимуществе же противника в воздушных средствах (а для Красной армии как раз необходимо быть готовой к этому) возможность и опасность такого прорыва увеличивается чрезвычайно сильно.

«Поэтому следует считать всю территорию страны, расположенную от линии сухопутной и морской границы на расстоянии максимальной дальности полета неприятельских воздушных сил, доступной для воздушного нападения. Ширину этой полосы, принимая во внимание последние достижения авиации, можно определить в 400—500 *км* от границы (4 — 5 часов полета, считая его в обе стороны). Следовательно, первое требование к организации воздушной обороны страны заключается в необходимости защитить от воздушных нападений территорию государства на протяжении до 500 верст в глубину от линии сухопутной (или от линии фронта в период боевых действий) и морской границы, независимо от размеров и деятельности собственных сухопутных и морских сил.

«Вторым требованием к авиации является необходимость организации обороны с первых моментов войны, вернее, даже до ее начала, с момента, когда политические осложнения грозят возможностью открытия военных действий. Действительно, если уже русско-японская война 1904 — 1905 г.г. началась набегом японских миноносцев на стоянку русского флота, то тем более оснований ожидать, что будущие войны будут начинаться аналогичными налетами воздушных сил на все важные центры страны. Успешная атака неприятельских эскадрилий на промышленные районы может поставить страну в крайне затруднительное положение в отношении налаживания столь важного при современных миллионных армиях дела снабжения армий. Разрушение железно-

дорожных линий и особенно узловых станций и мостов может нарушить планы мобилизации и сосредоточения войск и флота, а в силу этого полевые войска должны будут начать кампанию в явно неблагоприятных условиях. Во время же ведения военных действий этим может быть крайне ослаблено питание армии и выполнение оперативных перегруппировок. Наконец, нападение на столицы и крупные города окажет крайне неблагоприятное воздействие как на население, так равно и на правительство и армию.

«Из сделанного перечня вероятных объектов действий неприятельских воздушных сил на самой территории страны видно, что таковыми в первую очередь явятся: основные пункты для мобилизации и сосредоточения вооруженных сил (как армия, так и флота), главнейшие железнодорожные узлы и линии, порты, мосты, промышленные центры, столицы и крупные населенные пункты вообще. Следовательно, третье основное требование к воздушной обороне страны — это обеспечение защиты от воздушных нападений в упомянутой 500-верстной полосе всех наиболее важных в военном, промышленном и политическом отношениях центров».

Таким образом, если даже признать, что воздушно-химическое оружие едва ли будет играть в будущей войне роль главнейшаго, а тем более единственного средства борьбы на полях сражений и при нападении на тылы армии, все же очевидно, что при пренебрежении к авиации и химии, даже очень сильная, хорошо вооруженная другими техническими средствами и дисциплинированная пехота окажется в известной мере парализованной в своих боевых действиях.

Ведь всякая незащищенная химическими средствами местность может быть действием боевых ядовитых газов, — впитывающихся на значительную глубину в землю и остающихся в платье и атмосфере чрезвычайно долгое время, убивающих растительность, отравляющих воду, губящих всякий животный организм — превращена в настоящую зону смерти, через которую не пройдет никакая армия, лишенная средств противогазовой обороны. Газовая война грозит нам громадными опасностями, колоссальными разрушениями. Вот почему на развитие химических средств обороны и нападения мы должны обратить самое серьезное внимание. Но при этом не следует забывать, как это ясно видно особенно из примера Германии и Америки, что развитие военной химии тесно связано с развитием мирной химической промышленности.

10. Химическая война и промышленность.

Только страна с развитой химической промышленностью может рассчитывать выйти победительницей в будущей химической войне. Химическая промышленность мирного времени

является единственным фундаментом, на котором может создаться и развиться сильная военная химия. Вот почему все империалистические правительства стремятся ныне с тем же усердием, с каким до мировой войны они стремились развить в своей стране металлургическую промышленность, усилить химическую индустрию, не оставляя, конечно, своих забот о тяжелой промышленности, с которой теснейшими узами связана химия. Вот почему английское правительство, убедившись в силе немецкой химической промышленности, мощи которой не в состоянии был уничтожить Версальский договор и оккупация Рура, отвергло фантастические планы Лефебюра и единомышленников последнего и стало, наоборот, на путь поддержки проектов соглашения между английскими и немецкими химическими трестами. Вот почему даже правительство Пуанкаре, убедившись в том, что даже оккупация Рура с его прекрасным коксующимся углем, от перегонки которого зависит все немецкое химическое производство, отнюдь не убила германской химической промышленности, вступило на путь частичных соглашений с немецкими трестами.

Баденская анилиновая и содовая фабрика в Людвигсгафене (насчитывающая 24 тысячи рабочих) заключила с французским правительством договор сроком на 5 лет, по которому ценою 5 миллионов франков и 2% участия в прибылях правление обязуется прекратить во Франции и в странах, состоящих под французским протекторатом, всякую конкуренцию продуктами, изготовленными по ее методу, и что важнее— предоставляет кроме прав, вытекающих из Версальского договора, свою добровольную поддержку в деле производства аммиака. Эта же фабрика продала акционерному обществу, главным акционером которого является французское государство, так называемый метод Габера фабрикации синтетического аммиака и обязалась внутри Франции организовать это производство — один из важнейших элементов военной химической промышленности. Этот второй договор, гарантирующий французскому империализму дешевое изготовление пороха и других взрывчатых веществ, заключен сроком на 99 лет. Надо подчеркнуть, что единственно благодаря методу Габера Германия могла настолько развить свое производство азотистых соединений, что ей удалось почти освободиться от необходимости ввоза чилийской селитры (ввоз нитрата из Чили в 1922 году по сравнению с 1913 годом сократился на 750 тыс. тонн).

Однако, несмотря на оккупацию прирейнских областей и на «патриотический» поступок Баденской содовой и анилиновой фабрики, что значительно ухудшило положение ее химической промышленности, Германия попрежнему остается на первом (в Европе) месте.

Все главные минеральные элементы химического производства, а также большинство превосходно оборудованных заводов остались в неокупированной части Германии. Однако (за исключением калиевой соли), Германии не хватает ее собственных минеральных источников, и ей приходится ввозить весьма значительные количества сырья и полуфабрикатов для своей химической промышленности.

В 1913 году перевес ввоза над вывозом равнялся 5.257.832, а в 1922 г. уменьшился до 3.132.887 тонн. Что касается готовых химических изделий, то здесь наблюдается перевес вывоза над ввозом, который в 1913 г. достигал 1.092 тыс. тонн, а в 1922 г. 681 тыс. тонн.

Несмотря на ограничения и контроль, германская химическая промышленность усилилась в после-военной период. Так, в 1922 году Германия по производству красок занимала первое место:

Мировое производство	210.000 тонн.
В том числе Германия.	150.000 »
» » » Франция	9.000 »

Для характеристики превосходства немецких изделий достаточно привести тот факт, что в то время, как английская промышленность изготовляет 380 красящих веществ, немецкая выпускала свыше 50 тысяч. Из общего числа химических заводов, составлявшего в 1921 г. 3.223 с 250 тыс. рабочих, лишь 159 заводов с 15.475 рабочими вырабатывали взрывчатые вещества, однако в случае войны большинство заводов химической промышленности может быть использовано для целей военной промышленности; и потому, несмотря на контроль, не может быть речи о разоружении Германии в химическом отношении.

Теснейшая связь, существующая между военной химией и мирной химической промышленностью, властно диктует необходимость развития последней в стране. Совершенно правильно говорит академик Ипатьев (см. Военный Вестник», 1924 г. № 18: «Химическая оборона страны»):

«Можно с уверенностью сказать, что страна, в которой не развита химическая промышленность, не выдержит натиска противника и понесет громадные людские потери. Поэтому С.С.С.Р. должен напрячь все силы для поддержания и дальнейшего развития химической промышленности. Необходимо принять срочные меры к тому, чтобы наша химическая школа, созданная трудами наших великих химиков — Ломоносова, Зинина, Менделеева, Бутлерова и др., показавших всему миру продуктивность нашей химической мысли, продолжала развиваться как для мирной продукции, так и для химической обороны страны, когда это потребуется. Одна борьба с вредителями сельского хозяйства и с возбудителями заразных болезней требует большого количества отравляющих веществ; здесь предстоит большая научная работа, которая, как показала история, не пропадет даром. Имея кадр научных химиков и квалифицированных работников, обеспеченные запасами сырья, химические заводы могут быть в кратчайший срок переведены на военное производство, дав все средства для современной химической обороны страны».

11. Условия развития химической промышленности в С.С.С.Р.

Существуют ли у нас в С.С.С.Р. благоприятные условия для создания и развития химической промышленности? Такие условия в С.С.С.Р., несомненно существуют. До мировой войны Россия почти не имела

химической промышленности и все продукты химической индустрии получала из Германии.

Ни одна отрасль обрабатывающей промышленности в России, — пишет проф. П. Г. Тимофеев, — не находилась на таком низком уровне развития, как химическая промышленность, и ни одна отрасль не находилась в такой зависимости от иностранной промышленности, как русская химическая промышленность, особенно же химико-фармацевтическое и красочное дело. Русских заводов, изготовляющих химико-фармацевтические и красочные продукты, очень немного, и производительность их, в общем, ничтожна. Когда началась мировая война 1914 года, Россия стала испытывать острую нужду в препаратах химической промышленности, которые почти исключительно поставляла нам германская промышленность. В области химической промышленности Германия приобрела мировое господство, ибо ни в одной стране эта промышленность не достигла такого колоссального развития, как в Германии. Этим объясняется то исключительное, фактически почти монопольное значение, которое приобрела Германия в русской химической промышленности. В России не только значительная часть спроса на химические продукты покрывалась германским привозом, но и то производство химических препаратов, которое было в России, находилось чуть не исключительно в руках германских фирм. Все более или менее крупные германские фирмы имели в России, в качестве филиальных отделений, свои фабрики и заводы по производству химических препаратов, особенно химико-фармацевтических и красочных. Главнейшими немецкими фирмами, сосредоточивавшими в своих руках почти всю русскую химическую промышленность, были: 1) германское акционерное общество анилиновых производств, 2) акц. об-во «Баденская Анилиновая и Содовая Промышленность» и 3) акц. об-во фабрик «Фридрих Байер и К°». Основною областью, которую обслуживали указанные три фирмы, была русская текстильная промышленность: она являлась обширным внутренним рынком России, всецело обеспечивавшим названным фирмам сбыт их товаров. Насколько сильно было в русской химической промышленности германское засилье, видно уже из того, что даже внутренняя торговля в России химическими и фармацевтическими препаратами концентрировалась тоже в руках германских фирм. Германцы строго оберегали свою химическую промышленность от доступа к ней русских подданных, продавая свои патенты на выработку и продажу химических препаратов в России исключительно германским подданным и конструируя технический персонал на открываемых ими в России химических заводах тоже исключительно из германских подданных. Даже у себя на родине германцы ревниво охраняли тайны своих химических производств от иностранных глаз: по крайней мере, доступ в германскую химическую промышленность русским подданным, даже получившим химическое образование в Германии, был совершенно закрыт.

Из русских химических производств, пробивших себе сколько-нибудь самостоятельный путь, можно указать на русскую содовую промышленность, которая была в России в достаточной мере развита и почти целиком удовлетворяла наш внутренний спрос. Содовые заводы расположены в губерниях Екатеринославской, Харьковской, Пермской и Екатеринбургской. Годовая добыча соды составляла перед войной 1914 г. около 10 миллионов пудов.

Значительно хуже обстояло — до войны 1914 г. — дело с серно-кислотной промышленностью, которая основана на переработке серных колчеданов. Наши русские серно-кислотные заводы работали, главным образом, на привозном сырье, которого ввозилось в Россию за последние годы перед войной 1914 года до 9 миллионов пудов, что составляло больше половины общего потребления в России серных колчеданов (исчисляемого, приблизительно, в 15 — 16 миллионов пудов). Русские заводы, расположенные в северной, западной и южной России, получали колчедан преимущественно из Испании и Португалии и, отчасти, из Норвегии и Малой Азии. Заводы же, расположенные в восточной части России (считая к востоку от меридиана Москвы), работали на отечественном колчедане, добывавшемся на Урале и Кавказе.

«Слабая постановка вообще химического дела в России не позволяла развиться многим отраслям этого дела, в частности серно-кислотному делу, несмотря на существующие благоприятные естественные условия. Так, например, Кыштымский медноплавильный завод на Урале, выплавлявший до 600 тысяч пуд. меди, а также Верх-Исетский, выплавлявший около 150 тысяч пудов меди, потребляли оба вместе около 25 миллионов пудов серы, что могло бы, при надлежащей утилизации сернистых газов, дать около 30 миллионов пудов серной кислоты и с избытком покрыть весь внутренний спрос в России на серную кислоту. Аналогичные данным, благоприятные условия для производства серной кислоты давно уже учтены в Германии, например, в силезской цинковой промышленности. В силу действующих в Германии строгих санитарных правил, цинковые заводы обязаны улавливать выделяющиеся при обжиге сернистые газы, т.-е. превращать их либо в серную кислоту, либо в соли. При огромном развитии силезской промышленности получается, таким образом, колоссальное количество серной кислоты (а также ее солей), что, в связи с указанной обязательностью ее производства, сделало стоимость этих продуктов чрезвычайно низкой. Дешевизна германской серной кислоты и явилась причиною значительного ввоза ее в русские районы, смежные с Германией (например, в отошедшую от нас Польшу). Впрочем уже за время войны производительность русских серно-кислотных и азотно-кислотных заводов настолько увеличилась, что последние могли бы при нормальной обстановке почти полностью удовлетворять потребность внутреннего рынка в серной и азотной кислотах» [1]).

---

[1]) Проф. П. Г. Тимофеев, «Экономическая география С.С.С.Р.». (Госуд. Изд. 1924 г. См. стр. 247 — 249.)

Первый завод по улавливанию продуктов перегонки каменного угля был построен в начале войны в течение $5^1/_2$ месяцев с американской быстротой. К концу войны Россия имела уже свыше 20 таких заводов.

Химическая оборона страны требует значительно меньших средств, чем механическая, как то: приготовление пушек, пулеметов и т. д. Поэтому создать химическую промышленность мирную с тем, чтобы она, когда нужно, перешла на задачи военного времени — легче, и мы имеем все шансы для того, чтобы развить у себя эту мирную химическую промышленность.

Мы имеем в огромном количестве сырье, имеем навыки, имеем заводы, которые следует оживить и направить для химической промышленности мирного времени.

Химическая промышленность необходима нам не только для успешной обороны нашего Союза против империалистических хищников, но в особенности для того, чтобы поднять производительность нашего хозяйства.

Так, говоря о применении химии к утилизации наших громадных лесных богатств, проф. А. Л. Чугаев (см. статью «Нужна ли России химическая промышленность» в журнале «Человек и Природа», 1921, № 2, Петроград, Госуд. Издательство) пишет:

«Россия издревле богата лесами. Немало их сохранилось и до настоящего времени, несмотря на хищническое их истребление. Огромное количество сводимых лесов идет на топливо и в качестве строительного материала. Но есть другие способы использования дерева, несравненно более рациональные и дающие гораздо больше выгоды обитателям лесной страны. Главная масса дерева состоит из клетчатки или целлулозы. Наряду с ней дерево содержит, так называемый, лигнин и другие примеси. Целлулоза сама по себе представляет чрезвычайно ценный материал не только по своей выдающейся прочности и устойчивости по отношению к различным химическим деятелям, но и по способности своей при надлежащей механической и химической обработке превращаться в целый ряд полезных и важных продуктов и изделий. Но для этой цели целлулоза должна быть предварительно очищена от примесей, особенно от лигнина, что и производится на особых заводах, которых очень много в Германии, Швеции, Норвегии, Финляндии, которые имеются и в Прибалтийском крае, но которых, к сожалению, очень мало в наиболее лесистых местностях России. Фабрикация целлулозы в главнейшей части своей — химическая. Размельченное дерево подвергается действию химических реагентов (сульфит кальция, едкий натр и др.), которые растворяют (при высокой температуре в автоклавах) лигнин и оставляют чистую клетчатку, которую хорошо отмывают и сушат. Такая клетчатка идет в огромных количествах на приготовление бумаги и картона. После обработки надлежащими реагентами (уксусный ангидрид) из нее получается другое вещество, ацетил-целлулоза, прочная и весьма устойчивая масса, из которой изготовляется особый лак и формуются тонкие прозрачные пластинки,

Это — незаменимый материал при фабрикации крыльев для аэропланов, а также для изготовления кинематографических лент, безопасных в пожарном отношении.

«Та же клетчатка, или целлулоза, при обработке смесью азотной и серной кислот, дает, так называемую, нитроклетчатку, или пироксилин, разных сортов. Последний обладает взрывчатыми свойствами и идет на приготовление бездымного пороха. Но применения нитроклетчатки существуют и другие. Смешивая ее с камфарой, мы получаем пластическую массу, носящую название целлулоида, из которого изготовляются разнообразнейшие изделия: гребенки, коробочки, футляры, ручки и оправы для всевозможных предметов и т. д. До последнего времени из целлулоида приготовляли и еще продолжают приготовлять кинематографические ленты, но так как он легко воспламеняется, то это служило неоднократно поводом возникновения опасных пожаров со многими человеческими жертвами. Поэтому в настоящее время стараются заменить в этом случае целлулоид другими продуктами, из числа которых только что упомянутая ацетил-целлулоза, как мы видели, также производное клетчатки, — является бесспорно наилучшим.

«Если дерево нагревать до высокой температуры в замкнутом пространстве и без доступа воздуха, то оно, не будучи в состоянии гореть, за недостатком кислорода, сначала буреет, потом чернеет и, наконец, превращается в уголь. Одновременно с обугливанием из дерева выделяются горючие газы и пары, обладающие резким пригорелым запахом; часть их при охлаждении сгущается в жидкость, образуя черный деготь «водянистую (подсмольную)» жидкость, часть остается в виде газа, обладающего способностью гореть на воздухе и по своим свойствам напоминающего светильный газ, добываемый из каменного угля. Такое химическое превращение дерева, по своему характеру чрезвычайно важное, носит название сухой перегонки.

«Сухая перегонка дерева дает, кроме угля и дегтя, еще два ценных продукта: уксусную кислоту, из которой, в свою очередь, добывается ацетон и древесный спирт. Все эти вещества имеют много важных технических применений.

«Когда дерево горит, хотя бы в печи или костре, оно также сначала подвергается сухой перегонке. Достаточно при начале горения в одном месте развиться высокой температуре, чтобы соседние части дерева стали обугливаться и давать газообразные горючие продукты. Но при горении эти последние не могут сохраниться, ибо, встречая избыток кислорода, сгорают по мере своего образования; сгорает постепенно и остающийся уголь. При заводской сухой перегонке эти два процесса разделяются друг от друга; идет только первый, второй задерживается. Только уголь, в котором заключается далеко преобладающая теплотворная способность дерева, утилизируется затем в качестве топлива, а летучие продукты получают другое, несравненно более выгодное применение.

«Сухая перегонка дерева составляет одну из немногих отраслей химической промышленности, которая и в прежние годы (до войны) была поставлена у нас в России на широкую ногу, особенно на севере, также в Нижегородском крае и пр. Осуществлялась она, однако, главным образом, кустарями на маленьких заводиках, будучи нередко связана с добыванием скипидара, и производство это в техническом отношении оставляло желать много лучшего. Но еще досаднее то обстоятельство, что у нас для получения древесного угля, огромные количества которого потребляются, особенно на Урале, для металлургических целей (выплавка чугуна из руд и пр.), в широком размере пользуются сгоранием дерева в кучах или в массах при малом доступе воздуха, при чем древесина обугливается, а ценные летучие продукты сухой перегонки просто без всякой пользы выгорают. Мы имеем здесь как бы бурный поток или водопад, ежегодно низвергающий огромные массы воды и еще не приводящий в действие ни одного двигателя, не оживляющий ни одной фабрики, ни одного завода».

Но и самая продуктивность нашей земли, самое земледелие наше находится в прямой зависимости от той же химической промышленности. Современная наука — ботаника и физиологическая химия — учит нас, а практическая агрономия подтверждает, что хорошие урожаи, даже при плодородной почве, могут быть получаемы только при правильной постановке удобрения. И надо признаться, что при сколько-нибудь интенсивной культуре нельзя обойтись без удобрений, или туков искусственных, а таковые доставляются исключительно химической промышленностью.

Существуют три основных категории удобрительных туков, без которых не может быть хороших урожаев, без наличности которых в почве вообще не может жить растение. Это — соединения фосфора, соли калия и соединения азота.

Во многих местностях России встречается особая горная порода, род камня, обычно окрашенного в более или менее темный цвет. Эта невзрачная на вид порода содержит фосфор в виде кальциевой соли фосфорной кислоты и носит название фосфоритов. Сами по себе фосфориты не могут служить удобрением, не могут снабжать растение фосфором, в котором оно нуждается, так как они нерастворимы в воде. Но после обработки серной кислотой, фосфориты переходят в так называемые, суперфосфаты, обладающие способностью растворяться в воде или, вернее, в кислых растительных соках и по этой причине представляющие превосходный удобрительный тук, усвояемый корневыми волосками растений.

Россия за последнее время (до войны) выбрасывала на свои поля всего около 12 миллионов пудов фосфорных удобрений в год. Для сравнения приведем другую цифру: Германия на свою ничтожную сравнительно посевную площадь ежегодно тратит свыше 120 миллионов пудов

фосфорных туков, т.-е. в 10 раз больше, чем Россия. Нечего удивляться, что урожаи у нас, в среднем, раза в 4 хуже, нежели в Германии. Чтобы показать всю огромную важность постановки на должную высоту суперфосфатного вопроса, укажу, что, по вычислению одного специалиста, если бы Россия так же удобряла свои поля, как Германия, то получала бы ежегодно свыше 4 миллиардов пудов пшеницы, а этого количества хватало бы на весь мир.

«Не в праве ли мы, после этого, сказать,—замечает проф. Чугаев,— что химия, которая не в состоянии научить нас делать золото из меди или железа, научает нас искусству делать хлеб из камня, ибо таковым на самом деле является любой фосфорит».

Мы обладаем всем необходимым для осуществления фабрикации азотистых туков. Если у нас есть фосфориты, нужные для производства суперфосфатов, и сырье для получения серной кислоты, необходимой для того же производства; если у нас найдены залежи калиевых солей, то мы обладаем и главным условием успеха для связывания азота. Таким условием являются достаточные запасы дешевой энергии.

Наиболее обычным источником энергии, применяемой в технике, является топливо. Но энергия, скрытая в топливе и проявляемая при горении последнего, обходится слишком дорого. При фабрикации искусственных азотистых удобрений ищут поэтому других, более дешевых источников энергии, и находят их в виде энергии текущей или падающей воды, заставляют работать быстрые реки, водопады, пороги. Падающая вода приводит в движение водяные двигатели, которые в свою очередь приводят в движение динамомашины, производящие электрический ток.

Запасы такой текучей воды, энергия которой еще не использована, и при том весьма значительные, имеются у нас налицо, особенно в северном районе России и на Кавказе, и едва ли не самым разумным способом их утилизации будет направление этой даровой силы на производства, столь необходимые для успеха нашего земледелия.

Мы не говорим уже о тех замечательных перспективах, которые открывает перед нами создание заводов по улавливанию продуктов перегонки каменного угля, которым мы так богаты.

Если бы мы стали искать,—говорит картинно профессор Чугаев,— среди фактов современной науки и среди практических достижений современной техники доказательств в пользу старинного учения алхимиков, будто способность вещества менять свою форму беспредельна и будто на этом основании можно надеяться приготовить золото из неблагородных металлов и открыть средство, которое лечит от всех болезней, — если бы мы стали искать таких доказательств, то, пожалуй, не нашли бы более ярких и убедительных, чем те, которые опираются на химические превращения каменного угля.

Удобрение, краски, лекарства против различных болезней, начиная от расстройства кишечника и инфлуэнцы и кончая сифилисом, взрывча-

тые вещества, несущие с собой разрушение и смерть и помогающие человеку прокладывать себе путь через недоступные горы, вещество в сотни раз слаще сахара — и, наконец, золото, правда, не в виде желтого металла, как такового, а в виде эквивалентной ему огромной ценности, ибо каменноугольная промышленность доставляла Германии ежегодный доход в сотни миллионов марок, — разве это не настоящая алхимия? С точки зрения народного хозяйства, это даже больше, чем алхимия, ибо здесь дело идет о ценностях менее условных, чем ценность золота.

И, на самом деле, каменноугольный деготь в короткое время из тягостного для заводов отброса сделался настоящим рогом изобилия, из которого и до сих пор продолжают сыпаться открытия, приносящие миллионные доходы.

Развитие химии окажет нашему сельскому хозяйству колоссальную помощь в борьбе с различными вредителями: саранчей, сусликами, полевыми мышами и т. д., уничтожающими ежегодно сотни тысяч десятин посева. Химическая война против этих внутренних наших врагов должна вестись систематически, планомерно и применяться все в более и более широком масштабе.

В С. Штатах сельское хозяйство использовало боевые отравляющие вещества для борьбы с грызунами, с хлебным долгоносиком и с паразитом хлопковых плантаций. Воздушный флот в Америке занят распылением ядовитых веществ в полях, плодовых садах и на плантациях. Морской департамент в связи с военно-химическим управлением занят изучением специальных ядовитых красок для судов, которые не позволяли бы ракушковым моллюскам отлагаться на днищах судов. «Газы» применяются также для уничтожения моллюсков, вростающих в деревянные части сооружений, погруженных в воду [1]).

Следует прибавить , что благоприятным условием для развития в С.С.С.Р. химической индустрии является расширение нашего текстильного производства, тесно связанного с красильным делом. По последним данным, текстильное производство в С.С.С.Р. расширяется.

По плану Всероссийского текстильного синдиката производство текстильных товаров к концу мая 1924 г. должно увеличиться на 25.000.000 аршин и в течение июня еще на 35.000.000 аршин. К 1 июля текстильное производство увеличится по сравнению с теперешним на 30%. Вновь вводится в работу около 600.000 веретен, 24.000 станков и необходимое для этого количество печатных машин.

---

[1]) См. подробнее статью Е. Деньгина «Военно-химические этюды» («Военная Мысль и Революция». 1923. Кн-6). См. также интересную статью Г. Д. Угрюмова: «Мирное применение боевых отравляющих веществ» («Военно-химическое Дело. Труды Военно-химического отделения В. Н. О. при Высшей Военно-химической школе Р. К. К. А», под общей редакцией Я. Л. Авиновицкого, В. Н. Баташева и А. Ф. Яковлева. Выпуск 1-й, Москва, 1924 г., стр. 140 — 163. Изд. «Военного Вестника»).

Таким образом возобновит работу большинство бездействующих текстильных предприятий. Получат работу до 30.000 безработных текстильщиков.

В связи с превысившим всякое ожидание спросом на мануфактуру, особенно на дешевые сорта деревенского типа, ряд текстильных трестов подал в В.С.Н.Х. заявки о расширении производства. Иваво-Вознесенский трест — крупнейший в союзе — предполагает увеличить свое производство в полтора раза.

Второй по мощности трест — Орехово-Зуевский — наметил расширение производства свыше чем на 20%. Назначил к пуску новую фабрику большой мощности Красно-Пресненский трест.

Серпуховский трест предполагает увеличить свое производство почти в два раза. Ходатайствуют о расширении производства и мелкие тресты.

Если сложить цифры всех заявок трестов, то предполагаемая производственная программа 1924 года будет доведена до одного миллиарда метров ткани.

В заключение, мы снова повторяем тот призыв, коим закончили нашу брошюру о мировой борьбе за нефть [1]).

«Кроме С. Штатов, нет другой страны, за исключением Советской России, которая обладала бы такими безграничными естественными богатствами. Россия — единственная страна на европейском континенте, имеющая в своем распоряжении все основные элементы производства, без которых ни одна страна не в состоянии собственными силами обеспечить свое существование. Мы имеем хлеб, имеем уголь, имеем железо, имеем хлопок и вдобавок богаты нефтью, многочисленные источники которой у нас еще не затронуты, — в то время как запасы американской нефти истощаются, а мексиканским грозит опасность быть затопленными. Между тем, чуть ли не каждую неделю последнее время мы читаем о новых фонтанах, которые начинают бить из земли (Биби-Эйбат, Грозный и т. д.) и выбрасывают 200 — 300 тысяч пудов нефти в день, образуя целые нефтяные озера.

«Неужели мы будем продолжать искать помощи для разработки наших естественных богатств у капиталистических держав, которые находятся в стадии сильнейшего разложения и сами не знают, чем наполнить свой голодный желудок? Прав, тысячу раз прав т. Гастев, когда он бьет набат в «Правде» (от 3 июня 1922 г.) и взывает: «Бьет час. Пора перестать ждать, перестать надеяться на заморское счастье. Из той рухляди, какая осталась, будем все делать своими собственными силами... Надо стать ловкими сыщиками жизни, уметь быстро ориентироваться и развертываться». Неужели из тех столбов нефти, которые порой на несколько десятков сажен в вышину подымаются над землей, мы не сумеем упорным трудом на нашем потенциально-могучем

---

[1]) Мих. Павлович, «Мировая борьба за нефть». (Издат. «Молодая Гвардия», Москва, 1922 г. — Разошлось.)

железно-угольном фундаменте выстроить громадные колонны, на которых мы соорудим здание нашей возрожденной промышленности? Мы ничего не создадим в один-два года, и кто надеется, что иностранный капитал, иностранные инженеры помогут нам в короткий срок поднять наши производительные силы, тот — утопист. Новаторы в области социально-революционных опытов, мы, увы, являемся консерваторами в области поднятия наших производительных сил, эксплоатации безграничных наших подпочвенных богатств. Мы страдаем европоцентризмом и американоцентризмом и все надеемся, что вот придет барин из Америки, «барин все устроит». Пора нам рассчитывать и надеяться только на самих себя. История Каширской станции, созданной упорным четырехлетним трудом наших рабочих и крестьян, работавших под руководством наших инженеров и трех техников из простых рабочих — Антонова, Громыхалина и Силантьева, созданной без помощи иностранного капитала и иностранных мастеров в условиях неслыханной разрухи, история Волховской станции и многие другие примеры показывают, что если не в пять, то в десять лет мы при напряжении всей нашей энергии, воодушевленные духом инициативы и созидания, при умелом пользовании теми, хотя бы зачастую и примитивными, орудиями, какие имеются под рукой, сумеем до основания преобразить нашу отсталую страну.

«Строители жизни, вперед во главе воодушевленных вами батальонов на осаду старой рутины, на штурм всяких упований на американского или английского дядюшку, вперед — к созданию новой жизни собственным умом на нашей земле, изобилующей такими сокровищами, каких не имеет ни одна страна!»

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Предисловие 3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Интернационал смерти и разрушения. (Военная индустрия в Англии, Франции и Германии до и во время войны.)

Глава первая. Военная индустрия в Англии.

1) Частная, казенная и военная индустрия. Роль военной индустрии во внешней политике современных государств. . . 10
2) Проект монополизации военной индустрии в руках государства 17
3) Разоблачения Сноудена о военной индустрии в Англии . . . 18
4) Дело Томпсона. Акционеры военных фирм 20
5) Организация военной индустрии. Ее интернациональный характер. Тайна стального синдиката Гарвея 23
6) О капиталистическом интернационале во время войны. Дело Боло. Тайна Бриейского бассейна. Дело карбидов . . . 27
7) Английская металлургическая и военная индустрия в 1914 — 1916 г.г. Первый год войны. Мобилизация и милитаризация промышленности в Англии для нужд войны. Создание могучей военной индустрии в Англии. Война и доходы. Английские капиталисты и Италия 42

Глава вторая. Две династии. (Круппы и Гогенцоллерны.)

1) Германские победы и немецкая военная индустрия 63
2) История крупповских заводов в цифрах. Крупповская фирма и металлургия 69
3) Патриотизм Альфреда Круппа. Его троекратные предложения французскому правительству 73
4) Гогенцоллерны и Круппы. Вильгельм I и Крупп. Вильгельм II и Берта Крупп 75
5) Конкуренты Круппа: Эргард и Тиссен. Отношение Вильгельма II к конкурентам Круппа. Жалобы Тиссена . . . 77
6) Фирма Круппа и внешняя политика Германии. Крупп и балканские династии. Крупповский скандал в Бельгии. Путиловский инцидент 79
7) Война и крупповские доходы. Слухи о мире и падение курса военных бумаг. Война до конца. Военные заводы и банки . 83

Глава третья. Военная индустрия и заводы Шнейдера во Франции.

1) Мобилизация армии и демобилизация промышленности в начале войны 92
2) Марна и Верден. Авантюра кронпринца. Прогресс французской военной индустрии и Верденские битвы. Русские победы. Блокада железа 98

Стр.

3) Французский металлургический трест и заводы Шнейдера . . 104
4) Фирма Шнейдера в прошлом и настоящем. Отделение фирмы во Франции и за границей 107
5) Роль фирмы Шнейдера в марокканской авантюре и франко-германских осложнениях 111
6) Пушечные заводы в Крезо. Французская артиллерия и перевооружение Болгарии 115
7) Роль металлургической промышленности в прошлом. Будущая роль металлургии во внешней и внутренней политике государств. Итоги и перспективы мировой войны 117
8) Французская военная индустрия и банки. Финансовый капитал в военной индустрии Франции и Германии 122
9) Война и доходы во Франции. Тяжелые экономические последствия войны. Священное единство. Всеобщая воинская повинность и амбюске. Военные доходы. Налог на военную прибыль. Война и рыцари легкой наживы 126

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Милитаризм, маринизм и война 1914 — 1918 г.г. (Политика вооруженного мира и современная война.)

Глава первая. Военные бюджеты европейских государств накануне войны.

1) Рост военного бюджета во Франции 153
2) Английский военный бюджет 157
3) Военные расходы России 158
4) Пляска миллиардов и всеобщая милитаризация бюджетов . . 162
5) Военные расходы и государственная задолженность Германии 166
6) Политика вооруженного мира и предупредительная война . . 169
7) Несколько слов об алармистской кампании накануне войны. Снова о виновниках войны 174

Глава вторая. Военная подготовка и военные силы европейских государств накануне войны. Милитаризм и маринизм.

1) Военные силы Франции. Четверное соглашение и Центральные державы 181
2) Сухопутные вооружения Германии. Подготовка к объявлению войны к весне 1914 г. 188
3) Французская программа сухопутных вооружений накануне войны. Разоблачения сенатора Эмбера. Мнение Жореса о военном плане Германии. Почему Франция оказалась неготовой к войне 191
4) Вооружения России накануне войны. Провокационные статьи в русской и французской прессе о вооружениях России. Большая военная программа ген. Сухомлинова. Мнение публициста Михайловского о программе Сухомлинова. Сухомлинов, Жюль Гейдеман, Стефан Лозанн и tutti quanti 199
5) Вооружения Австрии. Статья Кассандера. Бесконечный винт. 205
6) Маринизм. Морские вооружения европейских государств . . 208
I. Сравнительные данные о морском бюджете России и других стран 208
II. Эволюция английского броненосного флота. Дредноты и супер-дредноты. Супер-дреднот «Королева Елизавета» и попытка форсирования Дарданелл 211

Стр.

III. Флот надводный и подводный. Взгляды английского адмирала Перси Скотта 217
IV. Большие и малые суда. Увеличение тоннажа военного судна и его боевая сила. Теория Уайта и Бертэна. Большие торговые суда и их экономическая невыгодность . . 220
V. Германия и ее броненосные эскадры. Маленькая бельгийская армия и большой немецкий флот. Сравнительная роль морской и сухопутной сил в современной войне. Морской и сухопутный бюджет 222
VI. Мнение принца Гейриха Прусского о кризисе военных флотов. Борьба немецкого морского министерства против увлечения крупными военными судами. Пресса и дредноты. Роль подводного флота в мировой войне. Супердредноты и береговые укрепления. 226
VII. Подводные лодки и металлургический трест во Франции . 234

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Перед угрозой новых войн.

Грядущие войны.

I) Буржуазные пацифисты и грядущие войны 245
II) Основные факторы грядущих конфликтов 251
1) Таможенная война всех против всех 251
2) Нарушение политического равновесия. Африканский континент. Ближний Восток. Европа. Дальний Восток . . 255
3) Перед угрозой национальных войн 272
4) Рост вооружений в послевоенную эпоху 274

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Химическая война и химическая промышленность.

1. Применение удушливых газов в прошлом 283
2. Химическая промышленность в Германии. Химическая индустрия и война 287
3. Мировая гегемония немецкой химической промышленности и борьба с последней англо-французо-американских химических трестов . 291
4. Загадка Рейна. Тайна книги Лефебюра 299
5. «Химическая стратегия в мирное время». Германский химический синдикат (I. G.) и его гегемония в мировой химической индустрии. Немецкие химические фирмы 301
6. Международный химический синдикат для борьбы с немецкой монополией. Военные тайны немецкой химической промышленности и Версальский договор 308
7. Англо-германское сближение в области химической промышленности 314
8. Новые теории о войне масс в прошлом и будущем. Взгляды полковника Гийе 315
9. Газовая война. Влияние новых методов войны на изменение условий обороны страны 317
10. Химическая война и промышленность. 328
11. Условия развития химической промышленности в С.С.С.Р. 329

ЛЕНГИЗ ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
ЛЕНИНГРАД, ДОМ КНИГИ, Проспект 25 Октября, 28. Тел. 132-44, 570-14.
МОСКВА, Тверская, 51. Тел. 3-92-07, 4-92-31.

М. ПАВЛОВИЧ (М. Вельтман)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ИМПЕРИАЛИЗМ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

Том I. Империализм и мировая политика последних десятилетий.
Том II. Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего.
Том III. Борьба за Азию и Африку.
Том IV. Англо-Бурская война 1899—1901 г. Русско-Японская война. Война за Триполи. Борьба держав на Балканах. 1-я и 2-я Балканские войны. Румыния в мировой войне. Болгария в мировой войне. Сербия в мировой войне.
Том V. Мировая война 1914—1918 г.г. и грядущие войны.
Том VI. Итоги мировой войны. Брестский мир и условия экономического возрождения России.
Том VII. Франция накануне мировой войны. Смерть Жореса. Французский империализм.
Том VIII. С. С. С. Р. и великие державы (С. С. С. Р. и Франция, Англия, Америка, Япония).
Том IX. Восток. (Революционная Турция. Персия. Китай. Индия.)
Том X. Ленин, Зиновьев, Бухарин, Радек, Сталин, Троцкий об империализме в мировой политике.
Том XI. Различные статьи.
Том XII. Различные статьи.

ЛЕНГИЗ ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

ЛЕНИНГРАД, ДОМ КНИГИ, Проспект 25 Октября, 28. Тел. 132-44, 570-14.
МОСКВА, Тверская, 51. Тел. 3-92-07, 4-92-31.

Собрание сочинений Г. Е. ЗИНОВЬЕВА

Том I. Из истории большевизма. Часть I. 1906—1910 г.г.
Том II. Из истории большевизма. Часть II. 1911—1913 г.г.
Том III. Из эпохи „Звезды" и „Правды". Часть I. 1910—1912 г.г.
Том IV. Из эпохи „Звезды" и „Правды". Часть II. 1913—1914 г.г.
Том V. Империалистическая война и банкротство социал-демократии.
Том VI. Партия и профсоюзы.
Том VII. От Февраля к Октябрю.
Том VIII. Война и кризис социализма.
Том IX. Коммунистический Интернационал (между I и II конгрессами).
Том X. Коммунистический Интернационал (между II и IV конгрессами).
Том XI. Коммунистический Интернационал (V конгресс).
Том XII. Организация Красной армии и оборона Республики.
Том XIII. Международное и внутреннее положение Советской России. 1917—1920 г.г.
Том XIV. Международное и внутреннее положение Советской России. 1920—1924 г.г.
Том XV. Владимир Ильич Ульянов-Ленин.
Том XVI. Основоположники и вожди коммунизма.
Т. т. XVII, XVIII и XIX посвящены разработке внутрипартийных вопросов Р. К. П.
Т. т. XX и XXI. История Р. К. П.
Том XXII. Юношеское и женское движение.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ:

Том	I.	Стр. 360.	Ц. 1 р. 70 к.
Том	II.	Стр. 316.	Ц. 1 р. 50 к.
Том	III.	Стр. 536.	Ц. 2 р. — к.
Том	V.	Стр. 542.	Ц. 3 р. — к.
Том	XV.	Стр. 312.	Ц. 1 р. 50 к.
Том	XVI.	Стр. 277.	Ц. 1 р. 60 к.

Библиотека
Института В...

ЛЕНГИЗ ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

ЛЕНИНГРАД, ДОМ КНИГИ, Проспект 25 Октября, 28. Тел. 132-44, 570-14.
МОСКВА, Тверская, 51. Тел. 3-92-07, 4-90-35.

Собрание сочинений Г. Е. ЗИНОВЬЕВА

Том I. Из истории большевизма. Часть I. 1906—1910 г.г.
Том II. Из истории большевизма. Часть II. 1911—1913 г.г.
Том III. Из эпохи „Звезды" и „Правды". Часть I. 1910—1912 г.г.
Том IV. Из эпохи „Звезды" и „Правды". Часть II. 1913—1914 г.г.
Том V. Империалистическая война и банкротство социал-демократии.
Том VI. Партия и профсоюзы.
Том VII. От Февраля к Октябрю.
Том VIII. Война и кризис социализма.
Том IX. Коммунистический Интернационал (между I и II конгрессами).
Том X. Коммунистический Интернационал (между II и IV конгрессами).
Том XI. Коммунистический Интернационал (V конгресс).
Том XII. Организация Красной армии и оборона Республики.
Том XIII. Международное и внутреннее положение Советской России. 1917—1920 г.г.
Том XIV. Международное и внутреннее положение Советской России. 1920—1924 г.г.
Том XV. Владимир Ильич Ульянов-Ленин.
Том XVI. Основоположники и вожди коммунизма.
Т. т. XVII, XVIII и XIX посвящены разработке внутрипартийных вопросов Р. К. П.
Т. т. XX и XXI. История Р. К. П.
Том XXII. Юношеское и женское движение.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ:

Том I.	Стр. 360.	Ц. 1 р. 70 к.
Том II.	Стр. 316.	Ц. 1 р. 50 к.
Том III.	Стр. 536.	Ц. 2 р. — к.
Том V.	Стр. 542.	Ц. 3 р. — к.
Том VII, ч. I.	Стр. 559.	Ц. 2 р. 50 к.
Том VIII, ч. II.	Стр. 359.	Ц. 1 р. 60 к.
Том XV.	Стр. 312.	Ц. 1 р. 50 к.
Том XVI.	Стр. 277.	Ц. 1 р. 60 к.

Цена 2 р. 20 к.

1927

28